

ОЛЬГА ПАШНИНА

ВКУСНАЯ МАГИЯ

Annotation

Добро пожаловать в мир, где магия может быть вкусной!

В шоколадной лавке темная ведьмочка Дейзи предложит вам последний писк кулинарной моды: пляшущие кексикки, вредную карамель, булочки с убегающим изюмом. А еще вас ожидают черная шляпа, таинственный призрак, живущий в зеркале, и, конечно, обаятельный владелец этой самой лавки.

А на другом конце света, среди вечных снегов, избалованная наследница Хейлин вступит в противостояние с темным богом, который совсем не прочь вкусно поесть. Сегодня в меню: сырники соблазнения, драники бестактности, борщ безумия и, конечно, стейк для темного бога.

Во вкусной, юморной и увлекательной книге Ольги Пашниной читателя ждут сразу две веселые и романтические истории под одной обложкой от художницы Cyliss.

-
- [Ольга Пашнина](#)
 -
 -
 - [Ведьма в шоколаде](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Эпилог](#)
 - [Стейк для темного бога](#)
 - [Глава первая](#)

- [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Эпилог](#)
-

Ольга Пашнина

Вкусная магия

© Пашнина О., текст, 2025

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

* * *

Ведьма в шоколаде

Глава первая

Сколько помню, меня всегда сравнивали с сестрой. И сравнение выходило не в мою пользу.

В школе Сара была самой очаровательной и непосредственной ведьмочкой. А как она рассказывала стишок! А как танцевала танец котелков! Не было равных юной белокурой красавице. Вся родня, все наставники в один голос прочили ей блестящее будущее.

Затем был период взросления, тяжелый и бесконечно долгий. Сара прошла его изящно и легко, я – тяжелой поступью. Сестра была звездой академии, любимицей элиты города и заодно наших родителей. Я зарывалась в книги, часами проводя за ними время. Книги о приключениях стали моими друзьями, любовные романы заменили первые чувства, а учебники... воспитывали куда внимательнее родителей.

Иногда мне казалось, что светлейшая осчастливила даром невидимости. Потому что порой меня не замечали даже те, в чьем доме я жила. Нет, конечно, обо мне заботились, покупали все, что нужно, следили за тем, как я одеваюсь и веду себя на людях. Но глядя на Сару, мне хотелось хоть немного узнать, каково это: быть любимой дочерью.

Даже карьеру Сара выбрала престижную и настоящую: маг-архитектор. Не чета «зарывшейся в книги и колбы сестре»: я поступила в академию на пару лет позже нее и выбрала алхимию. И действительно проводила кучу времени за опытами и учебой, но и надежды подавала большие. Мой дар по-настоящему раскрылся на этом факультете, но... никто этого не заметил.

Постепенно такое положение стало меня устраивать. В сущности, не так уж плохо, когда тебя не замечают. Вокруг образуется какой-то особый мир, понятный только тебе. Со временем в этом мире становится уютно настолько, что вылезать совсем не хочется.

Впрочем, иногда приходится.

Все должно было измениться сегодня. Во-первых, это был первый день весны, и погода, словно обрадовавшись, подарила городу погожие

солнечные часы. Во-вторых, начинались каникулы в академии. И в-третьих, мне исполнялось восемнадцать. А это значило...

Нет, не подарки и праздник. Этот день был традиционно Сарин: мы родились с разницей в пару лет, но в один день. Обладающая множеством друзей и поклонников, сестра всегда закатывала вечеринку в доме, и мало кто вспоминал, что не только у белокурой сестрички Гринвильд сегодня день рождения.

Дело было немного в другом.

Любимая бабушка, которая была не просто талантливой ведьмой, но и единственным человеком, кто не впадал в восторг при виде Сары, завещала мне небольшой домик в черте города. Каменный, немного старомодный – с одной комнатой и небольшой кухонькой, но с ухоженной территорией. А главное, домик этот был на берегу реки. А я так обожала воду!

Два года я ждала, когда смогу получить наследство и переехать. Да, самостоятельная жизнь пугала, но мне хотелось свободы, хотелось оказаться хозяйкой дома, а не тенью сестрички. Я с трудом дотерпела. Условием завещания было мое восемнадцатилетие, определенный доход и согласие папы как бабушкиного душеприказчика. Первые условия были выполнены, папа против переезда не возражал, а маме, которая никогда не общалась близко со свекровью, было плевать, что станет с домом.

Я предвкушала новую самостоятельную жизнь!

Вернулась из академии рано, в конце семестра всегда было мало занятий. Почти все экзамены я уже сдала. В доме царила настоящая суэта: все готовились к празднику Сары. Дежурно поинтересовавшись, не нужно ли чем-то помочь и получив отрицательный ответ, я поднялась к себе.

Приняла ванну, немного поспала – неделя сессии выдалась трудной. Когда часы показали пять вечера, начала собираться. Мне хотелось поговорить с родителями до начала праздника, чтобы напомнить о нашем уговоре.

Я непроизвольно бросила взгляд на портрет на стене. Папа настаивал, чтобы по всему дому были развешены портреты членов семьи. Мол, это подчеркивает наше единство.

Как все же непохожи мы были с Сарой, словно и были неродными сестрами! Она – яркая блондинка, со всегда безупречной улыбкой,

королевской осанкой и врожденным изяществом. Я – шатенка, с беспорядочно вьющимися волосами. Небольшого роста, маленькая и юркая. Вечно задумчивая, отстраненная. Даже на портрете смотрю куда-то вдаль. Не помню, что отвлекло меня, когда этот портрет рисовали.

Для торжества я выбрала строгое бордовое платье в пол. Подумала и добавила черный приталенный пиджак, а волосы собрала в нарочито небрежную косу. Провела бесцветным блеском по губам и немного нервно выдохнула.

Незачем слишком наряжаться. Блистать сегодня будет Сара, а я сделаю первый шаг к взрослой жизни.

Успокаивая бешено бьющееся сердце, я спустилась к кабинету отца. Да что может случиться? И маме, и папе плевать на мое наследство и меня саму, они без проблем отпустят меня жить одну. Да, наверное, перестанут обеспечивать, но я ведь и хотела этого! Хотела понять, чего стою я, а не моя фамилия. И время для этого пришло.

Из кабинета доносились залиvistый смех Сары, голос папы и еще один, незнакомый мне. Надо было подождать, но прежде, чем я подумала об этом, рука сама взялась за ручку двери. В последний момент опомнилась: надо бы постучать.

– Войдите! – услышала отца.

Ступила в мягко освещенный теплым светом кабинет и замерла у порога, настороженно рассматривая гостя.

Это был мужчина лет тридцати, в явно дорогом костюме и с резной тростью в руках. Он обладал несколько грубыми чертами лица. Что его совсем не портило, но четко очерченные скулы придавали немного суровый вид. Светлые волосы были коротко острижены. Хм, а в этом году у аристократов в моду вошли конские хвосты. Что это он не следит за веяниями?

Я резко себя одернула. Чего я взъелась на таинственного гостя?

– Я, наверное, попозже зайду? – неуверенно спросила.

– Дейзи, – дежурно улыбнулась мама, – проходи.

Все как-то странно улыбались.

– Нет, – папа покачал головой, – тебя это тоже касается. Дейзи, это Дрэвис Фолкрит, один из предпринимателей Градда, владелец продовольственных фабрик по всей стране. Господин Фолкрит, это наша младшая дочь, Дейзи Гринвильд.

Господин Фолкрит улыбнулся, поднялся с кресла и галантно поцеловал мою руку.

– Приятно познакомиться, леди Гринвильд.

– Взаимно, господин Фолкрит, – ответила я.

– О, прошу, называйте меня Дрэвисом, ведь в скором времени мы станем довольно близки.

– А? – не поняла я.

– Дрэвис сделал Саре предложение! – просияла мама. – В начале осени состоится свадьба.

– О! Поздравляю! – совершенно искренне произнесла я.

Что ж, не могу сказать, что это стало неожиданностью. Саре было двадцать, а в наших кругах это самый подходящий для замужества возраст. И жених, надо заметить, достойный. Явно богатый, взрослый, обходительный и – не будем лукавить – умопомрачительно красивый. А еще маг, каких мало. Он тщательно скрывал силу, но я заметила на руке неброский перстень с камнем жизни. Серьезный артефакт, и раз он его носит – то обладает серьезным даром.

В общем, за сестру я была рада. Ровно до тех пор, пока мама не прощбетала:

– Жду не дождусь увидеть, какой ремонт вы сделаете в бабушкином домике! О, Сара, это будет твой первый дом...

– Что?! – развеял всеобщую атмосферу умиления мой вопль. Светлейшая! Пусть у бабушки будет еще какой-нибудь домик!

– Дейзи? – нахмурилась мама.

– Какой еще дом? – спросила я. – О чем вы?

– После свадьбы Сара и Дрэвис будут жить в бабушкином домике у реки, – сказал папа. – Сейчас там идет ремонт.

Мне показалось, что все звуки вокруг просто-напросто исчезли. А в моей голове осталась лишь фраза «будут жить в бабушкином домике». В моем домике!

– Но бабушка, – произнесла я, стараясь сохранять спокойствие, – оставила его мне.

– Ох, Дейзи, ты ведь живешь здесь. Дом пустует, а твоя сестра...

– Мне восемнадцать! – напомнила. – И я как раз хотела поговорить о своем будущем. Зачем им этот дом? Неужели у господина Фолкрита нет своего жилья?

– Дейзи! – возмущенно воскликнула мама. – Ты ведешь себя невежливо!

– А... – У меня не осталось слов. Вообще. Совсем.

К счастью, мама избавила от необходимости что-то говорить. Она взвилась с места, схватила меня за руку и потащила прочь из кабинета. А в коридоре, прищурившись, поинтересовалась:

– Что ты творишь?! Ты позоришь нас перед гостем!

– Это мой дом! – рявкнула я так, что сама от себя не ожидала. – Бабушка оставила его мне! Фолкрит богат, вы чертовски богаты, так почему вы отдаете Саре мое единственное жилье?!

– Сара тоже любила бабушку! И она хочет отдать ей дань уважения, облагородив дом. А ты превратишь его в свою лабораторию!

– Да, потому что вы не разрешаете мне держать ее в доме! Я вынуждена сидеть в академии до темноты, чтобы сделать все задания!

– В моем доме не будет алхимической лаборатории, – отрезала мама. – Это во-первых. Во-вторых, ведешь себя как маленькая эгоистка. Сестра выходит замуж, ты должна за нее радоваться.

– Я радуюсь. Но не тому, что она будет жить в моем доме. Который мне оставила бабушка. К тому же ты не можешь отдать его Саре. У меня есть доход, мне восемнадцать – я имею право претендовать на него!

– Стипендия, моя милая, ни одним судом не будет принята за доход. Это помощь Градда студентам, это не жалование и не прибыль. Так что извини, но на ближайшие четыре года забудь об этом. И я говорю последнее слово: в доме будут жить Сара и Дрэвис, тебе понятно?

– У него что, нет жилья? – снова спросила я.

– Это не твое дело. Сара хочет жить в бабушкином доме, и она будет там жить. А ты... ты меня разочаровала. Она твоя сестра! Вот уж не думала, что ты вырастешь такой эгоисткой.

Я была так зла, взбешена, что хотела орать и драться! В один миг все мои мечты о самостоятельности просто разрушились. Я привыкла, что Саре достаются похвала, внимание, успех. Но то единственное, что мне оставила бабушка?

– Я вам никогда этого не прощу, – сдавленно проговорила я, развернувшись на каблуках и понеслась к себе.

Но перед тем, как отвернуться, отчетливо увидела: мама закатила глаза.

* * *

В комнате меня накрыло: я орала, разбивала чашки и ревела, под конец уже просто забившись в угол. Мне было так больно и обидно, что не оставалось даже сил сесть и трезво подумать, как быть дальше.

Я смирилась с тем, что всем было плевать на меня. Жива, здорова, одета, накормлена – отлично. Да-да, как всегда, Дейзи витает в облаках. Что ж, не всем детям быть идеальными.

Но никогда еще ко мне не относились так наплевательски. Никогда еще не отнимали то, что я заслужила, да еще и в пользу Сары. Мы никогда не сталкивались с проблемой дележа игрушек или каких-то материальных благ, у родителей было достаточно денег, чтобы покупать все поровну. Даже в самом страшном сне я не могла вообразить, что сестра захочет отнять у меня дом.

Нет, иллюзий по поводу отношений с ней я не питала. Но мы не были врагами! Мы жили как... как соседки, как дальние знакомые. Здоровались, встречаясь за завтраком, дежурно поздравляли друг друга с праздниками. До сих пор я считала, что Сара и не помнила о том доме. Она бабушку-то видела раз пять за всю жизнь!

Когда в комнате стемнело, я наконец успокоилась. Никто так и не зашел убедиться, что я в порядке, но это было только к лучшему. Внизу гремел праздник, народ приходил и уходил. Они не заметят, если я осторожно выскользну из дома.

И больше никогда не вернусь.

Я выгребла все деньги из шкатулки. Мне хватит на первое время: снять комнатку, более-менее сносно питаться. А там найду работу. Я почти закончила первый курс столичного факультета алхимии. Для крупного города этого мало, но вот в каком-нибудь мелком... я вполне смогу подрабатывать ведьмой, благо и талант есть, и кое-какие знания.

Потом, подумав, я вытащила из сумки половину одежды и запихала учебники. Пригодятся, если захочу зарабатывать талантом.

Начала переодеваться. Платье сменила на удобные брючки, рубашку, замаскировала следы слез на лице. Все делала как-то

отстраненно, решив, что плакать и страдать буду позже.

Неожиданно дверь в комнату приоткрылась, впуслав из коридора немного света. Я быстро запихала сумку ногой под кровать, думая, что это мама вернулась, чтобы поговорить. Но нет.

Это была Сара.

От сестры не укрылось мое движение. Она стремительно подскочила к кровати и вытащила сумку. Рассмеялась.

– Ты это серьезно? Да куда ты пойдешь?

– Не твое дело, Сара, – буркнула я. – Поздравляю с днем рождения. Веселись.

– Размечталась, – прошипела она.

Выхватила из сумки кошелек и... он вспыхнул синим пламенем, превратившись в горстку пепла. Ключи, деньги – все в один миг было уничтожено!

– Ты что творишь?! – задохнулась я. – Сара, это уже слишком!

– Нет, это забавно. Бедняжка Дейзи, обиженная и непонятая. Вот что бывает, когда богиня от тебя отворачивается, да?

– Да за что ты меня ненавидишь так?

– Не знаю. – Она сделала вид, что задумалась. – Может, ты просто... оказалась здесь по ошибке?

– Что ты имеешь в виду? – не поняла я.

– То, что если отец привел сюда дочь своей любовницы, это еще не значит, что ей будут дуть в попу. Пора поставить тебя на правильное место.

– Сара, что ты несешь?! – воскликнула я. – Ты слышишь себя?! Что за бред?

– Бред? – хмыкнула сестра. – Бред – это то, что ты вообще здесь появилась. Ты не Гринвильд, и я не позволю тебе притронуться ни к чему, что принадлежит моей семье!

Ее глаза, казалось, горели злостью. Настолько яростно, что я сначала испугалась и отступила, а потом вдруг взорвалась. Обида и боль маленькой девочки куда-то ушли, оставив место разъяренной и ничего не соображающей Дейзи. Я бросилась на Сару, намереваясь как следует оттащить ее за волосы. Сестра заорала, пытаясь от меня отбиться, мы упали на пол и сцепились в ожесточенной и типично женской драке.

Послышались какие-то голоса, я различила вопль мамы, но ярость застилала мне глаза. Я совершенно потеряла голову, и в один прекрасный момент из моей руки вырвалось пламя. Легкие шифоновые юбки Сары вспыхнули как фитиль, она истошно завизжала, а меня отбросило в сторону чужой магией.

Приступ схлынул, я осознала, что натворила и обессилено привалилась к стене. Сару, конечно, быстро потушили, и теперь она рыдала на плече у новоявленного женишка. Наверняка рассказывала историю, как я незаслуженно ее обидела.

Как в дурацком сне, когда не можешь толком двигаться и соображать, я поднялась и подошла к отцу. Просто чтобы посмотреть ему в глаза.

И увидеть там ответы на все вопросы.

– Это правда? – Мой голос звучал хрипло. – Я дочь твоей любовницы?

Наверное, я ждала, что он развеет все мои сомнения, отмахнется от этого и рассмеется. Какая нелепость!

Но папа... просто отвел глаза.

Я не успела обдумать это. Услышала рядом:

– Дейзи Гринвильд, именем короля вы арестованы за нападение с применением магической силы!

А потом на моих запястьях сомкнулись кандалы.

С днем рождения, Дейзи Гринвильд.

* * *

В небольшом кабинете странным синим пламенем горел камин, освещая стеллаж с книгами. Корешки были старинные, инкрустированные самоцветами. За такие на черном рынке Градда давали целое состояние, но мужчину, что удобно устроился в глубоком кресле, не интересовали деньги. Как, впрочем, и книги.

Он с неотрывным вниманием следил за нервными и прерывистыми движениями закутанного в плащ парня. Тот с трудом извлек из внутреннего кармана плаща сигару и закурил.

– Ты явился, чтобы я оценил твой вкус в выборе табака? – холодно спросил мужчина.

– Прости, Уиллторн, – хрипло отозвался парень. – Нервы. Чуть не попался.

– Я так понимаю, у тебя есть новости.

В голосе Уиллторна слышалось плохо скрываемое нетерпение.

– Королева родила мальчика. Через три месяца состоится обряд благословления Градда. Пока все держат в тайне, но скоро слухи пойдут.

– Хорошо. Очень хорошо, три месяца нам хватит. Начинай вторую фазу подготовки. Я хочу, чтобы все было идеально. Ни одной осечки. Тот человек, которого ты нашел, сможет выкупить для нас наиболее удобные дома?

Парень кивнул. С тлеющей сигары на ковер упал пепел. Уиллторн недовольно поморщился, и его собеседник поспешил все убрать.

– Он надежен и сделает все в лучшем виде. Какие будут указания для меня?

– Добудь мне приглашение на прием у Фолкрита. На этом пока все. Не забудь докладывать о ситуации.

Парень склонил голову в молчаливом согласии, а затем словно начал растворяться в воздухе. Несколько секунд – и на том месте, где он стоял, теперь парила черная бесформенная тень. Она скользнула по стене, потолку и скрылась за окном.

Уиллторн проводил соратника задумчивым взглядом, а затем поднялся, чтобы налить немного вина. Сегодня был особый день – у королевы родился наследник.

Да здравствует принц! Недолго здравствует...

Глава вторая

Право слово, в зале суда было куда приятнее находиться, чем дома. Настолько приятнее, что я готова была оттащить Сару за волосы еще раз, чтобы вырваться на пару слушаний.

Конечно, меня не посадили в камеру: папа все решил, и управление стражи лишь впаяло мне домашний арест до суда. Не знаю, кто вызывал стражников на нашу драку, но вряд ли теперь еще хоть раз спущусь к званому обеду.

Раньше дома меня почти не замечали. Порой мне хотелось, чтобы это изменилось. Порой хотелось перестать быть невидимкой. Так вот: поджечь собственную сестру – вариант так себе. Теперь лишь ленивый в семейке Гринвильд упускал случай ткнуть в мое больное место. Ленивым у нас был только папа. Если мама с Сарой обозлились вконец, то он просто возмущенно сопел.

В зале суда зато открывались истинные лица счастливой семьи. Причем только мне, ибо остальные видели лишь скромницу и умницу Сару, забитую злобной завистливой сестрой (мной), да преисполненную стыда и грусти маму, чей вид прямо кричал о том, как она раскаивается, что за дитяткой не уследила. Ну и весь этот торт вранья и притворства венчала я.

Я не притворялась, а потому идеально сошла за злобную завистливую сестричку. Но даже если бы и хотела, то все равно не смогла б изобразить раскаяние. Как они меня бесили! Как раздражало собственное бессилие. Я проштудировала горы книг по праву, изучила все законы Граддерфела, чтобы найти хоть одну лазейку и как-то отвоевать домик. Но по всему выходило, что я могу с ним попрощаться на неопределенное время.

Да, теоретически я смогу претендовать на него, когда получу работу, но в реальности... Сара задалась целью мне мстить, а значит, едва у меня появится доход, с домом волшебным образом что-то случится. Пожар, например.

Был еще вариант сбежать, и с каждым днем он казался мне все более и более привлекательным. Вот только надо выслушать приговор суда, ибо с висящим наказанием далеко не убежишь. Скорее всего,

назначат штраф. Если деньгами – папа заплатит, куда ж он денется. Наверняка попытается заставить меня отработать его, но я и так слишком многое этой семье отдала, с них не убудет.

Поразительно, как из спокойного и дружелюбного человека можно превратиться в обозленную обиженную ведьму!

Судья встал, все присутствующие последовали его примеру. Напротив меня мама вытирала кружевным платочком несуществующие слезы. Да-да, давай, еще Саре сопلي вытри, она вон как старается, рыдает, страдает. Подумаешь, юбка сгорела. Потушили же. А ведь могла съесть расслабляющее зелье – и привет помолвке. Из уборной о вечной любви вещать несподручно.

– Дейзи Гринвильд, – провозгласила судья, – именем короля вы признаетесь виновной в нападении с применением магии. Вам надлежит принести извинения леди Саре Гринвильд, а также отбыть наказание за свое преступление на общественных работах. Сроком на год!

Я ахнула и забыла о том, что хотела держаться непринужденно и спокойно. ГОД! Я пропущу год в академии?! Я так надеялась на штраф! Богиня, ну почему, почему мне так не везет в последнее время?! Теперь сбежать удастся не раньше следующего лета. И если я тешила себя надеждой, что за это лето немного встану на ноги и смогу вернуться к учебе, то теперь... прощайте, академия и алхимия. Я с тоской буду вспоминать, как мне было хорошо. Прощайте, мечты о самостоятельной жизни.

Ненавижу!

Злая ведьма во мне просыпалась и рычала, но внешне я казалась спокойной. Забрала исполнительный лист и, задрав нос, прошла мимо Сары с мамой. Папа собирался было что-то сказать, но я и головы не повернула. От его предательства было больнее всего.

В памятке, которую выдали вместе с исполнительным листом, был описан весь процесс получения наказания. Я должна подойти в отдел отработок за направлением, а затем прибыть на место исполнения работ.

Пока шла в отдел, напрягла память. Так, кем там у нас работают на общественных началах...

Улицы мести? Ну, с этим я справлюсь. Заколдовать пару десятков метел, да сидеть в тенечке, отдыхать.

В целительском доме помогать? Ничего нет проще, я отлично разбираюсь в лекарственных зельях.

Приют для животных? Обожаю пушистиков! Приют для детей? Из меня прекрасная няня! Реестр магов? Да всю жизнь мечтала перебирать бумажки!

– Сладкая лавка «Фолкрит и партнеры», – отрезала недружелюбная полная старушка в отделе распределения, едва взглянув в мой исполнительный лист.

Фолкрит?! На память я не жаловалась: точно так же звучала фамилия Саринового жениха.

– Погодите! – прежде, чем женщина поставила в исполнительный лист печать, воскликнула я. – Но Дрэвис Фолкрит – жених моей сестры!

– Родственник? – строго спросила женщина.

– Еще нет, но...

С размаху поставила печать и сунула лист мне в руки.

– Свободны! Следующий!

Поняв, что спорить бесполезно, я поспешила покинуть здание суда и вышла на улицу. Под стать настроению собирался дождь, хмурое серое небо словно намекало, что день сегодня не сулит никакой удачи. Часы на мэрии показывали десять утра. В лавку мне надлежало явиться к полудню, так что я воспользовалась временной свободой и побрела вдоль реки.

Вот не зря я сладкое не уважала, как чувствовала!

Складывалась интересная картинка. Дрэвис Фолкрит – жених Сары, которая вышла на тропу войны и отжала у меня дом. По странному стечению обстоятельств Сара провоцирует меня на драку, собирается весь честной народ и как-то подозрительно быстро прибывает стража. Будто ее вызвали заранее, зная, что будет кое-что интересное. А потом мне назначают общественные работы в лавке, которая принадлежит или самому Дрэвису Фолкриту, или его семье.

Подозрительно все это. И если мое наказание – часть плана Сары, то я за себя не ручаюсь! Ведьма со знанием алхимии может быть о-о-очень серьезным противником.

Я снова взглянула на лист, где теперь красовался адрес лавки Фолкрита. Совсем близко. Если осторожно прокрадусь мимо, смогу оценить обстановку. Главное, не попасться никому на глаза.

В центральной части города я бывала редко. Так уж сложилось, что и наш особняк, и академия стояли рядом, на окраине. Мама говорила, что ненавидит плотную застройку и нуждается в свежем воздухе. Что касается академии, то их еще с давних времен повадились строить подальше от приличных людей. Пара сотен разнокалиберных магов, запертых в стенах одного замка? Да армагеддец столице пришел бы почти сразу, если б учебное заведение не окружало поле с одной стороны, и горы – с другой.

Лавка располагалась в самом центре, практически через два квартала от мэрии. Это была длинная, вымощенная камнем извилистая улочка, вдоль которой, как грибы после дождя, выросли домики-магазины. Лавка портного, булочная с умопомрачительными ароматами (я тоскливо потянула носом – есть хотелось очень сильно, но денег не было от слова «совсем»), мастерская кожевника, лекарственная лавка, таверна, дом готового платья. Несколько домиков были закрыты, окна в них – наглухо заколочены. Я быстро дошла до нужной лавки и... застыла, изумленная.

К этому времени все уже открылись. Звенела негромкая музыка с площади, раздавался стук из кузницы, ювелир заботливо протирает витрину, чтобы прохожим было лучше видно выставленные украшения. Но сладкая лавка была безмолвной и темной, а на двери висела покрытая пылью табличка «Закрыто».

А ведь сначала хотела провести разведку. Но любопытство сильнее ведьмы, и я приложила руки к стеклу, чтобы заглянуть внутрь. Хм... а внутри были пустые пыльные полки, какое-то мутное зеркало и обветшавшая лестница наверх – на склад или еще куда. А где же сладости и прочие радости?

Странно. Может, я адресом ошиблась? Да нет, и номер дома совпадает, вон, табличка висит.

Но не успела я подумать обо всем как следует, как почувствовала затылком тепло. В следующий миг оказалась лежащей лицом в каменную кладку. Кончик носа терся о шершавый камень. Мои руки кто-то сильно сжимал за спиной.

Второй раз за последнюю неделю меня арестовывают, просто отлично! А в этот раз я даже ни с кем не сцепилась. Что особенно обидно.

– Пустите меня, я никуда не сбегу! – провыла я, потому что кончик носа уже натерся основательно.

«Некто» послушался и одним движением поставил меня на ноги. Которые предательски подкосились. От объятий с землей меня спасли те же руки, что и уложили меня в первый раз. Извернувшись, я умудрилась посмотреть в лицо этому блюстителю порядка. Лицо смотрело в мое. Снизу вверх казалось симпатичным. И вроде мужским.

– Я просто посмотрела!

Не поверил и не выпустил. Должно быть, мы представляли собой странное зрелище: девушка в длинном бордовом платье и стражник... или не стражник?

Присмотревшись получше, я поняла, что меня поймал совсем не страж порядка, а какой-то длинноволосый блондин в строгом черном камзоле. Взгляд серых глаз буквально заставлял оцепенеть.

– Отпустите меня! – потребовала. – Вы не стражник!

– Нет, леди, не стражник, – усмехнулся мужчина. – Я следователь управления стражи Градда. И жду от вас объяснений.

Каких? Прогуливалась по торговому бульвару, решила заглянуть в неработающую лавку?

Но вслух я произнесла:

– Просто заглянула в окно.

– Почему именно этой лавки? – не сдавался следователь.

Вместо ответа протянула ему исполнительный лист. Мужчина пробежал его глазами и вернул.

– Что ж, похоже, все в порядке.

– А вы не хотите извиниться? – возмутилась я, ибо натертый кончик носа все еще болел.

– Я?!

– Вы! А кто ткнул меня лицом в землю? В Градде что, запрещено смотреть в окна?

– В чужие – да!

Мы оба возмущенно запыхтели.

– Вам назначено к двенадцати. Зачем вы пришли так рано?

Это что, допрос? Беру свои мысли назад, и вовсе он не симпатичный. Напыщенный идиот, который думает, что раз получил

диплом следователя, то можно тыкать незнакомых девушек носом в камни.

– Прогуливалась мимо и подумала, что, может быть, меня примут пораньше, – холодно ответила я.

– Лавка закрыта.

– Я вижу. Почему? В суде ошиблись и я не смогу здесь работать?

– Не думаю. – Прищурившись, мужчина смерил меня оценивающим взглядом. – Нужно приходить вовремя, леди Гринвильд.

– Непременно учту, – насупилась я.

И тут бы нам тихо-мирно разойтись по своим делам, но ни один не хотел уступать. А что я? У меня вообще назначено. Я – свободная жительница Градда, где хочу, там и стою. Вот жду встречи по отбытию наказания, а что тут делает этот недотепа-детектив, я без понятия. От работы, наверное, прячется.

Неизвестно, сколько бы мы так простояли. Но человека, который нас прервал, я и в кошмарном сне видеть бы не захотела! Дрэвис Фолкрит собственной персоной. Ладно хоть сестричку с собой не взял. А не то мы бы снова подрались. При мысли, что придется вернуться домой вечером, сделалось тошно.

– Леди Гринвильд, – хмыкнул Фолкрит, – не могу сказать, что рад вас видеть, но приветствую. Как вижу, вы уже познакомились с Марком.

– Познакомились, – буркнула я. – Он эту избушку, что ли, охраняет?

Лица мужчин вытянулись. А чего они хотели? Один потакает гадостям сестрички, второй ведьм штабелями укладывает.

– Марк – мой брат, – сухо пояснил Фолкрит.

Упс... конфуз.

– Какая милая семейная встреча, – язвительно протянула я. – Братья и... кем я вам приходится буду? Невестка? Кузина? Сноха?

– Пока что – управляющая лавкой, – сказал Фолкрит.

– Что ж, вынужден вас покинуть, – посмеиваясь, откланялся Марк. – Леди Гринвильд... еще увидимся. Дрэв, заскочи вечером, надо кое-что обсудить.

– Прошу. – Мне почудился в его голосе издевательский тон.

Вообще мужчина выглядел не так презентабельно, как на встрече с родителями. Каким-то... помятым, что ли. И смотрел исподлобья,

хмуро. Хорошо отметил помолвку, поди.

Дверь лавки со скрипом открылась, впуская нас внутрь. Шаги гулким эхом отдавались в полупустом помещении, а от каждого неловкого движения в воздух вздымалась пыль. Я несколько раз чихнула и поморщилась. Знала бы, в какую развалину придется идти, надела бы мешок из-под картошки.

– Все очень просто. Приведи лавку в порядок – ничего, что я на «ты», хотя какая разница – и открой ее для посетителей. Срок твоей работы год, времени более чем достаточно.

– Что вы задумали? – спросила я. – С Сарой. Вы что-то задумали.

– С чего ты взяла? Сара – моя невеста, только и всего. – Он зевнул и осмотрелся в поисках места, куда можно сесть.

Не нашел и тоскливо сморщил нос.

– И я случайно попала в вашу лавку на отработку?

– Конечно! – с такой искренностью воскликнул Фолкрит, что я сразу поняла: врет.

– Почему лавка закрыта?

– Не могли найти управляющего.

Ага, так я и поверила. Да полно людей, которые не упустят шанс встать во главе магазина на центральной улице! А продавец? Неужели никто-никто не соглашался здесь работать... причем долгое время, вон, пылищи-то сколько накопилось.

– В общем, у тебя задача очень простая, – сообщил мужчина. – Подготовь здесь все и начни работать.

– А товар?

– Привезут.

– Вот так просто!

– Вот так просто! – передразнил меня Дрэвис. – Знаешь, ты и так доставляешь много хлопот. Я хотел красоточку Гринвильд в жены, а не работать нянькой ее сестры. Так что давай не будем создавать друг другу проблемы и разойдемся через годик полюбовно.

– Поразительная наглость! – прошипела я.

– Прости? – Фолкрит сделал удивленный вид. – Смею тебе напомнить, что не я кинулся с кулаками на сестру, и не мне выписали общественные работы. Я тебя здесь не держу, можешь сообщить суду, что отказываешься выполнять предписание. Тебя упекут в камеру, а

еще наверняка отправят характеристику в академию. Как долго ты там продержишься после этого?

Мне осталось только бессильно скрипеть зубами, а в голове вертелось: «Ну я тебе отомщу!» Да, я не могу избежать работы на Дрэвиса Фолкрита, но я могу существенно осложнить ему существование. И непременно это сделаю, ибо жених моей сестры – мой враг!

– Хорошо, – расплылась я в улыбке, которой позавидовал бы и аллигатор. – Я не могу не работать у вас. Но это не значит, что буду работать хорошо.

Глаза Фолкрита как-то подозрительно сверкнули.

– Угрожаешь мне?

– Предупреждаю! – отрезала я.

– Что ж, – мужчина улыбнулся мне в ответ, – в долгу не останусь! Удачной работы, леди Гринвильд. Ах да... я буду заезжать с проверками. И если тебя не окажется на рабочем месте – попрощайся с местом в академии. Будет жалко потратить такой талант впустую.

Он бросил ключи на прилавок и оставил меня в кромешной тьме, скрипеть зубами и придумывать ужасающие кары на голову этого недоразумения, чтоб им вместе с Сарой икалось. А затем запал на воинственность иссяк, и я без сил опустилась на какой-то пыльный стул.

Тоска-а-а смертная.

Вообще я любила одиночество и уютные магазинчики. Книжные преимущественно, но какая разница? Уныние вызывало то, что все планы на каникулы пошли крахом, что надо возвращаться домой, где все на меня злятся, что придется работать на этого самодовольного Дрэвиса Фолкрита.

Они с Сарой стоят друг друга! Готова поспорить, он специально подстроил все так, чтобы я попала на отработку к нему. Теперь им открылись поистине шикарные возможности меня добить.

Я откопала на полке табличку с часами работы и вздохнула: с девяти до девяти. Двенадцать часов, без выходных, среди сладостей и гадостей. Так выглядит алхимический ад.

Но делать нечего, у Фолкрита было преимущество, и немалое. Хотя я и частью существа смирилась с тем, что академию придется бросить, намеренно приближать эту жуткую дату не хотелось. Все

равно придется отработать, не здесь, так в другом месте, а то и вообще в камере все лето просидеть. За работой можно было отвлечься от мрачных мыслей и оглушающего чувства несправедливости.

А еще я действительно намеревалась как следует попортить жизнь этому болвану. Он еще десять раз пожалеет, что взял меня на работу!

Я нашла ведро с веником и шваброй, и принялась наводить порядок на первом этаже. Вытерла все прилавки, вымыла люстру, отчистила шкафы и убрала весь мусор. Теперь лавка если не сияла, то хотя бы выглядела приличнее.

Только с одной вещью вышла накладка.

Прямо за креслом продавца висело потрескавшееся мутное зеркало, настолько потерявшее приличный вид, что я решила снять его и убрать куда подальше. Но как бы я ни силилась, оторвать его от стены не вышло. Ни руками, ни магией, ни рукояткой швабры, использованной в качестве рычага.

– Шут с тобой, – отмахнулась я. – Виси.

Когда с первым этажом было покончено, я медленно начала подниматься по лестнице наверх, чтобы выяснить, что там есть. Несмотря на внешнюю хрупкость, деревянная винтовая лестница могла бы выдержать с десятков таких Дейзи.

Дверь на второй этаж поддалась с трудом, я обломала два ногтя, пока ее открыла. Светильники здесь не работали – кончилась магия, и пришлось потратить несколько минут, чтобы вновь их наполнить. Зато, когда мягкий свет озарил помещение, я поняла, что нет, не будет работа здесь простой и спокойной.

Весь второй этаж в количестве одной комнаты был завален самым разным хламом. Такое чувство, что здесь не сладкая лавка была, а филиал гастролирующего цирка! Чего только не валялось в комнате. Был даже старый матрас! Куча одежды, какой-то мебели, старая гитара, книги, ящики и коробки, мешки. Вдалеке я даже рассмотрела серебряный сервиз! Вряд ли сюда поднимались в последнее время.

– Надеюсь, товара будет не так много, – вздохнула я. – Ибо разгрести это совсем не хочется.

Для вида я еще немного поковыряла старые ящики, но потом усталость и голод взяли свое. Сара уничтожила все мои деньги, так что на обед и выходить смысла не было. К слову, времени на него мне не предоставили. Поэтому я достала из сумки книгу, что взяла скоротать

время в ожидании суда, и примостилось в старом кресле, в самом углу захлавленной комнаты. Не мои проблемы, что первый этаж я прибрала, а на втором сборник хлама. Торопить Фолкрита и требовать себе больше работы не стану.

Читать получалось с трудом, голодные вопли желудка отвлекали и в абсолютной тишине звучали как-то жутковато. Но я оттягивала момент ухода как могла. Нет, лавка мне по-прежнему не нравилась, но еще большее отвращение вызывала необходимость вернуться домой.

Наконец, когда солнце за окном уже начало садиться, я подхватила сумку и направилась к выходу. Темные безжизненные окна сладкой лавки смотрели будто бы с укором. Хмыкнув в пустоту, я зашагала по людному бульвару.

Когда подходила к дому, не просто хотела есть, умирала с голоду. Даже подташнивало. Я размышляла, что могу перехватить на кухне, ибо ужин уж давно прошел, и вряд ли от него что-то осталось. С некоторых пор меня перестали звать к приемам пищи. К счастью, алхимия дает набор базовых умений, в числе которых разогрев бутербродов.

Однако мечты мои сегодня раз за разом подвергались вероломному уничтожению.

– Дейзи Гринвильд! – настиг меня крик... нет, вопль мамы.

Сняла плащ и задумалась, что же на этот раз я сделала. Вроде, весь день, как и положено раскаявшейся девушке, работала в лавке.

– Сколько раз я тебе говорила?! – вылетела в холл разъяренная мама. – Сколько предупреждала, Дейзи?! Никаких лабораторий в доме! Ни единой пробирки! Ни одного флакона!

– Ну-у-у, да. – Я не очень понимала, к чему она клонит.

Однако все стало ясно, когда я вошла в гостиную. Злая, как тысяча демонов, Сара сидела на диване в объятиях папочки, а под глазом у сестры наливался здоровый фингал. Пришлось кусать губы, чтобы не рассмеяться.

– Убери немедленно из моего дома всю свою гадость! – орала мать.

– А не надо лазить в мою комнату, – вырвалось у меня.

– Дейзи! – строго произнес отец. – Убери.

– Хорошо, – пожала плечами. – Завтра отнесу в академию.

– Немедленно! – взывала мама.

– Академия уже закрыта...

– Плевать! Чтобы ни единой пробирки не было в моем доме, иначе клянусь богиней, Дейзи, я отправлю тебя вместе со всем этим хламом в конюшни!

– Как скажешь.

Я устала спорить и отстаивать право на какую-то жизнь в этом доме. Поразительно, как долго я верила, будто и впрямь это мой дом. И поразительно, как быстро со всех слетели маски, в том числе и с отца. И вышла классическая сказка: мачеха, злобная сестрица, тюфяк-отец (в некоторых вариациях авторы его убивали, видимо, дабы не травмировать юных читательниц образом невнятного мужика). Ну и я, эдакая принцесса в изгнании. Вот только от принцессы во мне было... Ничего не было.

Я поднялась к себе и достала большую сумку. Открыла шкаф, где стояло немногочисленное оборудование, и рассмеялась: пузатая мензурка стояла, насупившись. Она, видать, и прописала Саре в глаз, когда та залезла в шкаф. А сестрица потом побежала жаловаться маме. Жаль, что стражу не позовешь на нападение стеклянной посуды. И что сестричка надеялась здесь стащить?

Колбы и пробирки жалобно попискивали, когда я складывала их в сумку. Испаритель даже пришлось упихивать силой.

– Да не бойтесь вы! – разозлилась я. – Нам здесь не рады. Пойдем в другое место. Хватит упрямиться!

На самом деле я слушалась маму и не приносила домой ни ингредиенты, ни результаты исследований. Эти мензурки и колбочки я припасла к новому учебному году. В начале лета на всю учебную алхимическую утварь были распродажи. Конечно, стипендии на все нужные вещи мне хватало, да и родители подкидывали денег, но я привыкла копить. Если бы не Сара, моих сбережений хватило бы на пару месяцев жизни. Теперь придется ждать очередной стипендии: просить у папы совершенно не хотелось.

Я перекинула сумку через плечо, но у самой двери остановилась и покосилась на шкаф.

А что, собственно, меня здесь держит?

Комната в гостевом доме стоит треть моей стипендии. На остаток вполне можно прожить. Без деликатесов, конечно, и на самых дешевых

продуктах, но... разве лучше жить здесь и чувствовать себя обязанной за каждую съеденную крошку?

Смахнула непрошеные слезы и взяла вторую сумку, куда сложила одежду на первое время. Были и драгоценности, но их я забирать не стала. Мама вполне может заявить, что я украла их. А новый суд мне ни к чему, проще уйти, забрав лишь необходимое. К счастью, все нужное для учебы хранилось в академии. Так что из личных вещей я взяла только блокнот и одежду. В блокноте были кое-какие важные пометки и наработки.

Оглядела в последний раз комнату. Хихикнула мстительно и немного грустно. Достала карандаш и подрисовала Саре на портрете фингал. Пусть порадует, непременно ведь сунет нос в мою комнату.

Когда спускалась, все семейство будто бы невзначай собралось в гостиной. Мама никак не могла свести Сарин синяк: мензурку я заколдовала крепко. В академии по-другому никак: шкафчики хоть и были именные, запирались едва-едва. Приходилось дрессировать утварь от ушлых любителей поживиться чужим.

— Две сумки! — рявкнула мама. — Две сумки этой дряни ты держала в доме!

Я не стала ее разубеждать и, пожав плечами, потопала к выходу.

— Немедленно скажи, как вывести эту гадость с глаза Сары! — донеслось мне вслед.

— Дегтя приложи, — посоветовала я.

— Что?

— Деготь. У аптекаря спроси и приложи, поможет.

А что? Березовый деготь со свиным салом — отличное средство против всякой кожно-магической заразы. А то, что воняет, как тысяча несвежих носков, то не мои проблемы. Сара и так моется каждый день, за неделю запах выведет, а Дрэвис Фолкрит получит ценный урок по воздержанию. Ну, или сексу в защитном мешке.

— Надеюсь, тебе нравятся общественные работы! — истерично взвизгнула сестра.

— О да, — ответила я, — всегда мечтала работать на Дрэвиса Фолкрита.

И куда только делось скорбное выражение? Где страдание невинно обиженной Сары? Аж взглядом меня прожгла.

Это уже интереснее: значит, Фолкрит не сообщил благоверной о том, что теперь я работаю у него.

– Что значит – работать на Дрэвиса? – поинтересовалась Сара.

Но я только отмахнулась:

– Спроси у него сама. Похоже, у твоего женишка много тайн, да?

Она попыталась было рвануть за мной, но маму волновал лишь фингал, портящий идеальный образ наследницы Гринвильдов.

Папа вышел вслед за мной в холл. Смотрел как-то виновато и тоскливо. Он явно понял, что ухожу я навсегда, потому что рассеянно погладил меня по голове и со вздохом, будто бы украдкой, сунул в руку тяжелый мешочек – с деньгами.

На глазах выступили слезы. Хотелось гордо вернуть деньги, но мысли о будущем и голод перевесили, так что я просто кивнула, лишь скользнув взглядом по ставшему чужим родителю, и притворила за собой дверь.

Удивительно, но даже воздух показался вкуснее. Наверное, к нему примешивалась свобода.

Глава третья

Оказавшись так далеко от дома, как могла уйти, я села на лавочку: подумать, что делать дальше. Академия в такой час действительно была закрыта, так что идти туда не вариант. В теории, надо было найти недорогой гостевой дом, но без карты можно блуждать по городу пару дней. Пафосные дома, в которых мы останавливались с родителями, вдруг стали не по карману. Карту купить можно в книжном, а они раньше утра не откроются. А еще надо где-то поесть.

Я опасалась вытаскивать деньги на улице, но одним глазком заглянула в мешочек и обалдела. Уже за то, что папа дал столько денег, можно преуменьшить его вину. Теперь не пропаду, но деньги надо сохранить. В банк пойти вариант так себе, мало ли, какие там у Сары и женишка связи. Лучше всего будет разделить монеты и припрятать в разных местах. Часть в академии, в личном шкафчике, под защитой мензурок, часть в лавке (все равно в том хламе никто не станет разбираться), часть носить с собой, а часть оставить там, где буду жить.

Осталось только придумать, где скоротать ночь.

И тут меня осенило: лавка! У меня ведь были от нее ключи, а на втором этаже валялся старый матрас. Перекантуюсь ночь-другую там, пока не подыщу жилье.

Изрядно повеселев, я рванула в центр. Чем дальше тянула, тем сильнее смеркалось. Выползали какие-то подозрительные личности, а мешок с деньгами в сумке не добавлял спокойствия. В центре жизнь кипела почти круглосуточно. Я не выдержала и на свой страх и риск заскочила в таверну, разменяв монетку.

Разжилась большим ароматным пирогом с картошкой и курицей, бутылью с сидром и блинами. Да это же почти праздник!

К лавке кралась практически как призрак-шпион. Мало ли, вдруг братик Фолкрита круглосуточно ее пасет. Окажусь снова носом в землю, пирог помну. Но, к счастью, все прошло без эксцессов. Я оказалась внутри и с облегчением выдохнула.

Жаль, штор не было, и свет не включить. Мне не слишком хотелось есть наверху, в пыли и хламе, так что расположилась за

прилавком. Налила в мензурку воды, и та подсветила мне нехитрый стол.

А вот сидра я хлебнула зря. Казалось бы, что там пару-тройку градусов? Но на желудок, не видевший еды целый день, напиток подействовал, как валерьяна на кота. Одновременно потянуло в сон и на приключения. Спасло лишь то, что пирог никак не желал отпускать от себя. Я не успокоилась, пока не съела весь, а под конец ужина успела возлюбить и отца своего, и мать... мать его, Фолкрита.

Сидра оставалось почти половина бутылки. Хорошей девочке надлежало угомониться и убрать остатки пиршества до лучших времен.

Но вот честно – гори оно все драконовым пламенем! Жизнь дерьмо, а сидр вкусный. Компании, жаль, нет. Некому душу излить да градус разделить. Хотя чего это нет? У меня есть я (и больше, в общем-то, никого), а я есть где? В зеркале! Мутном и потрескавшемся.

– Ну, подруга, выпьем! – провозгласила я и осушила бокал.

Налила новый. Привалилась к зеркалу, как к родному.

– Вот почему все так, а? – пьяненько вздохнула. – Живешь-живешь – и раз... Все гады, как есть болотные гады. Вот мама... мама не мама, мама – мачеха. Злая, противная, бе-е-е. А папа? Зачем он меня тогда привел, если все равно теперь выгнал? И кто тогда моя мама... я даже не спросила.

Под разговоры вообще весь алкоголь кончается быстрее, а уж под разговоры самой с собой и вовсе можно приговорить всю бутылку.

– Ну, за алкх... алк... алхимию!

Особенно душевным был тост за академию. В какой-то момент мое отражение в зеркале приобрело совсем уж дикий вид: появились какие-то фиолетовые волосы и светящиеся огоньки. Они меня загипнотизировали, и я начала засыпать.

– За... – Задумалась, а за что я еще не пила?

– Справедливость, – подсказало зеркало.

– Точно! – обрадовалась я. – Во всем мире! А еще чтоб Фолк... фолк... Фолкриту икалось!

– И чихалось, – снова последовал совет.

Странно, конечно, когда тебе собственное отражение тосты подсказывает, но я же раньше не пила, вдруг это у всех так? Обидно было бы словить белку в первый раз. Хотя на белку-то отражение

походило как раз меньше всего, скорее на... на мужика с фиолетовыми глазами и каким-то странным выражением лица.

– Что? – пьяненько поинтересовалась я. – Что ты так смотришь? Плохо мне! Вот тебя когда-нибудь из дома выгоняли?

– Я в зеркале живу! – напыщенно произнесло отражение. – У меня проблемка посерьезнее. Тут даже выпить не достать, если тебе интересно.

Икнув, задумалась.

– Согласна. Тебе хуже. Хотя я в тебя и не верю.

– Я сам в себя не верю, – вздохнуло зеркало. – А ты иди спать.

– З-зачем спать?

Хотя, если вдуматься остатками трезвости, что-то в этом предложении было. Меня, с одной стороны, шатало, а с другой – внутри зудело странное желание пойти... А просто пойти! Высказать Саре все, что я о ней думаю! Или... или взять еще пирога!

Пирог, точно! Еда, вкусняшки, счастливая жизнь!

– Тогда точно посадят, – напомнило зеркало, едва я двинулась к двери. – И, может, ограбят. Пьяную девицу в ночи чего бы не обуть?

Резонно. Рука замерла над ручкой. Некоторое время во мне в ожесточенной схватке сцепились светлая и темная Дейзи, затем светлая все же победила и обессилено упала без чувств. И я – вслед за ней.

Правда, до второго этажа дойти еще успела, а вот как разгребала матрас и копалась в хламе, помню смутно.

* * *

Сначала проснулась головная боль, а уже вслед за ней – я. Хотя точно уверенности в том, что это я, не было. Я никогда еще так погано себя не чувствовала, даже когда в походе словила желудочную лихорадку. Во рту было так сухо, что дышать получалось едва-едва, в глаза словно насыпали песка, а в голове поселился заяц с тарелками и от души в них дубасил.

На свою беду, я слишком резко поднялась. Замутило, пришлось померить пыл.

И зачем я столько пила? Застонала, кое-как поднялась и поползла вниз по лестнице. Очень надеялась, что не убьюсь с такого дикого похмелья.

Себя было так жалко... Мало того что дом отжали, еще из дома выжили! Так и голова болит.

Потом осенило: аптекарь! Лавка всегда открывалась раньше прочих, на случай, если кому-то по-настоящему плохо. Ну, как мне вот, например. Да будет благословлен светлейшей господин аптекарь!

Наверное, я и впрямь выглядела впечатляюще, потому что при виде меня в лавке аптекаря все как-то расступились.

– Рассол! – потребовала я у аптекаря.

Тот икнул и побледнел.

– Н-нету...

– А чего есть?

Он, не сводя с меня глаз, вытащил из-под прилавка флакон с грязно-зеленой бурдой. «От похмелья», – гласила надпись.

Я полезла за кошельком.

– Нет-нет, что вы! – испуганно замотал головой аптекарь. – Не надо, госпожа ведьма!

«Та-а-ак!» – пронеслось в голове. Но виду подавать не стала, забрала пойло и потопала к выходу. По пути глянула в стеклянную витрину и... ма-а-ама дорогая!

Нет, красотка-то красотка, что и говорить. Тушь размазалась, губы бледные, глазки блестят, взгляд как у волкодлака. Платье помятое, на голове колтун. А над колтуном шляпа. Обычная, черная, чуть-чуть пыльная да ниточки кое-где выбились из швов. Настоящая ведьминская шляпа. Такие уж лет сто не носят, как темную магию запретили.

Огляделась... Народ усиленно делал вид, что меня тут нет. Надо бы объясниться, да в голове к зайцу с тарелками добавился какой-то козел с барабанами. Задрал барабанить. Ну их, надо будет – сами спросят.

Гордо поправила шляпу и вышла.

Руки постыдно тряслись, когда откупоривала зелье и осторожно пробовала на язык. О-о-о, этот божественный вкус! Чуть не захлебнулась, пока пила, до дна, чувствуя, как с каждым глотком я возвращаюсь к жизни. Кайф!

– Приятно опохмелиться, – сказали откуда-то сзади.

Я взвизгнула и выронила бутылку.

– От сволочи, убью заразу, которая мне эту бормотуху продала! – пообещала я всяческие кары на голову злосчастливого трактирщика.

Самое обидное, что во флаконе еще оставалось спасительное зелье. А впрочем, какая разница, мне уже похорошело. Или глюки – это последствия чудесного исцеления?

– А вчера так душевно посидели, – продолжили издеваться глюки. – Часто ты так с зеркалом беседы ведешь?

Зе-е-еркало-о-о!

Я резко обернулась, чтобы глюк не успел скрыться. И впрямь, в зеркале отражался какой-то до жути странный мужик. Странный, потому что фиолетовый. Не весь, конечно, только волосы и огромные глазищи. Суровый на вид, хмурый какой-то.

– Т-ты кто? – прохрипела я.

– Зеркало, – вполне логично ответил глюк.

Но и я не лыком шита:

– А почему в зеркале отражаюсь не я?

– Уверена? – ехидно протянуло «оно». – Если так пить, и не то привидится.

– Уверена. Я только что в стеклышко смотрелась. – Напрягла память и спросила: – Это ты мне вчера отвечал?

– И впрямь хорошее зелье. Я тебе отвечал, я. Собрались алкоголики! И все возле меня. Мне больше импонирует трезвость, если хочешь знать.

Он нарочито брезгливо фыркнул и продолжил рассматривать меня с ехидцей во взгляде.

– Да мне тоже, так-то, – миролюбиво проворчала я. – Ты дух? Ты умер и попал в зеркало?

– Будешь ерунду болтать, сама духом станешь. Нет, я не дух.

– Тогда кто? – заинтересовалась я.

– Много будешь знать, убьют как свидетеля, – просветило зеркало. – Тебе не пора имитировать бурную деятельность и симулировать сильную занятость? Скоро хозяин проверять придет и вряд ли обрадуется тому, что ты беседуешь с невидимым другом.

– Откуда ты знаешь?

– Он на работу мимо в десять идет. Как пить дать заглянет посмотреть, чего ты тут делаешь.

Фолкрит и работа... Хм-хм, а ведь и впрямь он обещал меня контролировать. И лучше, если остатки пиршества не увидит. У меня еще вчера в пьяном веселье родился план. Поживу в лавке. Если буду тихая как мышка, никто и не узнает. Родители-то точно тревогу трубить не будут, как же так, в добропорядочной семье дочь из дома сбежала? А больше я и не нужна никому.

Собрала остатки ужина, поморщилась при взгляде на пустую бутылку сидра и направилась по лестнице на второй этаж. Уй, как винтовая лестница кру-у-ужится-то!

– Ведьма! – донеслось от зеркала.

– А?

– Б! Шляпу сними.

Точно, шляпа! И откуда она взялась?

Тут надо сделать небольшое отступление. Шляпы, вот такие, черные и остроконечные, испокон веков носили темные ведьмы. Сама-то магия цвета не имеет, но благодаря некоторым делишкам может темнеть, да так, что вместе с душой ведьмы. Когда темную магию запретили, все темные как-то повывелись, и шляпы вместе с ними.

Потом магию разрешили, резонно постановив, что если ведьма не нарушает законов, то почему бы и не использовать ей силу, как нравится? Но все равно таким не гордились. Откуда эта шляпа тут вообще оказалась...

С виду – обычная, даже не фонит совсем. Может, игрушечная? Эта, как ее... декоративная, вот!

Но я все равно затолкала ее на дальнюю полку. Меня уже видели в ней у аптекаря.

– Скоро вся улица будет в курсе, что в шоколадной лавке ведьма завелась, – пробурчала я. – И поди теперь докажи, что я не темная, я алхимическая.

– Ага, алхимическая, – ехидно протянуло зеркало.

Я подскочила и заозиралась. Наконец увидела в дальнем углу наполовину закрытое коробкой зеркало, точно такое же, как и внизу. Вот мне только двоих глюков не хватало! И откуда этот напыщенный индюк и впрямь взялся? Для призрака лавочника он слишком

высокомерен, а для случайной неупокоенной жертвы – слишком красив.

– Там хозяин идет, ведьма! Изобрази хоть уборку, что ли. Посадят тебя, как я развлекаться буду? Опять в темноте висеть.

– Ты что тут делаешь?!

– Висю... вишу... зависаю, короче. Прямо как твоя судьба – на волоске.

– Леди Гринвильд! – раздалось снизу.

– Иду-у-у! – провыла я.

Сбежала по лестнице, чуть не переломав ноги, вот только у прилавка увидела вовсе не Дрэвиса, а его братика. Одетый с иголки, он опирался на тщательно вымытую мной столешницу и непринужденно поигрывал тростью.

– А, это вы, – как можно холоднее произнесла я.

– Чем занимаетесь, миледи? – учтиво поинтересовался Марк Фолкрит. – Выглядите неважно.

– Да вот, уборку затеяла. На втором этаже настоящая свалка. Похоже, лавкой не особенно интересовались. Что побудило вашего брата снова ее открыть?

Мужчина загадочно улыбнулся.

– Любовь к сладкому, разумеется. Как печально, что вы не любите шоколад. Я бы сейчас не отказался от пирожного с орехами и сгущенным молоком, в шоколаде и с хрустящим печеньем.

– Фу. – От перечисления еды меня начало тошнить.

Главное не стошнить на туфли.

– Когда-то за здешним шоколадом выстраивалась очередь...

Не стошнить на туфли!

– Порой уже спустя час после привоза товара прилавки были пусты...

Не смотреть на туфли!

– Пирожные лавки подавали фрейлинам, особенно они любили нежнейшие суфле с кусочками карамели... Дейзи, с вами все в порядке? Вы какая-то... зеленоватая.

– Милые у вас туфли, – пробормотала я.

– Э-э-э... спасибо. Впрочем, что-то я заболтался.

Слава светлейшей!

– Желаю успехов на поприще уборки, леди Гринвильд.

Вали-и-и!

Откланявшись, Марк наконец ушел. Глоток свежего воздуха с улицы заставил тошноту отступить. Я потрясла головой и более-менее пришла в норму. Чудом пронесло.

Когда не хочется есть, спать и работать, ведьма занимается ерундой. Ответственная ведьма занимается важной ерундой!

На втором этаже я освободила несколько полок, поставив туда книги и колбы с мензурками. На первое время пусть постоят здесь, а потом перетаскаю в новое жилище. Если найду его, конечно. Потом разгребла матрас и метнулась через дорогу, в текстильный салон.

– Да-а-а, – задумчиво протянуло зеркало, – живешь на помойке, зато белье шелковое и с кружевом.

– Повешу в туалете, – пригрозила.

Наверное, в прошлом зеркало было довольно аристократичным, потому что тут же умолкло с видом «не очень-то и хотелось».

Самое главное, чтобы никто не догадался, что я живу в лавке. Во-первых, Фолкрит явно не это планировал на пару со стервозной невестой. Во-вторых, как-то это неправильно, здесь же еда продается. Но второй этаж был так завален хламом, что мое присутствие почти не ощущалось. Я отодвинула импровизированную кровать за побитый жизнью шкаф и осталась довольна.

Первый позыв желудка, который оправился от похмелья, совпал с дверным звонком. Сначала я решила, что это Дрэвис Фолкрит. Товар привез или еще ценных указаний отсыпал. Потом мелькнула мысль, что, может, отец пошел на мировую. Но такие идеи я отвергла за несостоятельность.

Однако у порога оказалась совсем незнакомая мне личность. По косвенным опознавательным знакам решила, что портной. Или кожевник? На лице у меня явно отразилось недоумение, потому что мужчина поспешил уточнить:

– Шляпник, госпожа ведьма.

Ну, и что он хотел в ответ? Алхимичка, господин шляпник. Преступница, рецидивистка, ведьма в изгнании, можно сказать.

– Рады приветствовать в нашем дружном, значится-с, коллективе! – просиял шляпник. – Примите маленький знак внимания, госпожа ведьма.

С этими словами он извлек из-за спины новехонькую остроконечную шляпу из черного бархата. Шляпу украшала кокетливая брошка из страз.

Я смотрела на шляпу, шляпа смотрела на меня, шляпник смотрел... с надеждой.

— Кхм... — выдавила я. — Спасибо, только...

Но едва взяла подарок, мужчина радостно подпрыгнул.

— Вот и славненько! Ваша-то уже износилась, потерлась. Сразу видно, рабочая шляпка. Вы не сердчайте, если эта не понравится, будете носить, как парадную. Или новую вам сделаем!

— Не надо! — вырвалось у меня. — Хорошая. Спасибо.

Мужчина воровато огляделся и склонился ко мне.

— А можно вас, госпожа ведьма, попросить о...

Дальше следовала непередаваемая игра плохо произносимых звуков.

— О чем? — не поняла я.

— О зелье от сварливости! Жена пилить достала, а вы, говорят, умеете... ну, такое...

Ну совсем прекрасно. Я умею делать кучу разных вещей! Светящуюся краску, мягкие кристаллы, текучее дерево, да лак для ногтей, в конце-то концов! А он просит меня о какой-то бурде неясной, которую еще поди да разбери, какая ведьма делает.

Но обижать шляпника как-то не хотелось. Отбивайся потом от склочных коллег и соседей. Настучат Фолкриту, что управляющая подозрительно в лавке долго сидит, и все, Дейзи Гринвильд едет куда-нибудь к северу от Азор-града, полоть сосульки.

— Я подумаю. — Вышло дипломатично и немного мрачно.

Шляпник так быстро закивал, что уронил очки и, стремительно подхватив их, понесся прочь. Я осмотрелась и выругалась сквозь зубы: за сценой половина улицы наблюдала! Пришлось спрятать шляпу и бочком вернуться в лавку, где уже можно было выругаться от души.

— Ну ты сильна-а-а, — протянуло зеркало. — Тебя воспитывали портовые грузчики?

— На выпускном экзамене у наставника был отвратительный почерк, и вместо карманного дракона я вызвала матерщинного, — рассеянно отозвалась я. — Меня приняли за темную ведьму и вручили шляпу. Вот.

Зеркало хмыкнуло.

– Тебе идет.

– И чего делать? Я же не темная ведьма, я алхимик!

– А, ничего не делай. Пусть боятся, меньше будут лезть. Темных ведьм уже не преследуют, а ты и так под наказанием, чего бояться?

– Утешил, – буркнула я. – Как тебя, кстати, зовут? Целый день знакомы.

– Крин, – представилось... представился.

– Очень приятно, Крин. Меня зовут Дейзи, я ведьма и алхимик, а ты кто?

Ответ обескуражил:

– Предпочту иметь свои секреты, Дейзи Гринвильд.

Нет, ну нормально? Я ему все как на духу, можно сказать, самое сокровенное излила! А мне в ответ секреты?

– И откуда ты здесь появился?

– Как откуда? – усмехнулся Крин. – Повесили. Сначала зеркало болталось где-то среди позолоты, бархата и жутких гобеленов, потом в родовом имении Фолкритов. Потом я перестал гармонировать с занавесками, и меня перевесили сюда, а потом лавка закрылась, и я тут висел, пока ты не пришла.

Ага... значит, в зеркале он довольно давно. Причем знает, кто он, и наверняка знает, как в зеркало попал.

– Бедненький, – вздохнула я. – Наверное, ты все же призрак. Умер и попал в зеркало...

– Я. Не. Призрак! – отрезал Крин. – Еще раз назовешь меня этой гадостью, упаду тебе на голову. Эти старинные рамы довольно тяжелые.

Решив не спорить, я начала собираться за едой. Еще не мешало бы прогуляться по городу и посмотреть, где какое сдается жилье. В идеале хотелось бы постоянный двор, чтобы с охраной и едой внизу. Но уж что будет.

Проигнорировав то, что я вообще-то управляющая и должна быть на работе, вышла на улицу. На двери висела записка для Фолкрита, которая гласила, что я ушла за обедом, а там, где висели часы работы лавки, теперь была приписка о законном часовом перерыве. Я, конечно, преступница, но в стране еще пока есть законы о труде и отдыхе!

Поскольку я всегда приходила с одной стороны улицы, решила направиться в противоположную. Она расширялась к центру, плавно переходя в небольшую площадь, которая и являлась центром сбора всей молодежи Градда, проведения праздников, концертов и массовых драк. Сейчас там образовался стихийный рынок. Я купила завернутые в тонкий хлеб овощи с соусом и ела на ходу, рассматривая окружающие лавочки, таверны, салоны и мастерские.

Между посудной лавкой и мастерской какого-то известного королевского художника я заметила нечто интересное и даже подошла поближе, чтобы лучше рассмотреть. Старая выцветшая вывеска сообщала, что раньше здесь мадам Пяжи держала магазинчик рукоделия. Но в окнах домика чернела темнота, а дверь вообще оказалась заколочена досками! И это в центре Градда? Куда смотрит мэр? Значит, как палатки с пирожками сносить – так это незаконные постройки и вообще темные делишки, а заколоченная лавка посреди площади – красиво и хорошо?

Я поднялась на цыпочки и заглянула в окно, продолжая держать в одной руке еду. А затем одновременно меня пронзили боль в руке и острое чувство дежавю – я снова лежала носом в брусчатку.

– Шаурму помял! – злобно прорычала я.

– Леди Гринвильд! – В голосе Марка Фолкрита буквально звенело негодование. – Это что, ваше увлечение – заглядывать в чужие окна?! Мы только что расстались!

Меня поставили на ноги и даже заботливо отряхнули. Правда, рулетик уже было не спасти – салат валялся на земле, а помидорки вообще укатились под ноги ничего не замечающим прохожим.

– Вы должны мне шаурму!

– С чего это?!

– Вы в детстве выпали из чужого окна? Иначе почему каждый раз, когда я подхожу к чьему-нибудь окну, тут же появляется вы и роняете меня?

– Вы неверно ставите вопрос. Почему каждый раз, когда я ловлю подсматривающего в окна, им оказывается вы?

– Это не запрещено.

– А вы все законы Градда читали? – любезно уточнил Марк.

Я задумалась. На самом деле, конечно, не все. Но неужели там есть закон, запрещающий заглядывать в окна?!

Тем временем мужчина соизволил прояснить:

– Это моя работа. Я отслеживаю грабителей, которые забираются в лавки.

Получилось не очень убедительно. Вряд ли я, в платье и с рулетом, была похожа на грабителя. Но поняв, что больше Фолкрит-младший ничего не скажет, я решила не будить подозрений. Ныло предплечье и вернулись голодные спазмы желудка.

Надеялась, что Марк уйдет, но он неспешно двинулся рядом со мной вдоль улицы, вызывая глухое раздражение. Я не хотела признаваться, что ищу жилье, нутром чуяла, что ничего хорошего из этого не выйдет. Чем меньше Фолкриты знают обо мне, тем проще будет выпутаться из этой истории. А Сара тоже не скажет. Саре слишком дорог образ хорошей девочки, чтобы она жаловалась жениху на мой побег или наоборот, радостно вещала о победе.

В общем, решила не болтать лишний раз языком, но мысленно бесилась.

Хотя брат Дрэвиса был хорош. В нем чувствовались стать и сила, те самые, что выделяют из множества мужчин особенно интересные экземпляры. Причем эти качества словно были частью него. Не вышколенные за годы службы, не вдолбленные частными учителям, как порой принято в богатых семьях. Марк Фолкрит словно родился аристократом, и это чувствовалось во всем.

Его брат производил двоякое впечатление. В первую встречу он показался мне довольно серьезным и надменным, хотя держался Дрэвис безукоризненно вежливо. А вот в последующие разы жениха сестрицы словно подменили. И моему взору явился несносный, самовлюбленный и наглый тип.

И как двое таких разных мужчин умудрились вырасти в одной семье?

Так, стоп. Похоже, я не заметила зеркало, висящее прямо перед носом. Точно такими же были и мы с Сарой. И вот уж кому надменности не занимать. Надеюсь, им с женишком будет вместе очень хорошо.

– Освоились в лавке? – спросил Марк.

– Там негде осваиваться. Кладовка с дверью.

– А вы, похоже, не в восторге от новой работы, Дейзи.

– А вы были бы в восторге, если бы суд вместо работы следователем отправил бы вас в подмастерья к модистке?

– Пожалуй, нет. Но знаете, я с детства искал в любой ситуации положительные стороны. Да, вы наказаны, подмочили свою репутацию, поставили под угрозу будущее и вынуждены работать в тесной лавке совершенно не по специальности, но... Дейзи, почему вы так на меня смотрите?

Очень хотелось ответить, что сейчас одним Фолкритом в мире станет меньше. Оставалось лишь повторять себе раз за разом, что если прибью младшенького, то окажусь в «лавке», откуда не выпускают на прогулки.

– Я говорю о том, что вы все же не в тюрьме, а среди вкусностей. Разве это не захватывающе – дарить людям сладкое удовольствие?

«А он хорошо бы смог рекламировать бордель», – подумалось мне.

И тут, к моему полнейшему ошеломлению, Марк Фолкрит произнес:

– Не хотите вечером куда-нибудь сходить? Поужинать, выпить вина, полюбоваться закатом?

Я так и открыла рот, не сумев справиться с шоком. То есть его брат сунул меня к себе работать подавальщицей, а я с ним пойду бокальчик вина распивать?! Да я вчера уже распила, и далеко не бокальчик, до сих пор голова раскалывается!

Наверное, он почувствовал, что я от идеи не в восторге и на свою голову добавил:

– А что в этом такого? Когда Дрэв женится на Саре, мы практически станем одной семьей!

А вот это он вообще зря сказал. Я из семьи ушла, а про Сару так вообще слышать не желаю.

– Вот и выпьете на свадьбе, – отрезала я и развернулась. – А мне пора. Много заданий в академии, надо купить ингредиенты.

На счастье, впереди виднелась золотистая вывеска алхимического магазинчика.

– Сейчас же каникулы! – полетело в спину.

– А я очень ответственная ведьма! – И уже себе под нос пробурчала: – Скоро на личном опыте поймете.

Я со всех ног припустила вперед, почему-то зная, что Марк не последует за мной. Не похож он был на человека, который опускается до беготни за девицами на глазах у всего честного народа.

А то, что на меня все удивленно посматривали... так это я еще новенькую шляпку не надела!

В лавке алхимика приятно пахло свежескошенной травой и книгами. Почему такое странное сочетание запахов, я не знала, но всегда любила сюда приходить. Конечно, цены кусались, так что большую часть оборудования я брала с рук у выпустившихся студентов, но вот за ингредиентами и элементами ходила только сюда, хоть и говорили, что к востоку от ратуши имеется лавка подешевле.

Алхимик – седой старик с пышными кудрявыми усами – заметил меня и радостно улыбнулся.

– Дейзи, ведьмочка моя ненаглядная, чего изволишь? Ах, какие я недавно получил сарацильские рубины! А может, хочешь быстроногих опалов? Или радужных карлитов?

– Мне стандартный набор для базовой алхимии, – начала перечислять я. – Потом продвинутый набор для внутренней алхимии и начальный – для внешней. Еще, пожалуйста, набор отдушек и вкусовых улучшителей. И грибов. А еще дайте набор колбочек и большую корзинку для хранения.

Обалдевший с такого заказа алхимик мигом растерял старческую мудрость, выкинул накладную бороду и принялся носиться по залу, собирая все нужное. Я только посмеивалась: всегда говорил, что бизнес идет куда лучше, если им заведует умудренный старостью маг.

Тем лучше. Значит, в шоколадную лавку Фолкрита никто не придет.

Все же стоило поблагодарить отца за деньги. Тратить все сразу не нужно, но вот от того, чтобы купить наборы, особенно сейчас, когда на них скидки, я удержаться не смогла. И уже через полчаса с трудом тащила милую плетеную корзинку с расшитой бисером крышкой. С виду мы смотрелись вполне пристойно, и мимо проходившие жители Градда и не подозревали, что в этой корзинке хранится столько элементов алхимика, что хватит превратить половину столицы в мерзких квакающих жаб.

Судя по тому, что я снова начинала злиться, вернулся голод. Пришлось еще и во фруктовую лавку заскочить, закупиться бананами

и виноградом. Работа предстояла долгая и кропотливая.

У лавки стоял задумчивый Дрэвис, а чуть поодаль – коробки. Штук двадцать, большие и с виду тяжелые. И это только те, что стояли на улице! Пара крепких ребят споро заносила коробки в лавку, отнимая у меня и без того небольшое жизненное пространство.

– Позволь уточнить, леди Гринвильд, – заметив меня, встрепенулся мужчина, – почему тебя нет на рабочем месте?

– Потому что леди Гринвильд изволила обедать. И, между прочим, воспользовалась статьей из трудового права Градда.

– Впредь постарайся не покидать лавку в рабочее время, а если нужно пообедать – бери еду с собой. Это из того же трудового права, к слову.

– Бери еду с собой, – под нос себе передразнила Фолкрита.

Заглянула в лавку и присвистнула. Коробки стояли везде: на прилавке, на полу, даже на лестницу умудрились пару штук взгромоздить!

– И что это? – спросила я.

– Товар, – совершенно невозмутимо и с плохо скрываемым удовольствием ответил Дрэвис. – А еще продукты для того, что ты будешь готовить.

– Я – готовить?!

– А ты как думала? Лавка будет заниматься не только продажей, но и изготовлением на заказ.

– М-м-м... чудненько. А повара вы наняли?

– Зачем? – на голубом глазу удивилось чудо-юдо шоколадное. – Я ведь нанял тебя.

– Эй! – Я не выдержала и помахала рукой перед лицом мужчины. – Я ведьма, а не кухарка! Я не умею готовить торты и кексики.

– Я же сказал – изучай рецепты, тренируйся. Будешь плохо работать, вылетишь из академии. Не забывай.

Я задохнулась от возмущения, но что ответить не нашлась. Тем временем рабочие занесли все коробки, получили от Фолкрита-старшего оплату и умчались восвояси, совершать новые подвиги во имя погрузок.

Преисполненная мрачных предчувствий, я вошла в лавку.

– Здесь сахар, мука и прочие расходники, – радостно сообщал Фолкрит. – Здесь печенье, здесь всякий шоколад, вон там орешки, а тут... не помню, но тоже что-то сладкое. Вон те две коробки – это посуда для прилавка. Выложи все красиво, чтобы привлекало!

– Хорошо. А эти два стола здесь зачем? Чтобы, если что, баррикадировать дверь от недовольных покупателей?

Дрэвис посмотрел на два хиленьких фанерных стола, словно забыл, для чего их купил.

– А, точно! Мы с Сарой подумали, что не мешало бы устроить лавке презентацию товара. Завтра к открытию подготовь бесплатную дегустацию для всех желающих, прямо на улице. И зазывай в лавку.

При упоминании Сары я непроизвольно сжала зубы. Прилив ярости был такой сильный, что едва удавалось сдерживаться. Фолкрит делился идеями, а я вдруг заметила справа от него какое-то движение. Скосила глаза и поняла, что по полу ползет шляпа! Из всех сил ползет, старается, едва ли не пыхтит, если шляпы вообще умеют пыхтеть! И ползет она в мою сторону, ничуть не стесняясь свидетеля.

– ...с орехами, но не сильно много.

Шляпа мужественно преодолевала последний метр до меня.

– Гринвильд! – рявкнул Дрэвис. – Ты вообще меня слушаешь?

– Эм... да.

– И что я сказал?

Шляпа подползла ко мне и настойчиво тыкалась в ногу. Кончик у нее был острый, нога чесалась, я стояла и пыталась судорожно вспомнить, что там этот враг народа вещал.

– Я говорил, что нужны напитки! – Дрэвис закатил глаза. – Чай найдешь в этих же коробках. До чего ты безответственная ведьма, Гринвильд! Брала бы пример с сестры.

Сейчас я кого-то укушу! Шляпа скреблась все активнее, а Фолкрит не уходил и не уходил, щедро отсыпая мне указаний. То сделать, се сделать.

– И еще вот! – Он ткнул пальцем в небольшой бумажный пакет. – Это форма.

Что-о-о? В смысле...

– Что-о-о?! – повторила уже вслух.

– Костюм, Гринвильд. Лавке нужны клиенты. Завтра в десять все должно быть готово. Мы с Сарой придем и проверим.

С Сарой... Значит, сестренка взялась за мое воспитание руками Фолкрита. Мне вдруг пришла в голову светлая мысль. Вернее, темная, но уж очень привлекательная. Хочет Фолкрит дегустацию, я ему ее проведу! До конца жизни не забудет. А если продолжит меня доставать, то этот конец настанет очень скоро.

Едва дверь за ним закрылась, я подхватила с поля шляпу и кое-как нахлобучила на голову. Мне показалось или от шляпы донесся счастливый стон?..

Тут же появился Крин:

– Вижу, обед не поднял тебе настроение.

– Если бы он был, – пробурчала я. – Младший сначала уронил меня носом в землю, лишив еды, потом обхамил с ног до головы, а потом представляешь, на свидание позвал!

– Последнее особенно возмутительно, – фыркнуло зеркало.

– Смеешься, а зря. Что старший, что младший – оба невыносимые болваны. Но если хотят войны, они ее получат!

– А ты не горячишься? По-моему, тебе никто войну не объявлял.

– Крин, Дрэвис Фолкрит видел скандал у меня дома и видел, что у меня отобрали дом в пользу Сары. У него куча денег и наверняка не меньше жилья, но он не только вступился за меня, так словно этого было мало – еще и засунул в эту лавку! Такое не происходит случайно. К тому же они оба и к месту и не к месту поминают Сару. И все это совершенно напрасно, ибо я могу быть очень неприятной, когда в отчаянии. А я в отчаянии – из-за Фолкрита я лишилась дома и живу в хламоборнике.

– И что ты придумала?

– Чуть-чуть похимичим.

Против желания губы растянулись в усмешке. Да, эту дегустацию жители Градда запомнят. И будь я проклята – никто после этого к лавке и не приблизится!

Но сначала зелье для шляпника. Я налила в колбочку турь, символизирующую женское начало. Итак, основа заложена. Пусть я и не умею варить зелья из глаз жабы и перьев сизокрылого крокодила, я (почти) имею высшее образование и немного логики.

Сварливость? Что такое, в сущности, сварливость?

Первое – это раздражение. Насыпала в колбу пепла из вулкана Годморстена. Пепел символизирует разрушение, а в сочетании с турью

– внутренний огонь, пожирающий все светлые чувства.

Второе – это активность. Движение, крик, упреки! По идее, движение означает соль, но мы же не для сварливости зелье варим, а против. Значит, сахар и немного цветков ромашки.

Поставила колбу на медленный огонь и задумалась. Если соль я заменила антонимическим ингредиентом, то пепел надо отменить иначе – нейтрализатором. Наверное, вода сойдет. Обычный пожар тушат водой, так почему внутренний не поддастся?

Сняла колбу с огня и приготовилась к самому ответственному этапу. Все элементы – это лишь набор веществ, и если их смешать, получится самая обычная бурда. Турьяная в моем случае. Ключевой ингредиент – магия алхимика. От того, как он ее направит, как задумает эффект, зависит исход алхимического опыта.

Я направила указательный палец в колбу, и капелька чистой серебряной магии упала в еще бурлящую жидкость, а кулон на шее мягко засветился. Постепенно содержимое колбы становилось ярко-зеленого цвета, а из горлышка пошел слабый дымок. Я едва не запрыгала от радости.

– Впечатляет, – хмыкнул Крин. – А оно точно не опасное?

– Оно зеленое. А значит, все задуманное получилось! Если зелье прозрачное и яркого чистого цвета, значит, приготовлено правильно. Вот так выглядит сварливость. А если зелье мутное, темное и с примесями, то это уже не алхимия... не знаю, зельеварение. Оно, к слову, отличается от алхимии...

– Я знаю, чем отличается зельеварение от алхимии, – немного раздраженно отозвался Крин. – Не держи меня за полного неуча.

– Так ты же мне не рассказываешь ничего о себе, – резонно возразила я. – Вдруг ты неуч и есть?

– Когда-нибудь острый язык доведет тебя до беды. Или до замужества.

Я только фыркнула – да что это зеркало понимает? Висит тут в лавке, в полной темноте, и ни с кем не общается.

– Отнесу зелье шляпнику и вернусь, чтобы как следует подготовиться к завтрашней дегустации.

– И почему мне страшно? – Зеркало возвело глаза к потолку.

– Потому что я теперь темная ведьма.

Я подхватила бутылочку с изумрудным зельем и направилась к двери.

– Ведьма! – привычно окликнул Крин.

– А?

– Б! Шляпу надень!

Несколько секунд сомневалась, стоит ли. Я все ж не темная ведьма, а значит, шляпу носить как-то неприлично. Но и так уже вляпалась по самое не балуйся, так зачем отказывать себе в маленьких удовольствиях? А еще, может статься, народ впечатлится и будет обходить лавку стороной. Кому охота покупать вкусности там, где орудует непонятная тетка в шляпе?

В общем, шла нарочито медленно и гордо, по пути обдумывая, как буду завтра мстить Фолкриту за наглость. Главное, никому не навредить. Сволочь я или нет – а невинные не должны пострадать. Ох уж мне эта тонкая грань между вредительством и мелкими пакостями! Кое-что начинало придумываться, и к образу добавилось тихое злорадное хихиканье.

Меня явно заметили в окно, потому что я и постучать не успела, как дверь открылась и на пороге возник немного испуганный и явно взволнованный шляпник.

– Ой, что вы, госпожа ведьма, сами пришли! Я бы заскочил, вы бы весточку послали с черным вороном, как у вас, значит-с, принято.

Я лично могу весточку послать только с пузатой мензуркой, но вряд ли это укрепит мой образ страшной и ужасной управляющей. Поэтому я равнодушно бросила:

– Мимо проходила. Ваше зелье от сварливости. Давайте после ужина две недели.

– Ой, – засуетился шляпник, – а как же я... Не станет ведь, госпожа ведьма!

Я закатила глаза.

– Скажите, что это модный десерт – подарок от соседей. Я туда улучшитель вкуса добавила, так что понравится – за уши не оторвешь.

Разволновался, десять раз поблагодарил, пытался всучить в подарок милую летнюю шляпку. Но, к счастью, быстро отстал, и я вернулась в лавку, где уже поджидали коробки, мешки и свертки. А еще – старые книги с рецептами и мои новенькие, сверкающие алхимические наборы.

Да с таким богатством я могу тут и насовсем жить остаться!

Глава четвертая

Мне предстояла бессонная ночь на ногах, но в пылу энтузиазма я носилась по лавке как угорелая. Продуктов и товара действительно было много. Одного печенья десять видов, причем печенья не самого дешевого. Конфеты, леденцы, помадки и шипучки.

От видов сладостей начинало тошнить, но я добросовестно все раскладывала и оформляла. Сначала разложила на витрине красивые салфеточки, на них поставила вазочки с сыпучим товаром. Потом на полки позади себя расставила варенья и шоколадные пасты. Получилось симпатично, хотя очень не хватало основного товара.

Шоколада!

Темный, горький, молочный, белый, красный и какой-то странный с виду голубоватый шоколад лежал в вазах, коробках, шкатулках, пакетиках. На тарелках, дощечках, подставках и полочках. Вскоре оказалось, что шоколада Фолкрит закупил столько, что хватило бы провести не только бесплатную дегустацию, но и пару королевских приемов.

– Кошмар, – заключила я, обзревая обновленную лавку. – Всюду сладкое. Фу.

– Ты так не любишь шоколад?

Крин наблюдал за всем происходящим с неподдельным интересом. Должно быть в жизни зеркала, или кем он там был, нечасто случалось такое веселье.

– Я люблю. С чаем съесть кусочек или добавить в кекс. Или посыпать мороженое. Но не в таких же масштабах. И не так навязчиво. Вот если бы Фолкрит пришел и предложил мне летом подработать. Или попросил помочь – ну, как будущему родственнику, я бы...

– Ага, согласилась, – уголками губ улыбнулся Крин. – После того, как у тебя забрали дом?

– Строго говоря, его забрали родители. Давай закроем тему, ладно? Пора начинать маленькую месть!

Весь товар был разложен на полках, место для готовки освобождено, лишние коробки выброшены, а продукты рассованы по шкафам в зависимости от условий хранения. К таким вещам я

относилась педантично — знала, как важно правильно хранить ингредиенты. И не важно, киноварь это или молотый фундук.

Напрягла память, вспоминая, что там Фолкрит говорил про дегустации. Кроме чая в памяти ничего не осталось. Значит, будем импровизировать.

Во-первых, все угощения должны быть маленького размера, почти на один укус. Чтобы досталось как можно большему количеству людей.

Во-вторых, все угощения должны демонстрировать направленность лавки. Лавка шоколадная, значит, и делать надо с шоколадом. Ну и с душой, куда ж без нее.

Для начала я решила сварить главный компонент завтрашнего шоу — зелье. Мучилась с ним часа два и переделывала трижды. Права ошибиться не было, слишком многие попробуют (или попытаются) угощение. Не хотелось отравить весь город.

Но вот зелье стояло на прилавке. Ярко-голубое, светящееся, с приятным цитрусовым запахом. Оттого, что в лавке было немного жарко, так и хотелось выпить немного зелья. Но нельзя. Все для дорогих гостей, да и большое количество этой штуки превратит меня в непонятное активное нечто.

— А оно не опасное? — с сомнением спросил Крин, когда я отставила колбу и взялась делать тесто для кексов.

— Нет, если не злоупотреблять. Я свяжу зелье с кое-какими ингредиентами в угощениях, и оно потеряет способность влиять на человека.

Что ж, кто бы ни был владельцем этой лавки в прошлом, я должна сказать ему спасибо. Подробные рецепты очень выручили, ибо из кулинарии я знала не так уж и много. Но следовать инструкциям и вовремя снимать кастрюльку с огня даже я сумела. И результатом стало несколько видов теста.

Песочное — для печенья, бисквитное — для кексов и сдобное — для булочек. Плюс выставлю шоколад и горячий чай. Утром в Градде еще прохладно, народ торопится на работу. Да, к слову, стоит открыть дегустацию чуть раньше, чем открываются все лавки. Зацепим спешащих на работу, и, возможно, они придут за вкусностями на обед...

Стоп! Я что, всерьез рассуждаю, как сделать так, чтобы здесь были клиенты? Ох, воистину недосып отключает мозги.

На улице вдруг что-то грохнуло, будто вдалеке, а под самым окном, возле которого я готовила, раздался шорох. Я среагировала мгновенно – погасила свет и высунулась в окно. Ничего, лишь бесформенные тени фонарей и других домов. Совершенно пустынная улица. Рядом, буквально через квартал, в это же время наверняка бурлила жизнь: работали рестораны, гуляли любители ночной романтики. Может, кто-то из разгулявшейся богемы забрел?

Подумав, решила не выходить и не проверять. В лавке я в безопасности и тепле, а кто может попасться снаружи – еще большой вопрос. Один раз мне повезло и я не вляпалась в неприятности, но незачем провоцировать светлейшую богиню.

С каждым часом работать становилось все труднее. Глаза закрывались, а уставшая за дни волнений голова саботировала процесс готовки. Я чуть не забыла про булочки в горячем шкафу, и спасибо Крину, что напомнил. Маленькие аппетитные булочки с изюмом удались на славу. Я съела пару некрасивых штук и зажмурилась от удовольствия. Эдак я и впрямь лавку на ноги подниму.

– Ну и что в них магического? – с сомнением поинтересовался Крин.

– Завтра увидишь. Магия действует только раз.

– Увижу, – хмыкнул Крин. – Как? Я же зеркало.

– Не волнуйся, я поставлю тебя к окну. Поверь, все самое интересное ты увидишь.

– Особенно то, как хозяин будет на тебя орать.

– Издержки профессии, – улыбнулась и пожала плечами.

Наконец все было готово. Три противня с маленькими булочками с изюмом, два противня с печеньем в шоколадной глазури, один противень с кексами и куча маленьких кусочков шоколада. Я потратила последние силы, чтобы укрыть это гастрономическое богатство пологом хранения.

– У меня есть еще три часа. Пойду посплю. Сможешь разбудить за час до открытия?

– Я что, будильником к тебе нанялся? – для виду возмущился Крин, но потом вздохнул и кивнул. – Спи. И твое счастье, что я любопытен.

Странно, но хлам на втором этаже лавки успокаивал и придавал моей постели какой-то особый шик. Было уютно лежать под теплым одеялом, всматриваться в темноту и предвкушать завтрашнее веселье.

И хоть одиночество неприятно кололо своими острыми краями, я с удовольствием и каким-то умиротворением засыпала.

* * *

Этой ночью Уиллторн долго смотрел на шоколадную лавку. Умбрины скользили по стенам, присматривались. Они должны были расти, набираться сил, но с появлением ведьмы это стало невозможным. Из-за чего тени злились.

– Нет! – отрезал Уиллторн, когда одна из теней угрожающе провела когтями по окну, в котором виднелся точеный профиль девушки. Она сосредоточенно колдовала над котелком и совсем не обращала внимания на то, что происходит снаружи. Что ж, оставалось только надеяться, что личные проблемы ведьмочки не позволят ей что-то заподозрить.

Уиллторн не боялся эту Дейзи. Но ее излишнее любопытство принесет некоторые проблемы.

– Хватит, – бросил он умбринам.

Те разочарованно зашелестели, но нехотя убрались от окна, не решившись послушаться.

Мужчина поднял руку, с которой сорвался темный сгусток магии. Он юркнул между погасшим фонарем и стеной, скользнул по каменной кладке бульвара и замер перед наглухо закрытой дверью другого дома.

Умбрины стремительно проникли через окна, заполнили собой все пространство дома, от чего внутри стало нестерпимо темно. Тьма клубилась в углах, придавала дому зловещий и заброшенный вид. К утру они должны были освоиться и поутихнуть.

Взглянув на небольшие карманные часы, мужчина направился прочь. Оглянулся в последний раз на лавку, но ведьмы уже не было видно.

Ее шоколадная лавка была последним домом, необходимым Уиллторну. Осталось придумать, как его заполучить.

Наутро, когда Крину с трудом удалось меня разбудить, я первым делом рванула в душ. Как все же мне повезло, что я попала в лавку, которая торгует едой. Нет, в глобальном смысле все случившееся вряд ли можно было назвать везением, но в целом и общем все сложилось не самым плохим образом.

Дело в том, что лет так... двадцать назад, после неприятной и массовой эпидемии отравлений, в Градде начали действовать жесткие законы в отношении таких лавок. И наличие места, где повар и подавальщики могут вымыться, было одним из обязательных требований. Лавка явно строилась под продуктовую, потому что крохотный и холодный, но душ был.

С утра вода в нем казалась особенно ледяной, но зато отлично смывала сонливость. Я вернулась в комнату и потянулась было к одному из платьев, но остановилась, услышав вкрадчивое покашливание зеркала:

– Кому-то было велено надеть униформу...

И впрямь, я совсем забыла об очередной гадости Фолкрита. Не скажу, что настроение с утра было прямо отличное, но все же после того, как я нацепила платье, оно напрочь испортилось. Я с досадой извлекла из свертка красное платье с дурацким черным галстучком. Оно даже не закрывало колени!

– Это бордель или шоколадная лавка? – бурчала я, надевая весь этот ужас.

– Довольно... оригинально, – прокомментировал Крин.

Я смотрелась в его зеркало, и призраку (или кем он там был) пришлось исчезнуть, но от комментирования отказаться не смог.

К платью прилагалась миниатюрная шляпка-цилиндр, что крепилась к волосам при помощи заколочки. Гулять так гулять! Я взбила каштановые кудри, нацепила шляпу и выбрала обувь, о которой Фолкрит почему-то забыл – высокие кожаные сапожки, которые, убегая из дома, я сунула в сумку неясно зачем. Из зеркала смотрела симпатичная ведьма, даже, можно сказать, сексуальная. Никогда не видела себя в таком образе, но что-то в нем было.

Правда, нынешняя Дейзи не могла не хулиганить, так что я взяла с полки флакон с зельем и брызнула несколько капель на платье. Это

зелье было моей контрольной работой, которую я выполнила на отлично. Платье медленно приобрело сочный сапфировый оттенок.

– Надеюсь, хозяину понравится, – усмехнулась я.

– Надеюсь, это не выльется в итоге в кровавое убийство, – ответил Крин. – Мне совершенно не улыбается наблюдать здесь море крови и кучу костей. И такхлама полно.

Показав зеркалу язык, я спустилась в зал.

А там, едва взглянув в окно, обомлела. К моей лавке тянулась неплохая такая очередь, будто кто-то пустил слух, что сегодня здесь раздается халява. Был в этой очереди владелец фруктовой лавки, стояла, позевывая, подавальщица из бара на соседней улице, а дополняли картину еще пятеро незнакомых мне мужчин.

Нет, что-то подсказывало, что это не за конфетками тут очередь тянется. И прежде, чем разворачивать полевою кондитерскую, надо выяснить, что за стихийный митинг у моей двери.

– Утро доброе, господа! – объявила я, появившись на пороге. – Чем обязана?

Они осторожно переглядывались, и никто не решался начать.

– Ну, – пожала плечами, – нет так нет...

– Зелья бы, госпожа ведьма, – робко подал голос один из мужчин.

– Да-да! – поддержали его остальные. – Вы шляпнику сделали, мы слышали!

– У них с женой все так хорошо стало! – добавила подавальщица. – И нам бы...

– Капельку!

– Заплатим!

Я тяжело вздохнула. Все же репутация – штука исключительно хрупкая. Один раз с попойки нацепила дурацкую шляпу, теперь весь квартал считает меня темной ведьмой! И ладно бы зелье от сварливости, а если они попросят что-то исключительно темное?

Впрочем, того зелья оставалось еще полкотелка.

– Ну, значит так! За зелье, господа, придется поработать.

Они все закивали с таким неиссякаемым энтузиазмом, что я даже порадовалась этому неожиданному утреннему визиту.

Все пришедшие так или иначе были связаны с лавками, тавернами или просто торговлей, так что организовать их не составило труда. Двое мужчин вытаскивали и устанавливали столы рядом с лавкой, еще

один вешал плакат, сообщающий о том, что у нас сегодня дегустация. Женщины эти столы накрывали, расставляя тарелочки и вазочки. Я тем временем делала большой котел чая. Вместе мы справились намного быстрее, чем я бы ковырялась одна, и как закономерный итог – все добровольно-принудительные помощники получили по небольшому флакону вожделенного зелья.

Мало того, что свалила всю работу, так еще и осталась с комплиментами – за зелье благодарили так, словно я спасла их жизни, не меньше. Настроение, разбитое дурацким нарядом, снова поползло вверх, ведь впереди еще ждали сюрпризы, которые я обещала Фолкриту!

Постепенно к лавке начал подтягиваться народ. Кто-то проходил мимо и даже не смотрел в нашу сторону, кто-то нерешительно останавливался поодаль и смотрел, как ведут себя другие. Вокруг столов собралось человек двадцать.

– Не стесняемся, дегустируем! – надрывалась я, и со стороны казалось, будто и впрямь стараюсь. – Женщина, ну куда вы в мешок-то гребете, честное слово!

Народ пробовал шоколад, одобрительно кивал. Не обходилось и без излишне наглых экземпляров. Когда один тучный мужчина, не сильно-то и скрываясь, набил карманы кексами, я не выдержала и щелкнула пальцами. По плану это должно было случиться позже, но ради такого дела я не я буду, если не достану козырь!

Кексики, вдруг обнаружившие в себе глубокий внутренний мир, во внешний вышли гордо и ловко. Маленькие шоколадные ножки и забавные ореховые мордашки появились словно из ниоткуда. Кексы под всеобщий смех выбрались из карманов воришки и вернулись на стол, где отвесили благодарным зрителям поклоны.

После такого есть их, конечно, ни у кого рука не поднялась. А кексики-то оказались теми еще нарциссами! Они буквально купались в лучах всеобщего обожания. Закончили кланяться и устроили импровизированное представление, лихо сплясав что-то вроде танца котелков, только в бисквитной вариации.

Я, признаться честно, тоже увлеклась, и не сразу заметила Дрэвиса Фолкрита. А тот, между прочим, вышагивал по проспекту рука об руку с дорогой сестрицей Сарой. Та гордо несла на себе

полкило бриллиантов и смотрела на все вокруг так, словно обозревала владения.

Они решительно направились в нашу сторону. Что ж, все для дорогих гостей – я быстро сбегала в лавку и под общее одобрительное «О-о-о!» вынесла поднос с маленькими булочками. Пышные, ароматные, с изюмом и корицей, они так и притягивали взгляд, манили, звали их попробовать.

– Господин Фолкрит! – просияла я. – Сара, дорогая сестра! Присоединяйтесь к нам, попробуйте булочки по старинному рецепту!

Фолкрит был, зараза такая, подозрителен и умен. Моя довольная мордашка его, надо сказать, довольно сильно смущала, поэтому булку брать не торопился. А вот Сара... милая Сара, привыкшая держать лицо на публике, одарила меня снисходительной улыбкой и изящно, двумя пальчиками, взяла сладкое угощение.

Я снова щелкнула пальцами.

Изюм начал разбегаться из булок, как тараканы при включенном свете. Сара истошно завизжала, отбросила булку и отскочила на добрые полметра. Народ сначала было перепугался и отпрянул, но тут же разразился оглушительным смехом и... зааплодировал.

Нет, мне, конечно, было приятно. Но я вообще думала, что отпугну покупателей своими фокусами, а не наоборот.

– Леди Гринвильд! – рявкнул Дрэвис.

А кексик тем временем бодро отплясали канкан и приступили к фокстроту. Непроизвольно я начала отбивать ритм костяшками пальцев, но, увидев, как наливаются кровью глаза Фолкрита, стушевалась.

– Что здесь, позвольте узнать, происходит?

Он плохо сдерживал желание разорваться.

– Вы пугаете собственных покупателей, – невозмутимо ответила я. – Еще чуть-чуть, и за нами навсегда закрепится слава лавки, которой владеет неадекватный мужик. Нет, я-то не против, работы меньше. Но продукты жалко... Вы столько всего купили.

Довод явно показался Фолкриту разумным. Он сделал над собой видимое усилие и успокоился. Мысленно я ликовала, ибо вид злой и опозорившейся Сары был лучшей наградой этого утра. А платье, вызвавшее столько недовольства у меня раньше, теперь наравне с танцующими кексами стало хитом дегустации.

– Я надеюсь, леди Гринвильд, – процедил сквозь зубы мужчина, – у вас в запасе больше нет идиотских выходов, иначе пеняйте на себя.

– Тогда, – я сделала вид, что всерьез испугалась, – лучше не давайте Саре пить из той кружки... А впрочем, поздно.

От того, как Дрэвис подскочил к сестричке и вырвал из ее рук стакан с чаем, я чуть пополам не сложилась. В чай, к слову, я ничего добавить не успела, так что хозяин совершенно напрасно облил невесту.

– Эксклюзивный заказ на булочки с изюминкой и кексики с огоньком можно записать на этом листочке! Возьмусь только за первые десять заказов, оплата сразу после дегустации!

Я достала кусок пергамента, и он моментально ушел в толпу.

– Вот видите, – обратилась к Фолкриту, – я делаю вам прибыль.

Тому ничего не оставалось, как молча скрежетать зубами, ибо в толпе кто-то успел даже слегка подраться за место в списке. Сара готова была испепелить меня на месте, но вот незадача – не умела.

* * *

Все хорошее имеет свойство заканчиваться. Закончился шоколад, закончились булочки, которые даже несмотря на сбежавший изюм оказались очень вкусными, выдохлась магия из кексиков. У меня в руках был тяжелый мешочек с монетами – оплата заказов.

Сара под шумок куда-то смылась, и я ее понимала. Наедине со мной оставаться, наверное, было страшно. Хотя уж зря она так, я никогда бы не дошла до откровенного членовредительства. Да и чего она так взъелась? Подумаешь, изюм сбежал, так Сара его и не любила особо. Я, можно сказать, одолжение сестренке сделала.

Вот только Дрэвис, похоже, так не считал. Но по факту не мог ничего предъявить, ибо все его условия были соблюдены идеально. И я даже на пару часов забыла о намерении разорить эту лавку ко всем демонам. Вон сколько за одно только утро заработала.

Некоторое время мужчина открывал рот молча, явно перебирая в уме все выражения и отбрасывая нецензурные.

– Еще одна такая выходка, Гринвильд...

– Сами виноваты, нечего было нанимать алхимика. Я не повар, что смогла – то приготовила.

– Ты... ты...

– Чайку? Булочку? Изюма, кстати, не хотите?

Ткнула в миску, куда он сбежался, покинув булки.

– Безответственная, вредная, глупая ведьма, – прищурился Фолкрит. – Но я из тебя воспитаю настоящую леди. Через год и замуж не стыдно будет выдать.

Что-о-о?! Я задохнулась от возмущения! Он уже вообразил себя моим родственником?

– Кексы! – рявкнула я. – В атаку!

Магии было совсем чуть-чуть, зелье почти выдохлось, но кексам хватило сил приоткрыть шоколадные мордашки и грозно зарычать. Реального урона не нанесут, но вот перепачкать костюм «с иголочки» могут влегкую.

Дрэвис благоразумно предпочел держаться подальше. Он наблюдал, как я убираю посуду в лавку, и даже не предложил помочь со столами. Удостоился мрачного взгляда с непрозрачным обещанием скорейшей мести, и в итоге смылся. Наверняка успокаивать взбешенную невесту. Готова сожрать свою шляпу – они представляли себе эту дегустацию немного иначе.

Должно быть, предвкушали, как хозяевами жизни пройдут по улице, мимо вынужденной раздавать какую-то ерунду, Дейзи. Но что-то пошло не так.

– Поздравляю, – усмехнулся Крин. – Только теперь за ними ответный ход, и вряд ли они его упустят.

– Что-нибудь придумаю. Сара больше не сможет мне навредить, все что могла, она уже забрала. А Дрэвис... с ним побоемся.

– Что ж, хотя бы развлечениями на ближайший год я обеспечен. И что теперь будешь делать?

– Торговать. – Я пожала плечами. – Вон сколько заказов.

Я сунула в рот одинокий орешек, выпавший из печенья.

– А знаешь, мне даже понравилось. Может, я и проникнусь этой лавкой и не разорю ее. Если хозяин будет себя хорошо вести.

Глава пятая

Несколько дней в лавке вымотали меня до состояния нестояния. Не было сил ни на что, кроме простейших действий. Подняться спозаранку, сбегать в душ, наспех перекусить бутербродом и заниматься булочками со злополучным изюмом, которые расхватывали моментально. Я ненавидела себя, алхимию и кулинарию за то, что эти булки вообще появились на свет. Хорошо, хоть пляшущих кексов не заказывали – всем было жалко и немного боязно есть то, что еще недавно репетировало на твоём столе румбу.

После того, как партии булочек отправлялись в печь, я открывала лавку и пыталась как-то справиться с наплывом покупателей.

И если бы они все приходили за шоколадом!

Но нет, весть о том, что в шоколадной лавке Градда работает самая настоящая темная ведьма, распространилась по городу очень быстро. Без преувеличения, добрая половина клиентов приходила, исключительно чтобы хоть одним глазом посмотреть на такую редкость.

Сначала я всем терпеливо отвечала:

– Извините, но я – алхимик, а не темная ведьма. Что? Шляпа... есть шляпа, но это не то, что вы подумали.

Потом устала и уже молча соглашалась. В конце концов, им хотелось видеть за прилавком темную ведьму, так зачем отказывать в удовольствии тем, кто платит тебе деньги? Правда, шляпу старалась не надевать, дабы не плодить лишних слухов. Бессмысленный и отчаянный жест – слухи эти плодились со скоростью звука.

Неудивительно, что в один прекрасный момент они таки дошли до Дрэвиса Фолкрита. И одним прекрасным (на самом деле, не очень) вечером он вновь посетил лавку.

Я как раз отвешивала покупательнице шоколад. Наверное, это спасло от начала немедленной расправы. Мужчина прошелся по залу, делая вид, что забрел совершенно случайно и вот-вот уйдет. Но я-то знала, что ничем хорошим его визит не кончится. Мне еще не отомстили за представление на дегустации, а месть – блюдо, которое подают холодным.

Вот и Дрэвис остыл и подал... себя.

И хоть я нарочно старалась рассчитывать с покупательницей медленнее, колокольчик на двери неумолимо звякнул, сообщив, что мы с хозяином остались наедине. Ну, не считая Крина, но он благоразумно скрылся.

– Поговаривают, – начал Фолкрит, – в одной из лавок по нашей улице работает настоящая темная ведьма. Ничего не слышала?

– Боюсь, у меня нет времени на досужие разговоры. Вы ведь экономите на работниках, так что я и поесть иной раз не успеваю, не то что обсудить свежие сплетни.

– Странно, потому что слухи эти настолько популярны, что дошли до самого мэра Градда.

Вот блин! А все почему? А потому что пить надо меньше. И откуда эта шляпа взялась-то?! Отлично, теперь все, включая мэра, считают, что я – темная ведьма. Хоть бы в академии не узнали! Отчислят, как пить дать отчислят. Или стипендии лишат, а это сейчас равносильно смерти!

– И странно-то как, – продолжал Фолкрит, – все утверждают, что обозначенная темная ведьма торгует ничем иным, как шоколадом!

– Кошмар, – совершенно искренне посочувствовала я. – Конкуренты не дремлют. А она симпатичная?

– Не очень, – отрезал Фолкрит, а я... вот взяла и обиделась.

Правда, ненадолго, потому что ситуация вдруг приобрела какой-то угрожающий оттенок. Дрэвис оперся руками о столешницу и тихим, серьезным голосом спросил:

– Что ты творишь, Дейзи?

Надо сказать, прием был неожиданный. Я ждала воплей, ехидства, но никак не этой пугающей серьезности. Мужчина выглядел весьма впечатляющим, а в глубине темных глаз светилось что-то очень опасное, словно магия внутри шевельнулась и насторожилась.

С трудом я нашла в себе силы ответить:

– Я, господин Фолкрит, делаю ровно то, что предписано судом: отрабатываю свое наказание. А вот вы с самого первого дня саботируете мою работу. Ведьму еще какую-то приплели. Вы разве не знаете, что я алхимик? Темная магия – это не моя сфера.

– То есть народ костюмом темной ведьмы ты не пугала? – уточнил он.

– Не-а.

Не пугала же формально. Что хочу, то ношу, а уж если вы при виде меня пугаетесь, носите веера – за ними можно спрятаться и не смотреть.

– И зелья сомнительные не варила?

– Не-а.

А что? Я в своих зельях не сомневаюсь.

– Хорошо.

И почему это прозвучало как «сейчас я тебя закопаю»?

– На вот, – Фолкрит положил на прилавок листок мерзкого розового цвета.

– И что это?

– Заказ на торт.

– Какой еще торт?!

Нет, он определенно меня с кем-то перепутал! Я не пекарь и не кондитер, я алхимик, чтоб его орехами убило! Управляющая лавкой, на худой конец, но не повар!

Я прищурилась.

– Для кого торт?

– А тебя что, в академии читать не учили? День рождения невесты сына мэра! Восстанавливай репутацию, не-темная-ведьма. Заказ срочный, чудом для тебя выбил.

Лучше бы тебе кто глаз подбил.

– Просили что-то яркое и оригинальное. Так что в твоих интересах постараться, кексик.

Как-как, простите? Он меня как назвал?!

О, я постараюсь. С дегустацией вышла промашка, но теперь-то я умнее буду. Никаких экспериментов с ингредиентами! Только творчество, только полет фантазии. Кто не спрятался, я не виновата.

Ради такого дела, даже после работы задержусь (хотя кого я обманываю, я же здесь живу). Но торт для сестры... жены... тьфу, опять забыла, для кого. Ну, в общем, для важный шишки Градда – это просто прекрасно. Может, мои пакости на дегустации и подняли лавку, но этот заказ ее точно разорит!

– Мне уже страшно, – усмехнулся Крин, когда Дрэвис ушел. – Что на этот раз? Убегающий торт? Бисквит, оскорбляющий гостей?

– На этот раз обойдемся без магии.

Я быстро сворачивала торговлю, хоть до конца рабочего дня и оставался целый час. Торт – дело трудоемкое, надо как следует обдумать идею, все подготовить и к утру выдать, без преувеличения, шедевр.

Старалась всю ночь, без перерывов на еду и сон.

Никогда еще процесс готовки не доставлял мне такого удовольствия! Бисквит получился нежный и сливочный, тающий во рту. У меня даже рука дрожала, когда я придавала ему нужную форму. Высунув от напряжения язык, выводила кремом завитки, а потом с изяществом ювелира делала шоколадное кружево.

За виноградом для украшения пришлось под утро бежать во фруктовую лавку, благо они меня уже знали и в качестве исключения продали пару веточек.

Наконец результат примостился на прилавок. На ручку корзинки я повесила кокетливый бантик. Ну, чтобы было понятно, что торт праздничный. Потому что по пучеглазой селедке с выпученными виноградными глазами сразу и не скажешь, что она мало того что на день рождения едет, так еще и торт.

Зато у селедки была кокетливая кружевная юбочка, которую я по праву считала своим наивысшим кулинарным достижением. А уж какие чешуйки! Кремовые, ажурные, вку-у-усные! Угощайтесь, дорогие заказчики. Претензии по тарту не принимаются – вы же мне портрет именинницы не давали, а я художник, я так вижу. Спросите любую женщину – мы всех конкуренток видим именно так. И это я еще приукрасила, праздник все-таки.

– Тебе тоже бантика не хватает, – оценил Крин.

Я как штык стояла за прилавком в девять утра, красивая, сияющая и готовая к трудовым подвигам. С нетерпением предвкушала момент, когда счастливый заказчик откроет это бисквитное нечто. А Дрэвис Фолкрит умоется и перестанет доставать меня заданиями и дурацкими прозвищами.

В общем, когда колокольчик звякнул, я уже потирала руки в предвкушении.

– Леди Гринвильд... – Заказчиком оказался грузный мужчина лет шестидесяти в нелепой шляпе-цилиндре.

Он смотрел на меня с явным разочарованием и в то же время любопытством. Темная ведьма не оправдала ожиданий, какая беда.

– Могу я забрать свой заказ?

Вслед за ним топал Дрэвис, но торта он пока не видел.

– Разумеется! – просияла я.

Откинула пергаментную бумагу, представляя взору благодарных зрителей шедевр кулинарного творчества. Когда Дрэвис встретился с рыбой глазами, то рефлекторно сжал руки, будто представляя, что там моя шея. Заказчик задумчиво осматривал торт.

– Как любопытно... – пробормотал он.

Фолкрит явно все это время искал в своем арсенале цензурные выражения. Нашел только одно:

– Что это?!

– Торт, – сообщила я.

– То, что это торт, я по запаху чувствую! – рявкнул Дрэвис. – Что он, богиня тебя разрази, изображает?!

– Селедку в кружевах. Сами просили творчество. Творю, как могу.

Тут подал голос заказчик, от чего у нас с Фолкритом одновременно вытянулись лица:

– Потрясающе!

У него шок? Пожалуй, надо быть готовой, в случае чего, бежать за аптекарем.

– Простите? – обалдел Дрэвис.

– Невероятно!

От переизбытка чувств мужчина даже подпрыгивал на месте.

– Тонкая работа! Просто потрясающе! Как вы узнали, что невеста сына мэра – дочь крупнейшего рыботорговца Градда?!

– Э-э-э... – протянула я.

– Леди Гринвильд, примите мои восхищения! Лорд Фолкрит, вы были правы, ваша лавка – это нечто, и не стоит верить глупым сплетням! Можете рассчитывать на любое сотрудничество с мэрией. И уж конечно, я порекомендую леди Гринвильд всем своим знакомым.

Зеркало за их спинами беззвучно ржало так, словно в прошлой жизни было конем. Фолкрит скрипел зубами, а заказчик... заказчик извлек из кошелька несколько монет. Одну передал за торт, а вторую вложил мне лично в руки.

– Примите скромную благодарность за ваш труд, Дейзи!

– Скромность – это не к леди Гринвильд, – пробурчал Дрэвис.

Довольный заказчик уносил торт так, словно то была величайшая ценность. У дверей лавки его ждала карета. К слову, неслыханная редкость – по центральным улицам Градда указом мэра было запрещено ездить верхом или в экипажах. Только королевская семья да экипажи специального назначения удостоивались такой чести.

– Обидно, да? – хмыкнула я, глядя на багровеющего Фолкрита. – Даже поругать не за что. Видите? Я приношу лавке прибыль. А вы на меня войной идете. Нехорошо как-то, не по-родственному.

Бросив на меня полный мрачного обещания скорой смерти взгляд, Фолкрит двинулся к двери. Ну то есть это выглядело, словно он двинулся к двери, а на самом деле дорогой работодатель подошел к окну и задернул плотные шторы. А затем запер дверь, и вот тут-то мне стало по-настоящему страшно! Я почти вознамерилась рвануть к лестнице, но все равно бы не успела.

Разъяренный жених сестрички навис над совершенно беззащитной и невиновой темной алхимичкой. Рядом, как насмешка судьбы, лежали горы шоколада. Сладкая смерть – напишут на моем надгробии.

– Знаешь, что я с тобой сейчас сделаю? – протянул Фолкрит.

Не знала и узнать не успела. Несмотря на то что Дрэвис закрыл лавку, дверь вдруг с оглушительным грохотом распахнулась, и в помещение вплыла фея моего спасения.

Фея была такого размера, что нам сразу стало тесно. И мое зверской убийство откладывалось на неопределенный срок.

– Деву-у-ушка, – прогремела фея. – Есть у вас что-то вку-у-усное? Я сглотнула.

– Ш-шоколад?

– А он, – на меня строго взглянули, – диетический?

У кого бы в присутствии этой феи повернулся язык сказать, что нет? Тем более что верхушку замысловатой конструкции из волос и блестящих шпилек венчала кокетливая шляпка с сеточкой. Почти как моя форменная, только раза в три больше.

– Мне два кило в таком случае.

Дрожащими руками я принялась взвешивать товар, краем глаза следя за Фолкритом. А можно я с феей уйду? В сумочке вполне поместится маленькая скромная Дейзи.

Даже промелькнула мысль выложить знак бедствия орехами на куске шоколада.

– Считай, повезло, кексик. – Фолкрит наклонился к моему уху, угрожая дыша в шею.

Потом схватил с прилавка кекс с кремом и собрался было уходить.

– Мужчи-и-ина! – рявкнула женщина. – Вы за мной будете!

– Простите?

– Очередь! Я первая сказала, что мне взвесить! Положите кекс на место! Верно, девушка?

– Конечно! – горячо согласилась я. – Вы – приоритетный клиент!

– Я не...

Но куда там – оправдываться перед такими феями! Кекс, который держал счастливый владелец лавки, был вырван из его рук и водружен обратно на прилавок. Ладно хоть был в обертке, не хватало мне еще, чтобы тут покупатели продукты лапали.

– Вот я уйду, и расплатитесь, – воспитывала фея Дрэвиса. – Я вам в матери гожусь!

– Даже в две, – согласился Фолкрит.

– Что-о-о?!

Как бы ни хотелось смеяться над этой, словно театральной сценкой, меньше всего я желала, чтобы хозяина лавки избила покупательница. А силищи в ней было немерено. Кто бы знает, чем все кончилось, если бы я быстро не сунула ей в руки два увесистых свертка с шоколадом. Фее пришлось рассчитывать и забирать покупки, и только это спасло Фолкрита от расправы.

Когда дверь за ней закрылась, а выломанный хлипкий замок покотился по полу, я сказала:

– Вы у меня в долгу! Считайте, жизнь спасла. И вообще, господин Фолкрит, вы ко мне несправедливы. Я отдраила до блеска вашу лавку – раз! Я ночь не спала, готовилась к дегустации – два! Я провела ее идеально и заработала денег – три! Я торт для мэрской семьи сделала, да такой, что они в восторге остались – четыре!

«И это я всего лишь напакостить хотела», – подумала, но озвучивать не стала.

– Ты хочешь войны? – прищурился Дрэвис. – Хорошо, кексик, будет тебе война. Через неделю состоится официальный прием по поводу моей помолвки с Сарой. Будут мои коллеги, партнеры, друзья

семьи. Так сказать, торжество среди коллег. Разработай меню десертов и сладких закусок. Я пришлю с курьером всю информацию о меню и своих пожеланиях.

Чрезвычайно довольный ответным ударом, Фолкрит все-таки цапнул кекс и скрылся за дверью. Я молча смотрела ему вслед.

– Удар ниже пояса? – хмыкнул появившийся Крин.

– Переживу, – буркнула я.

* * *

Найти жилье в Градде было довольно проблематично. Простейшие подсчеты показали, что я не смогу оплатить комнату на постоялом дворе, а снять целый дом и того подавно. Во-первых, в столице еще надо было умудриться найти это жилье. А во-вторых, цены были такие, что я недоумевала: у них там пряничные дома? Потому что в такие суммы определенно должно было входить трехразовое питание.

В общем, на этом я как-то резко остыла в поисках собственного жилья и призадумалась. А почему бы, собственно, не остаться пока в лавке? Надо придумать, как заработать больше денег, отложить, и к моменту, когда я выйду свободным человеком, мне или дадут общежитие академии, или у меня будет достаточно денег, чтобы снять комнатуху. Да хотя бы и за этой дорогой.

Мне успешно удавалось скрывать обустроенную постель от Фолкрита. Это, в общем-то, было несложно. Он и не поднимался никогда наверх. Фолкриту вряд ли вообще приходила мысль, что можно жить в захлавленной лавке. У него было достаточно денег, чтобы зайти в большинство домов и сказать что-то вроде: «Я хочу здесь жить, плачу полмиллиона эр». И все, через минуту дом будет пустым, еще и приветственный плакат повесят.

Каждый раз, возвращаясь с поисков, я жалела себя и активно ругала Фолкрита. Немного, но это поднимало настроение.

Чтобы не сойти с ума от скуки, в свободное от работы время я изучала старые рецепты. Попадались весьма любопытные. Я отложила поближе один особенно интересный – рецепт карамели, твердой снаружи и нежной сливочной внутри. Не то чтобы я вдруг стала радеть

за лавку, но раз уж попала сюда, неплохо было бы вынести что-то интересное для будущей самостоятельной жизни.

Мне все же хотелось верить, что полоса невезения не продлится долго и рано или поздно меня ждет муж, детки и счастливые семейные праздники. Ну а пока я была вынуждена готовить десерты на счастливые семейные праздники других.

День приема Дрэвиса Фолкрита выдался, во-первых, мрачный и дождливый, во-вторых, суматошный. Я куталась в теплую шаль и бегала взад-вперед по лавке. Накануне курьер принес от Фолкрита пожелание к меню, где огромными черными буквами было написано: «НИКАКОЙ МАГИИ!» И чуть дальше, под списком десертов: «СОВСЕМ НИКАКОЙ!»

А еще господин будущий шурин желал кексов с кремом, горького шоколада (к коньяку) и глазированных орехов.

Что ж, кексы приготовить – невелика беда.

Правда, потом выяснилось, что я эти кексы еще и буду подавать. Вот тут уж я не удержалась, заколдовала обратную записку, и та прокуренным басом сообщила Фолкриту все, что о нем думаю я. Ну а в конце заботливо пообещала *в кексах* магию не использовать. Курьер говорил, Фолкрит изрядно побледнел после этого заявления и судорожно выпил водички.

А еще надо было не забывать обслуживать покупателей, следить за витриной и отбиваться от желающих пообщаться с темной ведьмой. Хоть их, благодаря мерзкой погоде, было немного.

Когда в лавку вплыла фея, я внутренне сжалась, подумав, что сейчас меня будут бить. А если она выяснила, что шоколад никакой не диетический?

– Ми-и-илочка, – прогудела женщина, – ваш шоколад потрясающе вкусный! Нигде еще не встречала такого вкусного диетического шоколада. Можно мне килограмм?

– Конечно, – облегченно выдохнула я. – А еще, как любимому покупателю, вам полагается очень вкусное диетическое печенье в подарок!

– Вы совершенно чудесно милы! – расплылась в улыбке фея. – Слышали новость? Со дня на день ее величество ждет появления наследника.

– О, – я совершенно выпала из светской жизни, – и впрямь великое событие для королевской семьи.

А сама с тоской подумала: наверняка будет какой-то праздник. Еще готовить заставят на какую-нибудь выставку.

– И зачем им наследник? – вырвалось у меня. – Есть же младший принц.

– Говорят, принц Бернон не горит желанием восходить на престол. Он серьезно увлечен артефакторикой. Рождение наследника – условие короля. Тогда принц Бернон сможет заниматься наукой всерьез, не рассчитывая на корону.

– Наука – это хорошо. Вот, ваш шоколад и подарок от лавки.

Между прочим, «Фолкрит и партнеры» – жутко отвратительное название. Мало того, что не выговоришь, так еще и совершенно не запоминающееся. Я давно об этом думала, но излагать хозяину соображения не спешила. С женихом сестрички против тебя может быть обращено любое слово. Еще заставит выдумывать, как эту пыточную обозвать.

– Мне надо прилечь, – вздохнула я. – Ощущение, что по мне потоптался дракон. Хоть пару минуточек.

Пару, потом еще пару, потом еще и еще – я проспала добрых три часа. На мое счастье, Крин караулил время и разбудил вовремя, заорав совершенно дурным голосом. Я даже не знала, что этот привычно холодный и флегматичный зеркальный обитатель так умеет.

Снова звякнул колокольчик. Решив, что это очередной желающий набрать пару килограмм, я вышла в торговый зал. Как только увидела гостя, поняла, что вышла зря, но зайти обратно уже не успела.

Сара с приличествующей девушке из хорошей семьи грацией прогуливалась вдоль витрины. словно невзначай сестрица провела пальцем по полке и презрительно сморщилась. В руках, кроме небольшой, расшитой бисером сумочки, у нее была какая-то газета. Странно, не замечала за ней любви к периодике.

– Чего надо? Шоколада? – мрачно поинтересовалась я.

И пусть Фолкрит хоть тысячу наказаний мне придумывает, я не собираюсь любезничать с Сарой.

– Повежливей, я без пяти минут хозяйка этой халупы, – ледяным голосом ответила она.

– Иначе что? Закажете у меня фуршет на первую брачную ночь? Приготовлю вам чесночно-перцовый торт. Для, так сказать, розжига пламени страсти.

– Говори, говори, Дейзи. Как только я стану женой Дрэва, ты поймешь, что не стоит вставать у меня на пути.

Она вдруг будто бы случайно взмахнула сумочкой, и та снесла несколько креманок. По полу рассыпались корица, орехи, разлился сладкий малиновый соус. А еще во всю эту кашу, как вишенка на торт, упали формочки для кексов. Те самые, что я приготовила для кексов на прием Фолкрита. Наверное, по замыслу Сары я должна была прийти в бешенство, но я неожиданно развеселилась.

– Ну и дура, – сообщила сестре. – Сама же себе нагадила. Будут теперь у твоего женишка не аккуратные десертные кексы, а фирменные кривые лепешки. Впрочем, он непритязательный в плане удовольствий, раз решил жениться на тебе.

В глазах Сары вспыхнула такая ярость, что я даже засомневалась, не переборщила ли. Если мы сейчас начнем драться, интересно, это привлечет покупателей или наоборот? Говорят, хорошая женская драка изрядно оживляет любое мероприятие, даже если это – поход за печеньками.

Сара прищурилась.

– Я знаю, что ты задумала, но можешь забыть об этом.

– Странно, а мне рецепт тыквенного печенья показался хорошим.

– Не прикидывайся! – Сара бросила газету на прилавок, снеся попутно еще одну вазочку с крекерами.

Я не двинулась с места. Хочет что-то купить – с удовольствием продам, а вот на провокации не поведусь. Один раз я уже оттащила Сару за волосы, и это обернулось для меня годичным заключением в этом аду корицы и помадки. Удовольствие, конечно, колоссальное, но вот цена явно завышена.

Не дождавшись реакции, Сара явно не могла придумать, как еще меня достать. Так и не сказав больше ни слова, она развернулась на каблуках и степенно вышла из лавки. Я и Крин, появившийся в зеркале, задумчиво смотрели ей вслед. И только когда стало ясно, что Сара вернуться не соизволит, я взяла газету.

Поскольку на одной из полос была небольшая, но совершенно точно моя фотография, я решила посмотреть, что там написали. И

ахнула:

– Обалдеть! Какая-то Рикки Карамель... я вот даже не знаю, как это назвать!

– Читай вслух, – велел Крин. – Мне тоже интересно.

– «Лавки открываются, лавки закрываются, и в таком городе, как столичный Градд, редко кто обращает на это внимание. Центр города пестрит вывесками и растяжками, а у дверей каждой уважающей себя кондитерской громко кричат зазывалы. Казалось бы, пресыщенных жителей Градда уже не удивить и не заманить банальным шоколадом и примитивными кексами, но управляющей шоколадной лавки Фолкритов это удалось.

Совсем юная девочка, она появилась совсем недавно и буквально в считанные дни возродила прежде закрытую лавку. Да еще как! Двери лавки не просто открылись для желающих полакомиться сладким, они явили горожанам настоящее представление. Кого не восхищают забавные пляшущие кексы? А изюм хоть когда-нибудь сбегал прямо из булочек, которые вы подали на стол?

Но что скрывается за милыми магическими шалостями леди Дейзи Гринвильд? Поговаривают, нечто куда более серьезное, чем бытовая кулинарная магия. Ведь Дейзи – не простая девушка, а самая настоящая темная ведьма! Она красива, носит черную остроконечную шляпу и обещает своим покупателям кондитерские чудеса, но стоит ли верить обещаниям ведьмы, сила которой так далека от современной магии?

Как сообщил источник, пожелавший остаться анонимным, Дейзи Гринвильд отбывает в лавке Фолкритов наказание, назначенное судом Градда. Уж не за незаконную ли магию расплачивается наша красотка? Да и сам выбор места вызывает некоторые вопросы, ведь хозяин лавки не кто иной, как жених Сары Гринвильд – старшей сестры темной ведьмы. Так возможно ли, что леди Гринвильд неспроста выбрала кондитерскую местом своей работы? Ведь, как мы знаем, темные ведьмы обладают множеством жутких способностей, из которых приворотное зелье – самое безобидное угощение.

Всегда ваша, Рикки Карамель следит за местом событий».

– Нормально?! – обалдела я. – Кексы у меня подозрительные. Шляпа, понимаешь, остроконечная! Значит, как год назад все ходили в

идиотских кепках – так нормально, а как красивая шляпка – так сразу ведьма, изыди. Никакого чувства стиля.

– Не бушуй, ведьма. Зато понятно, отчего распсиховалась твоя сестричка. Видать, решила, что ты скрывала ото всех свой дар, а теперь решила накормить женишка приворотным зельем.

– Вот пусть она в этом уверится и весь вечер мешает Фолкриту жрать, я хоть посмеюсь.

– Что с кексами-то делать будешь? Он ведь просил. И вряд ли послушает оправдания.

– Что-то. Будут не кексики, а...

Я задумалась.

– Что получится, то и получится, – пожала плечами.

Выпечь два десятка кексов – дело нехитрое. Главное не пропустить время, да накрыть специальным одеялком, чтобы вышли ароматные и пышные.

Раз мои формочки оказались испорчены, я решила поддержать их форму магией. В теории я это умела. Изготовление камней должны были проходить на третьем курсе, но в некоторых областях алхимии я шла сильно вперед программы. Так что, по идее, принцип был схожий – направить магию на объект и усиленно воображать его форму.

Но если с магией все было относительно неплохо, то сосредоточиться на форме было не так-то просто. В голову беспрестанно лезли возмутительно приятные образы падающего на голову Сары или Фолкрита камня. И как я ни отгоняла видения справедливого возмездия, так и не смогла до конца вовлечься в процесс готовки.

В общем, эти кексы ни аромат, ни нежность не спасли бы.

– Ну-у-у, – протянула я, глядя на получившееся безобразие, – кубизм. Стиль такой в искусстве.

– Я бы даже сказал, кирпичизм, – хмыкнул Крин.

Кексы и впрямь почему-то вышли квадратные. Хотя... слово «почему-то» тут явно неуместно. Что ж, мое желание скинуть на Сару что-то тяжелое нашло выход. Теперь осталось найти вход, через который меня пропустят с этим ужасом, ибо с виду ну впрямь стройматериалы, а не десерт.

– А остальное как? – спросил Крин.

Остальное – шоколад и орехи в глазури не были испорчены исключительно потому, что я их не готовила. И даже пакостить в этот раз не хотелось, чувствовалось, что бисквитный кирпичизм и без того отлично впечатлит партнеров Дрэвиса.

– Мне одновременно и смешно и не по себе, – признался Крин. – Попадет тебе, кексик, ой, попадет.

От ненавистного прозвища я поморщилась. Но думала, на самом деле, о том же самом. В прошлый раз от того, чтобы быть задушенной хозяйном, меня спасла фея. Но на приеме фей не будет, и вряд ли отыщется добрый волшебник, который избавит меня от страшной безвременной кончины.

Я заботливо сложила все десерты в коробки, надела форменное платье и даже накрасилась ради такого случая.

– Шляпу не возьмешь? – с улыбкой поинтересовалось зеркало.

Хоть искушение было велико, я отказалась. Шляпа тоскливо ползла за мной до самого порога, но категорически отказалась вылезать под дождь. Запрыгнула на подоконник и тоскливо опустила кончик, всем своим видом говоря: «Хозяйка! Буду ждать!» Все ж странная штука.

Я шла и думала об этой шляпе. Откуда в ней магия? Шляпник потому и был шляпником, что не обладал никакими силами, кроме бытовых. Каким бы хорошим он ни был, заколдовать изделие бегать за хозяйном, он не мог. Тогда откуда в обычной шляпе эта прыть? Моя магия раньше тоже к таким вывертам склонна не была.

И Крин. Кто он? Кем был до того, как попал в зеркало? Магическое существо, плод фантазии зеркальщика? Нежелание призрака говорить о прошлом, сдержанность и холодность... нет, он не был обычным фамильяром или духом какого-нибудь старого дома. Крин имел прошлое, историю, и по какой-то причине не хотел ее рассказывать. Я уважала право на секреты – порой личные тайны могут быть действительно личными. Но как же грызло любопытство! А самое противное, что даже не у кого было спросить.

Я впервые в жизни увидела здание, где располагался фонд Фолкритов. Большое, аж в пять этажей. Относительно новое, с изящными барельефами и мраморным полом. Я чувствовала себя несурзной, очень маленькой и аляпистой в сверкающих интерьерах этого дома.

Меня ждали – приветливая юная помощница, как она сама представилась, проводила меня в зал, где уже были разложены закуски, горячие блюда и напитки. Предполагался фуршет, так что мне выделили целый стол с этажерками для кексов и двумя блюдами для шоколада и орехов.

– Ну, была не была.

Вздыхнув, я принялась расставлять кексы в веселую пирамидку. В какой-то момент поймала себя на мысли, что не хватает только раствора. И будет отличная детская крепость. Если найду, чем скрепить кексы, смогу отсидеться за ними, пока Фолкрит не утихнет. Такую стену еще надо умудриться разбить, не всякая катапульта осилит.

За каждым столом фуршета стояли девушки. Красивые, статные, все как на подбор словно сошедшие с конкурса невест для принца. И наверняка так же хорошо вышколенные. Настроение падало с каждой минутой. Если Дрэвис хотел унизить меня и показать на место, то у него отлично получилось. Я смотрелась среди этих красоток белой вороной. Бедной родственницей, не способной ни на что, кроме продажи печенья.

Постепенно зал наполнялся людьми. Фолкрита еще не было, но несколько солидно одетых мужчин уже взяли по бокалу вина и мирно беседовали у балкона.

А ведь он еще притащит на прием Сару и даст ей вволю поиздеваться. От жалости к себе захотелось пореветь, но пришлось закусить орешком. Да еще и выбирала самый некрасивый, дабы не нарушить композицию. Услышала, как кто-то рядом говорит:

– Это строители забыли материалы после ремонта или что-то съедобное?

– Зависит от того, насколько сильно хочется жрать, – буркнула я.

Подняла голову и чуть орешком не поперхнулась – на меня смотрели два удивительно зеленых глаза. Я никогда не видела такого глубокого, почти изумрудного цвета. Колдовские, потрясающие и в своем роде уникальные. Разумеется, глаза не висели сами собой в воздухе, они располагались на лице – ничем не примечательном, довольно симпатичном мужском лице. Нос с горбинкой, четко очерченные губы – пожалуй, обладатель глаз был весьма недурен собой. И – ну наконец-то! – носил длинные волосы, собранные в хвост.

– Я уже отчаялся увидеть здесь кого-то нормального, – усмехнулся мужчина.

– Нормального?

– С живым взглядом. С живой мимикой. Обслуга здесь дрессированная, а публика – заложники этикета. Приятно хоть пару минут поговорить с кем-то, кто выглядит человеком, а не аристократичной картинкой.

– Кекс? – не нашла ничего лучше, чем предложить.

– И все же, чем продиктована форма угощения?

– Дурным нравом хозяйки вечера. В приступе предсвадебной истерики она уничтожила все формы для кексов, а я, увы, могу печь или кубики, или лепешки. Но боюсь, шоколадные лепешки классической формы будут восприняты как оскорбление. Поэтому у нас на десерт торжественные кубики.

– Не откажусь, – усмехнулся зеленоглазый. – Мое имя Уиллторн.

– Дейзи. Дейзи Гринвильд.

– Очень приятно, Дейзи. Знаете, жалею, что на таких мероприятиях не устраивают танцы. Всенепременно пригласил бы именно вас.

– Боюсь, мой работодатель не придет в восторг от этой идеи, – рассмеялась я.

– Ваш работодатель – непроходимый глупец.

– Благодарю за столь лестную оценку хозяина данного места, – к нам подошли Фолкрит с Сарой.

Они явно слышали последнюю часть разговора. И не пришли от услышанного в восторг.

Но будь я проклята! Уиллторн ни капли не смутился, лишь одарил будущую чету Фолкритов прохладной улыбкой и сказал:

– Доброго вечера, Дрэвис. Благодарю за приглашение. Был приятно удивлен. Значит, Дейзи работает на вас? Знаете, впечатлен ее изобретательностью и осведомленностью.

– М-м-м?

– Девушка явно обожает свою работу. Я был недавно в Азор-граде и пробовал в кондитерской леди Риттер поразительные кексы, очень необычные. Вот уж не думал, что встречу точно такие же здесь, на вашем приеме, Дрэвис. Последний писк кондитерской моды.

Я слушала, открыв рот. Наверное, по моему виду Фолкрит понимал, что Уиллторн врет, но сделать ничего не мог, повинуюсь пресловутому этикету.

– Представьте меня своей спутнице? Не видел ее раньше в наших кругах.

Сара заскрежетала зубами – ее явно и почти не завуалировано сравнили с любовницей.

Я с трудом удержалась от улыбки. Пока они расшаркивались, я рассматривала сестру. В длинном черном платье она была, пожалуй, куда красивее меня. Держалась с достоинством, улыбалась, если замечала чьи-то взгляды. Но я долго прожила с ней бок о бок и не могла не заметить настороженность.

Поразительно! Я нервничала в ее присутствии в ожидании издевок, а Сара боялась, что я выкину какую-нибудь глупость! Так-так-так, это уже интереснее. Выходит, решение притащить меня на этот ужин было не Сарино? И она даже не знала, что я здесь буду.

От таких мыслей стало полегче, даже плечи распрямились.

Украдкой я поглядывала на беседующих Уиллторна и Фолкрита. Они смотрелись очень впечатляюще. Светлый и темный, но оба широкоплечие и яркие. Таких не потеряешь в толпе.

– Только попробуй что-нибудь выкинуть! – прошипела Сара, когда Дрэвис отвлекся.

– Смотри, как бы тебя саму не выкинули, если опозоришь благоверного перед партнерами, сестренка.

Ее светлая кожа не пошла красными пятнами лишь по одной причине: под слоем косметики этого было просто не видно. Я злобно подумала, что в первую брачную ночь Фолкрит расчихается от облака пыли, которое поднимется от лица невесты.

– Дейзи, – вновь обратился ко мне Уиллторн, – знаете, я с удовольствием бы дал вам работу. Я очень давно мечтаю о каком-то небольшом уютном магазинчике...

– Леди Гринвильд работает на меня, – отрезал Дрэвис.

Уиллторн досадливо поморщился:

– Право, она ведь не рабыня.

– Она отрабатывает наказание, избранное судом, – влезла Сара. – На рабство, конечно, не тянет, но тем не менее уволиться, увы, не получится.

— А вы... — Уиллторн сделал вид, что задумался. — Ах да, невеста...

И вот тут-то Сару не спасла вся ее косметика — красные пятна все же проступили. Она бы и рада была увести Дрэвиса подальше и от меня, и от Уиллторна, но почему-то Фолкрит не спешил одаривать вниманием других гостей. Он буравил взглядом попеременно то меня, то Уиллторна и недовольно хмурился.

Пришлось Саре использовать самое эффективное оружие, которым она обладала. Она как можно ближе прижалась к Фолкриту и вполголоса, но так, чтобы слышали все остальные, сказала:

— Давай сбежим отсюда и поедem к тебе. Я могу скрасить твой вечер куда интереснее деловых партнеров.

Мы с Уиллторном обменялись улыбками. В его присутствии было не так тошно наблюдать за сладкой парочкой.

— Сара, нет, — отрезал Дрэвис. — Твой отец не обрадуется, если ты до свадьбы будешь скрашивать чьи-либо вечера. Извини, поболтай немного с Дейзи и Уиллторном, мне нужно кое-что обсудить с господином Кубтри.

Вечер у сестрички явно не задался.

— Бисквитный кубик? — предложила я, не скрывая ехидства.

Как ошпаренная, Сара отлетела к окну. С видом оскорбленной задумчивости сестра выцедила шампанское с такой скоростью, что таки к Дрэвису она явно поехать собиралась. Только в бессознательном состоянии. Я привычно забеспокоилась, на миг забыв, что нам не придется возвращаться в один дом.

— Наверное, я был несдержан, — покачал головой Уиллторн.

— Она переживет, я вас уверяю.

— Дейзи, могу я пригласить вас на ужин?

Я растерялась и с недоверием взглянула на мужчину. То, что меня звал на свидание Марк Фолкрит, не особенно удивило: ему явно было интересно, что за сестричка Гринвильд работает у старшего брата. Но зачем встреча со мной понадобилась Уиллторну?

Это все крутилось в голове, а вслух я сказала вообще нечто неожиданное:

— С удовольствием!

— Тогда, может, завтра? Я зайду, когда вы закончите работу. Поужинаем, выпьем и обсудим перспективы.

Ах вот оно что – Уиллторн хотел переманить меня на работу. Странно, но почему-то настроение немного испортилось.

– Боюсь, Сара была права. Я не смогу в ближайший год на вас работать.

– Да что такое, в сущности, год? – рассмеялся мужчина. – Сущая ерунда, если есть желание. Не отказывайте мне, Дейзи, прошу. Пока я хочу лишь приятно провести время в компании очаровательной девушки.

– Очаровательная девушка совсем не против.

Впервые в жизни я разговаривала со взрослым мужчиной с позиции не студентки и не представительницы рода Гринвильдов. Надо сказать, было в этом что-то захватывающее: улыбаться, ловить на себе заинтересованный взгляд, чувствовать неприкрытую симпатию.

Люди подходили, в основном брали шоколад к шампанскому и орехи, а Уиллторн все не отходил и с аппетитом жевал несуразный кекс. И такая благодарность теплилась во мне в этот момент, что я не могла оторвать от него взгляд. А потому не сразу заметила, как к нам снова вернулся Дрэвис.

– Ты свободна, – уже более миролюбиво сказал он.

Мне показалось – ослышалась.

– Прошу прощения?

– Можешь идти домой, другие девушки справятся и с десертами.

– А...

– Кексик, не спорь! – отрезал он. – Это приказ работодателя.

В глазах Уиллторна совершенно явственно промелькнуло сожаление. Но ведь он все равно пригласил меня на ужин, а оставаться в компании Сары и Дрэвиса, да еще и за столом, совершенно не хотелось. Так что я довольно быстро собралась – и только меня и видели!

Солнце уже село, но его последние лучи еще слабо освещали улицы. К счастью, мой путь не предполагал темных переулков и отдаленных кварталов. Я медленно шла по центру, и отчего-то настроение было хорошее. Вспоминался разговор с Уиллторном. Как и положено девичьим, мысли летели вперед, представляя все вплоть до имен общих детей.

Хотя нет, детей, пожалуй, рано. Сначала хочется насладиться свиданиями, комплиментами и, в кои-то веки, встречей, на которой

меня не жаждут придушить.

Незаметно для самой себя я спустилась к уже ставшей родной улочке. До лавки оставалось минуты две пешком, и я уже предвкушала, как расскажу Крину о занятом знакомстве, выпью мятного чая и улягусь спать. Но что-то вдруг заставило меня остановиться и посмотреть влево, туда, где совсем недавно я заглядывала в окна заколоченной лавки.

В сгущающихся сумерках было страшно. Темные окна манили и одновременно пугали, я нервно сглотнула и аккуратно подошла поближе. Заглядывать в окна не решилась, причем не столько из-за боязни, что меня снова уложат носом в землю, сколько из-за страха перед темной неизвестностью. Казалось, на улице, кроме меня, никого не было.

В доме вдруг что-то с глухим стуком упало. Я отпрянула и рванула прочь, кляня себя за любопытство. Может, не так уж и не правы горожане, ибо неумная жажда совать нос в чужие дела – типичное качество темных ведьм.

Шла и уговаривала себя: да мало ли что могло упасть в пустом доме! Кто знает, почему магазин закрыли? Переехали, решили сделать ремонт, закрылись на время отпуска. Прогорели, наконец! Но все же я была рада, что убралась и не стала проверять, что же там бумкнуло.

А мироздание меж тем явно наказывало меня за какие-то неведомые проступки. Ибо у дверей лавки я с неудовольствием обнаружила шляпника. Мужчина спал, привалившись к холодному камню. И что привело его сюда?

И вот даже не обойти – ногами весь проход перегородил.

– Гражданин шляпник! – звонко возмутилась я на всю улицу. – Вы почему у дверей честных ведьм ночуете?

Нет, и все же шуток они не понимали. Мужчина резко очнулся, подскочил и испуганно заозирался. А увидев меня, поклонился.

– Доброго вечера, госпожа ведьма-с! Как ваше здоровьице?

– Не жалуюсь, спасибо. Что привело вас в такой час к моей лавке? Снова жена пилит?

– Нет-нет-нет! – Шляпник так затряс головой, что чуть шляпу не потерял. – Все совсем, совсем наоборот!

– В смысле?

Впору было заподозрить неладное.

– Ох, госпожа ведьма, а можно мне... назад все вернуть?

– В смысле?!

Мужчина потупился и покраснел.

– Вы понимаете... она раньше была такая... пилит, ругает, а заботится. Приходишь – ужин на столе, детки умытые, бантики надели. Чисто в доме. А сейчас...

– А что сейчас? – От нетерпения я притопнула ножкой. – Она же вас не пилит!

– Не пилит. И не готовит. И не убирает. Сидит себе, поет, на птичек смотрит. Можно мне как-то... обратно?

– Нельзя! – отрезала я.

В ответ на растерянный взгляд пояснила:

– А сами виноваты! Она, может, себя нашла. Отдыхает! Вы вообще о жене-то подумали? И ужин вам приготовить, и детей умыть, бантик на веник нацепить и еще, небось, встречать в неглиже? А взамен что? Зелье от сварливости, подумаешь! Вы бы хоть раз с цветами пришли. Ужин похвалили! Детей сами искупали да в цирк сводили! Нет, вы, главное, посмотрите – сами налаживать отношения с женой не хотят, все им зелья подавай. Человек она, человек! И нельзя его сделать другим. Хотели зелье от сварливости? Вот, пожалуйста – чтобы вас не пилить, она перестала раздражаться. А приготовьте для нее что-нибудь?

– П-приготовить? – переспросил обалдевший от моей тирады шляпник.

– Приготовить! Ужин, например. Купите цветов, приготовьте вкусное мясо. О! Купите шоколада, женщины любят шоколад!

Когда я схватила бедного шляпника за рукав и потащила в лавку, он явно подумал, что его будут есть. Ну или, на худой конец, принесут в жертву какому-нибудь темному богу.

– То зелье свари, то зелье не вари, то одно, то другое. Я ведьма или где?! Обалдели совсем. Нет чтобы самим напрячься, все зелья, все зелья. Как вы вообще дожили-то без зельев?!

– А через квартал зельеварка жила, из-под полы торговала, – робко сообщили мне.

– Это многое объясняет. Вот!

Я сунула в руки шляпника сверток с шоколадом.

– С вас три эны!

Спорить с темной ведьмой не хотели, так что отсчитали мне несколько монет.

– Еще раз: цветы, ужин, похвалить. И сомнительными зельями жену больше не поить!

– Но...

– Это я в своих зельях не сомневаюсь. А вот вам в моих стоило бы. И всех, кто еще собирается прийти, заикнутся об отмене зелья – пушу на пирожки. Доброй ночи.

Едва дверь за шляпником закрылась, в зеркале тут же появился Крин.

– Я не очень еще разобрался, это ты в хорошем настроении или не очень?

– Сама не знаю, – улыбнулась. – Сара с Фолкритом в своем репертуаре, а вот один из гостей...

Я быстро пересказала Крину содержание разговоров за вечером, пока наливала чай и переодевалась в пижаму. Тот слушал и хмурился.

– Как, говоришь, его зовут?

– Уиллторн, а что? Ты его знаешь?

– Нет. Просто редкое имя. Ты спать? С твоего позволения, я временно тебя покину.

И прежде, чем я успела что-то сказать, странный обитатель зеркала исчез. И вот как это понимать? Нет, Крин определенно что-то скрывал. Как бы выяснить, что... надо аккуратненько спросить у Фолкрита, откуда зеркало. Он все равно болван напыщенный, ничего не заподозрит.

Я с удовольствием зевнула.

Только и может, что прогуливаться с важным видом в обнимку с сестричкой. Интересно, они все-таки уехали вместе?

Глава шестая

Я не могла уснуть до середины ночи. Ворочалась, вставала за водой, трижды перекладывала матрас и даже один раз поела. Мысли теснились в голове, пихаясь и поочередно вылезая на первый план. Так что тревожным сном я забылась лишь к утру. Разумеется, встала разбитая, и даже холодный душ не спас.

Я тоскливо натянула форменное платье и поплелась готовить товар наутро.

Сначала разложила печенья и конфеты с шоколадом, потом открыла первый попавшийся рецепт и вчиталась.

– Ка-ра-мель. Отлично, будет карамель.

Я растопила сахар, доведя его до насыщенного янтарного цвета, добавила разогретое молоко, сливочное масло. И оставила вариться на два с лишним часа, а сама пыталась прийти в себя и проснуться. Если Фолкрит придет в лавку и застанет меня клюющей носом, опять будет обижать и издеваться.

– Чего делаешь? – спросил появившийся Крин.

– Карамель.

– Ту самую, которая про тебя статейку написала?

Ах во-о-от почему меня так раздражает это слово.

Из совершенно бессмысленной вредности я сунула руку в жестяную баночку, зачерпнула белый порошок и бросила в кипящую массу.

– Вот чтоб у всех кое-что слиплось, нате вам сахару побольше!

– Вообще-то, это была соль...

Сон как рукой сняло. Я подскочила к кастрюле и сунула туда нос. Белые гранулы, которые я совершенно не приняла за соль, уже растворились в ароматной карамели.

– Кхм... – ехидно ухмыльнулся Крин. – Снова упс?

– Авторский рецепт?

– Жалобнее, ведьма, жалобнее. Хозяин не поверит.

– Хозяину так и надо. Он меня вчера хотел унижить на своем дурацком приеме? Вот, получите гадость. Соленая карамель. О! Идея!

Когда масса закончила вариться, я вытащила еще теплую пластичную карамель и нарезала на множество маленьких кубиков. Потом магией, чтобы не тратить время, заставила их застыть, а потом покрыла темным шоколадом. С виду – конфеты конфетами, а вот внутри даже пробовать не стала.

Бегающий изюм, пляшущие кексикки – ерунда. После такого Дрэвис совершенно точно меня или выгонит, или... в общем, о плохом старалась не думать.

Когда часы пробили нужное время, двери лавки снова открылись для посетителей. Которые, к счастью, не слишком ко мне спешили. Сначала это показалось странным – обычно с утра кто-то да приходил. Потом начало пугать – может, я проспала конец света? Но выходить, проверять, что там на улице, было слишком лень.

Криков нет, земля не трясется. Мало ли, почему сегодня никто не хочет шоколада?

– Может, мои усилия наконец дали плоды, – задумчиво протянула я. – Или приехала тележка мороженщика.

Но раз такое дело, решила почитать кое-что по учебе. Наказана я или нет, а бросать алхимию не стоило. Пока наверху я искала нужную книгу, снизу слышались голоса. В одном из них я сразу узнала Дрэвиса и возвела глаза к потолку.

Светлейшая, ну почему он приходит так не вовремя? Готова шляпой поклясться – сейчас получу выговор за то, что ушла с рабочего места.

Я почти направилась к лестнице, как вдруг замерла и прислушалась – Фолкрит был не один.

– Наша управляющая, Дейзи, приготовила карамель! – донеслось снизу. – Леди Марибет, угощайтесь, рецепт оригинальный и очень старый...

– Кексик! – прошептал Крин. – У нас там фрейлина карамель жрет! Ее же сейчас унесут, а вместе с ней и нас!

– Фрейлина?! В смысле... королевская? Всамделишная?

– Что ни на есть.

Я сначала побледнела, а потом покраснела и понеслась на первый этаж. Я хотела напакостить Фолкриту, но травить фрейлину было как-то неловко.

Но было поздно. Закатив глаза, фрейлина уже травилась. Вернее, медленно посасывала кусок карамели. Фолкрит вместе с гостьей пробовать не стал, отчего у меня зародилось сомнение – уж не испытывал ли он мою стряпню на подопытных. Вот лучше бы невесту угощал.

– О-о-о... – протянула леди Марибет.

Я изготавилась делать непрямой массаж сердца. А может, и прямой, тут где-то нож был для тортиков...

– Какой необычный вкус! – воскликнула фрейлина. – Потрясающе! Соленая карамель!

– Какая-какая карамель? – Дрэвис поперхнулся и повернулся ко мне.

Ножкой я могла проковырять в полу хорошую дыру. Главное – делать невинный вид. Зеркало вон, вообще куда-то смылось, безответственное непонятное существо.

– Невероятно! – счастливо объявила фрейлина. – Я прошу вас упаковать для меня всю эту чудесную карамель! И я вас уверяю, отныне ваша лавка получит рекомендации королевского уровня!

– Благодарю, леди Марибет, – нашелся Дрэвис. – Так что, мы получим одобрение Ее величества?

– Я думаю, у вас есть все шансы.

Пока они мило беседовали, я рассматривала женщину, ибо никогда еще не видела настоящих фрейлин. Что ж, она была ничуть не хуже королевы. Невысокая, но очень яркая и величественная. Шоколадные волосы, собранные в сложную прическу, украшала небольшая диадема со сверкающими в солнечных лучах рубинами. Тяжелое красное платье было идеально подогнано по фигуре.

От женщины исходила очень странная, доселе неведомая мне, магия. Даже руки немного дрожали, когда я упаковывала карамель. А может, это оттого, что Дрэвис все время буравил меня взглядом.

– Как тебя зовут, детка? – ласково улыбнулась леди Марибет.

– Дейзи Гринвильд, миледи.

По ее лицу пробежала вдруг тень.

– Гринвильд? О... я знала вашего отца, должно быть. Вы старшая девочка?..

– Младшая, – поправила я. – Старшую зовут Сара.

– Сара... Простите, Дейзи. Я ошиблась.

Она не сводила с меня глаз. Напряженного, изучающего взгляда. А принимая из моих рук сверток с карамелью, едва уловимо скользнула ледяными пальцами по моей ладони.

– Благодарю.

– Будем рады видеть вас снова, – дежурно ответила я.

– Позвольте проводить вас до экипажа, миледи.

Дрэвис учтиво подал ей руку.

– Опять пронесло? – усмехнулся Крин. – Везучая ты, ведьма.

– Наверное, чтобы напакостить Фолкриту, мне эту лавку надо спалить, – пробурчала я. – Еще и знакомая отца. Теперь все высшие круги будут знать, что младшая дочка Гринвильдов работает в лавке.

– И это все, что тебя смутило? – уточнил Крин.

Но прежде, чем я ответила, вернулся Фолкрит.

– Кексик! Вот что ты за человек?

На такое я даже не нашлась, что ответить.

– Когда ты поймешь, что бессмысленно делать мне гадости? Когда ты перестанешь вести себя как маленькая избалованная девочка, у которой отняли конфету?

Дурное настроение, недосып, странный визит фрейлины – все это доконало меня окончательно и стало последней каплей.

Я вышла из-за прилавка и с силой ткнула пальцем в грудь этого напыщенного болвана.

– Конфету?! Вы отобрали у меня самостоятельную жизнь! Единственное, что принадлежало мне, что досталось от бабушки, которая меня любила! А потом, решив поиздеваться, засунули в это убожество, именуемое шоколадной лавкой! И ждете, что я буду встречать вас с лепестками роз?

Он обхватил мое запястье и дернул несильно, но от неожиданности я не удержалась на ногах и оказалась прижата к белоснежной накрахмаленной рубашке. Дрэвис был выше, так что приходилось задирать голову, чтобы смотреть в наглые бесстыжие глаза.

Темные, как шоколад.

– Самостоятельности? – протянул он. – Тебе не нужна самостоятельность, кексик. Тебя надо воспитывать.

Я возмущенно дернулась, но куда там – хватка была железная! Пока он наклонялся, смакуя каждую секунду моего отчаяния, я

прокляла все на свете и пожелала на голову Дрэвиса Фолкрита таких кар, что самой страшно стало. Его губы остановились в паре миллиметров от моих, грели дыханием и... бесили.

— Думаешь, что сможешь достать меня своими милыми проделками? Напрасно, кексик. Чем больше стараешься, тем интереснее тебя доставать. Если бы ты работала тихо и честно, давно бы уже была свободна.

Я все придумывала, как извернуться, чтобы наподдать Дрэвису как следует.

— И я совершенно не против, если ты и дальше будешь добавлять в мои серые будни немного веселья, — улыбнулся он. — Жги, ведьма!

Меня вдруг неожиданно выпустили на волю вольную. Растерявшись и окончательно обалдев, я смотрела, как сестрички жених, насвистывая веселую мелодию, неспешно движется к выходу.

Губы отчего-то покалывало.

— Весьма... впечатляюще, — прокомментировал Крин. — Должен признаться, в какой-то миг я за тебя испугался. Может, он прав и лучше отработать тихо-мирно свое наказание? А потом уехать на все четыре стороны, не вспоминать больше об этом городе, сестре, родителях...

— Жги? — словно не слыша зеркало, повторила я. — Ладно, буду жечь.

— Дейзи, может, не надо?

— Надо, зеркало, надо.

Я открыла шкафчик со специями и задумалась. Соль была, зелье жизни было. О!

— Перца еще не было.

Я хихикнула, доставая из шкафа большую баночку со жгучим красным перцем. Такой обычно добавляли в соус к мясу, делая его таким острым, что не каждый решался попробовать.

— Как говорили охотники на ведьм: мы начинаем жечь! — воскликнула я.

— Это определенно будет последний год твоей жизни, кексик, — тяжело вздохнул Крин.

Да и плевать, зато Дрэвис надолго запомнит мою работу. И, возможно, это убережет его от дальнейших ошибок в будущем. Зря он

не воспринял слухи про темную ведьму всерьез, ибо если бы чуть-чуть поверил, то понял, что темных ведьм обижать нельзя. Себе дороже.

А отпечаток помады я ему на рубашке все-таки оставила. Просто из вредности.

* * *

Перца не жалела, шоколад получался густой, ароматный, темный. Даже попробовать хотелось, но красные вкрапления напоминали о сладкой жгучей мести, и я держалась, закусывая печеньками. Со стороны, наверное, казалось, что я варю какое-то жутко темное зелье. Даже руки дрожали от нетерпения.

Выходка Дрэвиса вывела меня из себя. И хоть я повторяла себе едва ли не ежеминутно, что мстить нужно с холодной головой, все равно до ужаса хотелось оттащить его за волосы и как следует покусать.

А заодно и себя – за то, что растерялась, перепугалась и выдала неуверенность. Которой мужчина явно воспользуется.

– Кексик, отвлекись от плана захвата мира, – позвал Крин. – Поднимись вверх, и я кое-что тебе покажу.

– А это не может подождать? Надо разлить шоколад по формочкам.

– Увы, потом будет поздно. Давай-давай, поднимайся. Там твоя месть начала реализовываться.

После такого заявления я никак не могла оставаться на кухне. Побросав готовку, стремглав помчалась вверх.

– Ну? – остановилась перед зеркалом Крина.

– Смотри.

Зеркальная поверхность пошла мутной рябью, и на ней медленно проступила картинка небольшой, но очень приятно обставленной комнаты. Мебель из темного дерева, тяжелые ткани – это был какой-то богатый большой дом.

– Раньше я висел на чердаке в доме Фолкритов, – пояснил Крин. – Потом переехал в эту лавку. Ну, а пока висел там, наладил связь с некоторыми зеркалами и периодически могу их связывать. Смотри, в общем.

Я увидела, как по комнате взад-вперед немного нервно ходит Фолкрит. А рядом с ним суежилась сестричка. С иголки, словно готовая в любую минуту стать гостьей званого обеда. Сара не кричала, не скандалила, но было видно, что она на пределе. Только повод дай – тут же взорвется.

– Что это?! – взвизгнула Сара, ткнув острым наманикюренным пальчиком жениху в грудь.

– Где? – Фолкрит скосил глаза.

– Помада! Откуда?

– М-м-м, милая, ну ты же только что меня обнимала. Наверное, твоя...

– У меня нет такой помады! – рявкнула Сара.

Она вывалила на глазах обалдевшего жениха содержимое сумочки и продемонстрировала целых четыре вида помады.

– Вот! Ни одна не подходит.

– По-моему, вот это она...

– Не она! Это темно-коралловый цвет! А на твоей рубашке – бледно-карминный.

И тут, кажется, Дрэвис понял, что ничего не понял. Сара вылетела из комнаты как ошпаренная, а он рассматривал четыре ярких золотистых тюбика.

– Да они все красные! – рявкнул он ей в ответ.

Я мстительно фыркнула. Жаль, сестренка не догадалась, чья это помада. А вообще, я наверняка ей добро сделала. Такие, как Дрэвис Фолкрит, обычно не утруждают себя верностью. И зачем ей жених, который постоянно ходит налево?

– Понравилось? Чего погрузнела?

– Да так... – Я вздохнула. – Все это замечательно: пакостить Фолкриту, бесить Сару, изображать из себя темную ведьму... Но проблема-то никуда не денется. Дома нет, семьи нет, идти некуда. Закончится год, и куда я пойду?

От жалости к себе аж захотелось всплакнуть. И только осознание, что если я начну реветь, то придется встречать посетителей с красным носом и опухшими глазами, заставило сдержаться.

– Как куда? Дальше пойдешь. Кексик, десятки тысяч девушек остаются вот так, предоставленные сами себе. Многие из них и вполтину не такие умненькие, как ты. Жилье за год уж где-то да

найдешь. Потом окончишь академию. Устроишься на работу, встретишь какого-нибудь красавчика, выйдешь замуж. Нарожаеть толпу маленьких кексиков. Потом пойдешь на рынок и встретишь там Сару, которую разнесло, как торговую палатку. А у Фолкрита вместо лавки и фабрик будет скамейка и навес.

Не выдержала и рассмеялась, живо представив пухленькую Сару за прилавком на рынке. Ей надо продавать какую-нибудь рыбу, скользкую, соленую и пучеглазую.

– И вообще, ведьма, ты хоть помнишь, что вечером за тобой зайдет Уиллторн?

Честно? Не помнила. Осознав, что скоро состоится мое самое первое в жизни свидание, похолодела и сделала неубедительную попытку сказать больно. Куда там! Крин даром что в зеркале сидел, все равно умудрялся командовать.

Я едва высидела до конца рабочего дня. К счастью, народу было совсем мало – в честь официально объявленного рождения принца объявили выходной. Всем объявили, а мне нет, и это тоже был повод надуться на Фолкрита. Душу грело предвкушение его реакции на жгучий шоколад.

После того, как на дверь была водружена табличка «Закрито», я побежала переодеваться. Не хотелось ударить в грязь лицом на первом свидании. Итогом двухчасовых мучений стало симпатичное фиолетовое платье с юбкой-колокольчиком, замшевые сапожки на небольшом каблучке и кожаная сумочка, куда я сложила ключи, немного денег и маленький пузырек духов.

– Неплохо, – оценил мой внешний вид Крин. – Даже очень.

– Не слишком легкомысленно? Мне кажется, я смотрюсь как выпускница школы.

– Ты и есть выпускница школы, ты первый курс закончила. Не пытайся казаться той, кем не являешься. Тебе идут эти вещи, так что блистай.

– И откуда ты такой умный, – пробурчала я.

– Когда-нибудь расскажу, – последовал ответ.

Я оживилась:

– Правда? А когда?

– Когда захочу. Уже время. Не опаздывай, кексик.

– Я не кексик! – крикнула, спускаясь по лестнице.

– Хозяину скажи!

Минута в минуту появился Уиллторн. Мелькнуло даже нехорошее подозрение, что он воспользовался каким-нибудь порталом или чем-то таким. Невозможно же ступить на порог одновременно с секундной стрелкой, приблизившейся к нужному делению.

Мне вручили красивый букет из темно-синих лилий.

– Потрясающе выглядите, Дейзи, – улыбнулся мужчина.

В этот раз он выбрал темно-синий костюм. Небрежно расстегнутый пиджак придавал облику Уиллторна некую изысканность. Он был одновременно привлекательным и явно богатым мужчиной и свойским парнем, рядом с которым можно не бояться схватиться не за ту вилку за обедом.

Уиллторн с любопытством рассматривал лавку, пока я бегала ставить цветы в вазу и мучительно придумывала, куда бы их водрузить, чтобы не трясли пылью на еду.

– Милое место. Ты работаешь здесь одна? Без выходных?

Почему-то стало стыдно, словно мой график – вынужденная необходимость, а не самодурство Фолкрита.

– А что на втором этаже?

– Так... склад, старая мебель, книги.

Мысленно я молилась, чтобы Уиллторн не спросил, где я живу! Почему-то очень не хотелось рассказывать, что приходится спать на старом матрасе на работе. Демоны, да это первый мужчина, который пригласил меня на свидание. Меньше всего мне хотелось чувствовать его жалость. И уж тем более принимать помощь.

Так что в конце еще надо как-то тактично уклониться, если Уиллторн захочет меня проводить.

Мы вышли из лавки навстречу прохладному, но очень яркому вечеру. Закатные краски превратили Градд в сказочный город. Казалось, в нем просто не могло происходить что-то неприглядное или темное. Я наслаждалась неспешной прогулкой и так задумалась, что не сразу догадалась задать вопрос:

– А куда мы пойдем?

– Знаешь ресторацию лорда Редвера? Относительно новое заведение, очень модное. Там отлично готовят, а еще музыка настолько тихая, что можно хотя бы поболтать. Тебе понравится.

Ресторация находилась у реки, на самой престижной части набережной. Здесь был и свадебный салон, где одевались самые богатые столичные невесты, и любимая папина табачная лавка. Я мгновенно почувствовала себя пресловутой школьницей среди публики, что здесь прогуливалась.

Внутри, впрочем, все было проще. Приятный ненавязчивый интерьер, минимум мебели и высокий куполообразный потолок, под которым порхали магически созданные бабочки. Полумрак придавал атмосфере романтики, в воздухе витал едва уловимый цветочный аромат.

– Доброго вечера, господин.

Нам поклонился мужчина в черной форме персонала ресторации.

– Ваш столик будет готов буквально через пятнадцать минут, а пока вы можете насладиться напитками у бара. За счет заведения. Приносим свои извинения за задержку, появились особые гости и вышло некоторое... недоразумение.

– Ничего страшного, – к моему удивлению ответил Уиллторн. – Мы подождем.

Нет, я и сама была совсем не против осмотреться и посидеть у барной стойки. Но как-то непривычно было видеть такую реакцию – родители и Сара любую задержку требовали решить незамедлительно. Мне всегда в таких ситуациях было немного неудобно, ведь что страшного в том, что тебя просят подождать? Умиравшие от голода в ресторации не ходят.

– Дейзи, – Уиллторн помог мне сесть на высокий стул и заказал бокал вина, – извинишь меня на несколько минут?

Он показал в сторону дверей, где немного нервно мялся какой-то худощавый паренек и явно высматривал кого-то в зале.

– Это мой помощник. Если он нашел меня на свидании, значит, вопрос требует немедленного решения. Издержки работы, на которую, впрочем, нет смысла жаловаться – благодаря ей я могу привести тебя в достойное место.

Ведьма в моем лице открыла рот и чуть не забыла его закрыть. После всех последних событий безукоризненная вежливость Уиллторна, внимание и явная симпатия были как котик у сметанки. И котик явно намеревался обожраться ею впрок.

Я рассматривала зал, потягивая вино. Впервые за долгое время отдыхала, предвкушала вкусный ужин и приятный разговор. Предвкушала недолго, ибо постоянным спутником всех моих поворотов судьбы стал Дрэвис Фолкрит.

Я не сразу его признала в мужчине, подошедшем к бару, только когда он сделал заказ – услышала голос. Тут же подавилась вином и принялась надсадно кашлять. Да как так-то! Он тоже меня заметил и внимательно рассмотрел.

Это заняло добрую минуту. Причем рассмотрев, он не смог произнести ничего лучше:

– А где шляпа?

– Что?

– Темные ведьмы носят шляпы.

– А я фиолетовая ведьма. Они наносят удары в глаз за фамильярные разговоры.

– Кексик не в настроении? И что же мы делаем в таком заведении? Я думал, тебе урезали содержание после суда.

– А я думала, вас невеста в такие места не пускает.

– А я с ней и пришел.

– И что, ей снова не понравился цвет вашей помады?

Я с наслаждением отпила вина, наблюдая, как вытягивается лицо Фолкрита. Он смерил меня взглядом, полным обжигающей злости, и уселся на соседний стул. Перед ним тут же появился стакан с виски. Дрэвис осушил его одним глотком и тут же сделал знак, чтобы наполнили.

– Вот видишь, кексик, – хрипло усмехнулся он, – до чего способно довести твое присутствие.

Не преминула согласиться:

– И это я еще младшенькая. Представляете, сколько надо выпить, чтобы терпеть Сару?

– Здесь у меня свидание. Сгинь! – потребовал Фолкрит.

– У меня. Я первая пришла.

Зайдя в тупик, мы замолчали. Я испытывала мстительное удовольствие, а он бросал на меня недобрые взгляды. Вернее, недобрыми они были через один. Взгляды на меня перемежались со взглядами на мои ноги. Ноги – я, ноги – я. И так, пока не вернулся Уиллторн.

– Наш столик готов, – улыбнулся он. – Пойдем?

Тут-то Фолкрит поперхнулся виски. И даже не сразу скрыл крайнюю степень удивления, а еще немного позеленел.

Хотя, может, это над нами пролетела светящаяся зеленая бабочка...

– Дрэвис, рад вас видеть. Какими судьбами?

– Свидание с невестой.

– Ах да, той самой. Забыл, к сожалению, имя, но...

– Сара.

– Но это совершенно не важно. Мы с Дейзи решили выпить и поужинать. Так что, если не возражаете, отправимся к своему столику.

Если Дрэвис и хотел нас остановить – не нашел подходящего предложения. Уиллторна не попросишь сгнуть, и придется незадачливому женишку или вести благоверную в другое место, или терпеть наше присутствие.

– Ты в порядке? – спросил Уиллторн, когда мы сели за столик у большого панорамного окна.

– Да, просто не ожидала его здесь увидеть.

– Понимаю. И на работе хватает, да?

– И с сестрой мы не ладим. С некоторых пор.

Я взяла меню и попыталась понять, что хочу съесть. Встреча с женихом Сары немного подпортила аппетит, и теперь я никак не могла выбрать. Наверное, Уиллторн это заметил.

– Хочешь, помогу с выбором? Здесь отличные медальоны из кролика.

– Да, – улыбнулась я. – Спасибо, было бы здорово.

– Не волнуйся насчет Фолкрита. Мы сами по себе, они – сами по себе. Дейзи?

Он заметил мое лицо и обернулся. За соседний столик в этот момент как раз усаживали Сару с Дрэвисом! Причем сестричка нас еще не видела, а вот Фолкрит буравил взглядом. Я не выдержала и показала ему язык.

– Хочешь уйти? – спросил Уиллторн.

– Нет. Вот еще! Если им что-то не нравится – пусть сами уходят.

Вообще я надеялась, что каким-то чудом мы друг друга не заметим. Да мало ли кто ужинает за соседним с твоим столиком? Сара вряд ли будет оборачиваться, а если Дрэвис никак не намекнет, кто

уселся рядом, мы даже не столкнемся. Но мечты... мечты никогда не сбывались, если рядом ошивался этот человек.

– Уиллторн, какое забавное совпадение, что наши столики рядом! – воскликнул он. – Дейзи, какая встреча!

Сара резко обернулась. Шикарные золотистые кудри рассыпались по бархатному черному платью.

Если бы я была впечатлительнее, то наверняка на месте бы и померла, встретившись взглядом с сестричкой. Но меня совершенно не интересовало недовольство Сары. Сегодня я была не провинившейся младшей сестрой. Со мной был очень привлекательный мужчина, да и я выглядела очень даже ничего.

– Уиллторн, вы хотели, помнится, сделать мне какое-то деловое предложение. Раз уж состоялась такая неожиданная встреча, я готов вас выслушать.

– Я, видите ли, на свидании и рассчитывал пообщаться со своей очаровательной спутницей, – холодно заметил Уиллторн.

Лично я бы после такого приема уползла под стол и не отсвечивала, но разве ж Дрэвиса Фолкрита можно было смутить?

– Думаю, наши дамы найдут, о чем пообщаться, пока мы беседуем. Такой шанс не стоит упускать.

– Может, вы и правы, – с легким сомнением отозвался мой спутник.

Не давая ни мне, ни Саре шанса возразить, Дрэвис ловко перетащил к нашему столику два лишних стула. Причем было совершенно неясно, как мы должны были общаться: нас посадили по разные стороны от мужчин. Нет, я-то была совсем не против. Если уж портить первое свидание, то унылым поеданием заказа, а не скандалом с сестрой. Тем более что можно было слушать разговор мужчин. Хоть что-то интересное.

– Я не так давно в Градде. На Годморстене для реализации предпринимательских идей слишком мало возможностей, поэтому решил перебраться в столицу. Присматриваю себе какое-то дело, что-то небольшое, доходное, но не требующее слишком большой загрузки. Для души, так сказать. Мне сказали, вы владеете сетью фабрик по стране и довольно сведущи в этих делах.

– Чем вы занимаетесь сейчас? – спросил Фолкрит.

Я чувствовала на себе недовольный взгляд Сары. К счастью, принесли салат, и можно было сосредоточиться на еде.

– Распоряжаюсь деньгами, доставшимися от семьи. Вкладываю, преумножаю. Все это требует контроля, но мне бы очень хотелось иметь какое-то исключительно свое дело. Думаю, вы меня понимаете – управлять деньгами семьи не равно самому делать деньги. Поэтому хочу сделать вам деловое предложение.

Я салатом поперхнулась, когда он сказал:

– Продайте мне шоколадную лавку «Фолкрит и партнеры».

– Простите?

– Я хочу купить шоколадную лавку. Она явно не приоритетное направление вашей работы. Мне бы хотелось сделать там ремонт, расширить штат сотрудников. Помещение в центре Градда практически не купить. Несмотря на то что с виду пустующие дома вроде бы и есть.

Он извлек из внутреннего кармана пиджака небольшую записную книжку с отрывными листами и перо в стильном черном футляре. Размашистым почерком Уиллторн написал на листке цифру.

– Это сумма, за которую я готов купить лавку. Разумеется, со своей стороны могу гарантировать исполнение любых обязательств лавки, будь то долговые или общественные.

У меня помидорка в горло не пошла от этого заявления. Уиллторн намекал на мою работу в лавке. Если он ее купит, я все равно продолжу отрабатывать там наказание!

Мамочки... это что, на меня принц свалился? Который сейчас вытащит меня из лап злобного (и не очень умного) дракона и... ну ладно, не женится, но хотя бы выходной даст.

– Лавка не продается, – отрезал Дрэвис.

Помидорка вдруг показалась какой-то противной.

– Подумайте, господин Фолкрит. Цена куда выше рыночной. Я могу быть хорошим партнером.

– Лавка не продается. Это наследство, которое ценно не нулями в договоре продажи. Она досталась нам со стороны матери и очень дорога брату. Он мечтает заниматься ею, когда уйдет на пенсию из управления стражи. Так что лавка не продается. Могу предложить несколько небольших фабрик в районе Хиглейк-града. Как раз

собирался продавать эту часть фонда, совсем не хватает времени следить еще и за ними.

– Жаль, – усмехнулся Уиллторн. – Хиглейк-град – не совсем то место, где я хотел бы осесть. Меня привлекает столица.

– Не только вас. Но я работаю по старым принципам. Тем, где слово что-то да значит. Я дал брату слово, что лавка будет его – я сдержу обещание, даже если за нее мне предложат десятки миллионов.

– Дейзи. – Уиллторн повернулся ко мне. – Как насчет танца?

Я тут же подала руку, и мы поднялись. Под взглядом Сары поднялся и Фолкрит, так что танец готовился перерасти в настоящее соревнование. Все вчетвером мы вышли в центр зала, где под медленную музыку уже танцевали несколько пар.

Я с удовольствием позволила себя обнять и положила руки на грудь Уиллторну. Вдалеке висело большое зеркало, и мне удалось посмотреть, как мы смотрелись со стороны. Довольно эффектно, надо заметить. Оба темноволосые, одетые в холодные цвета. И рядом с нами Сара с Дрэвисом – светлые, в черных нарядах. Они тоже смотрелись очень красиво, но впечатление смазывало нестерпимое желание никогда их больше не видеть.

Неужели теперь это бессильное раздражение станет моим постоянным спутником? Я тяжело вздохнула, и Уиллторн прижал меня к себе крепче.

– Не волнуйся, – негромко сказал он. – Сейчас закончим ужин и сбежим до десерта. Я знаю круглосуточную кондитерскую. Там не так дорого и красиво, но отличный кофе, удобные диваны и нет назойливых старших сестер.

И мне стало так хорошо, что все вдруг показалось неважным. Сара с женихом? Ерунда. Работа в лавке? Подумаешь, год! Хорошо было здесь и сейчас, а какие неприятности ждали за пределами ресторации – да какая разница!

От взгляда темно-синих глаз перехватывало дыхание.

– Ты когда-нибудь целовалась? – спросил Уиллторн.

– Нет, – словно замороженная, прошептала я.

И мы почти поцеловались. Я едва ощутила теплое касание, как резкий – век бы его не слышать! – голос Фолкрита вывел меня из практически личной сказки.

– Разрешите украсть вашу спутницу на один танец?

– А взамен одолжите свою? – немного резче, чем стоило, откликнулся Уиллторн.

И как это Сара не возмутилась таким поворотом событий? Хотя ей, должно быть, был интересен Уиллторн. За мной почти не ухаживали мужчины, я слишком была погружена в учебу и собственные мысли. Наверное, я и сама удивилась тому, что вдруг оказалась на настоящем свидании. И Саре очень хотелось рассмотреть, кто же такой этот загадочный Уиллторн.

Дрэвис сжимал мою талию не так. Сильнее, наглее, не касаясь осторожно, как хрупкой дорогой вещи, а будто меня пытались вырвать из его стальных объятий. Было не больно и даже комфортно – физически. Но вот находиться рядом – как-то неудобно. Я инстинктивно старалась отодвинуться как можно дальше, но мне не давали.

Пришлось «случайно» наступить ему на ногу каблуком. Он выругался сквозь зубы, но руки не разжал.

– Фу, как некультурно.

– Дейзи, Дейзи... – Дрэвис покачал головой. – Разве можно быть такой наивной? Что ты знаешь о нем? Откуда он приехал, чем живет? Как тебе пришлось в голову пойти с ним одной, вечером?

– Я взрослая девушка, господин Фолкрит. И сама решаю, с кем мне ужинать. К слову, Уиллторн вызывает куда больше доверия, нежели вы. Хотя бы тем, что для него существует понятие вежливости, галантности и культуры.

– Ты даже его фамилии не знаешь.

– Вашу фамилию я знаю, однако это никак не помогает мне в жизни. Я бы сказала, не знай я вообще, как вас зовут, – жила бы не в пример спокойнее.

– Аналогично, кексик. Но раз уж мы связаны на ближайший год, давай ты будешь слушаться умного и взрослого мужчину.

– Как только покажете его – непременно начну.

Его руки чуть-чуть спустились. Не так чтобы на мягкое место, но куда-то рядом, и я возмущенно дернулась.

– Вы пришли в ресторан с невестой! И лапаете ее сестру!

– Я тебя не лапаю. В танце, кексик, принято прижимать к себе партнера. Для наилучшего взаимопонимания. – Его голос сделался тише: – И не только в танце.

Тут я уже не выдержала.

– Вы серьезно? Слушайте, мы с Сарой не ладим, но неужели вы настолько отвратительны, что будете так себя вести при ней?

Наконец-то мне удалось смутить Фолкрита! Да настолько, что даже хватка стала слабее.

– Я на самом деле очень серьезен, кексик. Не доверяй Уиллторну. Он появился словно из ниоткуда, сорит деньгами и мелькает там, где ему не рады.

– Я разберусь, господин Фолкрит. Благодарю.

К счастью, музыка кончилась, и я поспешно отстранилась. Не принять приглашение жениха сестры было бы невежливо, но один танец – и все. Что там мне обещали? Кондитерскую, кофе и сбежать? Всеми лапами за.

Пока шли к столу, Сара как-то странно на меня косилась. А когда мы уселись, и вовсе вперилась взглядом. Я усиленно ее игнорировала, но кому понравится пристальный ненавидящий взгляд?

Вот, кстати, странно. До сих пор я не замечала за Сарой откровенной ненависти. Ну сестра и сестра – что тут такого? Мы жили довольно мирно и почти не пересекались. Так с чего вдруг она вспылала ко мне ненавистью?

– Бледно-карминный! – вдруг воскликнула Сара.

– А? – Мужчины оторвались от разговора и подняли головы.

Я тоже, надо сказать, отвлеклась от поедания салатика.

– У нее на губах бледно-карминная помада!

– Это не модно? – не понял Уиллторн.

Дрэвис, понявший, что сейчас будет, не отрываясь смотрел на Сару. Сестра буквально кипела злостью. Но все же воспитание пока еще было сильнее, и устроить примитивный скандал в приличном заведении она не решалась. Мне показалось, сейчас из ее ушей пойдет пар.

– Сара...

– Думаешь, я ничего не понимаю?! Сначала ты устроил ее к себе на работу, теперь помада! Знаешь, что? Если эта выскочка тебе так нравится – с ней и ужинай. Я не позволю позорить меня перед всеми!

Бросив в лицо несчастному подавальщику салфетку, Сара подскочила. Опрокинула стул, неловко оступилась и понеслась к

выходу. Как бы она ни боялась стать посмешищем, все равно получила несколько ошеломленных взглядов.

Уиллторн пожал плечами. А вот Дрэвис, к моему удивлению, наклонился к моему лицу и внимательно всмотрелся в губы.

– Да красная она! – возмущенно фыркнул он.

– Не могу сказать, что ваша невеста, господин Фолкрит, вызывает у меня положительные эмоции, но в данном случае правда на ее стороне. Это бледно-карминный цвет. А вот вам следует показаться лекарю. Искажение цветовосприятия, явные проблемы в... делах сердечных – боюсь, это старость, господин Фолкрит.

Я совершенно ясно услышала смешок Уиллторна! А еще немного испугалась пламени, вдруг вспыхнувшего в глазах Дрэвиса. Похоже, я все-таки перегнула палку.

Ситуацию разрядил мой спутник:

– И все же я призываю вас подумать над моим предложением, Дрэвис, – мягко, но настойчиво произнес Уиллторн. – Воспоминания, безусловно, ценны, но в наше время лучше иметь на счету круглую сумму, нежели тешиться лишь прошлым. Вы собираетесь жениться... а девушки из семьи Гринвильд привыкли жить как принцессы. Стоит хорошенько взвесить силы прежде, чем отдавать им свое сердце.

Ага, принцессы. Принцесса спит на королевском матрасе в королевском сарае. И совершенно не по-королевски думает, как бы об этом принц не узнал.

– Лавка не продается, – снова повторил Фолкрит. – Если надумаете фабрики – я к вашим услугам.

– Жаль. Но ничего не поделать, попробую связаться с владельцами пустующих домов. И, быть может, через год мне удастся переманить вашу потрясающую управляющую. Прошу меня извинить. Отойду на пару минут, и мы с Дейзи будем вынуждены откланяться. У нас впереди обширная программа вечера.

Я с энтузиазмом поддержала это предложение. Как и мне, Уиллторну явно хотелось побыстрее смыться от недовольного Фолкрита.

Когда он ушел, к нам направился подавальщик. Я не заметила, как Дрэвис его подозвал, и не очень поняла зачем. Сара сбежала, мы тоже уходим. Хочет закончить ужин?

– Фруктовую тарелку, пожалуйста, – сказал Дрэвис.

Воцарилось неловкое молчание. Я бы предпочла, чтобы Дрэвис пересел, но тот, похоже, вообще не думал о таких приземленных вещах. Его-то ничто не напрягало. А мне приходилось смотреть куда угодно, но не на мужчину. И даже когда перед нами поставили огромное блюдо с разными фруктами, я не смотрела, что он делает.

Ровно до тех пор, пока не почувствовала его руку там, где ее быть совсем не должно.

— Ты лишила меня свидания, кексик, — прошипел Дрэвис, сжимая мою талию. — Теперь я от тебя не отстану.

Он поднес к моим губам шпажку с клубникой. Сочная темно-красная ягода, надо сказать, выглядела привлекательно. Но только не в его руках.

— Давай, кексик, открой ротик, пока твой друг не вернулся. Застав нас в таком положении, он обязательно спросит, чем ты тут занимаешься.

Я попыталась отпихнуть его руку, но мои силы, не подкрепленные магией, и в сравнение не шли со взрослым злющим мужчиной.

Взбесившись я цапнула зубами клубнику. Раздался треск — я откусила ягоду вместе со шпажкой. Фолкрит ошеломленно смотрел на огрызок деревянной палочки в руках, а я с хрустом пережевывала клубнику, фаршированную древесиной.

Меня спас вернувшийся со счетом подавальщик. Пока он что-то говорил Дрэвису, я умудрилась выплюнуть гадость в кадку с каким-то колючим фикусом.

Фолкрит расплатился по счету и чего-то ждал. И я ждала, но я-то — Уиллторна. А вот чего надо было сестричкиному жениху, не понимала. Он, по идее, должен был уже бежать и уламывать Сару простить все прегрешения. Объяснять помаду на рубашке моим коварством или еще чем-то. Но Дрэвис сидел на соседнем стуле, безмятежно поедая клубнику.

Долго сидел.

Я всматривалась в темный зал, пытаюсь рассмотреть, где там копается Уиллторн. Сначала все ждала, что он выйдет из уборной или снова покажется рядом с помощником. А спустя добрые полчаса уже просто чувствовала себя последней идиоткой. И не знала, как закончить этот спектакль. Наконец махнула рукой подавальщику, попросив счет.

– Он уже оплатил, – сказал вдруг Дрэвис.

Я так резко повернулась, что едва не снесла со стола блюдо с фруктами.

– Что?

– Он не вернется.

– А...

– Ничего не случилось, Дейзи. С ним не приключилась беда, он не сломал ногу в уборной и не провалился в несанкционированный портал. Он ушел, потому что не достиг цели – не выкупил лавку.

– Зачем ему лавка?

От шока и обиды у меня сел голос. Чтобы не разреветься перед Дрэвисом, мне приходилось задействовать все силы, и я даже не была уверена, что смогу доползти до дома.

Серьезно?! После всего, что на меня свалилось, мое первое свидание было поводом проверить странную сделку? И раз не получилось, я стала не нужна? Отлично, самооценка просто взлетела к небесам. И свалилась оттуда, расшибившись в лепешку.

– Идем, Дейзи. Уже поздно, я тебя провожу.

И сопротивляться в голову не пришло. Только уже когда мы выходили, я вдруг подумала: а если Уиллторн просто увидел, как Фолкрит запихивает в меня клубнику, и решил, что между нами что-то есть? Соломинка была очень тонкой, но я ухватила за нее изо всех сил.

Потому что верить Дрэвису было совсем невыносимо.

* * *

– Это бессмысленно. Фолкрит не продаст лавку, и его брат здесь ни при чем. Он не расстанется с ведьмой по доброй воле.

Уиллторн отставил в сторону чашку с кофе и задумался, глядя в окно на ночную улицу Градда.

– Придется действовать иначе.

Его помощник нетерпеливо заерзал в кресле.

– Не проще ли было действовать через роман с ней? Вы неплохо провели вечер.

– Сложно, – поморщился Уиллторн. – И опасно. Во-первых, когда станет жарко, девчонка потребует защиты и будет странно, если я ее не обеспечу. А лавка Фолкрита предполагает некоторую опасность для тех, кто внутри. Во-вторых, если я буду крутиться вокруг ведьмы, старший Фолкрит костями ляжет, но начнет копать. И кто знает, до чего докопается. Ведьма хороша, тут не спору, но я давно вышел из возраста, когда ведутся на хорошенькие мордашки под остроконечной шляпой.

– Жестко ты. Хоть бы объяснился.

– Забудь о ней. Я подобрался к Фолкриту и попытался купить лавку – вот единственная цель этой якобы случайной встречи. Сосредоточься на деле. Нам нужна лавка Фолкритов, иначе умбрины не смогут добраться до принца. Если лавку Фолкрита сейчас получить нельзя, значит, позаботься о том, чтобы в назначенный час ты смог туда проникнуть.

– Понял тебя, – кивнул парень. – Есть идея как. Но придется задействовать кое-кого еще.

– Фолкрит, насколько мне известно, получил одобрение леди Марибет. Если фрейлина разрешила лавке готовить угощение на церемонию – выясни это, я хочу знать.

Он снова посмотрел в окно. Дейзи... она ему почти понравилась. Быть может, если бы Фолкрит так не крутился вокруг ведьмы, этот вечер бы закончился куда приятнее. Восхитительная юная ведьмочка, которая ни разу не целовалась, – не совсем тот тип девушек, к которому он привык, но для разнообразия – почему бы нет? Даже жаль, что пришлось вот так ее бросить.

Но сейчас у него не было времени на развлечения с девицами. За считанные месяцы до церемонии, когда новорожденного принца пронесут по центральным улицам Градда, показывая подданным и благословляя столицу, предстояло сделать еще очень и очень много.

Позади мужчины, на камине, в ряд стояли четыре банки с запертыми внутри тенями. Пока еще совсем небольшими.

– К слову, о леди Марибет. Не знаю, будет ли тебе это интересно, но на днях она была в лавке Фолкрита. И как-то странно себя вела. Я порылся в прошлом, и... в общем, вот.

Он протянул Уиллторну тонкую папку с торчащими потертыми листами. Тот бегло просмотрел ее и выругался.

– И ты молчал?! Как это вообще возможно?

Он сделал глубокий вдох. И почему ничто и никогда не проходит гладко?

А потом Уиллторн рассмеялся.

– Придется как-то объяснять недоразумение с нашей ведьмочкой. И выяснить чуть больше об этой леди Марибет. Демоны тебя побери, не мог сказать до того, как я бросил ее с этим болваном? Ступай. Мне надо придумать, как объяснить свое исчезновение. И впредь старайся доносить важную информацию, даже если я занят. Особенно – если я занят с какой-нибудь девицей.

Помощник кивнул и поднялся. Силуэт его подернулся дымкой и в мгновение ока на том месте, где стоял человек, оказалась тень. Она скользнула по стене, юркнула в щель между дверью и стеной, оставив Уиллторна в одиночестве.

Глава седьмая

Когда впереди показались знакомые двери лавки, я испытала настоящее облегчение. Сбежать, скорее сбежать от Фолкрита, ступить под ледяной душ и тереться мочалкой до красноты, смывая запахи ресторации и эмоции отвратительного окончания вечера.

Мне не удалось избавиться от провожатого, а объяснение, что уже слишком поздно, чтобы ложиться спать и проще начать делать булочки на утреннюю продажу звучало не слишком убедительно. Тем не менее мы с Дрэвисом пришли именно к дверям лавки. И я было затормозила, чтобы поблагодарить за помощь и культурно сбежать.

Куда там! Фолкрит и не подумал затормозить, открыл дверь своим ключом и вошел.

— А вы...

— Кексик, это моя лавка. Я не хочу идти домой сонный и уставший, а делать портал, не выпив кофе с чем-нибудь сладким, вообще опасно для здоровья. Мне надо восполнить силы, так что я сейчас у тебя чем-нибудь вкусным и поживлюсь.

— Как хотите.

Сил спорить не было, только стало еще тоскливее — теперь и поспать не удастся.

— Я приму душ и возьмусь за работу. На мне, наверное, смесь духов всего высшего света Градда.

Оставив его внизу, я забралась на второй этаж и, привалившись спиной к двери, закрыла глаза.

— Ну, как свидание? — раздался голос Крина.

Любопытное зеркало, конечно, ждало возвращения.

— Даже не спрашивай. Наверное, я чем-то сильно провинилась перед Светлейшей. Он сбежал. Оставил меня в ресторации и сбежал.

— Счет оплатил? — деловито спросил Крин.

— И что с того?

— Может, дела?

— Я тоже себя так успокаиваю.

— Кексик...

— Давай завтра, а? — жалобно протянула я. — Я так устала.

Ледяной душ немного сбил сонливость. Я наплевала на требования формы, надела простое черное платье и закатала длинные рукава – чтобы готовить было удобнее. К новому дню надо было и впрямь напечь любимых булочек покупателей.

А еще я хотела попробовать новый рецепт сладкого ликера из голубых апельсинов, который откопала в старой книге. И заодно выяснить у Фолкрита (раз уж он оказался здесь), есть ли у лавки лицензия на алкоголь.

Так, копаясь в книге, я и вошла в торговый зал, где была остановлена шепотом Крина.

– Тс-с, кексик! Смотри!

Я аккуратно выглянула из-за косяка. Фолкрит-старший внимательно осматривал корзинку и перечитывал веселенькую табличку, на которой красовалась гордое «Шоколад для мужика». Я совсем забыла о вчерашнем акте страшной мести. Мужчина пытался нюхать куски шоколада, трогать указательным пальцем, сверлить проникновенным взглядом. И явно хотел попробовать, но не решался, помня мою страсть к пакостям.

– Как думаешь, сожрет? – спросило зеркало.

– Не знаю, – шепотом откликнулась я. – Но надеюсь.

И мои надежды, а вместе с ними и любопытство, были вознаграждены! Дрэвис наконец запустил руку в корзинку, извлек небольшой кусочек шоколада и сунул в рот. Некоторое время он просто жевал, и лицо его ничего не выражало. А потом... глаза чуть из орбит не вылезли! Он закашлялся, начал хватать ртом воздух и зашарил рукой в поисках воды.

Мы с Крином старались смеяться тихо, чтобы не попасться. Но когда вместо водички Фолкрит схватил концентрированный мятный сироп, не выдержали и покатались со смеху. Вместо прохлады, дарящей облегчение, раздраженное перцем горло обожгло ледяной морозной мятой.

– ВЕДЬМА-А-А! – взвыл Дрэвис.

– Бежим! – скомандовало зеркало и исчезло.

Я разумно последовала его примеру. Что я? Ничего, сижу себе на втором этаже и знать не знаю, что там внизу творится. Лавка закрыта, а кто ж виноват господину хозяину, что он всякую ерунду в рот тянет?

– Дейзи Гринвильд! – бушевал Дрэвис. – Немедленно спустись!

Вот еще. К неадекватным магам не спускаемся, особенно в нерабочее время. Я, может, уже передумала и ушла давно, а он и не заметил. Не живу же я в лавке, в конце-то концов!

То есть живу, но Фолкрит об этом не знает.

А он не сдавался. После того, как я проигнорировала все обещанные кары, поднялся по лестнице и забарабанил в дверь.

— Я знаю, что ты здесь! Открывай!

— Я занята! — крикнула я. — Что у вас там случилось?!

Вместо ответа Дрэвис просто испарил ко всем богам дверь и, жутко разъяренный, вошел в комнату. Я сглотнула. Сначала было весело, а сейчас как-то не очень...

— А нечего есть всякую гадость! — решила играть на опережение. — Вас никто не заставлял язык распускать!

— Язы-ы-ык, — как-то нехорошо сощурившись протянул Фолкрит. — Маленькая пакостница! А-ну иди сюда!

Я завизжала и бросилась наутек, но была отловлена и зафиксирована на матрасе. В пылу битвы Фолкрит даже не заметил, что в комнате явно кто-то живет. Мы боролись, как два драных кота, причем один из котов был... мятодышащим. Амбре от Дрэвиса было что надо.

— Ай!

Я вцепилась зубами ему в плечо и добавила коленкой в живот. Вывернувшись из захвата и под звуки угроз и оскорблений (честное слово, отсужу моральную компенсацию!) устремилась вниз по лестнице. Бежать, срочно бежать от неадекватата!

— СТОЯТЬ! — громынуло наверху. — А не то...

Фолкрит стоял у перил и держал мою любимую мензурку на весу! Та пищала и жалостливо хныкала, но изверг и сатрап был неумолим. Шантажист...

Исподлобья уставилась на дорогого работодателя.

— Извинись! — потребовал Фолкрит.

И тут уж я совершенно справедливо возмутилась:

— Это я должна извиняться?! Ввалились сюда после закрытия, сожрали декоративный шоколад, вылакали мой сироп. Да мне торт надо мятный готовить! А где я в такой час сироп теперь найду? И я — извиняться?!

— Ты специально поставила туда эту жгучую гадость!

Внутри шевельнулась профессиональная гордость.

– А вы все на зуб пробуете? В детстве мир не до конца poznали? Я думала, желание тянуть бяку в рот пропадает где-то между облизыванием дверной ручки и дипломом о высшем магическом образовании!

Мензурка повисла практически на волоске и истерично заверещала.

– Ладно-ладно! Я извиняюсь! – быстро проговорила, еще и руки подняла, мол, сдаюсь. – Извините.

– Я больше не буду.

– Это правильно, – согласилась я.

– Повтори!

А-а-а, он в этом смысле. Вздохнула (вру ведь):

– Я больше не буду.

– Врешь!

– Сарой клянусь!

Вместо ответа мне достался многозначительный скептический взгляд. Ну а что? Я должна была попробовать.

К счастью, мензурку опустили, и она быстро унеслась к товарищам. Надо будет поощрить за пережитый стресс. Наклеечку новую сделать или цветочек туда поставить.

– А теперь, моя дорогая ведьма, – хмыкнул Фолкрит, спускаясь, – мы поговорим о том, что я нашел на втором этаже. А именно о складе одежды, алхимических приبلуд и двадцати парах, чтоб ее, обуви! Ты что, живешь в моей лавке?!

Я сделала самые честные на свете глаза и отчаянно замотала головой. Глаза были такие круглые и такие искренние, что Дрэвис даже поверил. Секунды на две, не больше, потому что в следующий момент спустился на первый этаж и молча, но безапелляционно указал мне на ближайший стул.

Чувствуя себя ребенком, принесшим грозную запись в дневнике, села и вздохнула.

– Ну? Объясняться будешь?

– А чего объясняться? – пробурчала.

– Ну то есть присутствие в лавке, которая торгует продуктами, твоего спального места – это нормально?

Наверное, он был прав. Хотя живут же владельцы лавок над торговыми залами. И булочник живет, и мясник совершенно точно живет! Почему я не могу спать на втором этаже да еще и аккуратненько?

– Я осторожно.

– Осторожно? А ничего, что второй этаж вообще не предназначен для жилья?

– Там есть душ...

– Для персонала!

– Я персонал!

– Ты меня запутала. Кексик, что ты здесь делаешь, я в последний раз спрашиваю?

– Живу...

У него чуть пар из ушей не повалил. Нет, все-таки палку я перегнула. Сначала доставала его в ресторации, потом шоколадом накормила. Вот сироп мятный он сам выхлебал, никто не заставлял, и он там случайно оказался. А остальное – я. Талант не пропьешь.

– Какого... прости за выражение, ты здесь живешь?

Молчу. Угрюмо, уставившись в пол, молчу.

– Кексик.

Молчу, ибо не кексик.

– Ведьма.

Уже ближе, но все равно молчу – что сказать, еще не придумала.

– Гринвильд!

И никаких идей...

– Дейзи.

– Ну вот так вот.

– Собирайся. Отведу тебя домой.

– Не пойду.

– Что значит «не пойду»? – разозлился Фолкрит. – Ты не можешь жить в лавке.

– Я туда не вернусь. Я там больше не живу, и точка.

– Час от часу не легче. Хорошо, а где ты хочешь жить?

– Сниму комнату или дом.

– Что мешает?

– Пока не нашла.

– Значит, поживешь с родителями. Все молодые девочки живут с родителями, и ничего страшного с ними не случается.

В этот момент я совершенно ясно осознала, что еще миг – и придется ночевать на улице. К родителям я не собиралась возвращаться совершенно точно, а если меня выгонят из лавки и я не смогу найти жилье, то останусь на городской площади и, может быть, отвоюю у бездомного какую-нибудь скамеечку.

Надежды на то, что Фолкрит сжалится, было мало, но я все равно подняла на него глаза и тихо сказала:

– Мне некуда идти. Совсем.

У любого на месте Дрэвиса дрогнуло бы сердце. А вот у него, похоже, дрогнуло что-то другое, потому что мне никак не удавалось поймать его взгляд, который спускался куда-то вниз, туда, где кончалось платье.

Вдруг с жутким грохотом, осветив все помещение яркой вспышкой, распахнулась дверь. Дрэвис отскочил, а я не свалилась со стула лишь потому, что не сразу сообразила, что происходит.

– Э-э-э... – Марк замер, держа перед собой значок управления стражи Градда. Им-то он и открыл запертую дверь лавки. – Всем привет.

– А постучать? – хмыкнула я. – Мы, конечно, закрыты, но уж брата хозяина-то впустим.

– Я иду мимо, смотрю – свет горит и какие-то силуэты. Ты говорил, с Сарой ужинаешь, Дейзи работу закончила. Что вы тут делаете?

– Беседуем.

– Вижу, – хмыкнул он.

Марк не мог не заметить мой расстроенный вид, но, слава Светлейшей, решил промолчать. Да и у Дрэвиса дальнейший разговор в присутствии брата не клеился, а я – так вообще мечтала поспать хоть пару часов. Но никто не знал, как выпутаться из неловкой ситуации, поэтому молчали.

– А у вас ничего пожевать нет? – вдруг осмотрелся Марк. – А то я с обеда ни крошки не поймал, сопьюсь такими темпами.

Дрэвис молча пододвинул к брату вазочку с шоколадом. Тем самым, от которого какие-то полчаса назад бегал и орал по всему дому. Тут уж я не выдержала:

– Смотрю, у вас прямо доверительные отношения в семье.

Украдкой Дрэвис пихнул меня в бок. Ладно, молчу-молчу. Вот только если сейчас и младшенький начнет носиться по лавке с огромными глазами, я точно их обоих приблю. Кстати, от старшего еще прилично несло мятой.

– М-м-м... с виски – очень круто! – ко всеобщему удивлению объявил Марк. – Дрэв, где ты нашел такого поставщика?

– Это я приготовила.

– Талант! – восхищенно присвистнул он.

Ну хоть кто-то меня сегодня хвалит и любит. После фееричного провала первого свидания и разборок с Фолкритом-старшим утешиться слабым комплиментом – то что надо. Вот буду искать коробку, в которой можно переночевать, и припомню добрым словом галантного мужчину.

Настенные часы ударили четыре раза. Я вздрогнула – неужели так пролетело время?

– Знаете что, – слезла со стула и отправилась за прилавок, – можете поедать запасы товара, выносить двери и окна, обижать ни в чем не повинных алхимичек, а я – работать. Не то чтобы я жаждала преумножать ваше богатство, но люди-то не виноваты, им сладенького хочется.

– Мы не договорили! – Дрэвис пришел в себя и пошел в атаку. – Чтобы завтра по окончании рабочего дня тебя здесь не...

Многострадальная дверь снова открылась, да с такой силой, что отскочила и едва не ударила посетителя в обратку.

– Вы считаете, это было смешно, господин Фолкрит? – ледяным тоном осведомился... Уиллторн.

Марк застыл с ртом, полным шоколада, я как-то очень задумчиво сжала венчик. Обида подсказывала как следует взбить этим венчиком сбежавшего со свидания Уиллторна, но здравый смысл жаждал досмотреть конец сцены.

– Что вы имеете в виду? Ваш побег со свидания? Нет, откровенно говоря, это выглядело жалко.

– Не изображайте святую невинность, Фолкрит, – скривился Уиллторн. – Я потратил больше часа, чтобы объяснить страже, что не нападал на вас. Знаете, говорят, что в любви все средства хороши, но

все же за понравившуюся девушку стоит бороться честным путем. Особенно если уже выбрали себе в жены ее сестру.

– Что?! – ахнула я. – Вы... вы...

– Кексик, он врет! – рявкнул Фолкрит.

– Спросим стражника?

– Было бы отлично!

– Дейзи, а можно у тебя попросить водички? – тихо сказал Марк, пока эти двое спорили на повышенных тонах.

Я налила ему в стакан из графина, а потом, подумав и решив, что хуже мне уже не будет, окатила Фолкрита остатками воды.

– Знаете, это уже ни в какие ворота! Вы надо мной издеваетесь, срываете мне свидание, а потом еще и угрожаете оставить без жилья! Пойду в суд и скажу, что отказываюсь выполнять общественные работы. Камера так камера! Там хотя бы крыша над головой есть и вы над душой не стоите!

– Дейзи, тебе негде жить? – мягким виноватым голосом спросил Уиллторн.

А я была еще не уверена, что вот так забуду, как осталась в гордом одиночестве в ресторации. Хотелось все-таки выслушать более подробный рассказ о тех событиях. В частности, о том, как так получилось, что Уиллторн оплатил счет. И как Дрэвис умудрился его подставить, если никуда не отлучался.

– Да, я ушла из дома и пока не нашла съемную комнату. И у нас тут некоторый... спор в связи с этим.

– Позволишь помочь? – спросил Уиллторн. – Я живу буквально в двух кварталах отсюда, в гостинице. Официально у них нет свободных комнат, но для меня всегда резервируют две – для помощника. Но в этот раз он живет у друзей в Градде и комната пустует, а раз уж она оплачена...

– Она живет здесь, – отрезал Дрэвис.

– Вы только что требовали убраться.

Не то чтобы я так хотела жить рядом с Уиллторном, просто ради справедливости заметила.

– Здесь? – Уиллторн окинул помещение скептическим взглядом. – Не слишком-то подходящее место для молодой одинокой девушки. Ей нужно жилье с охраной, с личным пространством. А тут, как я понимаю, личное пространство не в почете.

– Она на меня работает.

– Вот именно, Фолкрит. Работает, а не принадлежит. У девушки есть выходные? Обеденный перерыв? Достойная комната отдыха? Она что, вкалывает как проклятая в этой лавке, пока вы готовитесь к свадьбе?

Крыть было нечем, и Дрэвис молча прожигал взглядом Уиллторна.

– Собирайся, Дейзи. Комната действительно пустует, и тебе там понравится.

– Ты останешься здесь.

– Ты не рабыня, а сотрудница.

– У тебя есть выходной и время на обед.

– С каких пор? – Это я не выдержала и удивилась.

– С самых первых! – рявкнул Фолкрит. – У тебя в исполнительном листе об этом, вообще-то, написано.

Ну... упс.

– Вы, ребята, такие интересные, – во все лицо ухмыльнулся Марк, под шумок сточивший вазочку шоколада.

Мне показалось, они оба, и Дрэвис, и Уиллторн, готовы были переключить внимание на Фолкрита-младшего и как следует ему отвесить. Надо было как-то решать эту идиотскую ситуацию.

Потому что ехать с Уиллторном я не была готова морально. Он подарил мне чудный вечер (потом, правда, сбежал, и якобы у него было оправдание). Но что собой представляет? Какой человек? Чего хочет от девушки, которую знает всего ничего?

Дрэвис Фолкрит – болван, напыщенный дурак, но работа у него назначена судом, и не выполнять его предписание он не может. Надо будет, кстати, прочитать, что мне там еще положено. Вдруг золотые горы?

В общем, жить на деньги мужчины, которого едва знаю и который за несколько часов свидания устроил мне весь спектр эмоций, я не могу. Заплатить из отцовских денег за не самую дешевую комнату тоже будет не самым разумным решением, а я и так в последнее время часто поддавалась злости. А еще, положив руку на сердце, – не знаю, что Уиллторн потребует в ответ на помощь.

Но как же не хотелось признаваться в этом при Дрэвисе!

– Уиллторн, я благодарна вам за предложение. Но мне бы не хотелось жить далеко от работы.

Прозвучало по-идиотски. Далеко ей жить не хочется, смотрите, принцесса какая!

Я тут же обругала себя, как только могла и вдобавок ко всему покраснела.

– Уверена? – спросил Уиллторн.

– Она уверена, – вместо меня ответил Дрэвис.

Я закатила глаза.

– Мы можем поговорить наедине?

Никто не стал меня останавливать, и мы с Уиллторном вышли на улицу. Вдалеке уже поднималось рассветное солнце, но вместо того, чтобы полюбоваться утренними пастельными красками, я с тоской подумала, что поспать уже не удастся совсем.

– Дейзи, я не знаю, что сказать. – Уиллторн задумчиво смотрел вверх, на остроконечную крышу салона туфель. – Если бы кто-то задался описать самое отвратительное свидание на свете, оно выглядело бы как наше.

– Не думаю, что кто-то зарабатывает описанием ужасных свиданий. Да и свиданий вообще...

Он рассмеялся.

– Мне нужен еще один шанс. На этот раз я прослежу, чтобы рядом с нами не было Дрэвиса Фолкрита.

Звучало заманчиво, и если я не хотела пользоваться его предложением комнаты, то вот со свиданиями не была бы столь категорична. Мы не сговариваясь шли вперед, мимо еще закрытых лавок, магазинчиков и студий.

– Расскажешь, почему осталась без жилья?

– Да что тут рассказывать. Папа привел домой дочь любовницы и забыл об этом сообщить ей самой. Законной жене и любимой дочке надоело, и оставаться там стало невыносимо. Я ищу жилье, но работы в лавке действительно много. Да и наказание, наверное, было справедливое. Там еще что-то про извинения было, но я эту часть упустила...

– А что мать?

– А ничего. Мы с папой почти не разговаривали. И я не стала спрашивать, а смысл? Если она столько лет не интересовалась мной,

так и нечего лишний раз искусственно создавать в жизни трагедию.

– Может, не могла? Может, у нее были причины?

– Как знать.

Мне не нравился этот разговор, и хотелось поскорее его закончить.

– А если попробовать выяснить?

– Я, увы, управляющая лавкой, а не детектив. Даже если бы хотела, не знала, с чего начать.

– Смотри сама. Тебе лет двадцать, не больше?

– Восемнадцать.

– Можно легко выяснить, где работал и чем жил твой отец, когда тебя еще не было. Проверить круг его общения, потянуть за ниточки...

– И вытащить на свет чей-нибудь скелет из шкафа.

– Ты не хочешь ничего выяснять?

Я закусила губу. Найти хоть что-то о матери – заманчиво, но чем это обернется для всех? Просто так детей не бросают, и если папе пришлось привести меня в дом к своей жене, на то была причина. Он вряд ли стал бы настаивать, если бы любовница захотела оставить ребенка себе. Но и бросить на произвол судьбы не смог.

– Хочу, но не уверена, что стоит, – призналась я.

– Ты осталась одна, без жилья, наказанная за какую-то ерунду. И все еще беспокоишься, не причинишь ли кому беспокойства?

– Не боюсь. Не хочу причинять беспокойство себе. Не очень-то приятно убеждаться, что никому не нужна.

– Так уж никому? – Уиллторн улыбнулся. – Я не буду настаивать, но просто знай, что мы можем хотя бы попытаться найти информацию о твоей матери.

– Спасибо, – совершенно искренне сказала я. – Мне нужно готовиться к первому рабочему дню. Я пойду, ладно?

– Ты не злишься, что я так тебя бросил? Я действительно этого не хотел, Дейзи.

– Как Фолкриту удалось тебя подставить, если он никуда не выходил?

– Если бы я знал. Я вышел, чтобы расплатиться и освежиться, а едва закрыл счет, меня уже ждала стража. Мне пришлось давать объяснения в управлении. После я сразу рванул сюда и боялся, что ты мне не поверишь. Так мы можем встретиться снова? Мне на несколько

дней нужно будет уехать, сложно сказать, на сколько именно, а потом я хочу пригласить тебя куда-нибудь. Ты любишь театр?

Приглашение в театр – запрещенный прием. Ну какая девушка устоит перед таким? При одной мысли о красном бархате, торжественной музыке, изящных биноклях и рядах позолоченных кресел возникает волнующее предвкушение. Я крайне редко бывала в театре – Сара с мамой ненавидели такие сборища и бывали мы там лишь в случае необходимости.

Поэтому, конечно же, я согласилась.

Уиллторн ушел. Я долго смотрела ему вслед переваривая наш разговор. И откуда он такой на меня свалился, загадочный и притягательный? Да откуда они вообще все взялись в моей жизни и как половину сдать обратно?!

У самой лавки я притормозила, услышав голоса Марка и Дрэвиса.

– Зубы повыбиваю! – бесился старший.

– Не делай глупостей, – пытался урезонить его Марк. – Хорошо, что Уиллторн трется рядом с Дейзи, проще будет за ним следить. Не бесись, Дрэв, и не делай глупостей.

– Ты слышал, как легко он ей навешал лапшу? А кексик тоже хороша! Как можно пускать слюни на этого...

Я аж задохнулась от возмущения. Пускать слюни! Тоже мне, нашелся ценитель мужской красоты.

– Может, ты не ту сестру себе выбрал? – усмехнулся Марк. – Займись Сарой, а не то она от тебя сбежит.

– А ты займись расследованием, – буркнул в ответ Дрэвис. – И прекрати меня поучать. В гробу я видел эту ведьму вместе с Уиллторном. Кстати, где они там? Не долго?

Слушать, как Фолкрит-старший и дальше возмущается всем на свете, не было желания, так что я сделала вид, что ничего не подслушивала, и вернулась за прилавок.

– Спасибо за шоколад, Дейзи, очень вкусно.

Вот все же Марк, несмотря на то, что ронял меня дважды носом в землю, порой был куда обходительнее брата. А казалось бы!

Стараясь не обращать внимания на Дрэвиса, я уже привычно подготовилась к открытию. Наполнила вазочки печеньем, корзинки – шоколадом и вафлями. Выложила зефир на большой круглый поднос,

новую партию соленой карамели, будь она неладна. Оценила беглым взглядом композицию и осталась довольна.

Заварила кофе, чтобы хоть немного прийти в себя.

– А мне? – возмутился Фолкрит.

– А вы еще здесь? – притворно удивилась я.

– Кексик, не дуйся на меня! Я ничего не делал твоему хахалю, он все выдумал.

– Зачем? Вот зачем ему выдумывать? Захотел сбежать – сбежал, так ведь вернулся. И счет оплатил. Какой-то сложный план, не находите? А вот вы вполне способны на гадость.

– Я?!

– Ну не я же!

Сказала и как-то задумалась...

– Да ты должна быть благодарна мне!

– Обалдеть! Может, в качестве благодарности примете проклятие чесотки?

Не знаю, хотел хозяин согласиться или прибить меня и не мучиться – первый посетитель отвлек нас от оживленной беседы. Я недовольно покосилась на часы – мы еще не открылись. Но увидев приветливую улыбку леди Марибет, как-то резко подобрела.

– Ладно, живи без чесотки, – тихо пробурчала, чтобы слышал только Дрэвис.

И уже фрейлине:

– Доброго утра, миледи. Карамели?

– На твой вкус, дорогая. Всего понемножку.

Пожалуй, фрейлину можно было назвать клиентом, ради которого хотелось стараться. Я складывала в бумажные пакеты сладости повкуснее. Самый круглый и аккуратный зефир, самые крупные кусочки шоколада. Чувствовала ее взгляд и симпатию, чем вообще в последнее время не была избалована.

– Господин Фолкрит, рада, что вы здесь. Я зашла сообщить вам новость лично.

Новость? Я наострила уши.

– Церемония состоится в назначенное время. Мы хотим, чтобы вы подготовили сладости.

– Церемония? – вырвалось у меня.

– Новорожденного принца пронесут по центру Градда, – ответила леди Марибет. – Будет выходной, разные празднования и выступления. После того, как процессия пройдет по вашей улице, людям нужно будет раздать сладости и напоить чаем. Не скупитесь на количество, все будет заранее оплачено дворцом. Я слышала о ваших магических булочках – будет здорово, если придумаете что-то веселое.

– Мы не подведем, – кивнул Дрэвис.

Я только мысленно хмыкнула. Он не подведет, надо же. А меня хоть для приличия спросить?

Это мне готовить на толпу любителей пожрать бесплатно, а хоть монетку кто заплатит? Надо будет прочитать исполнительный лист, что там сказано насчет зарплаты трудолюбивой талантливой ведьме.

Я не очень хорошо знала всякие церемонии и этикеты, но казалось, что фрейлины редко занимаются какой-то организаторской работой. Фрейлинами до сих пор я считала молчаливых девушек, везде следующих за королевой. Но, к слову, сколько раз была на всяких официальных торжествах Градда, никогда не видела рядом с королевской семьей леди Марибет. Похоже, она скорее была кем-то вроде помощницы или управляющей.

– Прошу. – Я поставила перед женщиной два больших пакета.

Фрейлина извлекла из расшитой стеклярусом сумочки несколько монет и протянула мне. Я взяла только одну и полезла в ящик, искать сдачу.

– Нет-нет, Дейзи, все остальное для вас.

– О, не стоит...

– Кексик, не спорь! – прошипел Фолкрит. – Это же фрейлина! Мало того, что ты ее своей ерундой соленой накормила, так еще обидеть хочешь?

Пришлось взять монеты и поблагодарить. Пауза затягивалась, фрейлина зачем-то рассматривала меня (я даже в зеркало Крина извернулась посмотреть, дабы выяснить, не застряла ли у меня в зубах петрушка с ужина). Потом словно очнулась:

– Что ж, мне пора.

Она прошла к выходу, но у самого порога обернулась:

– Дейзи... я буду устраивать завтрак для обсуждения деталей церемонии. Могу попросить вас прийти?

Мы с Дрэвисом в кои-то веки сошлись во мнении: дружно открыли рты. Я только и смогла кивнуть, вдруг ощутив себя слишком невоспитанной для завтрака во дворце. К счастью, леди Марибет сделала вид, что ничего не заметила. Дверь за ней закрылась неплотно, впуслав в лавку дождливую свежесть – снова начиналась непогода.

– Лето вообще в этом году будет? – первым пришел в себя Фолкрит.

– Даже если будет, я его не замечу. Вы собираетесь сидеть здесь весь день? У вас там рыдает безутешная невеста. Или не совсем рыдает. Расскажу вам историю из детства. Как-то в младших классах Сара дружила с мальчиком. Он носил ей шоколадки и отодвигал для нее стул в столовой. Когда мальчик сломал руку и не мог с ней гулять, она нашла себе brutального второклассника, у которого работали все конечности.

– На что ты намекаешь?

– Ни на что. Просто поддерживаю беседу. Как-то неловко завтракать в тишине.

– Так ты мне кофе нальешь или нет?

– Нет.

Пожала плечами и сунула в рот большой кусок шоколада. Не найдя у меня сочувствия и еды, Дрэвис обиженно ушел, захватив с собой и брата. Наконец-то!

– Наблюдать за вами – словно в зоопарк ходить, – подал голос Крин.

– И я в нем – главная зверушка? Вот и как понять, кто из них врет?

– А что говорит тебе сердце?

– Оно преимущественно ругается. На самом деле не верю никому. Фолкриты странные и неспроста меня в эту лавку засунули. А с Уиллторном мы знакомы всего ничего. И он уже предлагает мне поискать мать, помочь с жильем.

– Причуды богатых мужчин?

– Скорее, свои интересы. Найти бы кого-то, кто сможет вызнать хоть что-то об этом Уиллторне. Но к папе не пойду, а Фолкритам не верю. Плохо быть одной.

– Я попробую послушать что-то в доме Дрэвиса, – нехотя сказал Крин. – Вдруг будут обсуждать.

Простое и, в общем-то, не факт что полезное предложение отозвалось внутри теплом. Хотя кто-то помогает мне, потому что я хорошая. Ну или потому что «кому-то» скучно.

– Спасибо!

– Только не целуй зеркало. Когда я висел во дворце, придворные дамы задолбали своими поцелуйчиками, весь был в отпечатках губ.

– Ты висел во дворце?

Крин явно понял, что ляпнул лишнего, поэтому без особых объяснений исчез. Я только вздохнула – до чего странный попался сосед. И не призрак, и не человек. Как оказался в зеркале, непонятно, хотя ведь явно помнит. Только рассказывать не спешит, что одновременно интригует и немного обижает.

За обычными хлопотами лавки некогда было думать о свидании и сопутствующих проблемах. Я изучала рецепты и придумывала композицию для витрины – из шоколадных цветов и флакончиков с разноцветными зельями. Неожиданно, но занятие успокаивало и отвлекало от мрачных мыслей.

Если посудить, не так уж все было и плохо. Меня даже позвали на завтрак во дворец, а еще лавка, где я работаю, будет участвовать в очень важном празднике. Пожалуй, таким уже можно будет похвастаться в академии. Если я туда, конечно, вернусь.

Из-за плохой погоды я не ждала наплыва клиентов, и поэтому, когда увидела перед дверями лавки в час открытия толпу народа, знатно удивилась. Еще больше удивилась, когда поняла, что все присутствующие – мужчины.

Причем в самом расцвете лет, так сказать. Не студенты – тех видно сразу, да и знакомых у меня среди них много. Самые что ни на есть мужчины рабочего возраста. Может, они перепутали лавку с... не знаю, табачным магазином? Пивной таверной? Публичным домом? На что еще может намекнуть вечно снующая туда-сюда девица в коротком платье?

– Вы ко мне?

Утвердительно кивнули и дружно ввалились в лавку, переговариваясь. Сути разговора я не улавливала, и наконец до них дошло.

– Мы от Марка, – сообщили мне. – За шоколадом.

Не то чтобы это сильно прояснило ситуацию.

– Подробнее! – потребовала я.

– Марк говорил, здесь продают вкусный острый шоколад. Мы вечером собираемся в покер играть и решили взять на закуску. Можно?

– Нельзя, – вздохнула я. – Ваш Марк последний острый шоколад и сожрал. Даже миску, по-моему, вылизал.

По лавке пронесся полный скорби и разочарования вздох.

– Ну, если полчаса подождете, нового наделаю.

Честно сказать, я надеялась, что они уйдут. Наверняка ведь у коллег Марка много дел? Преступники на свободе, надо разозленных алхимичек арестовывать и...

Тут до меня кое-что дошло. Я смутно помнила следователя, который меня арестовал – тогда взор застилала ярость и обида. Но сейчас почему-то казалось, что у него были длинные светлые волосы. И если это так – убью! Отравлю! Увековечу в гигантской плитке шоколада. Шоколад с мясом – отличная новинка. И плевать, что это мясо недавно ходило, говорило... а еще раньше – арестовывало меня.

Следователи не ушли. Рассредоточились по лавке, двое вышли покурить. Станные, конечно, зачем ходить за шоколадом всей толпой? Эдак они никогда не соберутся на свой шабаш, пока вдесятером по всем лавкам пройдутся.

Но мне платили не за рациональные советы, а за шоколад и пришлось таки его делать. Сыпала перец со странным ощущением. Что бы я ни делала, все оборачивается в плюс! Хотела напугать клиентов пляшущими кексами? Всем понравилось. Торт в виде селедки? Еще и на чай оставили. Соленая карамель? Благодаря ей иду на завтрак во дворец, а фрейлина тащится от нашей лавки. А сейчас еще шоколада надо намешать, остренького. А ведь хотела потравить Фолкрита.

Никогда такого не было, и вот опять!

Перца насыпала от души. Все равно пьяные будут, так может, разозлившись на плохой совет, Марка побьют...

Я уже разливала шоколад по формам, чтобы с помощью магии остудить его и сделать твердым, когда к толпе мужиков в моем личном пространстве прибавился еще один.

– Нет, это уже ни в какие ворота не лезет, мы пару часов назад попрощались! У вас что, работы нет?

– Я забыл кошелек, кексик. А что здесь происходит?

– Поклонники моего таланта.

– Пришли поклониться? – хмыкнул Дрэвис.

Я решила быть выше всего этого и на подколки отныне не отвечать. Тем более что было занятие поинтереснее: остудить шоколад, разломать его на куски и сложить в бумажный пакет. Правда, краем глаза я видела, что хозяин не спешит уходить. Он бродил по залу, будто невзначай присматриваясь к следователям.

Ходил-ходил, пока я работала, и наконец примерился к вазочке с карамельными булочками, которые я испекла к открытию. Вот только взять не успел.

– Мужчи-и-ина, вы мне пройти меша-аете!

Фолкрит аж побледнел, голос явно узнав. Уже знакомая нам фея недовольно сопела, а Дрэвис перегораживал ей проход.

– Встаньте в очередь! – бросила она ему.

– Да я раньше вас пришел!

– А я раньше определилась.

И мне:

– Будьте добры, пастилы и вон тех сливочных помадок.

– Они не диетические! – влез Фолкрит.

– А я уже похудела! – отрезала фея.

Хм, а собственно, зачем я ему в лавке пакости делаю? Он сам отлично справляется с распугиванием клиентов. Преклоняю голову перед мастером и скромно отхожу в сторону.

Отныне она перестала обращать внимание на мужчину и сосредоточилась на витрине. Я же, получив пару звонких манет, стала ждать, когда фея определится. Фолкрит маячил позади.

А мне нравилась фея. Грубоватая, но дружелюбная. Хорошо платила, четко говорила, чего хочет, не отказывала себе в удовольствиях. А как лихо ставила на место Дрэвиса! Хотела бы я быть такой. Но только на пять размеров меньше, конечно.

– Вот, пожалуйста. – Я улыбнулась и протянула пакет.

Получила плату и маленькую монетку чаевых. Я не трогала деньги лавки, хотя за моральный ущерб вполне могла требовать компенсацию. И дело было даже не в том, что я боялась обвинений в воровстве. Просто мне принципиально ничего не было нужно от семейства Фолкритов. Отработаю наказание и сбегу, только меня и видели.

Но вот каждую монету, что мне оставляли на чай, я заботливо откладывала к тем, что дал папа. Тратить было некуда, я покупала лишь еду, а остальное пригодится, когда начнется по-настоящему свободная самостоятельная жизнь.

– Новый заказ, кстати.

Фолкрит достал очередной мерзенько-розовый листочек с заданием.

– Опять торт? А мы ведь даже не знаем, выжили ли предыдущие заказчики.

Я не торопилась брать листок, раскладывала по пакетам готовый перцовый шоколад. Ровно десять аккуратненьких ароматных пакетов. За следователями Фолкрит-старший следил со смесью подозрения и бешенства на лице.

Вот как тут не подлить масла в огонь?

– Ваш брат такой душка, – проворковала я. – Привел клиентов, да еще и таких обходительных.

Соизволила наконец взять из рук мужчины листок и прочитала:

– Торт с полостью внутри. Для подачи нанять танцовщицу, которая будет из него выпрыгивать в ответственный момент?

Он невозмутимо кивнул.

– Знаете, если у вас из торта вдруг выпрыгивает танцовщица – это явно безответственный момент. А хотите, я вам лучше тараканов заведу?

– Зачем тараканов?

– Для них тортики размером поменьше можно делать.

– Ведьма!

– Да поняла я, поняла. Чего сразу так орать? Сделаю вам торт. Только без претензий, ибо еще раз напоминаю: я не кондитер.

– У тебя чудненько выходит. Продолжай в том же духе. А лавке нужна реклама, и торт на мальчишник – лучший способ заявить о себе.

Так-так-так. Это уже интересно. На какой такой мальчишник?!

Это, собственно, вслух и спросила.

– На мой, разумеется. Я устраиваю небольшую вечеринку для самых близких друзей.

– А если расскажу невесте, что у вас из торта какая-то девица выскочила?

Вот такого тон явно не ждал. Как-то даже растерялся, смерил меня недоверчивым взглядом.

– Вы же не общаетесь.

– Ну, надо же мириться с родственниками. Чем не повод?

– Кексик, я дал тебе заказ. И более того, если выполнишь, всю сумму, что стоит в задании, заберешь себе.

– Если Сара будет спрашивать, скажу, что это была ваша кузина, – тут же сориентировалась я.

Беглого взгляда на листок хватило, чтобы понять: сумма была размером с треть от той, что дал отец. Ради такого можно и торт на мальчишник сделать, и танцовщицу найти. Зато горстка звонких монеток прибавится в копилке. И после окончания отработки я не буду голодать.

Когда Дрэвис ушел, а поток покупателей прекратился до обеда, я занялась уборкой в лавке, насвистывая веселую песенку. И что самое странное – все было только в удовольствие.

Глава восьмая

Несколько дней все было тихо и спокойно.

Я работала: продавала себе шоколад, читала алхимические книжки с заделом на будущее. Болтала с Крином, гуляла и вела самую обычную жизнь. Даже наказание перестало казаться таким уж невыносимым, особенно когда никто из Фолкритов не заглядывал на огонек.

Они словно испарились, и меня это более чем устраивало. Правда, периодически заходили коллеги Марка – уж очень им понравился мой острый шоколад. Но тем все и ограничивалось. И хоть я знала, что это не продлится долго, все же в глубине души надеялась, что мои злоключения закончились. Так и быть, даже пакостить не стану больше, если все просто оставят меня в покое до следующего лета.

Но, разумеется, Дрэвис Фолкрит про меня не забыл. А когда наконец появился в лавку, то стало ясно, почему хозяина так долго не было. Он крепко сжимал что-то, напоминающее доску, и странно ухмылялся.

– Что это?

Какое-то нехорошее предчувствие меня посетило, когда я увидела эту дощечку, завернутую в бумагу. Слишком уж довольная была рожа у Фолкрита.

– Вывеска для лавки. Решил немного сменить антураж, так сказать, чтобы внешний вид соответствовал тому, что внутри.

Я потянулась было посмотреть, что там такое, но он не позволил мне приблизиться. В его глазах сверкало такое предвкушение, что мне стало по-настоящему жутко.

– Не покидайте рабочее место, леди Гринвильд, – самодовольно произнес он.

– Так вывеску надо повесить...

– Неужели вы полагаете, что я заставлю хрупкую девушку заниматься тяжелым физическим трудом?

Я едва не рассмеялась. То есть то, что я тут ящики и мешки таскаю – это так, зарядка. А вывеску приладить – так сразу физический труд? Воистину, мужчины порой как дети. Даже если он

что-то делает тебе в помощь, непременно надо рядом стоять и хлопать. Без аплодисментов не дождешься.

Пришлось вернуться к измельчению орехов, хотя стук и грохот снаружи отвлекал. Что он там делает? Явно ничего хорошего, ибо что для Дрэвиса Фолкрита счастье, то для ведьмы проблемы.

Спустя полчаса немного уставший, но сияющий Дрэвис вернулся в лавку.

— Готово! — объявил он. — Отныне и навсегда лавка приобрела особый стиль и теперь уж точно отличается от конкурентов.

Я смерила нахала высокомерным взглядом. А чтоб не зазнавался. Но на улицу все же вышла.

Вышла, задрала голову и ахнула, не сдержав эмоций.

— Нравится? — расплылся в улыбке... гад.

Вот как есть гад, чтоб ему зефиром подавиться! На дощечке красовалось гордое и обидное «Ведьма в шоколаде». Это я-то ведьма в шоколаде?!

— Зря куксишься, кексик, очень неплохо вышло. И крайне соответствует твоему характеру.

Посмеиваясь, Фолкрит направился прочь из лавки. По его виду складывалось впечатление, будто он только что в лотерее выиграл!

— Да, и не забудь о заказе на завтра. Мальчишник должен быть идеален!

Ага, он мной лавку свою обозвал, а я должна ему торт на мальчишник испечь? Нет уж, не дождется, пусть ищет кого-то еще. Сливочную ведьму, например. Или марципановую чародейку. А ведьма в шоколаде занята, она...

А хотя погодите. Нет-нет-нет, ведьма в шоколаде совершенно свободна и с удовольствием поработает на мальчишнике... ведьмой в шоколаде!

Я негромко хихикнула, представив реакцию Фолкрита на мой торт. Селедка в кружевах его уже радовала, но сейчас я придумала кое-что куда более интересное и масштабное.

— И как он нас обозвал? — флегматично поинтересовался Крин.

— Ведьмой в шоколаде, — буркнула я. — Но месть я уже придумала. И для нее мне надо кое-что купить, так что сегодня закроемся пораньше.

— В обед?

– Ну... сильно пораньше. Где там табличка, что у нас спецзаказ? Заняты мы, мальчишник хозяина планируем.

– Знаешь, – задумчиво протянуло зеркало, – иногда мне кажется, что твоя шляпа тобой управляет!

– Не шляпа, а обстоятельства и окружающие. Я никого не трогаю, если меня не обижают. Но Фолкрит мало того что поддерживает Сару, так еще и меня сюда засунул. Я алхимик, а не кухарка! Так что извините, но я на тропе войны.

– Да тут целый бульвар, – хмыкнул Крин. – Ну, раз ты уходишь, я тоже пойду.

– А куда ты, кстати, исчезаешь?

Он нередко пропадал из обоих зеркал, и меня все интересовало, куда именно.

– Сложно объяснить. Это что-то вроде зазеркального пространства.

– И что ты там делаешь?

– Кексик, не задавай вопросов, к ответам на которые не готова. Иди за своим сюрпризом хозяину.

– Ты обо мне знаешь все, а я о тебе почти ничего, – надулась.

– Придет время, и узнаешь. Поторопись, пока не начался обед и сюда не набились жаждущие сладенького толстяки из мэрии.

Напоминание подействовало как нельзя лучше: меня мигом снесло из лавки, только дощечка «Закрыто на спецзаказ» покачивалась от слабого ветерка.

Я уже хорошо разведала обстановку и знала, где купить все нужные ингредиенты. Шоколада было достаточно и в лавке, а вот подставку под торт теперь следовало найти прочнее. Ну и заодно себе купить платье, потому что такой выход торта пропустить никак было нельзя.

Пугало то, что такого размера торты я еще не готовила. Владеть теорией это одно – направил магию, вообразил форму, следишь за температурой. Все просто, как в алхимии, особенно если основной ингредиент уже готов. Но что получится на практике, никогда не угадаешь.

А если не получится, Фолкрит меня убьет.

Домой вернулась к вечеру, нагруженная сумками, свертками и коробками. Крин даже не справился с удивлением и округлил глаза.

– Это что?

– Месть!

Пришлось отдышаться и поужинать прежде, чем взяться за торт. Я смешала шоколад в огромном котле и все время, пока помешивала ароматную сладкую массу, недовольно бурчала под нос.

– Ведьма в шоколаде, понимаешь. Сам он ведьма. В шоколаде.

Крин ржал. Не стеснясь, от души и с удовольствием.

– В шляпе, перед большим котлом, мешаешь двумя руками. Видела бы ты себя со стороны, – фыркнул он.

– Видела бы, если б кое-кто зеркало не занимал.

Но сегодня ему было слишком весело, чтобы обижаться на мои подначки. А еще очень интересно, что получится из этого торта. Последнее меня и саму волновало, и чем ближе был вечер, тем волновало сильнее.

Процесс приготовления шоколада для торта так меня захватил, что я не сразу заметила мужчину, вошедшего в лавку. Он смотрел, как огромной ложкой я мешаю в котле какое-то варево, а черная остроконечная шляпа сползла на глаза. И явно удивлялся тому, как обманчиво первое впечатление.

– Когда мы встретились на вечере, ты показалась мне хрупкой и незащищенной девушкой, которую обижает работодатель. А сейчас мне кажется, что работодателя обижает ты. Я застал какой-то жутко секретный ритуал и мне не жить?

– Уиллторн. – Я поправила шляпу и сдула прядку волос, упавшую на глаза. – Привет! Это я заказ делаю.

– А в котле заказчик? – усмехнулся он.

– В котле – шоколад.

Вот совсем незачем было меня доставать в такой ответственный момент.

– Смотрю, вы сменили название.

– А, это все хозяин. Все ждет, что лавка будет приносить прибыль.

– И как?

– Приносит, – вынуждена была признаться.

– Только потому, что здесь работаешь ты.

А вот это было уже мило, и я даже расцвела. Тем более что потом Уиллторн достал из-за спины маленький симпатичный букетик из

сверкающих колокольчиков. Словно хрустальные, цветочки блестели в вечернем солнце и радовали глаз.

– Спасибо!

Я так обрадовалась неожиданному подарку, что забыла о шоколаде напрочь. Бегала ставить цветы в вазу (вазу не нашла, пришлось приспособить мензурку), потом усаживала Уиллторна и наливала ему чаю. И только когда гость оказался напоен, накормлен и отблагодарен, вернулась к торту.

– Так что это все-таки?

– Торт на мальчишник Фолкрита. Большой шоколадный котелок с... э-э-э начинкой, скажем так.

– А какая начинка?

«Мясная», – чуть было не лягнула я, но решила в коварные планы мести поклонника не посвящать. Вдруг он еще разумнее Крина и начнет меня отговаривать? А я никак не была готова отступить от гениального плана.

И еще я слегка боялась, что сейчас явится Дрэвис и застанет нас за милой беседой. Совершенно точно – в восторг не придет.

– Дейзи, я ведь пришел не просто поболтать, – вдруг сказал Уиллторн.

Я напряглась. Вдруг вспомнила, что перед тем, как расстаться, он обещал найти сведения о моей маме. Стало как-то нехорошо и волнительно. Но мои подозрения не оправдались:

– Хотел договориться с тобой о втором свидании. С которого меня никто не сдернет. Уж об этом я позабочусь, поверь. Я думал о театре, но представляешь, летом у них гастроли. Может, сходим прогуляться и перекусить?

Снаружи вдруг что-то словно провело острым предметом по камню. Я встрепенулась.

– Я не против, но не сегодня – слишком много работы. Главное, чтобы свидание не совпало с днем, когда принца будут показывать народу. Я работаю.

– О, я тоже. Думаю, мы выберем день до этого знаменательного события, ты ведь не против?

Я против не была, и, сговорившись предварительно, мы расстались. Уиллторн отправился по своим делам, а я вернулась к

торту-котелку. Шоколадная масса как раз загустела и была готова к формированию.

– Тебе он нравится? – спросил Крин.

К внезапным появлениям зеркала я уже привыкла и почти не вздрагивала, когда вдруг вместо отражения из стены на тебя смотрел фиолетововолосый.

– Он приятный.

– А этого достаточно, чтобы ходить на свидания?

– На первые – да! Чего ты ко мне пристал? Я не знаю. Он милый, вежливый, носит цветы, выгуливает, рассказывает интересные истории. Без понятия, почему люди ходят на свидания.

– Ты не избалована хорошим отношением.

– Как будто ты много понимаешь в отношениях, – огрызнулась я.

Крин умолк, то ли обидевшись, то ли задумавшись. И хорошо, ибо формирование из шоколада вменяемого котелка требовало концентрации. Нельзя, чтобы вышло, как с кексами. Сюрприз на мальчишнике должен обеспечить не кривой торт.

Формировать что-то сложное было делом затратным. Кулон, показывающий уровень магии, опустел наполовину, а я почувствовала такой голод, что готова была на месте получившийся торт и сожрать. Но что ни говори, а котелок получился – загляденье! Идеально ровный, темный, полый. А уж как пах шоколадом! Нет, все же я – очень ответственная ведьма.

Сказали приготовить вкусный торт – я приготовила. Ну и подумаешь, что он из цельного куса шоколада. Сладкий? Сладкий. Девушка оттуда выпрыгнет? Выпрыгнет.

Главное, чтобы эту девушку потом в этом котле не похоронили.

Наспех поела и отправилась наверх, высыпаться. Предстоял долгий день... точнее – вечер.

* * *

Дрэвис Фолкрит не управлял бы состоянием своей семьи, если бы не подходил к работе ответственно. К организации мальчишника он подошел с такой же скрупулезностью.

В обед пришли рабочие и поинтересовались, где они могут забрать торт для господина Фолкрита. На что я ткнула пальцем в уже затвердевший котелок и ответно поинтересовалась, куда должна будет подойти танцовщица все для того же господина. Рабочие сверились с записями и выдали мне бумажку с адресом, а еще со временем, когда будут подавать торт. Кстати, к десерту мальчишник переходил на удивление рано.

Хихикнула – трезвые все будут.

В общем, остаток дня посвятила приведению в порядок начинки. Приняла долгий (хоть и до ужаса холодный) душ, сделала маску для волос, для лица, натерлась маслами от и до, подпилила ногти, завila ресницы. В общем, посвятила день себе любимой и уже к шести вечера была готова блистать. Красовалась перед Крином в новом платье и крутила на голове шляпу.

Ту самую, ведьминскую, без которой и месть не месть.

– Ну, как я тебе?

Друг внимательно рассмотрел платье, что я купила. Нежно-кремового цвета (я же начинка для торттика, я должна быть сливочной), куда более взрослое, чем все эти юбки-колокольчики. Прямое, с расшитым бисером вырезом. Вместе со шляпой смотрелось довольно забавно.

– Не боишься, что тебя прямо с мальчишника увезут под венец?

– Не успеют. Пока от шока отходят, я уже смоюсь.

– Ох и рисковая ты ведьма. Вот зря говоришь, что не темная. Есть в тебе что-то, может, кто из предков был.

– Может, и был, мать-то свою, как выяснилось, я не знаю. Ладно, зеркало, не поминай лихом. Как вернусь, тебя позову.

– О, я узнаю о твоём возвращении по воплям хозяина.

У порога обернулась и показала ему язык.

Дабы не найти приключений на мягкое место, я закуталась в плащ, а шляпу несла в сумке. Если меня кто-то увидит раньше времени, сюрприз может быть испорчен, а зачем же портить мальчишник дорогому работодателю? Сюрприз он на то и сюрприз, чтобы быть угрозой сердечного приступа.

Фолкрит устраивал мальчишник в том же здании, что и прием, на котором мы познакомились с Уиллторном. Только на первом этаже – там был небольшой зал со столом. Перед ним, на фоне большого окна,

в которое смотрели две яркие белоснежные луны, было много места. Явно для тортика.

Я поспешила на кухню, чтобы меня не увидел Фолкрит. Надеюсь, ему не придет в голову проверять торт перед подачей и уж тем более оценивать девушку. А то мне влетит. Нет, мне и так влетит, но хотелось бы перед этим получить дозу мстительного удовольствия.

– Вы девушка из торта? – Ко мне подошел мужчина в темно-синем смокинге.

– Она самая. Ведьма в шоколаде!

Достала и нахлобучила на голову шляпу. Сочли за сценический образ.

– Будьте готовы к десяти. С десертом просили не затягивать.

Постепенно вокруг начал суетиться народ. Я с любопытством наблюдала за работой кухни и прямо поражалась. Вот он, мир искушенных и богатых. Какие только закуски не выносили в зал! Даже я, выросшая не в самой бедной семье, некоторых не знала.

Боялась выглядывать в зал, но слышала доносящийся оттуда мужской смех. Когда до моего выхода осталось полчаса, я полезла в котелок. Он был достаточно вместительный для маленькой худенькой ведьмы, так что я поместилась там вместе со всеми нужными атрибутами. С трудом удавалось сдерживаться и не хихикать. Ржущий котелок поразит гостей куда меньше, чем я.

Сколько сидела в шоколадном котелке, не знаю. Но пока думала о всякой ерунде, затосковала. Фолкрит там веселился, предвкушал свадьбу. Мне не было дело до успехов Сары, но все же я немного завидовала. Не браку с этим болваном, конечно, а... не знаю, вниманию. Всеобщей любви, которая будет окружать сестру на церемонии. Нормальному дому, в который она отправится жить.

Я бы все отдала за горячую большую ванну! Чтобы с пеной, солью и маленькими мыльными розочками, которые растворяются прямо в руках и окутывают тебя легким цветочным ароматом. А после ванны – постель. С прохладными белоснежными простынями, легким одеялом. Лежать и смотреть в окно, на небо. Отдыхать, зная, что не надо наутро подрываться и снова вставать за прилавок.

Пришлось клятвенно пообещать себе, что все это будет. Вот закончу с отработкой, перееду, и все будет. И ванна, и простыни, и небо в окошке.

Рядом послышалось какое-то шевеление.

– Девушка из торта, вы готовы?

– Готова! – бодро отозвалась я.

Затем торт куда-то повезли – об этом сообщили вибрация и шум. Я затаила дыхание, чтобы не пропустить момент. Некоторое время все было тихо, торт остановился, я приготовилась к выходу.

– Десерт, господин Фолкрит.

Тут же послышался голос многоуважаемого (на самом деле не очень) хозяина. У меня чуть сердце не выпрыгнуло от волнения. Пришлось себя обругать.

Я что, серьезно волнуюсь перед гадостью Дрэвису Фолкриту?

– Что ж, господа, еще один сюрприз нашего вечера! – услышала я его голос.

Мой выход. Триумфальный, можно сказать. Громко зазвучала музыка, я подняла руки – раздались аплодисменты.

Вслед за руками вылезла я и с криком «Тада-а-ам!» встала в полный рост. Шляпа кокетливо завалилась набок.

Обалдел только Фолкрит, остальные бурно захлопали. Я сияла, улыбалась – золото, а не ведьма!

– Кексик, какого демона?! – рявкнул хозяин вечера. – Я просил танцовщицу.

– Не успела. Торт был сложный, пришлось выкручиваться. Ведьма в шоколаде из торта выпрыгнула! Задание исполнено.

У него чуть крышечка не уехала, так чайник кипел. Только при друзьях сдерживался.

– Ладно. Ладно, ведьма. Раздевайся!

У меня аж шляпа вздрогнула, хотя сказали это явно не ей.

– С чего это?!

– С того, что я заказывал танцовщицу. Вот раздевайся и танцуй!

– А я танцевать не умею.

– Тогда просто раздевайся. Мы хотели голую танцовщицу. Сама виновата.

Я снова одарила всех очаровательной улыбкой.

– А вот это я предусмотрела!

На миг скрылась в котелке, подхватив заранее приготовленный сверток. Потом вылезла из торта и прошла по каждому из гостей. Вручила по небольшому плакату.

– Урвала в книжном. Одинаковых не нашла, так что посмотрите – и меняйтесь. Видите? Вместо одной голой бабы я вам показала десять. Все по заданию.

Остановилась перед Фолкритом, заботливо положила плакат с нарисованной фривольной девицей и ему. А потом выставила вперед руку ладошкой кверху.

– Чего? – не понял он.

– Оплату по договору, пожалуйста.

– Ведьма!

– Что? Все по списку. Торт? Есть. Выпрыгивающая девушка? Есть. Голая девушка? Целых десять! С танцем, правда, не сложилось – можете за него не платить.

А вот теперь – бежим!

Енот с ней, с оплатой, надо делать ноги, пока торт из шоколадного и впрямь не превратился в шоколадно-мясной. Но я и это предусмотрела: никаких каблуков, только удобные лодочки. Бежим-бежим-бежим! Прочь из зала, вниз по лестнице, мимо обалдевших подавальщиков в белоснежных рубашках.

На улицу, на свежий ночной воздух – и домой! Вряд ли Фолкрит решит прерывать свой мальчишник, так что отсижусь. А наутро убивать меня уже не получится, меня защитят покупатели.

– Кексик, стой немедленно! – донеслось сзади.

Упс...

Кто-то наплевал на мальчишник и решил брать добычу, пока она еще рядом. Пришлось ускориться. Тут-то я всерьез и перепугалась. Если Фолкрит оставил вечеринку, чтобы меня догнать, на этой вечеринке я буду вторым горячим. Еще сверху помидорок накидают и с вином подадут.

Надо во что бы то ни стало сбежать! Поэтому я решила отклониться с маршрута и свернула в какой-то переулок между двумя огромными несуразными домами.

Свернула и тут же пожалела. Буквально в нескольких метрах, там, где свет уличного фонаря уже не касался брусчатки, стояла компания из неопрятного вида парней. Я не успела развернуться и вообще сообразить, что происходит, как уже была окружена.

– Так-так-так, – протянул один из них, отбрасывая в сторону сигарету. – Какая очаровательная ведьмочка нам попалась.

Очаровательная ведьмочка лишилась дара речи и беспомощно оглянулась. Но все пути к отступлению были отрезаны. Шляпа тихонько зарычала.

– Ну пойдем, познакомимся.

Чья-то рука потянулась к моему плечу, но коснуться не успела. Ближайшего парня отбросило яркой вспышкой. Остальные быстро встали в боевые позиции.

– Кексик, – сквозь зубы процедил злющий, как тысячи демонов, Фолкрит.

Без лишних слов я юркнула к нему за спину, а уже оттуда осторожно выглянула.

– Пятеро на одного, – усмехнулся тот, что пытался меня поlapать.

– На двоих, – тихонько пробурчала я.

Лихорадочно вспоминала, что я умею. Получалось, что ничего. Надо было заколдовать торт-котелок и убегать прямо в нем. Вот бы народ повеселился: бежит по улице шоколадный котел, а в нем сидит девица в ведьминской шляпе и понукает. Зато точно никто бы не пристал.

– Ребята, я таких, как вы, десятками даже в студенчестве укладывал. Не искушайте судьбу.

И почему-то поверила – уложит. Никогда не видела Дрэвиса таким серьезным, но сейчас была жуть как благодарна.

Лучше меня он пусть убивает, чем они. Кстати, наверняка же Фолкрит должен сдать меня после отработки в целости и сохранности. Но мне жуть как не хотелось смотреть на эту драку. Поэтому вредная ведьма во мне вдруг громко произнесла (и сама, надо сказать, удивилась):

– Пойду позову стражу!

Парней как ветром сдуло, я не успела и нескольких шагов сделать. Стража периодически патрулировала улицы, найти ее представителя не составило бы труда. И одно дело вляпаться в драку в темном переулке, а другое – занять обвинения не пойми в чем.

– Кексик, вот зачем ты лезешь?

– В смысле? Я нас спасала!

– Ты меня опозорила. Мужчины не жалуются страже.

– Ну так вы и не жаловались. Жаловалась я.

Дрэвис закатил глаза. Он вцепился в мое запястье и буквально потащил силой обратно на освещенную улицу. И по ней зашагал к «Ведьме в шоколаде».

– Знаешь, вот есть домашние хозяйки – девушки, которые ведут быт и следят за детьми. А ты дикая хозяйка! Не только быт не ведешь, но и все вокруг разрушаешь!

– Я ничего не разрушала. Я вам торт сделала!

– И не удержалась от гадости, да? Полегчало?

– Нет! Еще бы с удовольствием напакостила, да идеи кончились!

– Так а зачем стражу звала? Надо было отправиться развлекаться в той чудной компании. Ты же этого добивалась, приехав в торте полуголой.

– Что-о-о?! – Это слово именно в такой интонации, похоже, становилось моим самым употребляемым.

– А что? – притворно удивился Фолкрит. – Я думал, ты благовоспитанная ведьма. А благовоспитанные ведьмы в откровенных платьях в тортах не разъезжают.

– А это был благовоспитанный торт!

– Я заметил.

Некоторое время мы шли молча. Вернее, шел Фолкрит, а я за ним практически неслась. Разъяренный мужчина совершенно не сопоставлял скорости. Вот все же прав был Крин – о моем возвращении он узнает по воплям хозяина.

В платье ночью было прохладно. Лето хоть и вступило в законные права, не торопилось становиться жарким. С утра и ночами стояла такая погода, что хоть в шубу кутайся, а плащ, как назло, остался в ресторане.

– Да пустите вы меня! – С трудом вырвала конечность из захвата Фолкрита. – Никуда я не сбегу!

– Один раз попыталась, на второй веры нет.

И снова в меня вцепился.

– Да я живу у вас в лавке, куда мне деваться-то? На улице, что ли, спать?

– Для человека, который живет в моей лавке, ты слишком распоясалась. Надо было взяться за твое воспитание раньше.

Очень захотелось его стукнуть. Вот прямо взять и чем-нибудь тяжелым по белобрысой головушке дать. А потом жалеть, супчиками

отпаивать и заодно вбивать прописную истину: не надо воспитывать ведьм, они и так слишком воспитанные – законодательство все ж обязывает.

Мы не дошли буквально пару сотен метров – я запнулась о выступивший камень и подвернула ногу. Пришлось Дрэвису остановиться. Я с невольно выступившими слезами на глазах потирала лодыжку.

– Что? – с глухим раздражением поинтересовался Фолкрит.

– Бо-о-ольно! – жалобно протянула я. Подумала и добавила: – А еще холодно.

– Ты бы еще откровеннее платье нацепила.

– Да что вы к моему платью-то привязались! Захотела и надела. Я ваш сотрудник, а не собственность! Что хочу, то ношу!

– Разумеется, если цель – чтобы на тебя все пялились.

– А вам какое дело, кто на меня пялится? Я девушка незамужняя, не обремененная долгом перед родом. Свободная ведьма, открытая для новых знакомств.

– Открытая, значит?

Он опасно приблизился. Но я не дрогнула. Нутром чуяла: отступать нельзя, засчитают за поражение.

– Более чем.

– Так а чего же ты меня не соблазняешь? Я ведь куда привлекательнее всех, кто тебе доступен.

– Это вам Сара сказала? – фыркнула я. – Не слушайте ее, у нее черный пояс по вранью.

Теперь мы стояли настолько близко, что я чувствовала тепло, исходящее от мужчины. И невольно тянулась поближе, так как уже основательно замерзла. Фолкрит вдруг снял пиджак и накинул мне на плечи, от чего я чуть не замурчала – пиджак был теплый и большой. Сразу стало тепло и почти хорошо.

– Значит, то, что ты сегодня сделала, для тебя норма? Может, повторишь на бис исключительно для меня?

– Все в рамках трудовых обязанностей.

– Мы можем договориться и расширить их.

– За кого вы меня принимаете?

В следующий момент меня вдруг поцеловали. Мягко, настойчиво и очень горячо, обжигая губы, мешая дышать. Я никогда еще не

целовалась, замерла, шокированная, растерянная. А Дрэвис с каждой секундой заставлял словно падать куда-то, где нет ничего, кроме нового и ошеломляющего касания чужих губ. Чужих и в то же время очень желанных.

Ни разу в жизни я еще не чувствовала, как сладко сжимается все внутри, как замирает сердце и поцелуй становится не просто прикосновением губ, а чем-то очень личным, почти болезненным. Сама не заметила, как руками обвила шею мужчины и неумело, осторожно на поцелуй ответила.

Чем вызвала едва слышный короткий стон. Талию сжали крепче, язык скользнул по моим губам.

Собратся с силами и оттолкнуть его было очень сложно, но я все же решилась. И тут же отступила, задыхаясь, пытаюсь вернуть себе ориентацию в пространстве.

– Что вы себе позволяете! – выдохнула я.

– Это ты мне позволила.

– Вы помолвлены!

– Но не женат.

– Это аморально.

– Что? Целовать сестру невесты? А если мне хочется?

– А вы всегда делаете то, что вам хочется? Для вас совсем нет понятия долга? Уважения к невесте?

– Вы ненавидите друг друга.

– Считаете, я из-за ненависти к Саре прыгну к вам в объятия?

Вложила в голос максимум презрения. Оно подействовало, как ушат ледяной воды. Голос Дрэвиса сделался бесстрастным.

– Тебе нужно научиться оценивать последствия своих действий, кексик. Предлагая что-то, будь готова к тому, что кто-то примет. И на моем месте в следующий раз может быть тот, кто не станет с тобой играть в игры.

Обида разлилась внутри мерзкой горечью.

– Боюсь, вашим надеждам не суждено сбыться. Скорее всего, это будет Уиллторн, а уж у него-то, в отличие от вас, есть понятия чести и воспитания.

И без того темные глаза Дрэвиса стали почти черными. Я испуганно оглянулась в отчаянной попытке понять, смогу ли добежать до лавки и там закрыться. Зря! Зря я упомянула Уиллторна.

– Что ж, леди Гринвильд, – хмыкнул он. – Я тебя услышал. И требую извинений.

– За что извинений? – Голос у меня сорвался.

– Ты испортила мне вечер, выставила меня посмешищем перед друзьями, подвергла нас обоим опасности. Когда я соглашался помочь Градду и предоставить места для общественных работ, я никак не думал, что мне попадешься ты. И если бы только знал, сколько с тобой проблем, – не подпустил бы даже на порог своего дома!

Мрачные мысли всегда настигали внезапно, вот и сейчас, вместо ярости вдруг накрыло какое-то обреченное понимание, что Фолкрит, в общем-то, прав. Со мной всегда были проблемы, что дома, что в лавке. Домой я таскала алхимические штуки, которые ненавидела мама, вместо посиделок с подружками бегала с соседскими мальчишками. Да и папа наверняка натерпелся за годы жизни, ведь мама была вынуждена растить чужого ребенка, как напоминание о предательстве мужа.

Поэтому я молчала. А что тут скажешь? Я не знала, как стать правильной. Нужной, доброй, веселой. Как сделать так, чтобы при виде тебя люди не закатывали глаза, а улыбались.

– Я требую извинений. Иначе выметайся из лавки и живи, где хочешь. Хочешь – отправляйся в камеру, хочешь – проси прощения у родителей. Мне плевать.

Совершенно некстати на глаза выступили слезы. С нечеловеческим усилием я подняла голову, чтобы посмотреть мужчине в глаза, и сдавленно произнесла:

– Извините меня.

Потом поняла: больше не могу. Если еще хоть на секунду останусь рядом с ним, разревусь и сойду с ума! Поэтому развернулась и припустила к лавке, забыв вернуть пиджак. Но на этот раз меня никто не преследовал.

Ближе к двери рыдания все же подступили, и я закрывалась, уже всхлипывая. Сил отползти подальше не было, села на пол прямо у входа и спрятала лицо. Надо было прореветься, все равно никто не видел.

Ну, или почти никто...

– Кексик, что случилось?

Голос у Крина, как ни странно, был совсем не ехидный, а будто бы обеспокоенный.

– Ничего, – в перерывах между всхлипами удалось сказать мне. – Устала.

– Чего ты устала, кексик?

– От всего устала. Жить одна устала. Работать без выходных устала. Бояться устала. Воевать со всеми устала. Ну не нужна я вам, ну так отстаньте, чего вы мучаете!

Потом был поток непередаваемых попыток вкратце объяснить, что случилось. Но зеркало ничего не поняло и только испуганно на меня смотрело. А я никак не могла успокоиться. Думала, если побешу Фолкрита, будет проще. Но почему-то сколько бы гадостей ни делала, легче-то не становилось.

Я наспех умылась и выпила мятного чаю, чтобы прекратить истерику. Немного меньше стала болеть голова. Можно было сварить успокаивающее зелье, но я не была уверена, что хватит сил. Чувствовала себя выжатой, как лимон. Едва доползла до второго этажа и рухнула на матрас. Как была, в платье и пиджаке.

От пиджака шел приятный запах, чем-то напоминающий кофе. Одеяло, теплое и тяжелое, надежно скрыло меня от всего мира.

– Кексик, быть может, пойдешь в хорошую гостиницу? – осторожно предложил Крин. – Светлейшая с ними, с деньгами, еще заработаешь. Здесь тебе плохо.

– Я боюсь идти ночью, – прошептала я.

– И то верно. Но меня беспокоит твое состояние.

– Я в порядке, Крин. Не волнуйся. Я просто не знаю, что мне делать дальше, понимаешь? Не знаю, куда идти.

– В твоём возрасте многие боятся того, что их ждет дальше. А уж тебя вообще все бросили. Надо пережить, Дейзи. Стиснуть зубы, всех победить и потом смеяться над теми, кто не верил, что ты способна на многое. Надо просто пережить.

– Я попробую. Правда попробую.

– Ты ж моя несчастная ведьма, – тяжело вздохнул Крин. – И чего он к тебе привязался.

– Это был мой первый поцелуй.

– Будет у тебя еще этих поцелуев. Море и маленькое озеро. Спи, кексик. Надо отдыхать, а завтра чтобы встала и всех бесила своим

цветущим видом. Поняла?

Хороший он. Если бы не Крин, я взвыла бы раньше от одиночества. Когда есть, с кем поболтать, особо не лелеешь собственные обиды. Да и поддержка друга из зеркала была как нельзя кстати. Складывалось впечатление, что я нужна хоть кому-то, пусть он и живет в таинственном зазеркалье.

Сон был беспокойный и словно поверхностный. Мне казалось, я вовсе не сплю, потому что я слышала все, что происходило за окном. Там поднялся какой-то ураган, ветки били по задней стене дома, а их причудливые тени маячили за окном, немного пугая.

Но все же сознание было заторможено. Я не сразу поняла, что в комнате кто-то есть. Сил пугаться не было даже когда этот кто-то сел на мой матрас и погладил меня по голове.

– Кексик, ты спишь?

Что ж, кексиком меня называли всего двое. И если это не Крин вдруг вылез из зеркала и решил пообниматься, то – да, я сплю.

– Кексик, прости меня. Я не хотел тебя обижать, просто очень разозлился. Не злись.

Он наклонился и коснулся губами моей шеи. Легкий, почти невесомый поцелуй. И я против собственной воли вздрогнула.

– Я тебя не выгоню, что бы ни говорил. Но какая же ты вредина! И мертвого достанешь, знаешь об этом?

Решила отмалчиваться, чтобы уж совсем расклеившейся не выглядеть. Кто его знает, искренне извиняться пришел или тактику меняет? Ну и просто по-человечески не хотелось рыдать перед сестричкиным женихом, даже если он вдруг пришел целоваться.

Но Дрэвису Фолкриту плевать хотелось на мои соображения. Поднять худенькую девицу, усадить и сгрести в объятия – две секунды усилий.

– От тебя шоколадом пахнет, – сообщили мне. – И как вот тебя по-другому назвать?

– Кто-то путает причину со следствием, – не выдержала и пробурчала.

– Ах, то есть если бы я тебе вывеску не приколотил, ты бы в котелок не полезла?

– Не-е-ет.

– А если я тебя назову «Ведьма под взбитыми сливками», ты ими обмажешься?

Вот как с ним общаться и, главное, зачем? Я возмущенно засопела. Из-за того, что нос был забит, получилось смешно. Некоторое время мы сидели молча, только в полной тишине слышались завывания ветра снаружи.

– Я твой котелок даже не попробовал. Сладкого хочется.

Непрозрачный намек был мной проигнорирован. Хочет сладкого – пусть идет вниз, там можно обожраться на пару лет вперед.

– Нога болит?

Прислушалась к себе. Лодыжка совсем немного ныла, в расстроенных чувствах я даже о ней забыла. Но все же кивнула. Дрэвис уложил меня на матрас и принялся растирать замерзшую ноющую конечность. От его пальцев по телу распространялось приятное тепло.

Вырываться не хотелось, да и силы куда-то словно испарились. Так что я просто лежала, погруженная в свои мысли. Постепенно снова засыпала и не особо этому противилась. Может, утром все покажется ерундовым, а новый день принесет новые события.

Рано или поздно эти события будут хорошими.

* * *

Уиллторна всегда бесили мелкие камушки, попадавшие в идеально работающий механизм. Он принимал и даже уважал больших игроков, которые одним своим присутствием меняли расклад сил, но ненавидел мелких сошек, из-за которых нужно было совершать дополнительные телодвижения.

Самое мерзкое, что он так до конца и не сообразил, кто из всей честной компании мог стать этим камушком. Но искал, рыл носом землю и пытался подобраться к лавке Фолкрита. Она была ему нужна, место возле лавки идеально для нападения умбрин. И стража королевы не должна успеть среагировать на случившееся.

Правильное место – одна треть успеха, правильное время – вторая, а завершит начатое его сила, которая постепенно росла. Но

лишь при условии, если никто не помешает. Чтобы свести помехи к минимуму, Уиллторн решил действовать.

– Я слушаю тебя.

Тень, клубившаяся у двери, приняла форму помощника.

– Следил за ведьмой несколько дней. Лавку почти не покидает, если и уходит, то на час-два. Еще за ней постоянно следит младший Фолкрит. Куда бы она ни пошла. Причем раньше он следил за лавкой, а сейчас бегают за девчонкой и никуда ее одну не отпускает.

– Приоритеты поменялись, – с усмешкой кивнул Уиллторн. – Братик попросил присмотреть за приглянувшейся девицей. Не верю я, что с Сарой Гринвильд у Дрэвиса и впрямь намечается свадьба. Скорее, они вышли на след их отца и крутятся возле семейки. Ну а Дейзи ему нравится, так что неудивительно, что теперь охраняют ее, а не лавку. Значит, первоочередная задача – выманить ведьму дольше чем на пару часов?

– Если ты и впрямь хочешь, чтобы я поселил умбрину и она там жила, не выдавая себя, то да. Мне надо часа четыре как минимум.

– Значит, завтра приглашу ведьмочку на свидание. Пока мы развлекаемся, сделай все, что нужно. И кстати, что там с ее матерью?

Помощник покачал головой.

– Даже если ты ей все расскажешь – они слишком мало знакомы. К тому же я не уверен, что Дейзи побежит выяснять отношения.

– Жа-а-аль, – протянул Уиллторн. – Возможность открывалась просто шикарная. И почему мы не проверили их семью раньше? Такая близость к короне. Можно было вообще обойтись без умбрин, а просто подсунуть леди Марибет потерянную дочурку. Ладно, до церемонии совсем немного времени. Если удастся заполучить лавку, хотя бы осторожно, считай, победа в кармане.

Уиллторн поднялся.

– Пойду готовиться к свиданию с нашей ведьмочкой. Есть идеи, как ее развлечь?

Вопрос, правда, был больше риторический. Уж сладить с девушкой проблему не составит. Главное, ненароком не влюбиться. Роман со смертной – такая головная боль, право слово...

Глава девятая

– Крин, почему так болит голова-а-а? – простонала я, валяясь утром на матрасе.

Одна, в платье, под одеялом и чужим пиджаком. Шляпа валялась рядом, мензурки обеспокоенно попискивали на полке, глядя на хозяйку. Ощущение, что я накануне не рыдала, а пила.

– Еще бы, столько переживаний на бедную голову. Выпей зелья и не открывай сегодня лавку.

– Наругают.

– Кексик, после вчерашнего тебя не только не наругают, но и поощрят. Ты крепко напугала хозяина.

При упоминании Фолкрита и нашей с ним интересной беседы щеки залила краска.

– Никого я не пугала. Просто расстроилась.

– Ну вот и он расстроился. Сидел возле тебя, сторожил. Под утро сожрал три кекса и ушел на работу. Но думаю, еще вернется. Вчера ты была неадекватна для разговора, однако он зреет.

Поморщилась и облизнула пересохшие губы. Устраивать на ночь истерики вредно для красоты и здоровья. Чтобы привести себя в порядок, мне понадобился добрый час. В кои-то веки ледяной душ показался бодрящим. Я даже накрутила сильнее обычного, чтобы скрыть последствия слез и усталости. В конце концов из зеркала на меня уставилась привычная Дейзи, только какая-то сонная и недовольная.

Голодная к тому же.

Но не успела я спуститься вниз, как хлипкая деревянная дверь затряслась от ударов. Они тут же отозвались головной болью, и я моментально возненавидела того, кто решил явиться в столь ранний...

– Я проспала до обеда?! – воскликнула, взглянув на часы.

– Да, и к тебе не первый раз стучатся. Я решил тебя не будить: у хозяев есть ключи, а остальные личности нам неинтересны.

Что ж, раз сама судьба против работы сегодня, отправлю покупателей восвояси.

– Извините, мы закрыты на учет...

Уиллторн, улыбаясь, протянул мне картонную коробку, перевязанную миленькой зеленой ленточкой.

– Привет, Дейзи. Я не смог дожждаться назначенной даты и хотел бы пригласить тебя пообедать сегодня.

– Боюсь, сегодня я немного не в форме. И работы очень много. Извини, Уиллторн...

– Дейзи! – Он обворожительно улыбнулся и мягко, но настойчиво не позволил мне закрыть дверь. – Пожалуйста! Неужели твоя работа не может подождать пару часов? Буквально завтра на меня свалятся такие дела, что я вряд ли смогу вырваться пообедать. А провести время с тобой мне очень хочется. Я чувствую, что, если пропаду еще раз, ты уже не дашь мне второго шанса.

– Ладно, – вздохнула я. – Но сначала идем к аптекарю за зельем от головной боли.

Я запрела лавку на ключ и направилась к аптекарской лавке. Довольный Уиллторн не отставал, так что в помещение, где внезапно не оказалось очереди, мы вошли одновременно.

– Госпожа ведьма! – Аптекарь подобрался. – Вам снова рассольчику?

Очень захотелось удариться головой о стену. Интересно, что подумает Уиллторн? Что я беспробудно пью и бегаю по утрам за рассолом? Он, конечно, вид имел невозмутимый и никак не отреагировал на слова аптекаря. Но я-то видела, что сушеными перьями годморстенской вороны заинтересовался не слишком искренне.

Быстро взяла зелье и буквально силой впихнула плату. По-моему, деньги аптекарь взял лишь из страха – я сделала такое лицо, что впору было его непослушным детям, как бабайку, показывать. Настроение было на нуле, и даже прошедшая после пары глотков боль его не исправила.

– Чудный сегодня день, правда?

Я задрала голову – небо было серое и однородное. Ну, под стать настроению зато.

– Куда пойдем? – спросила я, чтобы немного отвлечься.

– Вкусный обед и чудное зрелище. Это частная ресторация в центре Градда. Посмотрим, как устанавливают торжественную арку.

Торжественная арка... что-то я о ней точно слышала. Через арку проходили все парады и шествия. И принца вскоре должны были пронести, к слову – маршрут церемонии оканчивался сразу за этой аркой. Ее как раз должны были отстроить. Прошлая была жутко древняя, но развалилась во время шквалистого ветра и чудом не задавила протестную акцию «Фабрикам – бой!».

Пока шли по улице, я вдруг обнаружила, что все еще держу в руках коробку, что принес Уиллторн. Она была довольно тяжелая, и я тут же заинтересовалась, что там такое.

– Десерт, – пояснил Уиллторн.

– Да, в шоколадной лавке со сладостями напряг, – не удержалась я.

– А он не шоколадный. Поверь, тебе понравится.

Пожала плечами – ему виднее. Пришлось как-то заставлять себя радоваться прогулке, искать в душе ответ на приятности, которые делал Уиллторн. И он мне даже нравился. Если бы все мысли не занимал Дрэвис Фолкрит, устроивший мне встряску.

У одного из домов Уиллторн остановился. Не было ни вывески, ни оформленного крылечка – обычный дом в пять этажей, каких в центра Градда была уйма. Я немного напряглась, но вошла. Обычный холл, чистый и уютный. К нам подошла женщина в строгом темном платье и поклонилась.

– Я бронировал верхний столик, – сказал Уиллторн.

– Следуйте за мной.

Мы поднялись по широкой светлой лестнице, преодолели несколько переходов и вдруг оказались на крыше. Она была укрыта магическим куполом, поэтому я не чувствовала ветра и прохлады. Но с нее открывался потрясающий вид на весь центр Градда, в том числе дворец и площадь, на которой собирались возводить эту арку.

Я подошла к самому краю и заглянула вниз. Высота была не слишком большой, но все же дыхание перехватывало.

– Красиво, – улыбнулась я впервые за день.

– Скоро будет еще лучше. Я видел, как устанавливали первую арку...

– В смысле? – обалдела я. – Это же было несколько сотен лет назад!

– На иллюстрациях, разумеется, – хмыкнул Уиллторн. – В архиве их полно, в академии я изучал историю архитектуры. Тогда Градд был намного меньше, маги были слабее. Сейчас есть негласное правило: по мере возможностей все магические действия на глазах широкой публики производить как можно эффектнее. Мне очень интересно, что получится с аркой.

Я пожалела, что не оделась торжественнее. Место хоть внешне и совсем не напоминало ресторан, оказалось первоклассное. Я даже не заметила, как подали закуски. Но когда попробовала совершенно изумительный морской салат, мигом забыла обо всех неудачах этого дня.

– Здесь не так просто поймать столик.

Еще бы, на всей крыше он был единственный, рассчитанный только на двоих.

– И как тебе это удалось?

– Связи, – улыбнулся мужчина. – Как-нибудь, когда я разгребу дела, сходим сюда ночью. Огни ночного Градда прекрасны.

Движение на площади началось, когда мы приступили к горячему. Я наслаждалась мясом и вдруг площадь осветилась ярким голубоватым цветом. На платформы, парящие в нескольких метрах над землей, поднялись маги-архитекторы. Платформы служили своеобразной подпиткой сил – без них магия быстро бы иссякла, принесся обладателям серьезные проблемы со здоровьем.

Медленно в воздух поднялись составные части арки, подсветка каждого имела свой цвет. Неторопливые, плавные движения магов – и огромные каменные глыбы им подчинялись. Я не могла представить, какого уровня нужна сила, чтобы так долго удерживать в воздухе многотонные части арки и медленно их перемещать.

Даже не верилось, что Сара тоже обладала этой профессией. Впрочем, сестричка довольствовалась чем-то менее масштабным: особняками, купальнями в элитных гостиницах и особенно любила заниматься всем, что хоть как-то относилось к ювелирке.

Маги-архитекторы бывали разные, но на таких объектах работали самые сильные.

Арку собрали еще в воздухе, все составные части слились в единую массивную скульптуру, впечатляющую сложностью и

белизной. Затем так же медленно она опустилась на нужное место. И под опорами вспыхнули фиолетовые языки пламени.

– Обалдеть. – Слово не очень подходило антуражу, но другого я найти не смогла. – Очень здорово.

– Люблю такие мероприятия, – согласился Уиллторн. – Смотришь и понимаешь всю мощь магии. И ведь это делают обычные люди. Представляешь, что могут боги?

– Боги? – рассеянно отозвалась я. – Светлейшая, в смысле? Ну, она уже много сотен лет не показывалась людям, так что остается только гадать.

Плавное обед перетекло к десерту. Уиллторн был прав, в коробке оказалось то, чего я не ожидала. Свежие ягоды и фрукты. Полная коробка сочных разноцветных ягод, кусочков фруктов. Летнее буйство красок, настоящий фруктовый рай. Я вдруг осознала, что с момента ухода из дома почти не покупала свежих фруктов и овощей. Лишь глядя на лакомство поняла, как мне их не хватало.

– Я же говорил, тебе понравится.

Клубника оказалась изумительной на вкус. Я с наслаждением ела небольшие красные ягоды и думала, что жизнь, в общем-то, прекрасна. Даже если иногда и напоминает сплошную череду неурядиц.

Потом меня поцеловали.

Уиллторн перегнулся через столик и поцеловал, а я замерла, прислушиваясь к ощущениям. Второй поцелуй за сутки, но совсем другой. С ароматом клубники на губах, с совершенно ясным ощущением реальности. Почва не уходила из-под ног, а низ живота не сводило в сладком предвкушении большего. Поцелуй был приятный, но какой-то словно простой. Он не оставил после себя воспоминаний, которые приходили сами, будоражили мысли.

– Извини. Не удержался.

Он извлек из кармана пиджака карманные часы и, взглянув в них, нахмурился.

– Как ты смотришь на то, чтобы прогуляться вдоль реки?

Я напряглась – вдоль реки гулять не хотелось. Там стоял бабушкин дом, а я не была уверена, что смогу спокойно на него смотреть. Даже не интересовалась, что с ним сделала Сара. Может статься, там уж давно обгоревшие останки. День только-только начал налаживаться.

Заметив, что я не в восторге от этой идеи, Уиллторн быстро сориентировался:

– Или сходим в парк? Там довольно приятно, нежарко.

– Давай в парк.

После поцелуя в воздухе висела некоторая неловкость. Уиллторн, похоже, жалел, что поцеловал меня, а я вообще впала в раздумья. Почему я не почувствовала того, что ощутила накануне, с Дрэвисом? Неужели поцелуй с ненавистным женихом сестры в темном переулке смог вывести из равновесия, а поцелуй с потрясающе красивым, безукоризненно вежливым Уиллторном практически не тронул.

– Спускайся, я расплачусь.

Он улыбнулся и тактично, но настойчиво проводил меня к лестнице. Похоже, не хотел, чтобы я видела счет. Да, за девушками он ухаживать умел. Как же мне хотелось заставить себя хоть что-то почувствовать!

Я вышла на улицу, потянулась и посмотрела в хмурое небо. Удивительно, но оно уже не казалось таким мрачным. Еще час-другой прогулки, потом вернусь в лавку и немного посплю, а затем выберусь в таверну. Поужинаю в одиночестве и выпью бокал вина. Подумаю обо всем случившемся, попытаюсь наметить дальнейшие планы.

Время текло. Уиллторн не спускался, и это начинало напрягать. На самом деле я испугалась буквально через пару минут от того, как вышла. Но мужественно заставила себя прождать все пятнадцать. Невозможно было так долго расплачиваться!

Если он меня снова бросил, в следующий раз даже в его сторону не посмотрю.

Я решительно взялась за ручку двери, распахнула ее и ахнула, не сдержав испуганного вскрика. Передо мной простиралось совершенно темное обветшалое помещение. Покосившаяся лестница уходила вверх, туда, где от перекрытий остались лишь изъеденные временем огрызки. Куча хлама у дальней стены, пыль, отдаленный плеск, словно где-то капает вода.

Обветшалое старое здание, совсем не напоминавшее роскошную частную ресторацию со столиком на крыше.

Мне с трудом удавалось сохранять спокойствие. Я обошла дом несколько раз, но всюду было одно и то же: темные окна,

заколоченные досками. И никаких следов присутствия Уиллторна. Вопросы лихорадочно метались в голове.

Кем он был? Магом, однозначно сильным магом. А вся ресторация – иллюзия, очень умелая и реалистичная. Для чего? Непонятно. Уиллторн и в первый раз вел себя странно. Тогда ему удалось объясниться, но что, если он соврал? И Дрэвис не подставлял его. Тогда вообще ничего не ясно – что за фарс?!

Не хотелось, чтобы меня снова поймала стража за проникновением в чужой дом, так что я поспешила смешаться с толпой и добраться до «Ведьмы в шоколаде». Немного трясло, и поднявшееся было настроение летело в пропасть.

– Крин! – позвала я, едва переступила порог лавки.

– Дейзи? Это ты?

– В смысле? А кто еще?

– Сюда залез какой-то парень. Открыл дверь отмычкой, осмотрелся, потом отчего-то занервничал и быстро свалил. По виду – обычный воришка, но я все равно за тебя испугался. У тебя все хорошо?

– Нет. Уиллторн снова сбежал, и на этот раз очень странно.

Я пересказала Крину все подробности вечера. И сама поражалась тому, как все до жути неправдоподобно и глупо.

– Что ж, похоже, это и впрямь была иллюзия.

– Но зачем?

– Зачем – как раз таки не вопрос. Чтобы не было свидетелей. Если бы Уиллторн привел тебя в реальный ресторан, была бы куча свидетелей. Лавку в это время грабят, а так тебя никто не видел. Ты, конечно, сваливаешь все на дружка, но тот отнекивается – мол, я ее приятелю не понравился, он со мной строго поговорил, и я к ней больше не лез. А так тебя довольно мягко увели отсюда, да и сама иллюзия была безопасной. Он ведь направлял тебя, да? Куда садиться, где встать, на что смотреть. Он силен.

Я поежилась при мысли, что сидела на крыше заброшенного здания со странным магом. Быстро налила себе чаю и достала огромный кекс с джемом – заедать переживания. Ох, точно после этой работы прибавлю пару размеров.

– Остается вопрос, зачем кому-то грабить сладкую лавку. Шоколад у нас, конечно, хороший, но не настолько же, чтобы идти под

статью.

– Фолкриты богаты. – Крин пожал плечами. – Может, злоумышленники верили, что и в лавке куча наличности. Уиллторн вполне может быть аферистом, поддерживающим образ серьезного дельца.

Я вдруг вспомнила, что прежде, чем выставить меня на улицу, он смотрел на карманные часы. И теперь мне казалось, что вряд ли там показывалось время.

– Странно все это. И жутко. Я как подумаю, что он меня целовал, а я в это время сидела... даже не знаю где. Дрожь берет.

– Расскажи Марку, – посоветовал Крин. – Он следователь.

– Он сразу сольет Дрэвису, – покачала я головой. – А еще будет задавать вопросы. Откуда я знаю, что в лавку забрались?

– Не будешь говорить. Просто перескажешь свое свидание.

– Тогда это свинство. Марк будет рыть носом землю, а до истинного мотива, может, и не докопается.

– Все равно расскажи. Они ведь подозревали, что Уиллторн не так прост – вот и дай им подтверждение! Кексик, эти ребята не всегда вызывают у меня симпатию, но они совершенно точно не желают тебе зла и защитят. Что бы Уиллторн ни замышлял. И я напоминаю, что сегодняшнего воришку что-то или кто-то спугнул. А если он вернется?

– Да хватит меня пугать!

Аж кекс комом встал. Дурацкий день! Не зря с утра котелок раскалывался.

Но Крин смотрел с таким выражением... как у заботливой, но строгой бабушки. Ему очень не хватало для полноты образа седого пучка на голову, клубка со спицами в руки и очков на нос. Пришлось сдаться:

– Расскажу я, расскажу!

Я так привыкла к тому, что братья ходят в лавку, как к себе домой, что, услышав гостя, была совершенно уверена: это или Марк, или Дрэвис. И каково же было мое удивление, когда вместо Фолкритов я увидела сестру!

Сегодня Сара была в красном. Удивительно яркое длинное платье мягко облегло ее силуэт, делая похожей на куклу. На лице было столько косметики, что возникали обоснованные сомнения: Сарино это

выражение лица или нарисованное. Почти дружелюбное, кстати, выражение.

– Чем могу помочь? – поинтересовалась я.

– Я на досуге перечитывала решение суда по нашему с тобой делу и знаешь, что обнаружила?

– Незнакомые слова?

– Для тебя – вполне может быть. Извинения, сестричка. Суд постановил принести мне извинения, а я что-то ничего подобного не слышала. Давай-ка обсудим, когда и как ты передо мной будешь извиняться.

– Да прямо сейчас. Извини, Сара, я была идиоткой. В следующий раз надо не оставлять свидетелей и прятать тело.

– Нет, мне не нравится такое извинение. – Сара сморщила носик. – Я думаю, ты это сделаешь на нашей с Дрэвом свадьбе.

– Не боишься приглашать меня на свадьбу? Вдруг торт сорвется с полки и спляшет лучше, чем ты?

– Я думаю, связи Дрэва не дадут тебе сделать глупость. Подумай, что для тебя лучше: извиниться и порадоваться за нас на свадьбе или до конца жизни работать... – Она брезгливо поморщилась. – Подавальщицей.

Соблазн опрокинуть Саре на голову что-то сладкое и, возможно, тяжелое, был очень велик. Но она права: за малейший проступок в ее отношении меня очень быстро из лавки переведут в камеру. А со свадьбой все было проще простого: сестричка слишком боялась осуждения общественности и огласки нашего маленького семейного секрета. В связи с чем у меня появилась шикарная пакостная идея. Я даже улыбнулась, чем чуть не ввергла Сару в панику.

– Ладно. Как скажешь, – произнесла я, лишь бы Сара скорее отвязалась. – Извинения так извинения.

Королевским, полным презрения и надменности жестом мне протянули приглашение. На миленькой расцветочки картонке сияли лица Сары и Дрэва, а ниже было написано, где и во сколько меня будут ждать. Почему-то при виде этого портрета внутри неприятно укололо.

Надеюсь, они позировали для приглашений по отдельности.

За собственными мыслями я и не вспомнила, что в доме мы были не одни. Крин все же ко мне явно привязался. Ибо когда сестричка подошла к зеркалу, чтобы поправить прическу, он вдруг

трансформировал изображение. И вместо грациозной прекрасной Сары Гринвильд там отразилась толстая одутловатая Сарочка.

Сестра издала испуганный вопль и выскочила из лавки, напоследок подарив мне пару крепких словечек. Придется завести словарь, таких слов я еще не слышала.

– Она меня бесила, – флегматично сообщил Крин. – Смотрела своим пустым взглядом.

– Ладно, – махнула я рукой, – раз день не задался, будем принимать покупателей.

Бросила приглашение на небольшой столик за прилавком и перевернула табличку.

За короткий период времени все местные жители узнали о существовании лавки. А некоторые ее даже полюбили, хотя надо было быть откровенной: то, что я готовила сама, было не верхом кондитерского искусства. Но моя оригинальность скрасила возможное недовольство. Люди приходили поглазеть на темную ведьму, уходили с покупками, а дома, разворачивая кексы и булочки, не придирались к пышности теста и аккуратности глазури, а вспоминали очаровательную улыбчивую ведьмочку.

Ну, это я так себе представляла. Вполне возможно, меня поминали нелестным словом и мучались в ожидании лекаря. Хотя, вроде, Фолкрит эти кексы ел и выжил. В общем, поток клиентов тек размеренно, не превращая мой рабочий день в сущее наказание, но и не давая расслабиться.

Уже ближе к закрытию пришел посыльный. По его виду я сразу поняла: не из многочисленных салонов доставки и не помощник какого-нибудь комиссионера. Посыльный протянул свиток, перевязанный золотистой тесемкой, и быстро покинул лавку, даже не дождавшись традиционно полагающейся за хлопоты монетки.

– Что там такое? – спросил Крин.

– Приглашение на завтрак к фрейлине. Чтобы обсудить все детали угощения, которое мы представим Градду.

– Хорошая реклама.

– Жаль, что для Фолкрита.

– Ты не думала выкупить лавку? У тебя неплохо получается. Развивать свое дело куда приятнее, чем работать на жениха сестры.

– Даже представлять не хочу, сколько она стоит.

– Немного, я думаю. Да и все же, что бы ты ни думала о Фолкрите-старшем, он относится к тебе намного лучше, чем можно было ожидать. Так что наверняка уступит дело по отличной цене. А с такой популярностью ты эти деньги соберешь раньше, чем истечет твой срок. Свое дело прокормит лучше. Сделаешь ремонт на втором этаже, для спальни и лаборатории. На первом будешь торговать.

– Во-первых, мне надо заканчивать академию. Лавка не может стоять без продавца, она быстро разорится, если я буду работать с обеда. И по-моему, младшенький имеет на нее виды, что-то такое они упоминали.

– А во-вторых? – усмехнулся Крин. – Признайся, кексик, тебе нравится работать здесь. Не нравится быть наказанной, но нравится вся эта суматоха.

– Я ищу плюсы в любом положении.

– Признайся!

– Ладно, может, мне немного и нравится. Но я все равно хочу быть алхимиком. А не владелицей кондитерской и уж тем более не темной ведьмой.

– Зря. У тебя талант.

– Талант влипать в неприятности. И выбирать не тех мужчин. Давай закроем тему и подумаем, в чем завтра можно пойти на завтрак фрейлины. В чем вообще ходят на завтраки во дворец?

– В светлом, но закрытом платье. Собери волосы, накрасься – не броско, спокойно. Возьми небольшую сумочку, а еще собери корзинку с подарком для фрейлины и дворца. Просто красиво разложи шоколад и все, чем торгуешь. Купи у цветочника пару метров органзы и оформи. Подаришь, едва придешь, ну а дальше тебе все скажут.

Я удивленно посмотрела на зеркало.

– Откуда ты все это знаешь?

– Много будешь знать...

– Убьют как свидетеля, я помню.

А про себя отметила: рано или поздно разговорю Крина. И выясню все, что этот зеркальный приятель от меня скрывает. А пока – длинное светлое платье. Кажется, у меня где-то такое было, и я совершенно случайно прихватила его из дома.

За волнением перед предстоящим завтраком я напрочь забыла о том, что хотела рассказать Марку об Уиллторне. Осадок от мерзкого и

немного пугающего свидания никуда не делся, но я затолкала его поглубже, заглушив мыслями о предстоящих делах.

План на грядущий день выглядел примерно так:

Сходить на завтрак к леди Марибет.

Подстроить пакость Саре.

Поговорить с Марком.

Причем чем больше дел я себе придумывала, тем успешнее откладывала разговор с младшим Фолкритом. Наверное, мне не хотелось признаваться, что Уиллторн все же меня обманул. Это было обидно. Может, попросить Марка, чтобы не рассказывал Дрэву?

Как бы то ни было, с утра я не могла думать ни о чем, кроме предстоящего завтрака. Я впервые была приглашена на какое-то мероприятие сама, отдельно от семьи. Пусть и как представитель сладкой лавки, но все же. Мне не хотелось ударить в грязь лицом. К тому же фрейлина наверняка позвала еще толпу народа, и мой провал будет тщательно всеми обмусолен.

В назначенный час я стояла среди стражников, проверявших гостей. Разумеется, в самое сердце замка нас не пустили, завтрак должен был пройти в одной из башенок, имеющей отдельный вход. Кроме меня было человек десять, в основном женщины и мужчины средних лет. Я была, как показалось, самой молоденькой из всех. Может, поэтому меня проверяли тщательнее.

Но Крин не подвел: среди прочих приглашенных я смотрелась очень сдержанно и мило. Не знаю, чем руководствовалась фрейлина, рассылая приглашения, но подозреваю, что одним-единственным правилом – присутствовать должны самые обычные управляющие лавок. Не повара шикарных ресторанов, не владельцы салонов, а именно управляющие. Даже если они совершенно не представляли, как себя вести во дворце.

А уж наряжались! Одна женщина, прошедшая внутрь передо мной, накрутила на голове такую конструкцию из цветных шпилек, искусственных цветов и лака, что я всерьез опасалась за ее позвоночник – прическа наверняка была жутко тяжелая. То тут, то там пестрели платья, порой излишне вычурные и торжественные. Нет, были, конечно, и очень приятные молодые женщины в скромных неброских нарядах. Но они не так привлекали к себе внимание и просто проходили внутрь, едва кончались проверки.

А еще все без исключения пришли с подарками. Я мысленно не уставала благодарить Крина. Все же он скрывал что-то до жути интересное, раз обладал такими познаниями.

Когда стража закончила, я прошла к башне. Заблудиться было просто невозможно: наверх вела широкая и светлая винтовая лестница. Поднимаясь, я поняла, почему еще нас проверяли так долго: давали время леди Марибет поздороваться с каждым. Мне нравилась эта фрейлина, красивая, безукоризненно вежливая и дружелюбная. Саре бы поучиться.

Небольшой круглый зал вмещал в себя только стол, во главе которого сидела женщина. Она улыбнулась и встала, едва я вошла.

– Дейзи, рада видеть вас!

С удовольствием приняла от меня подарок и будто бы искренне обрадовалась. Для меня приготовили кресло рядом с леди Марибет, по левую руку. Неожиданно и приятно – места распределяли заранее.

Леди приветствовала каждого. Всех одинаково тепло, всех благодарила за подарки и лично провожала к столу. Когда все собрались, концентрация в воздухе любви к леди Марибет достигла пика.

– Рада приветствовать вас, дорогие друзья. Спасибо, что согласились прийти и обсудить детали праздника, который мы с вами организуем для жителей нашего города в честь рождения наследника. Если не возражаете прежде, чем подадут завтрак, я хотела бы еще раз убедиться, что все наши договоренности в силе. Итак, фрукты предоставит лавка господина Рейтина, верно?

– Да, миледи, – кивнул усатый и добродушный мужчина.

Я брала фрукты у другого торговца, но иногда ходила мимо его лавки.

– Напитки за леди Глэдис и господином Дайрондом, верно?

– Горячие, миледи, – кивнула женщина.

– Освежающие.

– Хорошо. Господин Беркин, за вами горячее, я правильно понимаю?

– Да, госпожа. Небольшие кусочки мяса прямо с костра, самые лучшие!

Она прошла по всем, и в конце спросила меня:

– Сладкое – Дейзи?

Я кивнула, улыбнувшись. И тут перед нами появился сам завтрак. Надо сказать, шикарный завтрак на любой, даже самый привередливый вкус. Половину блюд я и не видела никогда, а вторая половина была подана просто мастерски. Шедевры из творога с фруктами, аккуратные жульены, сочные яркие салаты, маленькие сэндвичи, украшенные золотистыми шпажками. И чай! Море самого разного чая всех цветов и температур. Я, привыкшая к хорошей кухне в родительском доме, вдруг растерялась и почувствовала себя деревенщиной в приличном обществе.

Радовало, что не я одна. Среди приглашенных были и те, кто накинусь на еду, словно приехал с голодного края, а были довольно невозмутимые личности, умевшие вести себя за столом. Ну а мне нужно было просто расслабиться и вспомнить, чему меня учили.

В общем-то, правил было только два: не есть руками и не вытирать рот скатертью. Тем более что как бы ни вели себя гости, на лице леди Марибет не скользнуло ни тени.

– Дейзи, позволь порекомендовать тебе омлет. Очень нежный, а к нему отлично подойдут тосты с сыром.

И как же я была ей благодарна! Подсказка фрейлины вывела меня из оцепенения. Проснулся вдруг голод, и я с удовольствием принялась за действительно нежный сливочный омлет. Завтрак протекал в полном молчании, но оно почему-то не давило. Когда вместо кучи еды появилось кофе и пирожные, Марибет снова начала говорить.

– В последний раз эта церемония проходила, когда родился принц Бернон. То есть очень давно. И мы решили привнести в нее нечто новое. На этот раз праздник не станет ограничиваться центральной площадью и пространством у триумфальной арки. На площади действительно будет концерт и мы уже договорились о еде, а ваша задача – организовать угощение по всему пути следования процессии.

Все дружно закивали. Мне подумалось, это и впрямь будет грандиозный праздник. Если вдуматься – на всех центральных улицах можно будет что-то сожрать на халяву. Мечта!

– Я очень хочу попросить тем не менее распоряжаться угощением разумно. Фрукты должны быть порезаны, мясные и хлебные изделия лучше делать небольшого размера. Не отказывайте людям в угощении, но и не позволяйте оскорблять Светлейшую жадностью и недостойным поведением. На всякий случай к каждому из вас будет

приставлен стражник. Угощение можно начинать раздавать сразу после того, как процессия пройдет мимо вас. Не стоит специально что-то кричать или предлагать каждому лично – информацию мы везде огласим и повесим. Ваша задача лишь организовать все на высшем уровне.

Все обдумывали сказанное. Ничего сверхъестественного леди Марибет не требовала, примерно так мне все и представлялось. Стражники стали приятным сюрпризом – я всерьез опасалась, что возбужденная гуляниями толпа снесет меня вместе с шоколадом и новой, будь она проклята, вывеской лавки.

Дальше я немного стушеввалась. Кофе, десерты – это все понятно. Леди Марибет интересовалась какой-то ерундой вроде качества урожая у торговца фруктами и цен на зерно у булочника, а я думала, что делать дальше. И почему среди всего, что вливала мне мама в голову, не было ни строчки о том, как проходят завтраки у фрейлин?

Наконец с кофе было покончено. Я думала, Марибет еще для приличия всех подержит, но фрейлина поднялась. Вместо кофейников на столе появились десять конвертов с золотистой ажурной росписью.

– Это ваше вознаграждение. Только первая его часть, разумеется, которая покроет все затраты на продукты и организацию. Плату за работу вы получите после праздника, поверьте, не менее достойную.

В конверте, я это знала, лежал чек, подписанный или королевой, или принцем. По этому чеку в банке можно было получить всю указанную сумму прямым из личной ячейки правящей семьи.

– А теперь прошу меня простить, дел остается еще слишком много. Если у вас появятся вопросы, вы можете отправить их с курьером. Курьера вызвать очень просто, достаточно трижды коснуться печати на конверте. Я благодарю вас за визит и надеюсь, мы вместе организуем чудесный праздник для жителей Градда.

Народ наперебой благодарил и клялся, что все будет расчудесно. Я потянулась было вслед за остальными к выходу, но леди Марибет меня окликнула.

– Дейзи, задержись на минутку.

Я сразу напряглась. А если я провалилась и мне сейчас откажут? Да Фолкрит с меня три шкуры спустит!

– Выпьешь со мной чаю? Я немного устала, поднялась так рано. Нелегко организовать праздник такого масштаба на должном уровне.

– Да, конечно.

Пришлось вернуться за стол. Перед нами снова появились чайник, чашки и небольшая тарелка с конфетами и печеньем.

– Я хотела расспросить тебя обо всем. О твоей семье, об... отце. Как он? Мы не виделись уже много лет. Статус фрейлины запрещает мне личные контакты, но раз уж ты здесь, мне интересно, как сложилась ваша судьба. В свое время твой отец подавал большие надежды.

– С ним все хорошо. Он женат, есть дочь – Сара. Они богаты и ведут светскую жизнь. Он отошел от крупных дел, но семейным фондом управляет и наверняка обеспечил дочери приличное наследство.

От женщины, конечно, не укрылся тон, с которым я говорила о семье.

– У тебя дома проблемы? Ты говоришь о его дочери в единственном числе...

– Я понимаю, что не должна, но... они выгнали меня из дома.

Леди Марибет слегка побледнела.

– Видите ли, я оказалась не родной дочерью жены отца. Он привел в дом ребенка от любовницы и, когда мне исполнилось восемнадцать, счел долг родителя исполненным. Я сама по себе и вряд ли вообще имею право носить фамилию Гринвильдов. Но другой, увы, не имею.

Сказала. И даже красиво получилось! Да только улыбчивая и спокойная леди Марибет вдруг расстроилась. Она резко поднялась и отошла к окну.

– Простите, – вздохнула я. – Я не хотела вас расстраивать.

– О, Дейзи, мне так жаль. Это ты меня прости, я не должна была лезть в твою жизнь. Знаешь, я помню твоего отца совсем другим. Тот человек вряд ли смог бы выгнать из дома собственного ребенка.

– Ну, двадцать лет жизни с Сарой и впрямь могут свести с ума. Что ни делается, все к лучшему. Я и сама хотела переехать и уже собиралась об этом с папой говорить. Так что все удачно совпало.

– Удачно... Сложно назвать удачей то, что молодая девушка осталась на улице без жилья.

– У меня есть лавка. На ближайший год я живу там, а потом буду выбивать общежитие академии. Ну или искать съемное жилье. У меня

действительно все в порядке, леди Марибет. Спасибо, что беспокоитесь.

Фрейлина вдруг решительно отвернулась от окна. Придерживая подол тяжелого бордового платья, она подошла ко мне и протянула руку.

– Я помогу тебе, Дейзи. Идем, кое-что отдам.

Ослушаться и мысли не возникло. Мы вышли совсем в другую дверь и направились вглубь замка.

Все же сколько у родителей было разных знакомых! Даже фрейлина нашла и случайно завернула в лавку, где я работала. Случайно съела соленую карамель и дала нам работу, а теперь вот... ведет куда-то. Интересно, что у них с папой за знакомство. Не романтическое, это уж точно – фрейлины верны только королеве. И спросить как-то неудобно.

Мы пришли в какой-то кабинет. Во всяком случае, просторная комната с книжными шкафами и большим письменным столом смахивала именно на кабинет, в котором никто не работал – не было личных вещей.

– Я знаю, что ты учишься на алхимика. Мы проверяли всех, кто будет работать на празднике. Хочу кое-что тебе подарить. Мне привезли его из Синар-града, находка тамошних мастеров. Ты, наверное, знаешь о ледяных самоцветных горах, где добывают полудрагоценные и драгоценные камни. Часть их идет в синарскую гильдию мастеров, их работы ценятся по всему Граддерфелу.

Она извлекла что-то из шкафа и повернулась ко мне. В руках леди Марибет был небольшой аккуратный котелок, на который в ряд крепились разноцветные камни.

– Держи, Дейзи. У меня он просто хранится, а тебе будет по-настоящему служить.

Я как-то растерялась, но не принять подарок просто не смогла и смущенно поблагодарила.

– Камни светятся, и чем ярче – тем выше температура зелья. Очень красиво, но главное – удобно.

– Не знаю, что сказать, – призналась я.

Думаю, отец спас ей жизнь. Ничем иным стремление позаботиться о несчастной дочурке объяснить было нельзя.

Тут я немного вздрогнула. А может, леди Марибет знает не отца, а мать? Что, если не только с ним фрейлина водила дружбу, но и с ней? Проклятый Уиллторн! Обещал ведь что-то выяснить и так подло сбежал.

Спросить? Не спросить? Как же страшно! Да и если я выясню, кто моя мать, то что скажу? Здравствуй, мама, я была тебе не нужна, да и сейчас не сдалась, но вот она я, а вот шляпа, и еще – можно с нами будет жить зеркало?

А если она умерла... Дети обычно остаются с матерями, а не приводятся в дом отцом.

Я так и не решила, хочу ли задавать этот вопрос. Слишком резко пришла идея, слишком сложным мог оказаться ответ.

– Мы еще обязательно увидимся, Дейзи, – улыбнулась фрейлина на прощание. – И я помогу тебе с жильем, когда закончится твоя отработка.

А... точно, они же нас всех проверяли.

Я еще раз поблагодарила эту несомненно добрую и приятную женщину за заботу, но из башни выходила с чувством невероятного облегчения. Голова раскалывалась от количества информации. А ведь я хотела еще устроить пакость Саре!

Надежно припрятав полученный от фрейлины чек, я двинулась к центру. Не слишком хорошо представляла, куда именно направляюсь, но надеялась разобраться на месте. И разобралась, да еще как.

В доме печати, в самом низу, где толпились малочисленные посетители, стояла тумба со свежей прессой. Меня не интересовали новости, мне нужно было лишь увидеть знакомое оформление. Вот оно! Я схватила яркую тонкую газетку – точно в такой же была статья Рикки Карамель обо мне.

Потом взглянула на большой плакат с картой здания. Нужная редакция располагалась на третьем этаже, но туда меня не пустили, потребовав пропуск.

– А можно как-то связаться с Рикки Карамель? У меня есть для нее интересная информация.

– Я не передаю ничего сотрудникам.

– Но как мне тогда с ней поговорить? Караулить, что ли, у выхода? Я даже не знаю, как Рикки Карамель выглядит, я только читала ее статьи!

– Вы можете оставить для любого сотрудника послание.

Он кивнул на небольшие почтовые ящики. Каждая редакция имела свой. Я порылась в сумке в поисках листа бумаги и карандаша. К счастью, нашла и быстро нацарапала записку, адресованную журналистке. Для моих целей эта Карамель подходила идеально.

Едва записка упала в ящик, тут же вспыхнула и исчезла. Я решила, что подожду минут пятнадцать, а если никто не ответит – уйду, раз и навсегда забыв об идее насолить Саре.

Не понадобилось и минуты. Меня кто-то похлопал по плечу, и, обернувшись, я увидела худосочную женщину с короткими светлыми кудрями.

– У вас есть материал для меня?! – с азартом спросила она, аж глаза вспыхнули.

– Да, если вы – Рикки Карамель.

– Ни на минуту в этом не сомневайтесь. Пойдемте, выпьем чаю и как следует поболтаем. Знаете, меня редко подводит интуиция. Я более чем уверена, вы принесли мне сенсацию!

Глава десятая

Я вышла из дома печати с квадратной головой. Рикки Карамель заставила меня пересказать все по нескольку раз, но я тщательно следила за тем, чтобы не ляпнуть лишнего. Мне все же не хотелось вредить отцу, только побесить немного Сару и маму, которые так заботились о впечатлении, что Гринвильды производят на друзей и знакомых. Для них незаконнорожденная дочь, выгнанная из дома – ужасный позор. Ну, а раз есть решимость на поступки, должна быть готовность к огласке этих поступков.

Хотя, конечно, особой радости я не ощущала. Предпочла бы вообще не делать никому гадостей и жить себе спокойно. Но раз уж сестричка захотела извинений – придется выслушать их на моих условиях.

Привычная дорога до лавки стала практически незаметной. Я шла, погруженная в свои мысли, не видя ничего вокруг, как вдруг поняла, что нахожусь рядом с заброшенной лавкой. А рядом совсем-совсем никого нет!

То ли народ разбрелся по домам, спасаясь от близящейся непогоды. То ли до обеденного перерыва еще было долго, и никто не спешил в лавки и магазинчики. Но как бы то ни было, пространство перед наглухо закрытым домом было совершенно пустым.

В третий раз за последние месяцы я кралась к дому, чтобы заглянуть внутрь. Чернота, зияющая в окнах, невольно напомнила мне странное свидание с Уиллторном. В общем, я не стала долго придумывать себе оправдания и сунула нос внутрь.

Дверь была заперта.

Странно все это было, и складывалось совершенно четкое впечатление, что закрытые лавки, Марк, кладущий всех носом в землю и загадочный Уиллторн с его иллюзиями – персонажи одной истории, в которую случайно попала я. От меня все скрывают, а меж тем, пока я увлеченно смешиваю глазурь, на заднем фоне на голове стоит половина Градда. И раз уж после разговора с Рикки Карамель настроение было воинственное, я решила хоть немного разобраться с этим бардаком.

Итак, с чего бы начал адекватный умный следователь? Раз пустых лавок несколько, надо выяснить, кому они принадлежат. А как? Следователю-то все расскажут без проблем, а ведьме кто даст информацию? Надо хитростью, но вот какой? Может, Крин подскажет.

В доме вдруг что-то грохнуло. Стекло задребезжало, а я краем глаза заметила... словно тень, мелькнувшую внутри. Демон с ним, с замком, ведьма я или нет?

Только схватилась за ручку, услышала вкрадчиво-недовольное:

– И что это мы там забыли, госпожа Гринвильд?

– Ты за мной следишь? – возмутилась я.

Хоть в этот раз младшенький не стал меня укладывать носом в брусчатку – и на том спасибо.

– Я же сказал, что патрулирую этот район в поисках грабителей.

– А я тебе не поверила.

К моему удивлению он вдруг улыбнулся:

– Ну, может, и слежу. Дрэв просил присмотреть за тобой.

– Что-о-о?!

– Не злись, Дейзи. Он сказал, недавно ты нарвалась на компанию какого-то хулиганья, да еще и этот Уиллторн не вызывает доверия. Все же Дрэв несет ответственность за твою безопасность. На время работы.

Ага, все было логично, все правильно, но почему-то очень хотелось сделать гадость. Есть хоть один человек, который не считает меня неразумным ребенком?

– Это что? – спросил Марк, заметив, как топорщится моя сумка.

– А, фрейлина подарила котелок.

– И как ты это делаешь? Вроде и вредная, и ведьма, а все вокруг тебя бегают и котелки дарят. Тоже так хочу.

– Быть вредной ведьмой, которой дарят котелки? – фыркнула я. – Ну, не знаю, надо посмотреть, может, зелье какое и найдется.

– Ну тебя. А кстати, я буду тебя охранять на празднике, – просиял Марк. – Стражников не хватает, начальство за доплату подняло добровольцев. Дай, думаю, с нашей ведьмочкой постою. Накормишь сладким?

– Ты потолстеешь, деточка. Весь день стоять-то. Лучше бы взял мясную лавку.

– Я тебя на мясо не променяю, – пробурчал младшенький Фолкрит, совершенно недостойно для детектива обидавшись. – Так что ты все-таки забыла в этой лавке? Опять любопытство?

Я вздохнула. Вот правду говорят, если чему-то суждено случиться – оно найдет, как бы ты ни убегал. Не хотела идти к Марку и рассказывать про Уиллторна, а теперь вот он сам пришел и выпытывает.

Посмотрела на хмурое небо и снова вздохнула. А потом начала рассказывать. Как Уиллторн позвал на обед, как мы смотрели на установку арки. И как я потом оказалась посреди заброшенного дома в гордом одиночестве. С каждой секундой Марк мрачнел все больше и больше.

– Так ты знаешь, кто он и что делает? Он связан с закрытыми лавками?

– Нет, не связан. Формально, по крайней мере. Но это явно неспроста. Мы думаем, махинации с отмыванием денег или торговля какими-нибудь запрещенными артефактами.

– И зачем выкупать лавки на центральной улице? Чтобы гарантированно привлечь к себе внимание?

– Да если бы знать, Дейзи. По сути, пока что не совершается ничего незаконного. Ну купил некто дома, ну и что, что стоят? Может, он в них детей расселять начнет совершеннолетних или купит еще парочку и сеть таверн откроет. В общем, начальство не дает санкций на обыск и детальное расследование, только взяли на контроль. Но ты все равно рядом не ошивайся, мало ли что. Даже торговля артефактами или пиратство – дело опасное.

– Уиллторн хотел купить «Ведьму в шоколаде»! – вдруг вспомнила я.

– Знаю, Дрэв говорил. Но ты не волнуйся, он не продаст лавку ни за какие деньги. Кто ж откажется от такого веселья?

– Нашли себе цирк, тоже мне.

– Не злись, Дейзи. Но ты действительно веселая. Знаешь, в нашей работе очень не хватает чего-то настолько яркого.

Мы шли к лавке, а я все косилась на младшенького. Это он со мной заигрывал или мне казалось? Как-то давно Марк вроде пытался пригласить меня на свидание, а потом вдруг резко пропал с горизонта.

Разонравилась? Работы много? Или братик запретил из желания играть с ведьмой в гордом одиночестве?

Не знаю, но решила не расспрашивать.

– Что будешь делать?

– Тестировать котелок, конечно. А ты – следить за мной?

– Да нет, я же не круглосуточно наблюдаю. Вернусь на работу. Ты не представляешь, сколько бумажек надо написать для одного расследования. Какие тут купленные лавки! Даже убийц приходится оформлять тщательно, чтобы не приведи Светлейшая, из-за ошибки в приказе не отпустили опасного преступника.

Да, а я еще думала, что у меня работа так себе. Не зря, наверное, управление из года в год жаловалось на слишком сложные утвержденные процедуры.

Думала, Марк напросится на чай, но следователь попрощался и поспешно утопал в неизвестном направлении. Все предположения о его симпатии тут же испарились. Ну, он хотя бы не издевается – и на том спасибо. Может, когда их семейка перестанет меня бесить, подружусь.

Крин в лавке требовал полного отчета о завтраке. Он расспрашивал с таким неослабевающим интересом, что невольно возникали вопросы. Мне даже показалось, Крин словно скучает по дворцу. Учитывая то, что как-то он обмолвился о том, что висел там, – не удивлюсь.

– Поздравляю тебя, кексик, – после окончания рассказа очень дружелюбно и ласково сказал Крин. – Я же говорил, все будет хорошо. Фрейлина поможет с жильем, окончишь свою академию и будешь жить-поживать. А теперь показывай свой котелок, никогда таких приبلуд не видел.

Мне и самой было интересно, так что, наспех съев пару яблок, я принялась за дело. Подбадривания Крина пробудили во мне что-то очень светлое и хорошее. Вдруг подумалось – а если я буду пытаться делать не гадости, а приятности, мне станет лучше?

Поэтому выбор пал на зелье удачи. Оно было не слишком сложное, очень вкусное и красивое. А еще требовало разных уровней нагрева – в самый раз для тестирования котелка!

Пряный яблочный аромат разлился по лавке. Как только соседи не сбежались! Я нагревала зелье и рассматривала котелок, который и

впрямь светился. Голубые камни, фиолетовые, красные, зеленые – их мерцание нужно было тщательно изучить, но какие возможности он открывал! Это ж не придется больше переделывать по десять раз курсовые из-за того, что перегрела зелье!

– Так, и что эта лабуда будет делать? – спросил Крин, когда из котелка, где плескалось янтарное зелье, повалили золотистые пузырьки. – Принесет удачу? Тебя за вмешательство в реальность не посадят?

– Оно не приносит удачу, оно... как бы так сказать... настроение поднимает, мелкие неприятности отваживает. Конечно, если ты пошел гулять по заброшенной стройке, зелье не спасет от падения в канаву. Но, скажем, позволит не споткнуться на мостовой, даст энергии и вдохновения.

– В общем, ты сварила алкоголь.

Закатила глаза. Никакого уважения к таланту!

– И что будешь с ним делать?

Я пожала плечами.

– Котелок протестировала, так что просто вылью, наверное. Хотя пахнет вкусно, а на второй день будет просто шикарным! А что? Есть идеи?

– Конечно, есть, – усмехнулось зеркало. – Дай мне тоже побыть главным кондитером. Топи шоколад, будем делать конфеты.

Под руководством Крина я перелила зелье в мензурку и в котелке растопила темный шоколад. Зеркало командовало с энтузиазмом первооткрывателя и это было даже забавно. А еще интересно настолько, что я почти забыла обо всем на свете. Я и не предполагала, что готовка в компании друга может быть захватывающей и веселой.

– У тебя были красители и сок голубых апельсинов, ищи! – велел Крин.

Нашла и еще полчаса возилась с красками, измазавшись с ног до головы. Само собой, именно в момент, когда у меня были зеленый нос, фиолетовые щеки и отпечаток красной пятерни на лбу, пришел Фолкрит-старший.

– Кексик, ты записалась в школу искусств?

– Я творю.

– А по-моему, вытворяешь. Что ты делаешь? И что за зелье? Мне начинать пугаться?

– А вы еще не начали? – беззлобно фыркнула я. – Давно пора.

Дрэвис внимательно осмотрел прилавок. Неподалеку сушились шоколадные котелки, пока еще не доведенные до ума, рядом лежали крашенные орешки и карамельки, а я разливала по колбочкам зелье и добавляла красителей.

– Так все-таки что это?

– Новинка, – отозвалась я. – Шоколадные котелки на удачу.

– Что они делают?

– Просто поднимают настроение. А еще избавляют от мелких неприятностей.

– То есть если я съем один такой котелок, вредная ведьма в моей лавке не будет меня изводить?

– Нет, ну тут надо литров пять выпить.

Однако злиться не получалось. Шоколадные котелки вышли изумительными, маленькие копии того, что подарила леди Марибет. Разноцветное зелье и смешанные с карамельной крошкой камушки-орешки на пузе.

– У тебя талант, – на удивление без ехидства сказал Дрэвис.

Пришлось промолчать и смутиться. Талант был у Крина, я до такого бы не додумалась. Но разве скажешь об этом хозяину лавки?

– Кексик, ты еще злишься? – вдруг спросил он.

Я задумалась, прислушиваясь к себе. Ничего противного не чувствовала, скорее какую-то совершенно излишнюю неловкость.

Но Дрэвис расценил мое молчание по-своему и так же по-своему на него среагировал. Залез пальцем в миску, куда я вылила остатки шоколада, и мазнул мне по носу, оставив горячий и сладко пахнущий след.

– Ну куда руками в шоколад! – воскликнула я.

– Придется теперь съесть. Давай сделаем бутерброды с расплавленным шоколадом и попьем чаю. И я хочу попробовать твой котелок.

– Это для покупателей.

– Ну хоть некрасивый.

– Что значит – некрасивый? У меня все котелки красивые!

– А то я не помню твои квадратные кексы.

– Ну вот в качестве квадратных кексов они были очень даже ничего.

– Ага, а в качестве круглых – не получились?

– Если сами все знаете, чего спрашиваете?

Но чай все-таки поставила.

Мне все казалось, что вот-вот и Фолкрит заговорит о моем свидании с Уиллторном. Но то ли Марк не рассказал, то ли сам Дрэвис решил не поднимать неприятную тему, вспоминать провал не пришлось. Я сделала две порции чая и на свежий хлеб намазала получившуюся шоколадную пасту. И посыпала еще оставшимися орехами.

– Шлушай, тоже вкуфно, – прошепелявил Дрэвис, пытаюсь справиться со слишком большим откушенным куском. – Надо открыть таверну-кондитерскую.

– Я вам что, умертвие, которое может работать круглосуточно? Не хочу провести остаток жизни за прилавком.

– Ты будешь музой таверны.

– Обалдеть, как звучит.

– Да ла-а-адно. Давай, я открою таверну, найму людей, а тебе буду платить просто за идеи? Говоришь – котелки с разноцветными орехами, и оп! Новинка покоряет сердца покупателей, а тебе денежка за идею. Бутерброды с плавленым шоколадом? Оп, попробуйте новый рецепт от музы заведения!

Я недоверчиво взглянула на него. Шутит он так, что ли? То работай без выходных и смотри, как я счастлив со своей невестой, то давай мне идеи, я буду за них платить. Может, Фолкрит-старший – алкоголик? Это объяснило бы перепады настроения.

– Ты скоро закрываешься? – спросил Дрэвис. – Может, выпьем...

Но что именно он хотел предложить, я так и не узнала: в лавку ввалилась фея в компании еще одной феи. Вторая фея была словно противоположностью клиентки. Худая – я бы даже сказала, тощая, суетливая. Она за полминуты осмотрела всю лавку и остановилась взглядом на мне.

Тараторила фея тоже очень быстро:

– Здравствуйте! Мне подруга посоветовала вашу лавку! Говорит, у вас есть диетический шоколад! Я, знаете ли, очень боюсь потолстеть, мгновенно набираю килограммы!

– Так вот как выглядит переселение душ, – тихо прокомментировал Дрэвис. – Они явно перепутали тела.

Пришлось ударить его под столом ногой.

– А что это у вас с лицом? Почему оно разноцветное и в шоколаде? – спросила фея номер два.

– А это у нас новинка, шоколадные обертывания, – вдруг влез Дрэвис. – Очень полезно, знаете ли, для здоровья. И вес снижают, и аппетит.

– А аппетит как?

– Ну... шоколад впитывается через кожу, и не хочется есть.

Я почти вознамерилась лезть на второй этаж. Сейчас феи будут нас бить, возможно – ногами.

– Хм... очень интересно!

Женщины переглянулись и хором выдали:

– Возьмем бочку на пробу!

Я подавилась воздухом и сдавленно пропищала:

– У меня столько нет.

– Привезем! – заверил Дрэвис. – Заходите завтра после обеда за своей... кхм... обертывательной бочкой.

Довольные феи набрали конфет и ушли. Я устало подумала, что надо бы перевернуть табличку на «Закрыто» и не выползать из лавки вплоть до утра. Насыщенный выдался денек, ничего не скажешь.

– Ну и что за ерунду вы тут несли? Какое еще обертывание? Снижает аппетит?

– Кексик, не ругайся, завтра продадим им бочку с шоколадом. Они приходят сюда посмотреть на тебя, так почему не воспользоваться популярностью? К тому же я даже не соврал. Пару лет назад я летал к морю, там очень популярны разные обертывания среди женщин, жаждущих омолодиться. Можно еще открыть салон красоты «ШокоМагия». Как тебе?

– Вам бы тоже музой работать. Музом скорее... В костюме кекса пойдете посетителей зазывать?

– Вредная! – снова фыркнул Дрэвис.

Потом вдруг наклонился и поцеловал. Я растерялась и вскинула руку, не зная, то ли останавливать его, то ли обнять, потому что сердце как-то вдруг пустилось в пляс, и...

Хлопнула дверь. Я испуганно отпрянула от Дрэвиса, чуть не снеся стул, а он нахмурился и обернулся. Разъяренная и шокированная Сара

стояла в дверях. Ее взгляд обжигал, а руки чуть подрагивали, словно с них вот-вот должно было сорваться заклятие.

Но удержалась. Развернулась и выскочила прочь. Я, к собственному удивлению, ощутила нереальную волну стыда. Вот почему Саре плевать, что она поступает по отношению ко мне нехорошо, а я никак не могу отделаться от этой мысли? Ненавижу!

– Дейзи, я должен ее успокоить, – мрачно сказал Дрэвис.

– Она же ваша невеста.

Он открыл было рот, словно хотел что-то сказать. Но передумал и тяжело вздохнул.

– Не приходите больше просто так. Я не хочу, чтобы Сара из-за вас еще больше меня ненавидела. Она умеет быть неприятной.

Когда он ушел, тишина в лавке стала нестерпимой. Я двигалась, словно в тумане: перевернула табличку, заперла дверь и начала убираться. Котелки накрыла пергаментом, чтобы наутро выставить в продажу, а все лишнее складывала в большой мешок.

– Только не говори, что тебе стыдно перед сестрой. – Крин появился в зеркале и укоризненно покачал головой.

– Стыдно.

– А я думал, ты хотела ей отомстить.

– Не знаю. Не так, наверное. Я хотела сделать что-то смешное, чтобы Сара опозорилась, чтобы над ней посмеялись. А этот путь явно не мой.

– Вдохни поглубже, кексик, и перестань себя ругать. Это он полез целоваться, а не ты. Это Сара отобрала у тебя дом, а не сам он сбежал. И в лавке ты оказалась, потому что она тебя подставила. Если ее женишок ухлестывает за каждой симпатичной ведьмочкой – оставь проблемы выбора тому, кто этот выбор делал. И... кексик, не расстраивайся из-за Фолкрита. Ты найдешь кого-то, с кем будет и проще, и лучше.

На это я промолчала, и Крин вскоре исчез. Проще, лучше... пока что едва эти «проще» и «лучше» начинали маячить на горизонте, случалось что-то – и снова становилось тоскливо. А раз так, то и ждать нет никакого смысла.

Пока утром принимала душ, возникла идея, как выяснить, кто купил дома. Идея не отпустила даже после завтрака, так что едва часы пробили девять, собралась и пошла к мэрии. Расчет был исключительно на артистизм и ранний час, когда у большинства работающих людей голова еще не включилась.

Следуя за указателями, я быстро нашла управление собственности и архив.

За стойкой секретаря сидела самая обычная женщина средних лет в строгом черном платье. Вообще народу было немного и просторный светлый холл выглядел пустым. В мэрии Градда сосредоточились все службы, что так или иначе регулировали торговлю. На то и был расчет.

— Здравствуйте! — серьезным и слегка возмущенным голосом произнесла я. — Меня зовут Дейзи, я работаю управляющей в кондитерской «Ведьма в шоколаде».

— Чем могу помочь, миледи?

— Вы знаете, мы уже жаловались в мэрию, но ответа, к сожалению, так и не получили. Из одного дома постоянно лезет живность. Тараканы! Крысы! Какие-то мелкие мошки! Такое ощущение, что хозяин держал там продуктовую лавку, потом ее закрыл, а товар оставил. Они отпугивают наших клиентов! Портят продукты! Что мне делать, если лавку закроют из-за тараканов? Хозяин спустит с меня три шкуры. Он уже не желает слушать оправдания.

Для убедительности гнев сменила на готовность заплакать. Женщина, кажется, впечатлилась.

— Но мы не получали заявлений...

— Разве? Но я лично относил их вам! Что ж, давайте, я напишу жалобу, потому что выносить это больше нет сил! Мы не можем добиться проверки, не можем связаться с владельцем — даже имени его не знаем!

— А давайте я вам имя скажу? — воспрянула духом женщина. — Вы, может, поговорите, а я заявления найду и пришлю проверку?

— Давайте попробуем, — устало согласилась я и протянула карточку с адресом одного из заброшенных домов.

Вот не зря Марк напомнил, что их ругают за малейшую ошибку в документах. Потерять жалобы торговцев — это проблемка та еще.

Женщина унеслась в архив, смотреть информацию о собственнике. Кем бы ни был покупатель лавок, он зарегистрировал покупку в управлении собственности. Может, там и выдуманное имя, но а вдруг нет? Если ничего противозаконного там не происходит, никто не станет скрывать имя.

– Вот, пожалуйста. Владелец – Филипп Гринвильд, но он купил дом совсем недавно, так что, может, и не знает о вашей проблеме. Девушка, с вами все в порядке?

У меня чуть не вырвалось «папа!», но чудом сдержалась. Секретарь же размашистым почерком написала на клочке бумаги знакомый домашний адрес. Я даже забыла попрощаться. Вышла, толком ничего не соображая, и села на лавочку у мэрии. Размышлять.

Марк говорил, лавки скупил один и тот же человек. Или это я додумала сама?

Папа периодически вкладывал деньги в покупку домов, части фабрик или чего-то такого. Об этом знали все, а уж нас вообще не интересовала его деятельность. Но зачем ему закрытые наглухо дома? Уверена, у отца хватило бы и денег, и ума нанять толковых управляющих и поднять с десятков магазинов в Градде.

Но надо мыслить логично. Он не скрывал своего имени, зарегистрировал собственность – значит, ни в чем незаконном не замешан. Марк может ошибаться, а Уиллторн... Уиллторн, положим, хотел купить лавку просто потому, что хотел. А наша странное свидание – ничто иное, как неудача на личном фронте. Понравилась девушка, захотел очаровать и покорить магией иллюзии, а она не ответила на поцелуй. Ну ее, уйду красиво.

Но убеждать себя можно было в чем угодно, легче от этого не становилось. Я чувствовала, что потерялась среди всех вопросов и загадок. Выхода не было видно, а запутывалось все сильнее и сильнее.

И что делать дальше? Посоветоваться с Крином, Марком, Дрэвом? Подозревать в чем-то родного отца?

Да и родного ли – большой вопрос. В последнее время фактор кровного родства казался мне слишком уж незначительным.

Чтобы успеть к открытию, я почти бежала. Впереди меня ждало море работы. Надо было как следует подготовиться к празднику, выполнить все указания леди Марибет. Отдать злосчастную бочку с шоколадом, продать кучу печенья и кексов.

А еще не думать о поцелуе, отце, лавках и странных событиях, свалившихся на мою голову. Хотелось лишь покоя. И, как всегда в такие моменты, тянуло на мелкие пакости. Поэтому по дороге домой захватила мел и написала под вывеской, что приделал Фолкрит, очень емкий, хорошо известный всем студентам слоган:

«Шоколад вдвойне вкусней, если ночью и нельзя».

Пока не было народу, расписала по небольшим бумажным пакетам конфеты и печенья, на каждом из пакетов нарисовала ночь, луну и табличку в чистом поле «Для ночного жора».

Как раз выставляла на витрину, когда вошел первый покупатель. Вот ему и впарю!

– Добрый день! Сегодня у нас есть потрясающая новинка...

Я осеклась, подняв голову и увидев отца. Он стоял у входа, рассматривал лавку, а в руках сжимал газету. И чувствовалось мне, неспроста он вдруг заявился, да еще и с газеткой. Неужто Рикки Карамель все-таки сработала в мою пользу?

– Здравствуй, папа. Чего изволишь? У нас есть много вкусностей.

– Дейзи, хватит. Я пришел с тобой серьезно поговорить.

О-бал-деть! И со мной еще будут разговаривать эдаким отеческим строгим тоном? Вот даже смешно на мгновение стало, а потом как-то грустно. Но вслух я только сказала:

– Слушаю тебя очень внимательно.

– Ты дала интервью.

Что? Рикки Карамель подала это как интервью? Нет, погорячилась я, благодаря пронырливую журналистку.

– Ну, людям интересны сплетни о новой лавке. Я решила, что лишняя реклама не повредит.

– Дейзи!

– Судом Градда было постановлено, что я должна честно отработать свой долг обществу. И я это делаю – честно привлекаю сюда клиентов, пусть и за счет собственной жизни.

– Ты забываешь, что это касается и нашей жизни.

– Да, есть такое дело. Когда вы постоянно не мелькаете перед глазами, я как-то забываю, что существуете.

– У Сары скоро свадьба!

– А у меня учеба! – Я не выдержала и сорвалась на крик. – Как я пойду в академию? А что будет, если меня выгонят?!

– И это повод позорить нас всех желтыми статейками?

– Я живу на втором этаже магазина, где работаю! Показать тебе спальное место? Там только матрас. А вокруг хлам! Пыль! И я там сплю, потому что больше мне спать просто-напросто негде. Сара приходит сюда и издевается, словно ей было мало забрать у меня единственное, что осталось от бабушки! А ты упрекаешь меня в том, что я позорю семью?

Дверь лавки приоткрылась, показалась голова какой-то веснушчатой девушки. Услышав мой крик, она пропищала испуганное «Ой!» и поспешила скрыться.

– Тебя никто не гнал, ты ушла сама.

– Долго убеждал себя в этом? Я бы не ушла, если бы вы не решили меня изводить.

– Мы дали тебе все: накормили, одели, выучили! Я не думал, Дейзи, что ты поступишь так с нашей семьей.

– Ладно. – Я глубоко вдохнула. – Кто моя мать?

В ответ – молчание.

– Почему ты привел меня к законным жене и дочери? Зачем, если ребенок был тебе не нужен?

– Она просила.

– Кто – она?

– Это тебя не касается.

– Не касается?! – практически взвыла я. – Не касается, кто моя мать?! Ну так а тебя не касается, кому я даю интервью! Уходи! Забудь обо мне, забудь, что существую, оставьте меня в покое! Я выживу одна, но прекратите меня изводить, иначе я за себя не ручаюсь! Леди Марибет обещала мне помочь. И если ты, твоя жена или Сара продолжите меня доставать, я попрошу защиты у фрейлины.

Папа с лица как-то побледнел и даже инстинктивно отступил на шаг. Наверное, вспомнил старую знакомую и не ожидал, что мы с фрейлиной вдруг познакомились.

– Хотел бы я, чтобы все было иначе, Дейзи, – покачал он головой. – Но ты никогда не играла по чужим правилам. Зря я привез тебя.

– Зря. Может быть, у меня была бы семья, которая не исчезла так внезапно.

Он бросил на пол газету и ушел, оставив меня наедине с мыслями и обидой, которая ныла где-то внутри.

– Милая у тебя семейка, надо заметить, – подал голос Крин. – Расстроилась?

– Ты знаешь, несильно. Не могу сказать, что он меня порадовал, но как-то даже легче. Я почти скучала по нему, а теперь, наверное, не буду.

Подняла газету и развернула. Интервью со мной было не на первой полосе, разумеется. Ему уделили две небольшие колонки на второй странице.

– Читай вслух, – попросил Крин.

– «Озвездительные новости!» – начала я.

– Какие?

– Тут так написано.

– Мельчает в наше время газета, ой мельчает.

– «Все больше и больше загадок подбрасывает нам очаровательная темная ведьма по имени Дейзи. И если раньше мы довольствовались туманными слухами, то теперь появился шанс выяснить все из первых уст. У меня в гостях была леди Гринвильд – управляющая лавкой «Ведьма в шоколаде» (кстати, название это появилось совсем недавно, но уже было по достоинству оценено жителями Градда)».

Я встала так, чтобы Крин смог из-за моего плеча читать статью, и мы забавно разделили роли. Я читала вопросы Рикки Карамель, а он, тоненьким голосом передразнивая меня, зачитывал якобы мои ответы. Якобы – потому что добрую половину Карамель написала от себя.

– «Вы действительно темная ведьма»?

– «Тьма – лишь оттенок магии, направление, в котором развивается талант. Я не таю в душе зло, а потому темной ведьмой назваться не смогу. Однако у каждой женщины бывают моменты, когда хочется надеть остроконечную шляпу и злобно хихикать, помешивая бурлящее зелье».

– «Слухи о том, что вы в разладе с семьей, правдивы»?

– «О, если вы о тех, где говорится, что меня наказали за драку с сестрой – сущее вранье. Мы с Сарой Гринвильд не состоим в каком-либо родстве. Разве вы не знали? Я – незаконнорожденная Гринвильд,

а мое появление в доме – досадная неприятность для настоящей семьи Филиппа Гринвильда».

– «Выходит, птичка выпорхнула из гнезда, едва ей исполнилось восемнадцать»?

– «Выходит, что так. И птичка обладает крайне скверным характером, чего совсем не ждал Дрэвис Фолкрит. Даже если он и нанял меня, чтобы насолить по велению невесты, то жестоко просчитался. Народ искренне полюбил мою лавку, но что станет с ней, когда я уйду? Или господину Фолкриту придется раскошелиться, или его дело пойдет ко дну – самое страшное, если заведение славится не блюдами и товарами, а управляющей. Теперь я диктую условия, и они – будьте уверены – удивят всех!»

Я рассмеялась.

– Она фантазерка. И все переврала. Надеюсь, Карамель больше не будет обо мне ничего писать.

– А я думаю, кексик, это только начало. Но я рад, что ты не расстраиваешься. По-моему, нам пора начинать готовиться к празднику.

Да, подготовка обещала быть напряженной. Мне предстояло приготовить несколько сотен разных угощений, да еще и придумать, как это подать. Садясь за стол, чтобы написать примерный план, я понимала: вплоть до самого шествия свободного времени не будет.

Но в данном случае это было только в плюс.

* * *

Уиллторн бродил взад-вперед по кабинету. Камин уже потух, а ночь медленно сменялась рассветом. Но он все никак не мог совладать с нетерпением. А еще злился на то, что так и не вышло заполучить лавку Фолкрита. И еще знать бы почему!

Наконец привычная тень помощника оказалась в комнате.

– Ну?! – рыкнул Уиллторн. – Что стряслось?

– В лавке наблюдатель. Следят не только снаружи, но и изнутри. Я его почувствовал, очень сильный. Не знаю кто – призрак, домашний дух, иллюзия Фолкритов. Есть еще защита дружкой младшего Фолкрита, но она детская. А наблюдатель сильный.

Уиллторн выругался. Наличие наблюдения в лавке могло означать, что управлению стражи Градда известно куда больше, чем он предполагал.

Разумеется, их не могли не заинтересовать лавки, купленные и оставленные закрытыми. Но след обрывался, это он знал точно. И надеялся, следователи будут топтаться на месте, а потом и вовсе исчезнут. Градд – город большой, у управления просто нет возможности ждать новых улик вечно. Но если за «Ведьмой в шоколаде» наблюдают изнутри, то, может, его план под угрозой.

– И все равно хочу эту лавку.

– Поостерегись, – покачал головой парень. – Поймать тебя не смогут, но закроют принца щитами, и ближайшие двадцать лет к нему будет не подобраться. Мы справимся и без этого дома.

– Нет. Хочу его.

– Да что тебя так задела эта девица, Уиллторн?

Тут он не выдержал:

– Она меня не хотела! Я ей не понравился!

– Ты так мечтал об обратном?

– Ну, я был бы не против закончить обед и разделить завтрак с приятной девушкой. Я ее поцеловал, а она даже не шелохнулась.

– Бывает, – усмехнулся парень. – Влюбилась в кого-то еще. Не думал, что тебе есть до нее дело.

– Уже нет. Но лавка мне по-прежнему нужна. Давай-ка сделаем так. Шляпник все еще готов сотрудничать? Вот задействуй его. Выманит ведьму, а за ней и всех надзирателей.

– А если этот дух привязан к лавке?

– Именно поэтому будем действовать быстро. Я более чем уверен, что, если ведьме будет грозить опасность, Фолкриты бросят все и полезут ее выручать. Если в это время в лавке будет бесноваться дух – они даже не заметят. Надо проверить все перед самой церемонией. Тогда умбрина сможет вовремя напасть.

– А ты любишь сложные планы.

– Поживешь с мое, станешь ценить игру. Победа приносит удовлетворение лишь при должном затраченных усилиях. Все остальное – сущая ерунда, мой друг. Если повезет, совсем скоро мы двинемся дальше. А если мне повезет особенно, я и ведьму заполучу – просто для коллекции.

Рассветное солнце мягко освещало комнату. Начинался новый день – еще один шаг к достижению целей. Хотелось верить, что последний.

Глава одиннадцатая

Накануне праздника я никак не могла уснуть. И виной тому было совсем не волнение. Я не сомневалась, что все пройдет без инцидентов.

У нас вкусные сладости, народ любит правящую семью и с удовольствием угостится за счастливую жизнь юного принца. Нам перепадут реклама, заказы, благодарные клиенты. Они будут приходить, улыбаться, благодарить меня за вкусности. Пройдет год, я навсегда уйду из лавки и управление ею перейдет к Саре.

Почему-то при мысли, что здесь будет хозяйничать сестра, становилось очень тоскливо.

Мне на глаза попало приглашение, которое принесла сестра. На серебристом листке картона были нарисованы портреты Сары и Дрэвиса. Они улыбались в ожидании самого счастливого дня в своей жизни. В теории, конечно.

Потому что на практике Сара принесла эту сияющую свадебным счастьем открытку, просто чтобы уколоть меня в очередной раз. И, надо заметить, преуспела. Когда я бросала взгляд на Дрэвиса, стоящего рядом с сестрой, внутри разливалась горечь.

– Идиотка! Идиотка!

Я билась лбом об зеркало Крина.

– Кексик, ты хочешь ко мне? Не советую, тут скучновато.

– Я чувствую себя никому не нужной.

– Никому? Или кому-то конкретному?

Что на это ответишь?

– Ты не пробовала сказать? Может, он считает, что ты его ненавидишь, и поэтому...

– Что? Женится на Саре? Крин, люди не женятся, если у них нет чувств или других резонов для свадьбы. Если Дрэвис женится на Саре, она ему нужна.

– Ну и что? Будешь смотреть, как они выют гнездо, и молча страдать?

– Переживу, – буркнула, вытерев непрошеные слезы.

Крин только укоризненно покачал головой. Это зеркало порой было слишком уж разумным. Мне не хватало кого-то, кто не воспринимал мои проблемы как ерунду. Кто понимал, каково это: быть восемнадцатилетней одинокой девушкой, влюбленной, как последняя дура, в жениха своей сестры.

Я до последнего надеялась, что это не так. Что меня не задевает его отсутствие – он так и не пришел после того поцелуя, когда нас застала Сара. Что я не прокручиваю в голове каждую секунду того времени, когда он сидел со мной на втором этаже и растирал мою ногу.

Получалось так себе, первая любовь вышла какой-то жутко неправильной.

В дверь постучали. Крин тут же исчез, а я вздрогнула. Лишь бы это был не Дрэвис!

Обязательно ведь спросит, что со мной. А я не уверена, что смогу соврать.

Но это был не Дрэвис.

– Дейзи! – воскликнула леди Марибет.

Фрейлина выглядела взволнованной, и я уже было испугалась, что праздник отменяется или что-то пошло наперекосяк.

– Я хочу поговорить с тобой! Я больше не могу делать вид, что ничего не происходит.

Она глубоко вздохнула и села на стул за прилавком. Я устроилась рядом, на всякий случай пододвинув к женщине вазочку с конфетами. Но та на них даже не посмотрела.

– Ты ведь знаешь, кто я, да?

Пожала плечами. Что тут скажешь? Я, может, и была ведьмой без высшего образования, но зато с мозгами. И сопоставить два очевидных факта могла.

О том, что леди Марибет имела роман с отцом, я поняла, когда с ним говорила. Папа побледнел, услышав ее имя. Вряд ли, если бы они были просто друзьями, он бы так отреагировал.

Складывалась картинка далекого прошлого. У отца и фрейлины случился роман, девушка родила ребенка. Зная, что серьезно нарушила все правила, она отдала ребенка отцу, надеясь, что тот вырастит его и полюбит. Во всем этом мне было неясно лишь то, как папе удалось уговорить жену взять меня.

– Мне нельзя было оставлять ребенка, я клялась кровью, что буду служить королеве. Ты оказалась бы в опасности. Я думала, тебе будет хорошо с отцом, я и представить не могла, что они обойдутся с тобой вот так. Ты меня ненавидишь?

– Нет, – чуть улыбнулась я. – Не ненавижу.

– А я себя – очень. Сейчас я думаю, что нашла бы способ... Может, оставила бы тебя во дворце и никому не рассказала, чья ты дочь, может... не знаю, нашла для тебя какую-то хорошую семью или вымолила у королевы разрешение покинуть дворец! Но я действительно и не предполагала, что твой отец выгонит тебя из дома. Я была молодой и глупой, Дейзи. Я предпочла просто откупиться, надеясь, что Филипп тебя воспитает. Мне бы насторожиться, что он еще тогда обманывал жену. Но сделанного не воротишь. Я не могу сделать твоё детство более счастливым, но могу помочь с юностью. Заканчивается срок моей службы у королевы, мне дадут разрешение уехать. Я хочу перебраться в Азор-град и... Дейзи, ты не хочешь поехать со мной? Я не надеюсь стать для тебя матерью, но, может, подругой? Поверь, я многому могу тебя научить.

– Мое наказание истекает через год, – вздохнула я. – Меня не отпускают.

– Я смогу договориться. Ты отработаешь свое в Азор-граде, скажем, в лаборатории академии. Суд Градда примет это решение, если я поручусь честью фрейлины. И я без промедления сделаю это. Хочешь?

– Хочу! – неожиданно для самой себя выпалила я.

Вот оно! Сбежать, оказаться как можно дальше от этого места, от лавки, ставшей домом, от счастливых Сары и Дрэвиса, улыбающихся мне с открытки! Бежать без оглядки, начать новую жизнь в новой семье. И никогда не вспоминать о последних месяцах.

– О, Дейзи!

Женщина ласково меня обняла. Так, как никогда не обнимала мачеха. Я не могла искренне ответить на эти объятия, язык не повернулся назвать леди Марибет мамой. Но внутри что-то шевельнулось, робко расправило крылья и осторожно согрело.

– Но на празднике мне все равно придется работать.

– Мне тоже. Потом я лишь передам дела и немедленно закажу для нас дракона.

– А...

– Королева подарила мне чудесный дом, из него открывается вид на горы. В Азор-граде прохладно, но очень красиво. Там очень сильная кафедра алхимии, я все узнала!

То, что эта женщина думала о том, где я буду учиться, было очень приятно. Короткое проявление заботы, но после нескольких месяцев одиночества оно отозвалось внутри теплом и надеждой. Сменить обстановку, перебраться в другой город и начать новую жизнь – то, что нужно. А этот праздник станет прощанием с лавкой, и уйду я на своих условиях – как и писала Рикки Карамель. А вернее, на условиях леди Марибет. На шикарных условиях.

– Мне нужно идти, остались последние приготовления. Но вечером я зайду, как только разберусь со всеми делами. И лично поговорю с Дрэвисом Фолкритом. У вас с ним, похоже, сложные отношения.

Которые скоро закончатся. Как только дракон поднимется в небо и навсегда увезет меня из Градда.

Когда женщина ушла, я прислонилась к стене, чтобы немного отдышаться. Слишком много перемен, слишком много нового в жизни.

– Ну, поздравляю, кексик, – усмехнулся Крин. – А ты боялась, что останешься одна. Я же говорил – если что-то теряешь, обязательно потом что-то да найдешь.

– Только иногда это «что-то» – неприятности на мягкое место.

– Не твой случай.

– Хотелось бы верить.

– Она нравится тебе? Сможешь жить с ней после того, как она тебя бросила и восемнадцать лет не появлялась?

– Долг перед королевской семьей – сложная вещь. Она приняла самое логичное решение: отдала обеспеченному отцу. Если бы ушла с ребенком, не факт, что мы бы вообще выжили. Я не уверена, что буду называть ее мамой, но хочу хотя бы попробовать, потому что с папой не сложилось совсем.

– Тогда удачи, кексик. Когда переедешь на свой север, не забывай про меня.

– Ой! А может... может, Фолкрит разрешит тебя забрать с собой? Ты поедешь?

– Не могу, кексик. Прости, я привязан к этому городу.

– Крин, мы с тобой уже несколько месяцев вместе живем. Расскажешь, кто ты такой и как попал в зеркало?

– Расскажу, кексик, – ласково улыбнулся мой фиолетовый друг. – Но сначала оформи свой стол, потом может не оказаться времени.

– Злой ты, – буркнула я, впрочем, понимая, что Крин на этот раз прав.

Надо было разобраться с необходимыми приготовлениями, а уж потом можно спокойно ждать процессию и болтать с таинственным зеркалом. Я чуть не подпрыгнула в нетерпении – сейчас узнаю его историю! Как же все-таки было приятно, что Крин хотя бы напоследок решил мне довериться.

– А ты сможешь наладить связь с каким-нибудь зеркалом в Азор-граде? – спросила, подхватывая огромный плакат, который надлежало повесить на стену.

– Потом посмотрим, ведьма! Работай уже!

Но прикрикивал он на меня совершенно напрасно. Похоже, Крин тоже растрогался оттого, что его так хотят взять с собой.

Настроение немного, но поднялось. Сколько раз я уже стискивала зубы и ползла к светлому будущему? С того вечера в доме родителей, пожалуй, бесчисленное количество раз. Правда, впервые так сильно ныло сердце.

Я вышла в утреннюю прохладу, чтобы повесить торжественные ленты – всем, участвующим в празднике, надлежало украсить лавки, а еще повесить огромные плакаты, сообщающие, что у нас можно бесплатно угоститься всем жителям Градда. Марк хоть и обещал привести знакомых, чтобы те помогли таскать тяжелые коробки со сладостями, еще неизвестно, когда придет. Кое-что следовало сделать заранее.

Я сложила все материалы у дверей и собралась было в дом за теплой курткой, как вдруг замерла и внимательно уставилась на дом напротив. Лавка шляпника, того самого, который в первый мой день принес ведьминскую шляпу, выглядело темной и какой-то... зловеще заброшенной, что ли. Обычно светящиеся окна жилого этажа хранили угрюмую тьму, а прежде открывавшаяся, наверное, с рассветом, дверь самого магазинчика была закрыта.

Да что тут такого? Подумаешь, не захотел открываться в выходной день, решил переждать суматоху в тишине и поспать подольше. Так

можно было убеждать себя бесконечно, но все-таки я понимала: что-то не так. Вспомнились остальные заброшенные лавки, выкупленные отцом.

Нет, шляпник не мог продать магазинчик. Его дело процветало, при каждой встрече он почтительно кланялся и благодарил за зелье!

Я быстро посмотрела по сторонам. Никого. И побежала к дверям, надеясь, что не появится Марк Фолкрит и не уложит меня носом в землю, как в старые добрые времена.

В окно ничего не удалось толком рассмотреть. Темное помещение магазина, все как обычно. Я никогда не была внутри, но шляпник частенько оставлял дверь открытой и можно было рассмотреть обстановку. С виду все было нормальным, только... пустым.

Отчего-то дрожащими пальцами я взялась за ручку двери и одновременно с этим постучалась.

– Господин шляпник! У вас все в порядке? Это Дейзи, ведьма из лавки напротив!

В ответ – тишина. Нехорошая какая-то, зловещая. Не выдержав, я повернула ручку, и дверь, к моему удивлению, поддалась.

Не стоило этого делать, но я ступила в торговый зал, впустив немного утреннего света. Он словно с трудом проникал в лавку и рассеивался где-то на середине пути, почти не освещая стены напротив. Я впервые видела такую странную темноту.

– Господин шляпник!

Внезапно, словно резким порывом ветра, меня оттолкнуло в сторону, а дверь с грохотом захлопнулась. Сердце пустилось в пляс, по позвоночнику прошла ледяная дрожь. Я бросилась к двери, поддавшись порыву страха, но та оказалась заперта.

– Не смешно! – воскликнула я. – Господин шляпник!

На лестнице слышались шаги.

На интуицию никогда не жаловалась и, в общем-то, не верила, что спустится владелец дома. Лихорадочно осмотрелась в безрассудной попытке найти укрытие, но ничего толкового не обнаружила. Да и не успела, если честно.

– Дейзи... – услышала знакомый голос.

Не сразу поверила, что это он. Но взглянув и увидев знакомые темные волосы, черное пальто с серебряными застёжками, поняла, что совсем не ошиблась и передо мной действительно Уиллторн.

Кажется, он не удивился, увидев меня.

– А, Дейзи, это ты, – будничным тоном, словно мы встретились на прогулке в парке, произнес он. – Как дела?

– Что ты здесь делаешь? Где господин шляпник?

– Уехал, – пожал плечами Уиллторн.

– И бросил дом?

– А почему нет?

– Потому что его дело процветало. И он его любил.

– Ага-ага, – словно не слыша меня, откликнулся мужчина.

Он делал какие-то странные пассы руками. Сначала они казались мне бессмысленными, но потом я поняла, что темнота в комнате словно подчиняется этим движениям. Словно следует за немymi приказами и становится гуще.

– Ты ею управляешь...

– Да, Дейзи, власть над тьмой – основа моей магии.

– И зачем это тебе? Зачем тебе лавка шляпника? А другие... Для тебя их выкупал мой отец?

– Да, к сожалению, умбринам нужно надежное укрытие, чтобы они могли окрепнуть и разрастись.

– Они называются умбринами?

Уиллторн кивнул.

– Приходится подселять эту в самый последний момент, раз уж не вышло заполучить лавку Фолкрита.

– В последний момент перед чем? – в ужасе прошептала я.

– Перед церемонией, разумеется. Они еще немного подрастут за оставшийся час. Ну а потом наконец-то получают свободу.

И тут я догадалась:

– Когда принца будут проносить по нашей улице! Они... они что, вырвутся из домов, в которые ты их поселил? И убьют процессию?

Меня одновременно накрыло и паникой, и злостью. Потом я вспомнила, что в процессии будет и леди Марибет.

Надо срочно предупредить всех!

– Нет-нет-нет, Дейзи, даже не думай сбежать. Мне совершенно не нужно, чтобы ты мешалась под ногами. Посидишь немного здесь, подумаешь о жизни. А когда все будет кончено, поедешь, куда захочешь.

Но я его не слушала, изо всех сил дергая ручку. Без толку!

– Там будет моя мама!

– Вынужденные издержки. Я не могу, увы, объяснить умбринам, кого стоит пощадить, а кого нет, так что выжившие будут определяться старым добрым методом «кто не спрятался, сами виноваты».

– Зачем убивать принца? Ты бастард или что-то в этом роде? Хочешь забрать престол?

– Что-то в этом роде.

Тьма у ног Уиллторна приобретала очертания. Сначала, словно туман, она клубилась над полом, но вскоре из этого черного облака показалась когтистая лапа.

Меня передернуло.

– Я – бог, моя дорогая Дейзи.

– Бог? – растерянно переспросила я. – Но...

– То-то и оно. Ох уж это новое поколение, совершенно не знающее историю! Ваш мир был моим наполовину, мы со Светлейшей богиней строили его вместе, а потом она вдруг решила, что я не имею на него прав. Приходится вот исправлять положение.

– И как убийство королевской семьи поможет вернуть свою долю? Ты же не сможешь сесть на трон.

Бог... я лихорадочно пыталась уложить это у себя в голове. Я ходила на свидание с богом?!

– Узко мыслишь, ведьмочка, – усмехнулся Уиллторн. – Уберешь королевскую семью – ввергнешь страну в хаос. Начнется какая-нибудь войнушка, все переругаются, все будет ослаблено. Посадить на трон нужного человека или сесть самому с моими способностями будет просто, ну а Светлейшая сделает все, чтобы вернуть в земли мир. К тому времени ей не потягаться со мной физически, так что придется идти на компромисс. И, может, я даже выдам ей пару городков для развлечения – будет некрасиво оставлять сестру совсем без власти. Впрочем, ты вряд ли это поймешь, игры богов не для простой ведьмочки.

– Твои игры угрожают людям! – воскликнула я. – Боги не должны вредить тем, кто от них зависит!

– Ой, я тебя умоляю. – Уиллторн скривился. – Оставь торжественную речь для траурной королевской церемонии. Это и мой мир тоже. У меня были на него планы. И многое, знаешь ли, мне в нем не нравится.

– И ты решил менять его посредством убийства?

– Я же говорил, тебе не понять.

– Я думала, нравлюсь тебе!

Мужчина (или бог?) закатил глаза:

– Раздевайся.

– Чего? – У меня даже паника от шока куда-то исчезла.

– Ну нравилась ты мне, нравилась. Симпатичная, фигурка нормальная, миленькая такая, несчастная, как одноногая собачка. У меня минут двадцать есть, так что раздевайся, скоротаем время. Умбрину обещаю выгнать, правда, все равно будет подглядывать. Темные сущности, знаешь ли, питаются темной энергией, а прелюбодеяние – дело такое. Даже при свете репутация страдает.

– Да не буду я раздеваться!

– Зря. Ну как знаешь.

Уиллторн пожал плечами и направился в глубь дома.

– Дейзи... – Он вдруг остановился и обернулся. – Иди-ка ты наверх, дорогая. Чтобы не было соблазна. Ты действительно мне нравишься, так что я не хочу, чтобы ты влезла в самый разгар моего веселья. Давай-давай, если пойдешь сама, посидишь в спальне в комфорте и тишине.

Он говорил спокойно и почти дружелюбно, но в глазах было что-то такое, от чего делалось дурно. Наверное, Уиллторн сдерживал свою магию в общении с людьми, а сейчас не скрывал сущности и... мне было очень страшно рядом с ним. Я не просто понимала, я чувствовала всем существом, что он может стереть меня в порошок в любой момент.

Я протиснулась мимо него через узкий дверной проем. Уиллторн вдруг поднял руку и пальцем скользнул по моей щеке.

– Да не бойся, меня не интересуют сопротивляющиеся девицы в условиях тотальной нехватки времени. Но если надумаешь – свисти, местечек для фавориток бога всегда много.

«Размечтался», – хотелось буркнуть мне. Инстинкт самосохранения, так вовремя проснувшийся, не позволил.

– Тебе нужна была «Ведьма в шоколаде», да? – спросила, когда мы поднимались по лестнице.

– Ага. Я нанял твоего отца, чтобы он выкупил для меня все лавки, но Фолкрит отказался продавать эту. А она, между прочим, самая

удобная! Мы ведь старались выкупать лавки не привлекая внимания, и все равно этот Марк крутился рядом, вынюхивал. Уж не знаю, по заданию или сам решил. Пришлось импровизировать. С тобой вот познакомился, думал, выйду на Фолкрита, отвалою ему кучу денег – и привет. Куда там, он так бесился при взгляде на тебя. Кто же знал, что ты ему нравишься-то, он же был помолвлен!

– Я ему не нравлюсь.

Вдруг стало так обидно... Последнюю неделю я пыталась смириться с тем, что Дрэвис и Сара будут вместе и для меня в жизни Фолкрита не останется места. А теперь еще и выяснила, что единственный мужчина, с которым у меня было настоящее свидание, – темный бог, который мечтает убить королевскую семью! И я ему нужна была исключительно для реализации коварного плана.

Я-то думала, просто ему не понравилась, и он сбежал.

– Не нравишься, ага, и поэтому он каждый раз бесился, когда я к тебе подходил. Слушай, раз не хочешь со мной, когда доберусь до власти, отправлю твою сестричку к Светлейшей. Будете с Фолкритом вместе.

– Нет! – вырвалось у меня.

– Нет? – Брови бога удивленно поползли вверх. – Глупая добрая дурочка. Но посмотрим, может, созреешь. Его только подтолкнуть и надо, сам прибежит.

– Не трогай их! Почему тебе нужно все разрушать?

– Это моя природа. Мы так и жили: сестра создавала, я разрушал. И все было хорошо, пока ей не приспичило единолично со всем разбираться. Устроила тут.

– А мне, знаешь ли, нравилось, когда не было войн и катастроф.

– Кому что, – философски заметил Уиллторн.

Он привел меня в одну из гостевых комнат – это легко определялось по пустым полкам и тщательно заправленной кровати.

– Располагайся. Умбрина посторожит тебя. Ну а потом, когда все начнется, настоятельно советую все же не высовываться.

– А зачем ты искал мою мать? Только не говори, что хотел помочь!

Теплилась слабая, как затухающий огонек догоревшей свечи, надежда, что, заболтавшись, Уиллторн что-то не успеет. Процессия

пройдет раньше, или... или все-таки маги смогут защитить принца и его семью. Ведь не пойдут же они без охраны!

– Я планировал через тебя подселить умбрину к леди Марибет. Но быстро понял, что это бесполезно. Ты видела только Фолкрита, а Марибет слишком медленно соображала и решалась. В общем, ты изрядно подпортила мне планы и скажи спасибо, что я так добр.

– А свидание с иллюзией зачем?

– Мой помощник думал, удастся посадить умбрину в твой дом и спрятать ее. Но наткнулся на вашего приятеля, который там живет, и ничего не вышло. Пришлось сваливать. Время, знаешь ли, даже у богов стоит денег.

– Мог бы и проводить, а не сбегать.

– Зато вышло эффектно, – усмехнулся Уиллторн. – Отдыхай, Дейзи. И все-таки не суйся наружу. Там будет довольно жарко.

Он ушел, не забыв притворить за собой дверь. Но замок не щелкнул, и единственным препятствием на пути к свободе для меня стала умбрина. Тень росла на глазах, противно скреблась темными когтями по двери и недобро на меня поглядывала. То есть у нее, конечно, не было глаз и вся она была соткана из черного тумана, но я обладала достаточно хорошим воображением, чтобы знать: тень за мной подглядывала.

Сидеть просто так было невыносимо. Нестерпимо жгло знание о том, какая опасность угрожала всем, кого я любила. Только-только нашлась мама, разве я могла просто сидеть и ждать, когда на нее нападут?

Дрэвис с Сарой наверняка придут посмотреть на праздник и захотят удостовериться, что я все сделала правильно. И будь я проклята, ненавидь хоть тысячу раз Сару, я не могла пожелать сестре стать случайной жертвой Уиллторна. И тем более не могла сидеть просто так и не знать, удалось ли спастись Дрэвису.

План созрел ментально. Я наблюдала за умбриной так же пристально, как она следила за мной. Подмечала скорость, запоминала траекторию. Тень росла и вместе с этим летала туда-сюда по комнате. Конечная точка ее маршрута была максимально удалена от двери.

Только бы мне удалось сделать рывок! Захлопнуть дверь и быстро выскочить из дома. Да пусть умбрина и рванет за мной, просочившись

во все щели, я все равно успею поднять суматоху! Шествие отменяют, и, быть может, Марк или Дрэв догадаются, что здесь происходит.

Действовать нужно было максимально быстро. Дождавшись, когда умбрина в очередной раз отлетит в конец комнаты, я подорвалась с места и бросилась к двери. Сердце бухало в груди как сумасшедшее, я двигалась будто в тумане. Умбрина стремительно рванула в мою сторону и не успела буквально на долю секунды.

Я кинулась к лестнице, молясь про себя – только успеть!

Краем глаза заметила, как тень стелется по полу, проникая в щель между дверью и полом.

Но я уже была на лестнице, мчалась вниз, а дверь на улицу виднелась, как спасительный маяк.

– Дейзи!

Дверь распахнулась, но из-за хлынувшего в помещение света я не смогла разглядеть вошедшего, а поглощенная страхом, не узнала голос. Меня на миг дезориентировала яркая фиолетовая вспышка.

Где-то на середине лестницы ног коснулась мерзкая ледяная тьма. Я не удержалась на ногах, вскрикнула и полетела вниз, пересчитав ребрами все оставшиеся ступеньки. Ударилась головой о столбик лестницы и отключилась. Быстро, не успев даже подумать о том, что будет теперь, когда я не успела никого предупредить.

* * *

– Кексик. Ке-е-ексик. Просыпайся, шишка не освобождает от работы.

Словно в тумане я слышала знакомый и почти родной голос Дрэвиса. Слушать его было приятно, а чувствовать где-то у макушки тепло мужских рук – приятно вдвойне. И у меня, к собственному стыду, вырвалось почти что мурчание! И пусть Дрэвис Фолкрит мне только снился, но даже перед ненастоящим Дрэвом мурчать было как-то слишком.

– Вставай, ведьма! – произнес другой голос.

Нет, даже во сне в покое не оставят.

Но сонливость куда-то исчезала, и ей на смену приходили другие ощущения. Так, например, рукой я почувствовала что-то типа

покрывала. Макушкой – странное тепло, а виском хорошо так почувствовала шишку, которую заработала, влетев в лестницу.

Не сон!

Я так резко поднялась с возгласом «Уиллторн!», что голова от внезапного удара взорвалась болью, и я со стоном опустилась обратно.

– Отлично, теперь шишка еще и у меня, – возвестил голос Дрэвиса. – Кексик, ты до ужаса травмоопасная ведьма.

– И заметь, не твое имя сказала, а Уиллторна, – хмыкнул другой голос.

– На это я обижусь попозже.

Любопытство во мне всегда было сильнее всего остального, поэтому второй раз поднималась аккуратнее. Уж очень было интересно, кто этот таинственный собеседник Дрэвиса. Когда поднялась и протерла глаза, обалдела.

Чуть в обморок назад не свалилась, я бы сказала! Потому что с противоположного конца кровати, довольно улыбаясь, на меня смотрел Крин. Не зеркало с Крином, а самый что ни на есть настоящий Крин – из плоти и крови, с длинными фиолетовыми волосами. Высокий, отлично сложенный. В общем, мечта девушек!

Другая мечта, светленькая и вредная, сидела рядом со мной и недовольно потирала подбородок, в который я врезалась.

– Как вы меня нашли?

– Кексик, мы же не идиоты, – хмыкнул Фолкрит. – Я пришел с тобой поболтать, тебя нет. И тут это зеркало, как черт из табакерки выскочит! Сообщило, что ты вышла вешать плакат и до сих пор не вернулась. Оно волнуется. Я сходил проверил, вокруг ничего. Потом увидел лавку шляпника, одно за другое – и рванул сюда. А этот... увязался.

– Как ты вышел из зеркала? Я думала, ты не можешь...

– Не то чтобы не могу.

Крин как-то странно смутился и отвел глаза.

– Длинная история. Я не то чтобы не мог, я не хотел. Понимаешь, кексик, я – хранитель Градда.

Я ошеломленно открыла рот и забыла его закрыть.

– Хранитель?

Все слышали легенду о том, что вместе со столицей Граддерфела появился и хранитель – сильный маг, поддерживающий порядок в

городе. Он охранял границы, был советником первого короля и всячески поддерживал магию. Потом как-то все это перешло в разряд легенд, и я на самом деле думала, что все это выдумки!

– Как ты оказался в зеркале?

– Да как-то... само вышло. Градд развивался, моя защита ему стала не нужна – появились стражи, королевская охрана, магические границы... Болтался без дела, скучал, а потом как-то сидел, привалившись к зеркалу, с книгой, и понял, что не хочу даже выходить. Тут магия сыграла со мной злую шутку и засунула в зеркало. Я понял, что не выберусь, пока не найду настоящую причину для этого, но за столько лет найти так и не смог. Зеркало переехало из дворца куда-то еще, потом в дом Фолкритов. Потом, после смерти Фолкритов-старших его убрали подальше с глаз, в лавку. А теперь вот пришла ты.

– И ты вышел, чтобы найти меня? Мне очень приятно.

– Да, с твоим шилом в одном месте сложно сидеть в зеркале.

– Уиллторн! – вспомнила я. – Церемония еще не началась?

– Нет, – ответил Дрэвис. – А что Уиллторн? Он пропал из поля видимости. Он все же что-то готовит?

– Он бог.

Повисла тишина. Дрэвис ощупывал мою шишку, очевидно, думая, что я повредила умом, а вот Крин знал меня немного лучше и понял, что я не шучу.

– Кексик, я, конечно, понимаю, что ты в него влюблена, но давай без претенциозных комплиментов.

– Я влюблена?! Он запер меня здесь и... и предложения неприличные делал.

– Кексик, подожди, – попросил Крин. – Ты сказала, что Уиллторн – бог?

– Да. Он утверждает, что Светлейшая – его сестра и там все очень сложно.

Я быстро пересказала наш разговор. Что оказалось делом нелегким – после удара голова соображала медленно. А вот внутри уже все кипело и жаждало действий. Вернулся страх за фрейлину, ну и в целом королевская семья хоть и не вызывала у меня каких-либо чувств, смерти ей я не желала.

– Значит, Уиллторн и впрямь Темнейший бог, – кивнул Крин. – Я не знал его лично, но слышал от Светлейшей.

Я открыла в изумлении рот. Мой друг из зеркала видел богиню? Обалдеть. А я с ним рецепты обсуждала! И собственное свидание! И пила...

– Почему, раз он бог, нужно организовывать такой сложный план? – спросил Дрэв. – Он что, не мог поразить нужную жертву молнией с неба?

– Когда Уиллторн ушел, Светлейшая стала сильнее. Если он будет действовать открыто, не факт, что победит. На самом деле, я думаю, если бы он пришел к ней и попросил свою часть власти – она бы не отказала, но Темнейший слишком горд, чтобы на такое решиться. Убить принца – план отличный.

Мне показалось или у Крина в голосе промелькнуло восхищение? Никогда не была среди тех, кто боготворит талантливых злодеев.

– Надо как-то его остановить.

– Надо, – согласился со мной Крин. – Я смогу справиться с умбринами несмотря на то, что моя сила еще не до конца восстановилась. А маги королевской семьи защитят их, нужно только предупредить.

– Успеем? – Я вопросительно посмотрела на Дрэва.

К счастью, тот кивнул и поднялся. Но когда я попыталась сделать то же самое, меня чуть ли не силой уложили на кровать.

– Дейзи, останься, – мягко произнес Крин. – Ты сильно ударилась. Мы просто предупредим охрану и возьмем магов, чтобы уничтожить умбрин. А если Уиллторн решит вступить с нами в драку лично, то и его заодно обидим. А ты не подставляйся, чтобы я лишний раз не отвлекался на твое спасение.

Все было правильно, логично, но очень-очень несправедливо! Лежать тут, пока они в опасности, гадать, получилось или не получилось. И, как назло, окна выходили на задний двор. Улицу можно было хорошо рассмотреть только с первого этажа, но туда я решила добраться, когда Крин с Дрэвом уйдут.

Очень хотелось, чтобы все получилось и планы Уиллторна полетели ко всем демонам. Но его признание меня потрясло. С богом тягаться сложнее, это не маг-заговорщик, которого королевская охрана может уложить на лопатки.

Медленно я встала и прислушалась к ощущениям. Голова побаливала, но сотрясения не было – не тошнило, не шатало. Так что я

спустилась вниз и прилипла к окну, пытаясь хоть что-то высмотреть. С исчезновением умбрины в лавке стало куда светлее, но все равно тягостное ощущение присутствия темной сущности никуда не делось.

Сквозь мутное стекло виднелись «Ведьма в шоколаде» да кусочек соседней лавки. Я успокаивала себя тем, что процессия еще далеко. И мучительно вспоминала, где видела закрытые лавки. Они все были чуть дальше по улице. Раз умбина из лавки шляпника никому больше не угрожает, можно не беспокоиться до тех пор, пока процессия не появится на нашей улице. А там Крин с Дрэвом сумеют всех предупредить и до опасных домов они просто не дойдут.

Уиллторн все же был не так уж умен, раз закрыл меня здесь, не предполагая, что я могу выбраться и кому-то рассказать.

Или все же был?..

Жуткая догадка вдруг заставила подобраться. Зачем подселать умбрину в дом шляпника и закрывать вместе со мной? Ведь есть люди, которые станут меня искать!

Недолго думая, я кинулась к двери. Одновременно с тем, как я выскочила на крыльцо дома, в начале улицы показалась торжественная процессия. И, к большому ужасу, высыпал народ! Новорожденного принца приветствовали, хлопали. Да сколько же будет жертв, если умбрины начнут без разбора нападать на людей!

– Нет! – крикнула я. – Уходите!

Но мой голос потонул в ликующей толпе. Где-то рядом с процессией мелькнули яркие фиолетовые волосы Крина. Дрэвиса высматривать не было времени, я выскочила на середину улицы и бросилась наперерез.

Меня заметила леди Марибет, на ее красивом лице отразилось беспокойство. Но она не успела ничего сказать страже, и ближайший королевский охранник направился ко мне, чтобы убрать с дороги правящей семьи.

Вот только до меня он не дошел. С оглушительным грохотом дверь «Ведьмы в шоколаде» вылетела, и из дома вырвалась огромная черная тень. Те умбрины, с которыми я сталкивалась, были по сравнению с ней ерундовым детским колдовством.

Вдалеке, из остроконечной башенки магазинчика, вылетела вторая умбина. Их заметили, процессия нервно вздрогнула и остановилась, а

народ спешил скрыться в домах. Некоторые, правда, опасность не осознали. Изумленно таращились на умбрин, застыв, как изваяния.

Стража было повернула назад, но была остановлена темной фигурой вдали. Уиллторн стоял посреди беснующихся теней и молча смотрел на творящийся хаос.

Что ж, было глупо полагать, что умбрины придут лишь с одной стороны. Разумеется, темный бог отрезал пути к отступлению, а мы... мы просто не успели.

Время словно замедлилось, а тишина окутала всех нас. Напряжение висело в воздухе, его можно было пощупать. Никто не двигался, все ждали чего-то, что станет толчком. Им стал мой голос, звонко прозвучавший в тишине:

– Это умбрины темного бога!

Вряд ли охранники знали, как справляться с такой магией – слишком давно Уиллторн пропал с радаров, но я надеялась, что они хотя бы осознают масштаб опасности.

– Дейзи, сюда! – крикнула леди Марибет.

Марк и несколько мужчин в форме управления уже создавали щит, чтобы закрыть им процессию. Одновременно с тем, как я побежала к щиту, в мою сторону бросилась умбрина. Та самая, что ждала в «Ведьме в шоколаде». В последний момент я успела проскочить внутрь, а за мной опустилась фиолетовая сияющая стена.

Вдруг перед глазами все потемнело и накатила какая-то слабость.

– Дейзи! – воскликнул кто-то.

– Глупая маленькая ведьма. – Голос Уиллторна звучал словно прямо в голове. – Я никогда не проигрываю. Думаешь, я не предусмотрел щит?

– Шляпа! – догадалась я. – Это ты подсунул мне ее через шляпника.

Я уже и забыла, что нацепила ее.

– Слабыми легко манипулировать. Он с удовольствием подарил тебе шляпку, а после освободил дом, чтобы я мог тебя отвлечь.

«Ну ты и гадина! – подумала я, обращаясь к шляпе. – А я тебе верила! Я тебя оставила! Я тебя даже любила!»

Шляпа на моей голове заерзала.

«Предательница. Не зря темных ведьм преследовали, наверняка их всех шляпы предавали! Что, сейчас умбрину через щит

пропустишь? Массовое убийство устроишь моими руками? Устраивай, устраивай. Опять ведьм начнут выгонять, опять шляпы сжигать».

Сверху кто-то то ли чихнул, то ли всхлипнул. Наверное, я смотрелась странно, стоя под щитом, в опасной близости от королевы, и мысленно болтая со шляпой. Как бы меня превентивно не убили тут, пока мы решаем личные проблемы.

«Я тебе радовалась! Думала, ты хозяйку признаешь. А ты все это время ждала удобного момента. Ты не шляпа темной ведьмы, ты... ты пыльный валенок, который только и может, что мужиков слушаться. Да тебя ни одна ведьма себе не пожелает!»

Шляпа взвыла и затряслась, а потом ко мне вернулось зрение и сознание.

Оказалось, я не стояла посреди улицы, а умудрилась грохнуться в обморок. Шляпу с меня снять явно не могли, пришлось стащить самой и презрительно отбросить в сторону.

– Ты как? – спросил Дрэвис, склонившийся надо мной.

– Жить буду. Уиллторн заколдовал шляпу.

– Это мы поняли, не поняли только, почему она тебя вырубил, а не направила убивать.

– Ну-у-у... потому что у шляпы проснулась совесть.

Я огляделась, чтобы оценить обстановку. Умбрины безуспешно бились о щит, пытаюсь проникнуть поближе к вождленным жертвам. Пока им это не удавалось, но все понимали, что лишь пока. А со всех концов улицы к нам стягивались все новые и новые тени, большие и маленькие. Они вылетали из окон лавок, из подвалов и ливневок. Марк и другие следователи немного нервно на нас оглядывались. Явно ждали, когда мы найдем какое-то решение.

Но что пугало особенно – абсолютное спокойствие Уиллторна. Он стоял вдалеке, взирая на творящийся хаос, и просто ждал. Эта нерушимая уверенность в победе наталкивала на мысль, что если сейчас мы не составим план, то Уиллторн таки своего дождется.

Крин неподалеку закатывал рукава рубашки.

– Ты справишься со всеми умбринами? – спросила я.

– По крайней мере, попытаюсь.

Он уничтожил ту, что жила в доме шляпника, но здесь их был десяток, не меньше! Стража не отойдет от королевы и ребенка,

следователи поддерживают щит, остаются лишь Крин с Дрэвисом. Ну, и я.

Дрэв тоже снял куртку, чтобы не стесняла движений. Сейчас он выглядел как-то непривычно. Не было усмешки, не было расслабленности. Только холодная угрожающая решимость.

Я не выдержала и тоже подошла к краю щита.

– Ну уж нет. Ты остаешься! – рявкнул Фолкрит-старший.

– Я могу помочь!

Он внимательно посмотрел мне в глаза.

– Нет, Дейзи, я буду отвлекаться, и тогда точно погибнем.

– Вы вдвоем не справитесь с ними и Уиллторном!

Крин покачал головой, одарил меня немного грустной улыбкой, и они с Дрэвом ступили за край щита. В умбрин тут же полетели энергетические шары, одну тень подхватил сияющий огненный ураган и со всей дури шлепнул о землю. Тень разлетелась и будто бы растаяла в воздухе, но их все равно оставалось очень много!

– Марк! – Я подбежала к Фолкриту-младшему. – А ты можешь в щите сделать ма-а-аленькую дырочку, мне для магии?

– Дейзи...

Он явно хотел отшить меня и попросить не приставать с ерундой, но почему-то вдруг передумал. Умбрины были заняты Дрэвом и Крином, которые лихо разбрасывали заклятья и шары. Они все сплелись в сверкающий клубок магии, причем из этого клубка периодически доносилась ругань.

Я оглянулась и увидела то, отчего все внутри похолодело: медленно к полю боя направлялся Уиллторн. Со стороны казалось, будто он прогуливается по набережной.

– С ним они не сладят, – сокрушенно покачал головой Марк.

– С ним слажу я.

Стиснула зубы, призвав всю магию, что была в моей крови. Алхимическую, темную – хоть какую, лишь бы получились нужные заклятья. Чтобы хоть как-то справиться с мандражем, громко сказала:

– Попрошу не ржать!

Потом щелкнула пальцами.

Сначала ничего не происходило, а затем... толпа хлынула из «Ведьмы в шоколаде» точно так же, как десять минут назад оттуда вылетела умбина. Только теперь это были кексы. А еще булочки,

печеньки, плитки шоколада и – на сладенькое – изюм неся плотным изюмовым стадом.

Вся эта компания бросилась к темному богу.

Наверное, для Уиллторна моя магия казалась смешной, она смешной и была. Но ее было много. Очень много! А испепелить все кексы сразу не получалось. Во-первых, из лавки выбегали новые, а во-вторых, раз уж их заколдовывала я, кексы оказались с крайне мерзким характером. Они упорно не желали вступать в честный бой. Заходили с флангов, с тыла, пачкали идеально черное пальто.

Я снова щелкнула пальцами, и вместо ног у некоторых кексов вдруг появились крылышки.

Даже Марк не выдержал и рассмеялся.

– Насыпь ему крошек в волосы!

Мне было немного жутко видеть, как один за другим вспыхивают бедные кексики. И я понимала, что рано или поздно Уиллторн сметет их все и займется нами. Закусив до крови губу, я следила за темным богом. А потому не сразу заметила, что умбрины исчезли.

– Хранитель, – процедил сквозь зубы Уиллторн.

– То обстоятельство, которое ты не предусмотрел, верно?

Забыв о кексиках, я открыла рот. Это точно был Крин, мой друг из зеркала? Тот самый парень с фиолетовыми волосами, который, чуть что, обещал свалиться мне на голову? Потому что сейчас в это поверить было слишком сложно, ибо хоть внешне он и почти не изменился, все равно было жутко. Только в этот момент я очень хорошо поняла, что Крину, на минуточку, несколько сотен лет.

А я с ним сидр пила! И... и платя мерил!

– Думал, ты исчез раз и навсегда, – криво усмехнулся Уиллторн. – Ведь я ушел, и охранять Градд больше не требовалось. Я думал, о тебе забыли.

Если он хотел задеть Крина, у него ничего не вышло. Друг остался невозмутим. Стоял, расправив плечи, готовый к схватке. Но Уиллторн покачал головой.

– Нет, хранитель, я не уничтожаю тех, кого создал.

– Он что, даст ему уйти? – спросил кто-то из следователей.

На что Марк ответил:

– Очень надеюсь. Хранитель силен, но кто в этой схватке победит и какой ценой... не хочу даже выяснять.

Уиллторн, видимо, тоже не был уверен. Бог сделал несколько шагов к Крину, тот поднял руки, в которых зарождалось фиолетовое пламя. Но очертания Уиллторна вдруг подернулись, и в считанные секунды он превратился в бесформенную тень, а затем и вовсе исчез. Мне хотелось верить, что навсегда, но здравый смысл подсказывал: так просто он не отступится.

Силы кончились. На ногах меня удерживало только одно: Дрэвис. Ему досталось сильнее, чем Крину. По виску бежала кровь, он стоял, привалившись к стене. Еще бы, после такой-то потери магии! У меня ее тоже оставалось совсем чуть-чуть, но в этот момент я не думала о себе, я была готова поделиться последней каплей.

Едва щит опустился, я сорвалась с места. Но тут же будто налетела на невидимую стену.

– О, Дрэвис! – У него на шее повисла Сара. – Ты был неповторим! Тебе плохо? Ты так слаб! – Она обеспокоенно заглянула в лицо жениху и повернулась к толпе: – Есть здесь кто-то, кто может дать ему магии?

«А ты-то ему на что!» – хотелось сказать мне, но я просто решительно подошла к мужчине и коснулась ладонью его щеки.

Магии в кулоне было на донышке, меня быстро замутило от переливания.

– Дейзи! – Кто-то добавил к моему имени смачное ругательство. – У него же есть брат! Глупая ты девочка...

Магия вдруг кончилась. Вот так взяла и кончилась, а я совсем не уследила. Все до последней капли ушло Дрэву, и я отключилась. Опять. Если после третьего за утро обморока я выживу, это официально объявят магическим чудом.

А чудес, как известно, не бывает.

* * *

Но чудеса все же случались. Настолько редко, что, когда я очнулась посреди шумного застолья, решила, что попала в мир мертвых. Немного удивило то, что в мир мертвых попадают лежа, в то время когда кто-то рядом с аппетитом уминает пирог с мясом. Но чего, в самом деле, не случается? Зато, если уж умерла, так хоть пожру.

– О, Дейзи проснулась! Кексик, ты как?

Похоже, я не умерла. Если только нас всех не убило метеоритом, потому что голос принадлежал Крину.

– Ей надо поесть. Магия восстанавливается, но нужна энергия.

Я потеряла глаза и осмотрелась. Мы сидели в «Ведьме в шоколаде», кое-как расположившись в торговом зале. Посреди него стояли столы, которые мы использовали для дегустаций. А на прилавке лежала, собственно, я. Заботливо укутанная в одеялко.

В лавке были Крин и оба Фолкрита. Ни Сары, ни Марибет я не увидела. И если по поводу отсутствия сестрички расстраиваться не приходилось, то о женщине, которая совсем недавно стала мне матерью, я всерьез беспокоилась. Наверное, этот вопрос отразился в моих глазах, потому что Марк успокаивающе произнес:

– Все живы, все здоровы. Фрейлина с королевой и принцем, остальные разбрелись отдыхать. Уиллторна никто не видел, но его и особо не ищут – пока не поняли, что делать. А жрецы срочно готовят ритуал связи со Светлейшей.

– Ябедничать будут, – усмехнулся Дрэвис.

Он помог мне сесть и сунул в руки тарелку, на которую сложил все, до чего смог дотянуться. Пирог, картошку, большой кусок мяса, две помидорки и три поджаренных куска хлеба. И что самое главное, я даже не возмутилась количеством, так хотела есть! Накинулась на еду как сумасшедшая, но с каждой минутой силы возвращались все быстрее.

– А вы чего тут делаете? – спросила, когда между жеваниями появились паузы.

– Тебя стережем. Марк ждет, когда начнется его смена, их всех срочно вызывают на службу. У Крина с утра аудиенция у короля. Будут вымаливать у хранителя прощение. А тебя надо уложить спать после ужина и проследить, чтобы ты больше не хулиганила. Разве можно отдавать всю магию, кексик?

– Я не подумала... не успела.

– Не успела, – передразнил Дрэв. – Ешь!

И ела, куда уж деваться. Тем более что все было вкусное, горячее и сытное. То что надо после нелегкого денечка.

– И все-таки мы были идиотами, – вздохнул Марк. – И не подумали о темном боге.

– Да как тут подумаешь? – пожал плечами Крин. – Если его несколько сотен лет не было. И где только мотался... А теперь, поди ж ты, власти захотел.

– Если Уиллторн бог, почему он нас всех просто не превратил в звездную пыль?

Крин пояснил:

– Бог теряет связь с миром, если долго отсутствует. Как я терял силу, пока был в зеркале и не мог вернуться без весомой причины. Так и с Уиллторном. Чем дольше он отсутствует, тем сложнее управлять процессами в мире. Поэтому приходится прибегать к довольно гнусным методам.

– А папа? Что будет с ним? Он знал, что делает?

Фолкриты переглянулись. А потом Марк махнул рукой.

– Она нас спасала, надо рассказать. В общем, кексик, ты только не дерись и не ругайся!

Та-а-ак. Я отставила тарелку и приготовилась слушать. Что-то подсказывало, ничего хорошего Марк не расскажет.

– Все началось весной. Несколько процветающих лавок по этой улице вдруг закрылись. Ну, закрылись и закрылись – подумали мы. Владельцы переехали или дела пошли наперекосяк, бывает. Самое интересное выяснилось, когда один из наших отделов решили переселить в освободившийся дом. Он оказался выкуплен! Мы сначала не придали этому значения, мало ли кто захотел дом в центре Градда. Но он пустовал неделями и выглядел как-то странно. В общем, начальство поручило мне осторожно, не привлекая внимания, выяснить, зачем же все-таки этот дом купили.

– Ты вышел на моего отца?

– Угу. – Он кивнул. – Я пошел тем же путем, что и ты. Разузнал имя владельца домов и все о нем. Богатый и знатный пожилой мужчина вкупе с двумя талантливыми дочерьми привлек мое внимание, я начал все о вас узнавать. Когда следом оказались выкуплены еще несколько лавок, я решил действовать. Дрэвис... сделал Саре предложение, чтобы войти в семью.

– А я? Меня сюда притащили вы?

– Нет, сначала всем занималась Сара, – сказал Дрэв. – Она наплела про тебя очень много такого, что я стал думать, будто именно ты помогаешь отцу с этими лавками. Мы уже поняли, что там творится

что-то незаконное. Вскрыть и войти не имели права, но из всех сил искали разгадку. Когда Сара подстроила твой арест, я понял, что это мой шанс пошпионить за вами обеими. Я подстроил твоё назначение и приготовился раскрывать коварный план Гринвильдов.

– Убью, – мрачно пообещала я. – Нервы вымотал.

– Ну извини.

– И когда ты понял, что я не мировое зло?

– До сих пор, если честно, сомневаюсь, – фыркнул Фолкрит-старший и тут же поспешил уверить: – Шучу-шучу. После твоей дегустации, наверное. Вряд ли мировое зло стало бы заколдовывать кексик.

– А потом-то чего издевался?!

– Ну так, – он сделал вид, что смутился, – ревновал чуть-чуть. Да ты сама меня провоцировала! Сама виновата!

– Очень по-взрослому, – с усмешкой прокомментировал Крин.

Марк продолжил:

– Мы решили, что Дейзи лучше остаться в лавке. Потом она познакомилась с подозрительным Уиллторном. Ревность Дрэва дала нам хороший толчок к расследованию. Мы тщательно проверили историю Уиллторна и обнаружили, что ее просто нет. Все придуманное и наспех сляпанное. А он все крутился вокруг тебя, крутился. И когда мы уже нащупали ниточку, вдруг пропал. И твой отец затаился. Все стихло, мы, как последние идиоты, расслабились. Лавки выкупались только на этой улице, мы не сразу связали их с шествием королевской семьи. А все остальное ты знаешь. Уиллторн выманил тебя, посадил в лавку умбрину и даже со шляпой подстраховался. Нам крупно повезло, на самом деле. Будь он сильнее или не предупреди нас ты, могла случиться трагедия.

Я поежилась и сделала несколько больших глотков горячего сладкого чая.

– Но почему он подсеял умбрин в дома? Это ведь так заметно! Да и вообще... В дома могли вломиться.

– Хранить такое количество темной магии в одном месте рискованно. Мы еще не нашли место, где жил Уиллторн, но подозреваем, что оно где-то в городе. Держать умбрин там было бы опасно, кто-то да мог заметить всплески магии. Рассредоточенные по

городу, да еще и на улице, где каждый первый зарабатывает магией, умбрины не привлекали внимание.

– А ронял ты меня зачем?

Лица у братьев вытянулись. Мне полегчало, и я начала разбор полетов.

– Ну-у-у... заигрывал. Ты мне нравилась.

– Обалдеть. То есть лучший способ заигрывания с девушкой – уложить ее носом в землю?

– В первый раз я тебя не признал, а во второй решил, что будет смешно. Но ты так расстроилась из-за шаурмы...

Вспомнила и припечатала:

– Ты мне все еще ее должен!

– Мы тебе много чего должны, кексик, – ласково улыбнулся Крин. – Ты своей очаровательной магией хорошо отвлекла Уиллторна.

Что ж, мысль о том, что сейчас темный бог сидит и матерится, стряхивая крошки с черного пальто, приятно грела.

– А лавка? Зачем вы ее открыли?

– Надеялись, твой отец захочет ее купить и мы что-то выясним. И почти получилось – захотел Уиллторн.

– А домик бабушки? Он тебе был нужен?

– Это Сара, – отмахнулся Дрэв. – Видишь ли, кексик, твой отец привел тебя, дочь любовницы, в дом, когда Сара была еще маленькая и не очень понимала, что к чему. Ее мать, конечно, бесилась. Но не желала требовать развода и идти на улицу. Они инсценировали ее беременность и представили тебя. Саре ничего не сказали, а не так давно ее мать не выдержала и призналась. Естественно, Сара обозлилась, да только объект злости выбрала не тот. Я недоумевал, на кой мне жить в старом чужом домике. Но вряд ли убедил ее. Как бы то ни было, я поставил на дом защиту, она ничего не сможет с ним сделать. А когда выполнишь все условия завещания – получишь его. Сейчас это будет даже проще, ибо любой суд признает, что из тюрьмы твой отец к воспитанию не пригоден.

Дрэвис поднялся.

– А теперь спать, кексик. Ты еле сидишь. Поела, восполнила энергию. И спать!

Спросить сил не было. Как и думать обо всем произошедшем. Я мечтала лишь о том, чтобы залезть под мягкое теплое одеяло и как

следует выспаться. Словно в тумане я чувствовала, как меня несут наверх и укладывают на матрас. Различила едва разборчивое бормотание:

– Надо решать что-то с лавкой, невозможно жить в этом хламе.

Но и это обдумать сил не хватало. Поэтому я просто решила спать. Спать и наслаждаться каждой минутой этого сна, ведь то, что я была все еще жива, казалось просто невероятным.

* * *

А наутро я поняла, что заболела. Не знаю, где меня продуло, вечером на празднике или во время разборок с Уиллторном. Как бы то ни было, борьба с темным богом не поспособствовала моему крепкому здоровью.

Нос чихал, температура подскочила до немыслимых значений, а голос вообще пропал.

– Не надо было так орать, – сообщил Крин, зашедший утром.

Так странно было видеть его вне зеркала. И особенно – чувствовать, как зеркало (уже не зеркало, впрочем) прикладывает к моему лбу руку.

– У-у-у, кексик, да ты совсем расклеилась. Иди-ка лежи, я тебе сейчас чайку сделаю.

– Надо лавку открыть, – прогундосила я.

– Лавку открыть ей надо. Лежать, я сказал! Твоя леди Марибет уже подала прошение королю, и он подмахнул его не без моей помощи.

– О переводе моего наказания в Азор-град?

– Об отмене, глупое бисквитное ты существо.

– Отмене?

Голос снова кончился, оставив меня беспомощно сипеть.

– Ты помогла королевской семье, раскрыла заговор, участвовала в спасении принца. Король счел, что твой проступок вполне заслуживает прощения, так что ты свободна. – Он скептически меня осмотрел: – Но больна. Так что не спеши с криками счастья улетать в закат, быстро в постель! И вот, на.

Все это время он что-то мешал в большой кружке, а закончив, сунул мне под нос пахнущую мятой светло-зеленую бурду.

– Что это-о-о? – простионала я.

– Отрава твар... в смысле, отврат... да что ж ты, отвар трав!

– Первые два варианта звучали правдоподобнее.

– Пей! Там мята, ромашка, чабрец, еще что-то... В общем, очень полезно. И марш в постель, в смысле, в матрас! Ведьма, не спорь, по глазам вижу, что ремня хочешь.

Пришлось все-таки подняться наверх и забраться под одеяло. На самом деле я сделала это с облегчением. Работать с температурой было бы совсем невыносимо.

Начало сильно знобить. Я хоть и знала, что нельзя усугублять ситуацию, сильно укрываясь, не могла ничего с собой поделаться. Свернулась клубочком и дрожала, попутно собираясь с мыслями. Надо дойти до аптекаря и попросить что-то от простуды, от температуры и от тоски заодно, потому что отмененное наказание и близящийся переезд почему-то совсем не радовали.

Хотя что значит «почему-то»? Все было предельно ясно, но от того не легче.

Дома болезни воспринимались по-другому. Возле меня никто не суеился, но я хотя бы вызывала семейного лекаря, он приносил зелья. А порой даже заходил папа. Сейчас у меня вместо постели был матрас на полу чердачной комнаты, а вместо папы и лекаря... Крин, у которого тоже дел появилось невпроворот.

Скрипнула дверь, послышались медленные шаги. Рядом на матрас сел тяжелый и заботливый хранитель. Потом этот заботливый хранитель вдруг достал из-под одеяла мою ногу и как-то странно погладил коленку.

– Крин, я, конечно, тебя люблю, но как-то не так.

– Крина нет, – раздалось сверху. – Я за него. Вылезай, кексик, я пришел тебя лечить и воспитывать.

– Не надо меня воспитывать. Я и так воспитанная.

Но из-под одеяла нос все же показала. Дрэвис сидел на краешке матраса, держа в руках поднос, на котором теснились флакончики и мензурки с зельями. Моя любимица, не так давно чуть не разбившаяся от рук Фолкрита-старшего, гордо восседала в центре и кипятила какое-то пойло, по виду подозрительно напоминавшее молоко со сливочным

маслом. Я чуть в окно не выпрыгнула, поняв, что сейчас в меня это все будут вливать.

– Я не буду пить сливочное масло!

– Это молоко с медом. Будешь, – отрезал Дрэвис. – Смотри, кексик, под всеми этими флакончиками лежит свежая утренняя газета, где Рикки Карамель снова написала о тебе очередной опус.

Нет, это уже категорически нечестная игра!

Я возмущенно засопела.

– Давай, кексик, здесь почти все вкусно. К тому же тебе не надо пить все до дна, по паре глоточков. Вот это от насморка.

Яркое изумрудное зелье меня, как алхимика, несколько успокоило, и глоток я сделала спокойно. Нос тут же начал дышать, хотя дискомфорт пока никуда не делся. Ко второму флакону приступала уже с большей охотой.

Не скажу, что стала чувствовать себя здоровой, но хотя бы могла сидеть.

– А теперь молоко.

И мне вручили кружку со сладким горячим молоком. Я скривилась, но решила не спорить.

– Давай газету.

– Дай я тебе лучше почитаю, – усмехнулся Дрэвис.

Он театрально откашлялся прежде, чем начать читать заметку. Мне отвели целую половину первой полосы.

– «Покушения на королевскую семью случаются с завидной регулярностью, но помнят лишь имена, которым удалось добиться своего. Так случилось и сейчас. Кем были предатели короны и какие цели они преследовали, устраивая для королевы засаду на одной из центральных улиц столицы, никто уж и не вспомнит.

Но все же это утро для многих жителей Градда было особенным. Так кого же запомнит история?

Похоже, королевскую охрану следует разогнать без выходного пособия, ведь целиком и полностью заслуга спасения королевы лежит на плечах леди Дейзи Гринвильд, темной ведьмы и возлюбленной крупного предпринимателя Дрэвиса Фолкрита. Головокружительная карьера девушки, пожалуй, подошла к своему пику.

Она стремительно ворвалась в светскую жизнь Градда, сначала став участницей судебного слушания о незаконном использовании

темной магии, а затем и вовсе отбив жениха у старшей сестры. Ходили слухи, будто Дейзи Гринвильд пришлось покинуть дом, в котором она выросла из-за недопонимания с родственниками. И что же мы видим теперь?

Глава рода Гринвильд ожидает приговора в тюрьме, а сестра нашей темной ведьмочки в приступе бессильной злости скрипит зубами – ведь по вине Дейзи она лишилась жениха буквально накануне свадьбы!

И словно этого казалось леди Гринвильд мало, она еще и стала яркой участницей спасения королевской семьи. Храбро встав на пути темной магии, Дейзи еще раз доказала ошибочность взглядов тех, кто притеснял темных ведьм. Будет совсем неудивительно, если сладкая лавка «Ведьма в шоколаде» отныне станет прошлым для этой девушки, а благосклонность королевской семьи поможет достигнуть еще более впечатляющих результатов. Хочется хотя бы верить, что на пути самой очаровательной темной ведьмы больше не возникнет чужих женихов.

Ну а мы поздравляем Градд с рождением наследника и прощаемся до новых встреч. Все самое интересное в нашей рубрике «Горячие новости» теперь будет рассказывать Лина Лордес, а я, Рикки Карамель, отправляюсь к теплому морю, в солнечный Эрстен-град, где обязательно порадуя вас новыми статьями».

– Она правда уезжает? Неужели это действительно случится! Она переврала все!

– Что, например? – ехидно спросил Дрэвис.

– Например, я не темная ведьма.

– Это верно, ты вредная ведьма.

– И я никого не спасала, я просто бегала по улице и орала.

– Нам понравилось.

– И жениха я у Сары не отбивала!

– Ну-у-у... тут ты, кексик, неправа.

Забыла, как возмущаться. Забыла, что хотела сказать о премерзкой Рикки Карамель. Забыла, как дышать, взглянув в темные глаза.

– Ну что ты на меня так жалобно смотришь? – вздохнул Дрэвис. – Хочешь добить?

– Иногда мне кажется, что я и впрямь какая-то не такая, – вдруг вырвалось у меня. – Ну неужели меня совсем не за что полюбить? Ну

да, я вредничаю, пакости делаю, ругаюсь. Но а что мне остается? Если и так мне никто не рад.

– Ты красивая. И вовсе не вредная. А я тебе рад, очень. Я в эту лавку за всю жизнь столько не заглядывал, сколько с тех пор, как ты тут появилась. Можно я останусь?

– Тут только матрас...

– Я не капризный.

– А Сара? Ты ее жених!

– Нет, не жених. Саре наверняка будет кто-то рад. А у меня есть место только для другой.

– А если у нее еще никого не было? – Я закусил губу и вдруг почему-то перепугалась. Казалось бы – раньше надо пугаться, куда теперь-то, когда отступить совсем некуда?

– Я буду очень рад оказаться единственным.

– А...

– А если она не прекратит задавать странные вопросы, получит подарок.

– Странные вопросы у меня кончились, но подарок очень хочу, – призналась я.

На что он усмехнулся и полез во внутренний карман куртки. Мне протянули небольшой бархатный мешочек, в который я тут же сунула нос и палец. Нащупала что-то гладкое – сережки. Но какие сережки!

Я не выдержала и хихикнула. На золотых швензах весело болтались две шоколадные конфетки. Конечно, это было стекло, но выглядели они как настоящие, аж на зуб попробовать захотелось!

– Где ты их нашел?

– Заказал, кексик. Единственный экземпляр.

– Спасибо, – улыбнулась. – Красивые.

– Мне полагается поцелуй?

Я вдруг поняла, что никогда не целовала его сама. Сопротивляться, изображать возмущение, а самой таять в теплых объятиях было проще, чем сделать простую вещь: прижаться к мужским губам в простом благодарственном поцелуе.

А сережки были все же хороши. Не роскошью (хотя, несомненно, штучная работа одновременно у стекольщика и ювелира стоила куда больше всех моих денег), а именно тем, что напоминали о лавке. Надо

было сказать Дрэвису, что я согласилась ехать с Марибет, но теперь я вообще перестала что-то понимать в наших отношениях.

– Все сам! – Он закатил глаза.

Поцеловал. Требовательно, медленно, пальцами изучая нежную и горячую от температуры кожу на шее. Поцелуй медленно перетекал во что-то большее, с губ срывался на шею. Я чудом не разлила остатки молока, сил хватило, лишь чтобы отодвинуть подальше кружку и бросить на кипу полотенец сережки, чтобы не разбились.

Мне хотелось быть как можно ближе, продлить мгновения и запомнить их, даже если в будущем меня ждет другая жизнь, в которой Дрэвиса не будет. Почему-то вылетели из головы все слова о Саре, осталось только желание как можно дольше оставаться в этой сладкой теплоте, когда простудный озноб сменяется приятной дрожью касаний.

А ночь за окном впервые не становится свидетелем щемящего одиночества.

* * *

– Дейзи. Кексик, проснись, я принес тебе сиропчик.

Я с трудом открыла глаза, но все равно не проснулась. В голове был сплошной туман, хотелось прилечь и поспать еще немного, пока снова не поднялась температура. Мне в рот быстро сунули ложку с приторно сладким зельем и дали стакан теплой воды, чтобы запить.

– Спасибо, – вздохнула я. – Можно спать?

– Можно спать, – разрешил Дрэвис.

Взгляд зацепился за обнаженную мужскую спину, и мысли сами полезли в голову, прогоняя желанный сон. Пока он ходил вниз, чтобы отнести посуду, я лежала и думала, как же так получилось и что мне теперь делать.

Он разорвал помолвку с Сарой? Или все это было сказано, только чтобы развлекаться с ведьмой, которая ему понравилась? Но если разорвал и что-то ко мне чувствует, как быть с согласием на переезд? И раз мое наказание отменили, мне не нужно оставаться в лавке, а куда идти жить? Вопросов было куда больше, нежели ответов. И они всерьез мешали наслаждаться моментом, хотя и очень хотелось. Зелья

действовали, конечно, не мгновенно, но очень быстро, и теперь я чувствовала себя намного лучше.

Дрэвис вернулся в постель... на матрас, если быть точнее. Его совсем не напрягало отсутствие в комнате нормальной мебели, ну или не подавал виду. Он прижал меня к теплему боку и закрыл глаза. Но мне-то спать уже не хотелось.

– Вздыхаешь? – спросил Дрэвис.

– Просто взгрустнулось.

– Ну, ты хотя бы ничего не замышляешь на этот раз. Кексик, не воюй со мной больше.

– Не буду.

– Ты подозрительно сговорчивая. Это потому что простыла или мне все-таки удалось растопить твое сердце?

Ответить я не успела. Внизу хлопнула дверь. Мы с Дрэвом переглянулись. Уже была почти что ночь, никто не мог войти в лавку. Кроме, разве что, Крина. Но друг наверняка был занят во дворце и не стал бы приходить на ночь глядя.

У нас обоих возникла одна и та же мысль: Уиллторн. Я считала это маловероятным, но Дрэв и Марк полагали, что он может вернуться и попытаться отомстить.

К счастью, раздавшийся следом голос Марибет нас успокоил:

– Дейзи! Дейзи, дорогая, ты здесь? Крин сказал, ты больна.

Дрэвис мгновенно вскочил на ноги и спешно потянулся за рубашкой, я тоже как-то смутилась и сползла под одеяло. Застывшая на пороге Марибет слегка покраснела.

– О... прошу прощения. Крин сказал, ты заболела.

– Мне уже лучше, – пискнула я.

Хотя по полуголому Дрэвису на моем матрасе можно было догадаться о чем-то таком.

– Сегодня был мой последний день с королевой. Я свободна, мы можем ехать, как только ты поправишься.

Она произнесла это не слишком уверенно, а я не успела скорчить страшную рожу. И Фолкрит медленно повернулся ко мне.

– Уехать? Кексик, о чем она?

– Я тебе кое-что не рассказала.

– Да уж не кое-что. И сейчас самое время.

– Сделаю нам чаю, – пробормотала женщина, устремляясь к лестнице.

Я едва удержалась от того, чтобы рвануть за ней. Каким взглядом прожигал меня Фолкрит! От него хотелось одновременно и паниковать и... радоваться, что ли. Равнодушие от него я бы не пережила.

А так пусть злится, ругается, достает, но смотрит так, как сейчас, что аж сердце замирает.

– Она моя мама.

– И ты решила уехать с ней, ничего мне не сказав?

– Нет! То есть... да, но когда думала, что ты женишься на Саре.

– А сейчас?

– А сейчас я не знаю... Дрэвис, подожди, дай мне прийти в себя! Ты приходишь вот так просто, остаешься, а я... я не привыкла к этому! Я не знаю, что мне нужно делать, я никогда не думала, что влюблюсь. Привыкла пакостить, варить зелья, изображать невидимку – да что угодно, только не откровенничать с кем-то, да еще и с мужчиной! Мне никогда не грели молоко с медом, когда я болела. И не давали на ложечке сироп.

Его взгляд смягчился. Руки обвили мою талию, притянули к себе, в теплые объятия.

– Да ты ж мой недолюбленный кексик. Пошли чего-нибудь съедим и расскажешь, что у тебя там за коварные планы меня бросить.

– Ты будешь злиться?

– Нет.

Моих губ коснулся невесомый поцелуй.

– Я не буду на тебя злиться. Пойдем вниз, а не то фрейлина опять съест что-нибудь неподходящее.

В лавке вряд ли осталось еще что-то несъедобное. После сорвавшегося праздника у нас были просто кучи сладостей. При взгляде на них хотелось мяса, причем Мяса с большой буквы. Марк с Дрэвом хоть и раздали часть угощения, все равно не смогли сплавить все – многие после нападения умбрин предпочли отсиживаться по домам. Отдельные паникеры и вовсе мчали на всех парах из города, явно думая, что началась война.

Марибет внизу действительно сделала чай, разложила подогретые булочки на большом блюде и стала ждать нас. А когда мы спустились и расселись, взяла все в свои руки.

– Дрэвис, как вы уже, наверное, знаете, Дейзи – моя дочь. Я закончила свою службу королеве и отныне вольна сама решать, где жить. Я предложила Дейзи переехать в Азор-град.

– Понимаю, – кивнул Дрэвис. – Хотя и не могу сказать, что женщина, двадцать лет не интересовавшаяся ребенком, имеет право на участие в его жизни.

Мама залилась краской, я как-то тоже почувствовала себя неуютно. Но она все же была фрейлиной и владела собой идеально.

– У меня были обязательства, Дрэвис. Долг перед короной и Граддерфелом намного важнее долга материнского. Тебе не понять, ты делец.

– Вы вправе ставить для себя любые приоритеты, леди, но как бы то ни было, Дейзи росла без родных и любви.

– Ой, можно подумать, ты меня прямо обожал. – Я закатила глаза.

Они оба на меня уставились.

– Не ссорьтесь. Какая разница, что было? Если я начну припоминать все обиды, буду пересчитывать их до конца жизни! Мне хватает того, что мой отец в тюрьме, мать внезапно стала мачехой. А парень, с которым я ходила на свидание, темный бог, пытавшийся уничтожить мир. Меня предала ведьминская шляпа – кстати, куда-то потерялась в пылу драки – и до кучи я фамиллярничала с Крином, который, вообще-то, жутко древнее существо. Так что я устала искать виноватых.

Хорошо сказала, аж самой понравилось. Сунула в рот кусочек булочки и с наслаждением прожевала. Когда начала болеть, есть не хотелось, а вот едва подействовали зелья, с удовольствием бы хорошенько пообедала.

– Я так понимаю, ты не хочешь ехать в Азор-град, хочешь остаться с Дрэвисом? – спросила мама.

Признаться честно, этим вопросом она меня обескуражила. Я совсем не была готова на него отвечать, и даже булочка как-то не пошла в связи с этим.

Что я должна была ответить?

Все внутри кричало вцепиться в Дрэвиса и не отпускать, но говорить об этом вслух было страшно. Я до сих пор не верила, что он оставил Сару. Зачем ему я? Младше лет на десять, безответственная,

вредная, совсем чуть-чуть симпатичная и вечно влипающая в неприятность.

Нет, серьезно, если у меня не сложилось ни с родителями, ни со свиданиями – это показатель.

А еще очень не хотелось терять связь с мамой, которую я совсем недавно встретила. Впереди замаячила надежда на нормальную семью, и вот. Снова надо выбирать.

Две пары глаз уставились на меня в напряженном молчании. Я вознесла короткую молитву к Светлейшей, чтобы она избавила меня от такого нелегкого выбора!

И она избавила.

Фея спасения вновь расправила надо мной крылья. А еще – распахнула дверь в лавку и с порога потребовала:

– Милая девушка, а можно ли у вас заказать торт на мой праздник?

– Третий день диеты? – буркнул себе под нос раздосадованный Фолкрит.

Вот как можно поругаться с покупательницей в собственной лавке, да так, чтобы друг друга ненавидеть месяцами? Я дала фее бланк заказа торта и шикнула на Дрэва.

– Кексик, ну разве ты найдешь в Азор-граде таких благодарных покупателей?

– Дейзи вряд ли захочет вообще искать каких-либо покупателей там, – парировала мама. – Она будет учиться, взрослеть и восстанавливать силы после всех этих... шоколадных приключений.

– Вы собираетесь в Азор-град? – оживилась фея. – О, чудесный город! Вам непременно там понравится. А какой вид на горы!

Позади нее Фолкрит медленно начал свирепеть.

– А сколько достойных мужчин! Знаете, северные парни – самые лучшие мужья и отцы!

Тут Фолкрит уже не выдержал:

– Ведьма, чтоб тебя, выходи за меня замуж!

– Что?! – ахнула я. – А... Сара?

– Плевать на Сару!

– А... помолвка?

– Плевать на помолвку!

– А...

– Плевать на «А»!

Дрэв, кажется, разозлился. А тут еще, к его неудовольствию, вылезла фея, которая безмятежно произнесла:

– Я бы на вашем месте не торопилась с решением. Мужчины приходят и уходят, а вот...

Дрэв сгреб с прилавка все свертки с шоколадом и буквально всучил их бедной женщине.

– Вот! За счет лавки, подарок как оптовому покупателю. Кушайте на здоровье!

Может, она и пыталась что-то возразить, но он не оставил шансов. Сверху на шоколад еще поставил огромный пакет булочек так, чтобы из-за него фее ничего не было видно.

– Кексик, я требую согласия! Я... я тебе лабораторию в доме выделю!

А вот это уже интереснее... Заметив в моих глазах промелькнувшую надежду, Дрэвис вкрадчиво продолжил:

– Большую. С огромными окнами, чтобы было светло. С отдельным входом. С... э-э-э...

– Дымоходом? – подсказала я.

На миг он побледнел, но решительно кивнул. А потом решил добить:

– И с кабинетом. Будешь учиться, проводить эксперименты. И все рядом с домом.

Огромными глазами я смотрела на Дрэвиса, не очень понимая, что вообще он предлагает. Кабинет? Лаборатория? Нет, он предлагал дом, в котором никто не станет злиться, что я занимаюсь алхимией. Сам факт того, что Дрэвис не имел ничего против лаборатории в доме, ставил его над теми, с кем я прожила столько лет. Он понимал, как это важно.

Фея под шумок куда-то унеслась, Марибет тоже тактично вышла, не став мешать нам выяснять отношения.

Дрэв протянул мне руку, на которую я ошеломленно уставилась.

– Ты мне нужна, кексик. Я тебя люблю. И если хочешь, перестану называть кексиком.

Я медленно вложила свою руку в его.

– Не хочу. Называй, – слабо улыбнулась.

Оказалась в объятиях, засмеялась – неуверенно и совсем даже не зловеще. Уже не хотелось никому мстить и пакостить.

– Пойдем смотреть дом? – предложил Дрэвис. – Выберешь комнату, в которой будем жить. И вообще... примешь горячую ванну, поспишь в настоящей постели. Буду тебя отогревать. И лечить. И... нет, об этом я тебе не скажу, а то не поедешь.

– А мама? – Я неуверенно закусила губу. – Она так радовалась нашей встрече... И я хочу ее узнать.

– Маму мы уболтаем остаться с нами. Всю жизнь мечтал, чтобы теща жила этажом выше. Закрывай лавку, пока никого нет. Ты еще болеешь, тебе нужен постельный режим.

– Хорошо.

В душе разливалось ликование. Нежиться в заботе, чувствовать, как о тебе беспокоятся и выполняют твои капризы было очень приятно. Совсем не хотелось сыпать соль в карамель или перец в шоколад. И даже наоборот – хотелось возвращать полученную ласку. Думалось, что после этого ее станет еще больше.

– Бери вещи, какие нужно. Жду снаружи, – кивнул Дрэв. – Наконец-то я заберу тебя в нормальный дом и в нормальную постель.

А мне вдруг стало так жалко лавку, свое спальное место среди кучи хлама и винтовую лесенку на первый этаж, где всегда так сладко и вкусно пахло, что я чуть не разревелась. И чтобы новоявленный жених не увидел позорных слез, быстро рванула к лестнице.

– Дейзи, – вдруг раздалось от зеркала. – Ты чего?

– Ничего.

Все-таки шмыгнула носом.

– Слушай, ты же не лавку продаешь. Ты переезжаешь, семью заводишь. Разве ты не этого хотела?

– Я просто буду скуча-а-ать. Кстати, а почему ты снова в зеркале? Я думала, у вас с королем счастье и взаимопонимание.

– А, – Крин махнул рукой, – привычка. Я решил, что буду жить в зеркале, а придворный архимаг дал мне возможность ходить по любым зеркалам. К слову, как по мне, на редкость идиотская мысль. Им повезло, что я не извращенец, который любит подглядывать за другими из зеркала. Но если будет свободная минутка, я буду приходить к тебе. Хочешь?

– Хочу! Конечно, хочу!

– Тогда прекрати ныть, собирай вещи и химичь себе счастливое будущее. Ты заслужила.

Я улыбнулась. Осторожно, будто привыкая к этой новой улыбке. Не приправленной ехидцей, совершенно искренне счастливой. Что ж, пожалуй, можно снять панцирь и снова вылезти на свет. Стать привычной Дейзи Гринвильд... нет, Дейзи Фолкрит.

Выйти замуж, познакомиться с недавно обретенной матерью, следовать за призыванием и магией. У меня ведь может получиться!

Я вдруг решила не забирать вещи из лавки. По крайней мере, не сразу. Я не покидаю «Ведьму в шоколаде», и уже завтра снова открою двери, чтобы впустить в лавку покупателей. Тех самых, что капризничают, привередничают и достают. А еще приходят ради ведьмы, которая раз за разом умудряется всех веселить.

Взяла сумку и погасила везде свет. Но едва схватила за ручку двери, услышала странное жалобное попискивание.

Под прилавком валялась шляпа. Та самая, что шляпник принес в мой первый день работы в лавке. Шляпа, хоть и был подослана Уиллторном, в последний момент все же решила мне помочь. Оставлять ее в полной темноте было как-то жалко.

– Простишь, что ли? – хмыкнул Крин.

Я тяжело вздохнула.

– Прощу.

И уже поднимая шляпу, строго объявила:

– Но еще один косяк – сделаю из тебя кулек для семечек, понятно?

Шляпа аж затряслась, пытаюсь выразить, до какой степени она все поняла. Крин, улыбаясь, медленно исчезал в зеркале.

А ведьма в шоколаде нахлобучила шляпу на голову и, снова погасив свет, вышла. Чтобы назавтра, в положенное время, сюда вернуться.

* * *

Солнце садилось на фоне суетливого взбудораженного Градда. Там, где еще недавно планировались концерты и гуляния, мельтешила стража. Торжественная арка не подсвечивалась цветами флага, а

вместо того, чтобы чествовать новорожденного принца, народ бурно обсуждал произошедшее утром.

Уиллторн задумчиво пожевал травинку. У его ног клубилась маленькая, совсем слабая умбрина. Ластилась к ногам, как заправская кошка, но энергии ей не хватало.

Пройдет время прежде, чем она окрепнет, но какой в ней теперь смысл?

Проще было развеять темную магию, но он почему-то не хотел. Он задумчиво смотрел сверху на город, сидя на противоположном берегу реки, на невысоком холме. К его собственному удивлению, ничего кроме смеха исход схватки не вызывал.

Неуемная магия ведьмы сработала, надо признать, очень забавно. Но что самое интересное – ведьму стало жалко. А жалость, увы, не спутник темной магии. Жалость ведет к поражению, и он в очередной раз в этом убедился.

Послышались шаги. Женщина в длинном белоснежном платье, ничуть не смущаясь, уселась рядом и тоже с интересом взглянула на город.

– Давно я здесь не была, – сказала она. – Давно не видела тебя. Ты долго пропадал, Уиллторн.

– Ну, вот я вернулся.

– Заметила. – Легкая улыбка появилась на ее губах. – Ты всегда появляешься с шумом. Что тебе сделал маленький принц? Я еще даже не вижу его судьбы.

– Так... – Темный бог пожал плечами. – Игры, цепочки событий. Ты же знаешь, я люблю такие штуки. Дернул за ниточку, привел в действие сложный механизм – и наблюдаешь за последствиями. Очень развивает воображение.

– Тебе так хочется со мной воевать? Уиллторн, я никогда не отрицала твой вклад в этот мир и никогда не забирала твою власть. Ты можешь вернуться, но я не позволю разрушить все это.

– Значит, придется вернуться, не спрашивая у тебя дозволения.

Женщина закатила глаза.

– Когда Высшие мужчины начинают скучать, они совершенно отвратительны. Уиллторн, найди себе занятие по душе. Развалить гармоничный светлый мир очень легко, но только тебе жить проще не станет.

Уиллторн молчал. Он всегда молчал, когда не хотел спорить. Они с сестрой никогда не сходились во мнениях, а свет и тьма такой силы не могли долго сосуществовать мирно.

– Как знаешь.

Со вздохом Светлейшая поднялась, оставив после себя легкий свежий аромат, чем-то вдруг напомнивший морской воздух.

– Несмотря на то что ты мой брат, я не оставлю твою выходку безнаказанной.

– Тебе не хватит сил со мной справиться.

– Я не собираюсь с тобой справляться. Я наказываю иначе, Уиллторн, и ты скоро это поймешь. Очень надеюсь, что ты одумаешься. Мы вложили в этот мир слишком много сил, чтобы сейчас все уничтожить.

Она ушла, растворилась в вечернем тумане, а умбрина вылезла из-под камня. Тень, напуганная светлой магией, ластилась к хозяину.

Уиллторн рассеянно провел по ней рукой.

– Вот потому ты и выжила, что трусиха.

Он тоже поднялся, следовало выдвигаться в путь. В Градде появляться все же не стоит, а вот дальше, в горах Синар-града, сестре будет сложнее найти его. В одном Светлейшая была права: мир действительно многообразен и велик.

А темный бог не был бы темным, если бы не знал все самые сокровенные тайны, скрытые глубоко в горах. Там, где рождаются яркие самоцветы, украсившие котелок одной симпатичной ведьмочки.

Эпилог

Утро в Фолкрит-холле начиналось рано. Хотя, по правде сказать, я бы с удовольствием его продлила часика на три. Но все равно это было хорошее утро, правильное.

Шли последние деньки лета и свободной жизни. Причем свободу мою, ведьминскую, планировалось ограничить сразу по двум направлениям: начинались занятия в академии и... маячила на горизонте свадьба. Как-то все сразу оно свалилось. Была свободная ведьма, алхимик, и даже шляпа имелась. А стану замужней студенткой, и ни тебе изюм заколдовать, ни перца в супчик бросить.

Зная, что все уже проснулись, потянулась и открыла глаза. Из открытого окна лился яркий солнечный свет, а еще пахло ранней осенью. Это был особенный запах, смешанный с предвкушением перемен и чего-то очень интересного.

Я сунула руку под подушку и нащупала там конфету. Хихикнула, развернула яркую обертку и откусила кусочек, не удержавшись.

– Дейзи! – крикнула мама с первого этажа. – Просыпайся, иначе опоздаешь на работу! Обещал зайти Крин, он будет недоволен, если поцелует закрытую дверь.

Недоволен – не то слово. Крин у нас теперь слыл серьезным человеком, доверенным лицом правящей семьи. Очень этим фактом гордился (хоть и тщательно эту гордость скрывал).

Впрочем, я всегда собиралась в лавку очень быстро. И совершенно незачем было будить меня за два часа до открытия. Подозреваю, Дрэв просто хотел получить свою порцию восторгов по поводу конфеты под подушкой. Ну и что-нибудь еще – тут зависело от настроения, в хорошем я могла и провожать его отправиться.

Конфетам под подушкой поутру приличествовало радоваться больше детям. Им родители врут о сказочных зайчиках и феях, приносящих гостинцы. Но я этот этап в детстве благополучно пропустила и с удовольствием переживала в конфетно-букетный период с Дрэвисом.

Хотя нет... в конфетно-букетно-постельный. Сказки, в которых «зайчик» приносит девушке конфетку наутро после бурной ночи, в

книжных лавках продаются, обернутые в плотную пергаментную бумагу. А иначе штрафы-с, так сказать.

Но Дрэву было несложно положить мне утром под подушку конфетку, цветок или колечко, а маме – приготовить нам завтрак. А я радовалась этим проявлениям заботы. В тот вечер, когда мы с Дрэвом впервые встретились у нас дома, я мечтала хоть немного побыть любимой дочерью.

Побыла. Много. Оказалось, это до жути приятно и вовсе не превращает тебя в стервозное подобие Сары.

К слову, о Саре.

Как бы я ни обижалась на отца, надо отдать ему должное: с деньгами и обеспечением семьи управляться он умел. И как только суд Градда вынес приговор, который содержал не только заключение, но и серьезный штраф, Сара с матерью остались практически без средств. Какие-то сбережения, конечно, были. Но жить на широкую ногу уже не выходило. А тут еще богатый жених сбежал к младшенькой незаконнорожденной, и я навсегда стала врагом семьи Гринвильд.

Потому Сару выдали замуж за довольно обеспеченного фермера. Он, правда, всю территорию особняка перекопал и какую-то картошку засеял, чем наверняка изрядно побесил новоявленную тещу. Но, по крайней мере, они не голодали, а уж как Сара уживалась с простым и работающим мужем – не ведаю. Страдала, наверное, без светских вечеров и дорогих подарков.

Я спустилась в гостиную, где меня ждали завтрак, мама и дорогой жених, сияющий в ожидании благодарностей. А вот размечтался! И так разбаловала, побуду немного неприступной ведьмой.

Задрала нос и одарила легким приветственным кивком. Мама спрятала улыбку, а вот Дрэвис тут же насупился. Извлек из-под стола шляпу и нахлобучил мне на голову.

– Вот теперь образ полный.

Показала ему из-под шляпы язык.

– Переименую во «Вредную ведьму».

– Твоя же лавка, – пожала плечами. – Разоришься, сам будешь виноват.

Мама закончила завтрак и, пожелав всем отличного дня, удалилась. Она хоть и перестала быть фрейлиной, дома сидеть

решительно отказалась. Раз уж с переездом в Азор-град не сложилось, бывшая фрейлина леди Марибет встала во главе экспериментального класса фрейлин в академии Градда. И нет, я в нем не училась. Хотя и предлагали. Дрэвис, помнится, эту идею встретил безудержным хохотом, а просмеявшись, поведал, что такую, как я, во фрейлины отдавать ни в коем случае нельзя.

— Она завершит дело Уиллторна и сама того не поймет. Королевская семья повесится в полном составе, когда заколдованные ночные горшки устроят в тронном зале вечеринку.

Я тогда, помню, крепко обиделась.

— Кексик, — протянул Дрэв, медленно ко мне наклоняясь, — а поцеловать на прощание?

Я приподняла шляпу и губами коснулась кончика его носа. Оставила след розовой помады и понадеялась, что он так на работу пойдет.

— Ты вредная. Но я тебя люблю.

Шляпа от умиления пискнула и сползла мне на глаза. Пришлось сдаваться и горячо благодарить, куда ж от него денешься-то?

— И я тебя люблю. Не опоздаешь на работу?

— Обещал прийти к обеду. Хочу кое-куда тебя сводить, пойдем?

Дрэв поднялся, накидывая легкую куртку — с утра было хоть и солнечно, но уже прохладно.

Естественно, я не смогла справиться с любопытством. Даже не доела — метнулась собираться. Если Дрэв с утра куда-то меня тащит, значит, будет жуть как интересно. Ну, или мой талант к смешным пакостям снова проэксплуатируют. Открылся же через два квартала салон «Шоколадное вдохновение», где всем желающим предлагалось пройти процедуру шоколадного обертывания с последующим расслабляющим чаепитием. Не знаю, за сколько эту идею продали, но мне подарили совершенно чудесное колечко с изумрудом.

Дорога и к лавке, и к кабинету Дрэва вела через центр Градда, но в этот раз мы спустились к набережной и двинулись вдоль реки. Меня мучили догадки, но ничего конкретного в голову не приходило.

— Ну скажи! — канючила я. — Что ты придумал? Дрэв!

— Сейчас увидишь, — неизменно отвечал будущий муж.

Только когда места стали казаться знакомыми, мелькнула смутная догадка.

– Мы идем к домику бабушки?

– Ага, – задумчиво откликнулся Дрэв.

Немного напряглась. Я не спрашивала о домике, справедливо полагая, что теперь, когда Дрэвис не связан помолвкой с сестрой, мысль переехать покажется ему бредовой. А у меня были дом, теплая постель, вкусная еда. Я почти мгновенно получала то, что хочу. А еще меня любили, иногда даже слишком. Дрэвис и мама явно пытались дать мне все, что не давали раньше.

Я не видела домик больше трех месяцев, но ахнула. Он выглядел совершенно новым! Обновленные стены, крыша, забор, окна! Я не сомневалась, что и внутри все сверкает свеженьким ремонтом.

– Это ты сделал?

– Это подарок тебе на свадьбу. И вот это.

Он достал из кармана сложенный вдвое листок. Я быстро пробежала текст глазами.

– Постановление суда Градда?

– Ты имеешь право на наследство. Работа в лавке признана доходом, а ты – самостоятельной личностью. Сара подавала в суд, заявляя, что как внучка, имеет право на половину. Но оказалось, бабушка оставила ей фамильные драгоценности. Которых никто не видел, и у матери твоей сестрицы возникли закономерные вопросы. Короче, в суд они не явились, выясняют, кто стырил бриллианты. Грешат на дворецкого, конечно, но сдастся мне, кто-то познает магию ремня.

– Я не знаю, что сказать, – призналась я.

Дрэвис вдруг торжествующе воздел руки к небу.

– О, Светлейшая! Этот момент настал, кексику не хватает слов!

Пришлось ткнуть его под ребра, чтобы не зазнавался.

– Хочешь жить в этом доме? – спросил он.

– А ты?

– Мне нравится мой. Может, оставим его как домик у реки? Будем приезжать сюда, когда нас достанет твоя мама. А потом подарим его дочери. Будем учитывать ошибки прошлого и позволим ей переехать, когда она захочет.

Он наклонился, чтобы снова меня поцеловать, и шепнул:

– Когда будешь беременна, переименую лавку в «Ведьма с орешками».

– Знаешь, дорогой, – я сделала вид, что задумалась, – я тут нашла книгу. Про темных ведьм. Зря, что ли, шляпу ношу? Так вот, я там много интересного вычитала. В общем, будешь хулиганить – сварю зелье и рожу тройню. Девочек!

Судя по тому, что благоверный побледнел – живо представил себе перспективы обитания четырех ведьм и фрейлины на вверенной ему территории. Правда, Дрэв не был бы Дрэвом, если б не взял себя в руки и ехидно не усмехнулся, словно говоря «неизвестно, кто кого».

И на этот раз у меня складывалось совершенно четкое ощущение, что выстоять будет ну очень непросто.

Три года спустя

Самоцветы на котелке мигнули и потухли. Зелье остывало. Я аккуратно пальцем потрогала стенки, но котелок был еще слишком горячий, так что сначала решила собраться, а уж потом перелить все в мензурку, чтобы завтра только собрать из разрозненных ингредиентов одну большую вкусняшку.

А вернее – много маленьких.

Заказ на булочки с изюминкой пришел из самой мэрии, там устраивался праздник для детей сотрудников, а разве есть способ развлечь ребенка лучше, чем подсунуть ему угощение, из которого убегает изюм? Я встретила идею скептически, но отказываться от заказа не стала. Все реклама.

До сих пор не понимаю, как меня удалось уломать и дальше управлять лавкой? Я думала, после окончания академии стану алхимиком. Может, серьезно возьмусь работать на корону – мама предлагала отличные варианты лабораторий. Может, открою свой алхимический кабинет. Да хоть преподавать пойду, в конце-то концов!

Но нет, проникновенный взгляд в глаза, ремонт в лавке, лицензия на продажу алхимических составов – и вот она я, ведьма в шоколаде. На прежнем месте в прежнем виде. А ведь думала, после беременности вообще не смогу смотреть на сладкое.

Я как раз зашнуровывала новенькие сапожки, когда услышала позади себя подозрительный шорох. Обернулась и...

– Нет-нет-нет! Шляпа-а-а!

Но шляпа уже слетела с полки и свалилась прямо острым кончиком в котел. Я зажмурилась. Из зеркала послышался голос Крина:

– Кексик, как ты это делаешь? Я отошел на пару минут побеседовать с Берноном, а тут уже ты шляпу в зелье искупала. – Он вдруг рявкнул: – Дверь закрой!

Но я не успела. Позор на мою пока еще не седую, но обещающую поседеть раньше положенного, голову. Зелье, капля которого заставляла изюм убегать из булочек, подействовало на шляпу довольно бодряще. Если раньше она просто ползала, да и то когда боялась, что ее бросят или забудут, то сейчас она понеслась на всех парах.

Вопрос только – куда. Впервые на моей памяти шляпа неслась не к хозяйке, а от нее. То есть меня.

– Лови, кексик, – хмыкнул Крин. – Я прийти не успею.

Это я и без него сообразила. Так и выскочила наружу с незашнурованным сапогом.

– Стой! Шляпа, стой!

Вскоре стало ясно, что носилась она от переизбытка энергии. А я носилась вслед за ней на глазах потешающейся публики. Они, вероятно, думали, что это новое представление от лавки. А я думала преимущественно некультурно. Под воздействием алхимии шляпа сделалась юркой, приткой и вредной!

Когда я подобралась максимально близко, прыгнула вперед, чтобы накрыть паршивку собой и скрутить. Ума не приложу как, но шляпа извернулась и подскочила на добрые полметра вверх, а я растянулась на земле.

– Поймал, – сообщили сверху. – Кексик, что с твоей шляпой?

Подняла голову и увидела мужа. Он прилагал немало усилий, чтобы совладать со шляпой – та вырывалась, как заправский воин, а уж дрожала-то как!

– В зелье упала, – вздохнула я.

– Даже не удивлен. Мы опаздываем, ты готова?

Встала, отряхнулась и оценила ущерб.

– Нет, все-таки переоденусь.

Благо в лавке всегда имелось запасное платье. На случай, если котелок взбунтуется или неловкий покупатель выльет на меня какой-нибудь сладкий ликер.

– Дейзи, а можно не переодеваться? Платье чистое, только помялось.

Но я уже неслась в лавку. А чего он хотел? У нас между молодыми мамашами было настоящее соревнование в красоте и опрятности. Меня и так в родительском комитете не любили. Я была довольно известной личностью в Градде – дочерью фрейлины, женой крупного предпринимателя (очень молодой женой, прошу заметить!), героиней кучи новостных заголовков и управляющей популярной сладкой лавкой. Так что давать еще один повод сплетницам во главе с дорогой сестрицей я не хотела.

Когда вернулась, Дрэв уже затолкал шляпу в мою сумку. Держать ее было сложно, но, по идее, зелье должно было выдохнуться совсем скоро. Булочкам хватало получаса, шляпа, думаю, устанет через час-другой. Дорога до сада займет двадцать минут, концерт – час, и как раз к приходу домой это будет снова самая обычная шляпка самой обычной темной ведьмы.

Придя на место, мы увидели еще парочку опаздывающих – не только мы шли с работы.

Мы аккуратно прошмыгнули в зал, где уже погасили свет. Десятки умиляющихся родителей неотрывно смотрели на сцену, а я, признаться, чувствовала себя матерью-ехидной. Как-то неловко было опоздать на первый концерт собственной дочери. Благо дети еще не начали выступать.

И угораздило же шляпу предпринять попытку сбежать в закат именно сегодня! Дрэв планировал зайти за мной в лавку и вместе дойти до садика, где под вечер затеяли концерт, но вместо этого носился по бульвару и ловил неугомонную шляпу.

Кажется, именно вот в этот конкретный момент он меня очень недолблюбил.

Марк радостно махнул нам рукой, Сара холодно кивнула. Ее мужа в зале не было, наверное, работал. Уж не знаю, как у них складывались семейные отношения, но дочурку фермер любил и баловал куда сильнее жены.

Занавес поднялся, и все мое внимание оказалось приковано к сцене, где десяток маленьких девочек в костюмах котелков неловко шлепали по паркету. Первое выступление младшей группы – всегда

донельзя забавное зрелище. Дети растерянно смотрели на воспитательницу и неловко переминались с ноги на ногу.

Шляпа заворочалась у меня в сумке и зарычала. Несколько родительниц недовольно фыркнули. Я краснела, Дрэв делал вид, что вообще не со мной.

Маги, ведьмы, ведьмаки
Любят-любят котелки.
Зелья варят, каждый раз,
С чердаков приносят нас.

В центре нестройной шеренги котелков лихо отплясывала светловолосая кудрявая девочка. Она была любимицей зала и буквально светилась от счастья и внимания. Камушки на котелке ярко сверкали, а бантики были идеально отглажены.

Зелья варим и кипим,
Дорогие котелки.
И хоть все мы из металла,
Вы без нас как без руки.

Что ни говори, а у Сары получилась чудесная дочурка.

– А наша-то где? – спросил Дрэв.

– А вон она, красotka, – фыркнула я.

Во втором ряду котелков, явно не поспевая в ритм, топталась моя кудряшка. Котелок из нее получился, прямо скажем, неважный. Да и характером больше напоминал маму-ведьму. Когда один из мальчиков случайно наступил Элизе на ногу, та возмущенно пихнула его большим котелковым пузом. Весь ансамбль, не удержав шаткого равновесия, попадал на коленки и беспомощно барахтался, не сумев встать из-за объемных костюмов.

– Кексик, давай заведем еще одного ребенка? – шепнул мне на ухо муж.

– Думаешь, он будет более артистичным?

– Нет, просто мне нравится сам процесс.

– Это детский утренник! – воскликнула я. – Как детский утренник может натолкнуть на такие мысли?

Пока мы спорили, что было для нашей семьи самым обычным делом, Элиза Фолкрит, довольная произведенным кипежем, вылезла-таки вперед и радостно пропела:

Мы кипим и мы поем,
Котелкам бы в каждый дом,
Зелья будут получаться,
И проблем не будет в нем!

Все тут же поверили. А как иначе? С ведьмами шутки плохи. Даже если ведьмы эти пока еще очень маленькие.

Свадьба с корицей

Я кралась по темному коридору и с трудом удерживалась от того, чтобы не хихикать злорадно, представляя себе утренний грядущий переполох. Нет, а чего они хотели? Сами виноваты! Теперь держитесь.

Босые ноги мерзли: пол был каменный, а осень выдалась прохладной. Красивой – с золотистой хрустящей листвой под ногами, но прохладной. Однако стук каблучков неизменно бы привлек внимание мамы или Дрэва, так что меня окружали темнота и тишина. Дрэвис уже спал, умаявшись на работе, у мамы разболелась голова, и она решила лечь пораньше перед важным днем. Момент был выбран идеально!

Перед дверями гардеробной остановилась и прислушалась, но все было тихо. Я юркнула внутрь и плотно закрыла за собой двери. Темно, глаз выколи! На ощупь я нашла чью-то куртку и положила на пол, чтобы закрыть щель между дверью и полом – мало ли, кто пойдет мимо, увидит свет и любопытствует.

Я творю в ночи и гордом одиночестве! Ну... почти.

– Опять пакостишь? – раздалось из-за спины.

Я чудом удержалась от того, чтобы не вскрикнуть.

– Крин! – Нашарила рукой кристалл на стене и включила свет. – Я думала, твой статус выше подглядывания за гардеробными честных ведьм.

– Кексик, что ты тут делаешь? Ты давно должна посапывать в ожидании великого праздника, причем за пару этажей от жениха.

– Почему за пару этажей? – заинтересовалась я, на миг забыв о цели вылазки.

– Потому что жених не должен видеть невесту до свадьбы.

– Ой, этот жених невесту видел, щупал и уже достал. Собственно, поэтому я здесь.

Вытащила из сумки, которую притащила с собой, ножницы и осмотрела масштаб работ.

Платье висело на самой верхней перекладине, на специальных красивых плечиках. Этот кошмар – десяток килограммов тюля и кружев – стал камнем преткновения всей нашей будущей семьи.

Нет, я шла на уступки. Во-первых, я согласилась проводить свадьбу на сотню с лишним человек – для мамы и Дрэва было жутко важно приглашать туда толпу каких-то партнеров и знакомых. Подумать только – весь штат фрейлин, школы для фрейлин и пенсионного клуба фрейлин веселится на свадьбе ведьмы! Хорошо, что Рикки Карамель отныне радуется статьками жителей Эрстен-града, а то о нас бы написали демон знает что.

Во-вторых, я согласилась заказать торт у конкурентов! Мало того что это был удар по моей профессиональной гордости, так я еще имела серьезные опасения за здоровье тех, кто этот торт попробует – конкуренты меня не слишком-то жаловали.

Но платье – это уже слишком!

– Дейзи, ты расстроишь мать и будущего мужа. Тебе их не жалко?

– А меня им не жалко? – насупилась я. – Крин, ну вот ты можешь представить меня в этом карнавальном костюме зефира?

– Очень милое платье...

– Милое, – пробурчала я и еще раз щелкнула ножницами.

Их, к слову, одолжила у однокурсницы. Ее мама держала небольшое ателье и за коробку вкусных кексов согласилась одолжить артефактные ножницы для моей маленькой пакости. Они были настоящим незаменимым помощником не только швеи, но и

ведьмочки-рукокрюка, которая даже бумажку отрезать ровно не в состоянии.

Чик-чик, десять минут – и я совершенно довольна! Длиннющий подол, украшенный неприличным количеством страз, жемчужин и ленточек, бесформенным белым комком свалился на пол. А платье теперь гораздо лучше соответствовало ведьминому свадебному наряду.

Задумчиво рассматривая получившийся шедевр, я рассеянно почесала лежавшую на полке шляпу. С пару месяцев назад, когда Дрэв выделил мне место для одежды и всякого такого, шляпе так понравилась гардеробная, что выходить из нее она соглашалась лишь на моей голове и после клятвенного обещания, что ее точно-точно будут с достоинством носить.

– Все? Довольна? – хмыкнул Крин.

Не забыть после свадьбы убрать зеркало из гардеробной. Да, неудобно, но зато в ответственный момент примерки какого-нибудь пеньюара на тебя точно не уставится фиолетововолосая морда хранителя.

– Довольна.

– Беги спи, маленькая пакостница. Завтра, чувствую, будет шоу.

Положила ножницы рядом со шляпой – чтобы завтра не забыть взять с собой и на свадьбе вернуть. А потом погасила свет и начала красться обратно.

Дрэвис уже спал без задних ног, умаявшись на работе – пытался перевыполнить годовой план и гордым, но несломленным трупом уехать со мной в свадебное путешествие к морю.

Я быстро переоделась в рубашку и юркнула под теплый бок будущего «вот-вот» мужа. Зевнула и подумала, что все эти традиции по раздельной ночевке – сущая глупость. Я девятнадцать лет спала одна, и теперь меня от теплого бока никто не отгонит.

– Кексик, ты где была? – сонно пробормотал Дрэв.

– Котелок забыла выключить, спи.

Меня прижали к теплому боку еще сильнее, как будто я куда-то собиралась сбежать. Но пути назад уже не было: приглашения разосланы, торт готов, фрейлины наверняка уже делают маникюр.

О, Светлейшая, скорее бы все закончилось!

– Дейзи, милая, у тебя все в порядке?

Нет, у меня было не все в порядке! Но сказать об этом я побаивалась, хотя Дрэв на пару с мамой уже караулили у дверей гардеробной. А я буравила взглядом ножницы. Шляпа, насупившись, сидела на полке.

Как оказалось, артефактные вещички дюже своевольны. Ножницам явно было скучно всю ночь лежать на полке, поэтому пока мы с Дрэвом видели десятый сон, они сотворили со шляпой совершенно невероятную вещь! Теперь это была не шляпа темной ведьмы, а... а клоунский колпак какой-то! Щедро задрапированный белым атласом, кружевом и увешанный бусинками, как новогодняя елка!

Ножницы сделали рывок, я бросилась за ними и успела-таки схватить это швейное недоразумение! Магии в нем было будь здоров, так что меня мотало вслед за ножницами по помещению.

– Дейзи, ты что, передумала выходить замуж? Ты больше не хочешь свадьбу?

– Хочу-у-у! – провыла я.

Меня мотало вслед за ножницами, но хватка была бульдожья.

– Тогда что, мать твою, у тебя там происходит?!

– Дрэвис! – воскликнула леди Марибет.

– Простите, мама. Это я не про вас.

Судя по глухому звуку, моего жениха только что чуть не убили.

– Дейзи, выходи, мы с тобой поговорим. Если хочешь, все отменим, поженимся потом!

– Не-е-ет! – из последних сил простонала я.

Потом злость взяла свое.

– Да идите вы к демону!

Я выпустила ножницы, и в этот же момент дверь гардеробной распахнулась. Дрэв, не выдержав томительного ожидания, вошел и чуть не был зарезан ножницами, которые пролетели мимо меня и вонзились в деревянный косяк.

– Мило, – прокомментировал ситуацию жених.

Потом его взгляд коснулся моих коленок и...

– Кхм... Дейзи, а что...

– О богиня, Дейзи! – Мама всплеснула руками. – Что ты сделала с платьем?

– Что сделала, что сделала, – пробурчала я. – Платье сделала!

Я схватила преобразившуюся шляпу и нахлобучила на голову – гулять, так гулять. Мама открыла было рот, но Дрэвис отрицательно покачал головой и поспешил сопроводить меня вниз, где уже ждала карета.

Жених хмуро смотрел перед собой, когда мы тронулись, а я... я вдруг перепугалась, что сейчас со словами «Ты еще маленькая, чтобы выходить замуж!» он все-все отменит. И я снова останусь в одиночестве.

Носом потерлась о рукав Дрэва.

– Ты оби-иделся?

– Кексик, я не обиделся, но скажи, тебе обязательно было это делать?

Вздохнула.

– Твоя мама старается стать тебе мамой.

– Я знаю. Просто... ну Дрэв, ну когда ты видел меня в таких платьях? Из нашей свадьбы сделали праздник, на котором идеально все... кроме невесты.

– Кексик, вот в кого ты такая? Невеста на этой свадьбе главное блюдо.

– Значит, ты не злишься?

– Не злюсь. – Взгляд Дрэва смягчился. – Нам надо давать тебе больше самостоятельности. Но давай порадуем маму, а? Фрейлин на празднике хватит удар, если ты явишься с голыми коленками. Хотя мне, надо заметить, нравится.

– Платье уже не перешить. – Я со вздохом пожала плечами.

На что Дрэвис – нахал, честное ведьминское! – извлек из-под сиденья большую коробку. В которой оказалось...

– Запасное платье?

– Я предполагал, что ты учудишь что-то подобное.

Он наклонился, чтобы осторожно коснуться губами моего виска.

– Давай это платье ты наденешь потом, для меня, а маму порадуем нестареющей классикой. Побудь хорошей ведьмочкой, ладно?

Хорошая ведьмочка таяла от вкрадчивого голоса и согревающего дыхания.

– А шляпу можно оставить? – вырвалось вдруг.

– Куда уж мы без нее. Одевайся, я отвернусь.

И он... действительно отвернулся! То есть я-то видела, что Дрэвис Фолкрит бессовестным образом подглядывает на отражение меня в окне.

— Готова!

Волосы, конечно, растрепались — ни о какой прическе и речи не шло. Но легкий макияж держался стойко — тут спасибо маме. Рассмотрев себя в небольшое зеркальце, я сочла, что в качестве невесты очень даже хороша, а в качестве ведьмы-невесты — тем более.

— Ты точно хочешь эту свадьбу? Потом не отпущу.

— А ты?

Улыбнувшись, Дрэв поправил сережку, что запуталась у меня в кудрях.

— Ты принесла в мою жизнь красок, кексик. Для человека, единственным развлечением которого последние годы были вечера в закрытой наглухо лавке с бутылкой виски... — Дрэвис вдруг несколько побледнел. — Я только сейчас понял, что все время, когда я оставался в лавке, там был Крин. У этого парня компромата на меня больше, чем на Уиллторна!

Так, надо записать в секретную тетраточку — расспросить обо всем Крина!

— Ты вкусно пахнешь. С чем духи?

— С корицей, — ответила я, вяло отбиваясь от вездесущих и загребущих рук жениха.

— Ведьма в шоколаде, свадьба с корицей. А брачная ночь у нас будет со взбитыми сливками?

— Если будешь много пить на банкете — с рассолом.

Карета затормозила, и меня немного затрясло от волнения. Дверь открыли, и показался... Крин. Я думала, он придет позже — были какие-то дела! В длинном, расшитом золотыми узорами пиджаке хранитель Градда выглядел потрясающе и как-то нереально.

— Леди Гринвильд, позвольте сопровождать вас к алтарю.

Я сидела, глядя на него снизу вверх, но толком ничего не видела из-за слез.

— Кексик, неужели ты думала, что раз уж тебя некому вести, мы так это оставим? Я — хранитель Градда, я имею полное право тебя сопровождать и... передать с рук на руки мужу. Идем.

Медленно я протянула дрожащую руку, и Крин уверенно помог мне выбраться из кареты. Впереди виднелись приветливо распахнутые двери дворца бракосочетаний, из них уже раздавалась музыка.

– Кексик, я волнуюсь, ты потеряла дар речи?

– А еще – шляпу!

Дрэв вылез следом и нахлобучил мне на голову последний элемент свадебного костюма.

– Ну, кексик, – он чмокнул меня в щеку, – не скучай. Пойду в зал и буду демонстрировать искреннее удивление при виде тебя.

Мы долго смотрели ему вслед, думая каждый о своем.

– Идем? – наконец предложил Крин.

– Идем, – согласилась я.

Что ж, пожалуй, теперь я могу поделиться рецептом настоящей сладкой жизни.

Берем темную ведьму – одну штуку, добавляем белую шляпу, корицы по вкусу и отца заменить лучшим другом. Добавить фрейлин, недавно найденную маму, неугомонного братика будущего мужа. Ах да, варить в волшебном котелке до готовности и щедро посыпать тертым шоколадом.

Его, кстати, можно приобрести у нас. В сладкой лавке «Ведьма в шоколаде». Там вообще, говорят, много вкусного. Уж Дрэвис Фолкрит врать не будет – испробовал сполна.

Стейк для темного бога

Глава первая

– Хейлин ди Амос! – рычал отец, буквально испепеляя меня взглядом. – Потрудитесь объясниться, юная леди!

Я никогда еще не видела его таким. Конечно, за мной числилось множество проступков, но обычно все кончалось домашним арестом или антимагическим браслетом на неделю. Но сейчас папа, кажется, придумал что-то похуже.

– Я ничего не сделала! – Попытка отмазаться вышла вялой. – Я не знаю, откуда он там появился!

Папа перестал мерить шагами кабинет и медленно повернулся к окну.

– То есть, – его голос дрожал от плохо сдерживаемого гнева, – единственное, о чем ты сожалеешь, это о том, что тот несчастный оказался там, где ты и твои... приятели устроили магическую дуэль? Больше тебя ничего не волнует, Хейлин?!

Разыгрывать раскаивающуюся дочурку не получилось. Ой, да куда он денется? Заплатит тому мужику пару сотен и на месяц лишит меня магии. Может, не отпустит на каникулы в летнюю резиденцию, но это вряд ли – не рискнет оставлять без присмотра в городе.

Мы действительно немного увлеклись с ребятами накануне. Подумаешь, покидали энергетические шары...

Ладно, не только шары. Чуть больше. Скажем, я даже вызвала духа земли, и тот протащил Прима носом по земле пару метров. А еще в перестрелку попал какой-то неважнецки выглядевший мужик. Небритый, в жуткой черной куртке. Я и не заметила его – темно было. Попала шаром, и только когда он врезался в стену, сообразила, что это не наш.

И, главное, хороши друзья: все сбежали, пока я клювом щелкала! Теперь будут наслаждаться коктейлями на пляже, пока я отбываю домашнюю каторгу. Уж чтобы наказать меня, папа и экономку отпустит. Драить тебе, Хейли, полы, пока снова не заслужишь любовь дорогого папулечки.

Он у меня добрый, в общем-то. Вспыльчивый, но отходчивый.

Вот и сейчас, поорал-поорал пару минут да продолжил уже усталым голосом:

– И в кого ты такая? Хейлин, откуда в тебе эта спесь? Я что, воспитывал тебя так? С таким пренебрежением к людям? Богатство досталось мне трудом, девочка. Тяжким трудом. И ты вот так меня благодаришь за этот труд?

Ну во-о-от, началось. Деньги даются не просто так. Деньги надо заработать. Деньги не дают тебе превосходства.

Дают! Зачем мне страдать, если у семьи этих денег, как навоза? Нет, я папины заслуги не принижаю – заработал, молодец. Но разве не ради этого работал, чтобы дети ни в чем не нуждались? И деньги действительно открывают кучу возможностей.

Взять, например, Ариана. Да он бы и не посмотрел на меня, не будь я ди Амос! Семья Ариана принимала только невесток из высшего общества. И я в их списке – Лиса по секрету сказала – на лидирующей позиции.

– Полгода назад ты сожгла охотничий домик, принадлежащий лесничеству Хиглейк-града.

– Я его не жгла, от удара молнии загорелись сухие ветки!

Мою реплику отец проигнорировал.

– Пять месяцев назад ты с друзьями стащила у ювелира незаконченные серьги для жены нашего мэра.

– Я вернула!

Это был просто глупый спор, и я попалась исключительно потому, что кое-кто не умеет стоять на стреме.

– Три месяца назад ты устроила гонки на зачарованных досках! На общественном пляже! Едва не убив отдыхающих!

Ладно... грешна. Увлеклась немного, но Ариан обещал поцелуй, если его обойду. Что мне было делать? У него родители не такие древние и сына в комнате за малейший проступок не запирают.

– А сейчас ты едва не убила человека!

– Да что ему будет, – скривилась я.

Потом взглянула на лицо отца и быстро состроила мордашку «Хейли просит прощения». Папа всегда на нее велся.

До этого момента.

Он просто молча смотрел, а я чувствовала, как гримаса сползает с лица и ме-е-едленно поджимаются пальцы на ногах. Похоже, все

серьезно.

– Ты ударила его энергетическим шаром. На месте нападения нашли следы твоего духа земли, Хейлин. Ты понимаешь, что можешь сесть в тюрьму?

– Но разве ты...

От вопля отца у меня заложило уши:

– НЕ СМЕЙ ПРОСИТЬ МЕНЯ СНОВА ОТКУПИТЬСЯ!

Я вздрогнула и на всякий случай прикинула, успею ли пробежать до выхода. Вряд ли. Большой у папы кабинет... а у меня ноги хоть и длинные, все же недостаточно, чтобы в один прыжок преодолеть расстояние от кресла, на котором я сидела, до двери.

– Ты разочаровала меня, Хейлин. Не о такой дочери я мечтал.

На глазах навернулись предательские слезы, но я сделала вид, что мне все равно. А и плевать. Пусть наказывает! Я всего лишь веселилась с друзьями.

– Ты будешь наказана. Труд пойдет тебе на пользу.

Да-да, неделя самостоятельной уборки дома. Или две?

– Ты должна стать самостоятельной.

Наверное, две.

– Научиться ценить труд.

А может и три. Только бы артефакты не забрал.

– И посмотреть на другую сторону жизни. Хиглейк-град разбаловал тебя. А близость твоих, не побоюсь этого слова, подельников только мешает. Давно пора разбить вашу компанию прожигателей жизни.

А, то есть еще и остальным родителям нажалуется.

– Поэтому поедешь в Синар-град и будешь там работать!

Да, папа, только не волнуйся, у тебя сердце не такое, как в молодости. Подождите-ка...

– Мой хороший приятель владеет луннобриллиантовыми рудниками на севере, им очень не хватает обслуживающего персонала.

– ЧТО?! – Я очнулась от мыслей и решила, что ослышалась.

– Что слышала, Хейлин. Ты улетаешь первым вечерним драконом!

– Синар-град – это вообще что и где? И... ты не можешь меня отослать!

– Еще как могу, моя дорогая. Твоя выходка переполнила мою чашу терпения. Я не только отошлю тебя на север, где ты будешь

стоять над кастрюлями каждый день, но и лишу артефактов! Посмотрим, как тебе понравится по-настоящему зарабатывать деньги, а не бездумно их тратить на полузаконные развлечения! А теперь немедленно иди и собирайся! Клянусь Светлейшей, Хейлин, никогда я еще не был так зол на тебя!

Я сидела в полнейшем шоке, глядя прямо перед собой. И не верила, что действительно все это услышала.

– Вон! – рявкнул отец.

Одним махом допил виски из стакана и негромко выругался.

Нет, я ошибалась. Все очень и очень плохо.

Когда вернулась к себе в комнату, вдруг стало нестерпимо душно. Хотя я и понимала, что это лишь злость на несправедливое наказание, все равно открыла окно и вдохнула свежий утренний воздух. Нет, идея идти к отцу после завтрака провалилась с треском. Мне думалось, он будет благодушен, но, кажется, в этот раз и впрямь разозлился.

Неужели меня на самом деле отправят на север? Я была уверена, что к обеду он отойдет, а к вечеру сядет в любимое кресло с книгой, я изображу раскаявшуюся любимую дочурку у камина. Меня погладят по голове и лишат на недельку магии.

Тигра проснулся и тут же почувствовал эмоции хозяйки – жалобно заурчал. Этого тигрового котенка несколько лет назад я вытащила из механизма кареты, куда он забрался в поисках тепла. Мы с папой тогда отправлялись на пару дней в горы, и, если бы я не вышла достать из багажа книгу, страшно подумать, что бы случилось с маленьким дрожащим комочком шерсти.

Папа тогда сказал, что Тигра будет славным котиком. Красивым, с необычной расцветки шерстью. Правда, никто из нас не ожидал, что спасенный звереныш превратится в саблезубого годморстенского тигра. Когда все выяснилось, папа хотел было отдать Тигру в зоопарк, но я уже не позволила – тот уже был ручной и совершенно неприлично меня обожал. Разве такого выгонишь?

В окошко ударил небольшой камушек. Ариан!

– Хейли, – парень стоял под моим окном и улыбался, – ну как? Влетело?

– Кричал. Угрожал. Сокрушался.

Я закусила губу, раздумывая, рассказать ли об угрозах. Потом все же не выдержала и выпалила:

– Сказал, что вечером отошлет меня в Синар-град! Работать на этом, как его... бриллиантовом руднике или чем-то таком.

На красивом лице Ариана появилось выражение беспокойства. А мне так хотелось, чтобы он рассмеялся и развеял все мои сомнения! Чтобы сказал: да брось, Хейли, твой старик не выжил из ума. Но увы, Ариан сказал нечто совсем другое:

– Вот что, детка, давай-ка ты поживешь со мной, пока он не остынет? Пара дней – и все образуется. Знаешь, эти стареющие миллионеры порой излишне вспыльчивы и строги по отношению к детям. Что толку, если он будет потом жалеть?

Он протянул руки, готовый поймать меня.

– Вылезай, Хейли!

Я невольно залюбовалась атлетично сложенным и невероятно красивым магом. Ариан был всего на год старше, уже оканчивал академию и слыл мечтой всех девчонок. Ни по кому в городе не пролили столько слез, сколько по нему. И только мне удалось приблизиться настолько, что появился реальный шанс стать невестой.

Была не была! Молодость – время совершать безумные поступки. Так говорили друзья Ариана, и мне такая философия очень подходила. Я выгребла из шкатулки горсть украшений – если станет туго с деньгами, продам. Накинула плащ, в карман сунула документы. И забралась на подоконник.

Высота была совсем небольшая – окно на первом этаже. Но все равно я нервничала, ибо никогда еще не сбегала таким образом.

– Не бойся, детка, – подмигнул Ариан. – Я не дам тебе упасть.

Выдохнула и решилась. Прыгнула.

А точнее – попыталась, потому что едва я оттолкнулась от подоконника, неведомая сила отбросила меня назад, в комнату. И мягко опустила на стоявшую напротив окна кровать. Вслед за этим дверь открылась, явив хмурого отца.

Он на меня даже не взглянул! Подошел к окну и сказал стоявшему снаружи парню:

– Хейлин наказана, Ариан. И она уезжает. Если заберешь ее из дома – обратно не приму и лишу наследства. Не думаю, что в твоих жизненных планах есть бедная и бездомная невеста. Я не люблю, когда моими решениями пренебрегают, понятно? Заберешь Хейлин сейчас – сам и оплачивай последствия ее выходок.

Я, замерев, смотрела, как Ариан удаляется прочь. Последняя надежда, что парень наплюет на слова отца и поможет мне избежать отъезда, рушилась. Невыносимо!

– Собирайся, – бросил папа. – Бери только самое необходимое, теплые вещи я тебе купил.

– Там что, сейчас зима? – вырвалось у меня.

– Там всегда зима, Хейлин, это север и горы.

– А если я простужусь и заболею? Я не выношу холод, мне нужен морской воздух!

– Там есть лекарь. Морским воздухом ты надышалась за девятнадцать лет.

– У меня слабое здоровье, ты... ты ведь сам чудом выходил меня в детстве!

– Ну так то в детстве, – последовало справедливое уточнение.

– А учеба? Осенью мне нужно быть в академии!

– Посмотрим, какой эффект окажет трудотерапия. Если что, оплачу тебе лишний год. На твою учебу мне нравится тратить деньги больше, чем на выходные. Все, тему закрыли. К шести ты должна быть готова, дракон вылетает в семь.

– А...

– Тебя проводят и все покажут. Один из работников вылетает в Синар-град сегодня и милостиво согласился взять тебя с собой. Встретитесь уже в драконпорте.

Папа ушел, оставив меня ошеломленно смотреть в одну точку. Я взглянула в зеркало и попыталась представить себя на севере, в каком-то... Да я даже не знала, где буду жить!

Порой возникали мысли, что за излишне вольное поведение отец меня как-то накажет. Он и наказывал, лишая магии или заставляя работать вместо экономки. Но наказаниями это было назвать сложно. Друзья принимали меня и без магических штучек, ведь артефакты-то никто не забирал, а их возможностей хватало для веселья.

Ну а работа вместо экономки и вовсе казалась забавной. Мне было несложно варить отцовский любимый кофе – дома он пил только его, на завтрак, а обедал и ужинал на работе. Да еще приходилось платить пару монеток дочке часовщика, которая вместо меня убиралась в доме.

Этим решением отца я была просто ошарашена!

Вот уж не думала, что он решит со мной расстаться после всего, что сделал для моего спасения. Когда я родилась, никто не понял, почему мама, прежде здоровая и выносливая женщина, вдруг стремительно начала угасать. А когда после ее смерти заболела и я, открылась страшная правда: у Хейлин ди Амос пропадала магия.

Такое бывает, но очень-очень редко. Есть люди, рождающиеся без магии и живущие так долгие годы. Есть обычные маги, не представляющие себя без своей силы. Но если у мага пропадают способности... практически всегда это означает смерть.

Папа поднял все связи, задействовал все способы, чтобы меня спасти. И каким-то чудом получил исцеляющий артефакт, который остановил течение болезни. Старая кукла в красивом бордовом платье с тех пор хранилась у нас в стеклянной витрине, как напоминание о том, каким чудом мне досталась эта жизнь.

Напоминание, скажем так, неважное. Я бы с удовольствием выкинула старый хлам, но папа был слишком сентиментален. Именно поэтому я и подумать не могла, что он меня от себя отпустит. Значит, демонову куклу мы будем хранить до старости, а дочь можно и в вечные снега?!

Разъяренная, я вылетела в гостиную. Ненавистная витрина сверкала чистотой, а стеклянные глаза куклы словно смотрели с насмешкой. Я подняла руку, чтобы бросить заклятие, но заветные слова с губ не сорвались, а рука как-то сама собой опустилась. Что толку бить стекла? Папу это только убедит в правильности решения. Еще убираться заставит.

Но внутри все кипело от возмущения и чувства несправедливости. Вернувшись в комнату, я принялась собираться.

Теплых вещей не брать? Отлично! В сумку полетели кружевные сорочки и невесомые полупрозрачные пижамные комплекты. А что? Раз меня предоставляют самой себе, буду самой модной и стильной в северной деревне!

Потом перешла ко всяким мелочам. И вот их-то почти не оказалось. Я задумалась: а что хочу взять с собой? Без чего жизнь в этом идиотском Синар-граде будет невозможной?

Без дневника, куда можно записать все самое сокровенное?

Без маленького семейного портрета, который будет стоять на прикроватной тумбочке и напоминать о доме? Если мне, разумеется,

выделят тумбочку.

А может, без старой куклы-артефакта, что спасла жизнь маленькой Хейлин?

Без денег, конечно!

Я сгребла в кошелек все золотые колечки и сережки, что были. Наличные я с собой почти не носила. Если где-то обедала, счет присылали отцу. Если что-то хотела купить – счет присылали отцу. В наличных деньгах просто не было необходимости, а мой личный счет был в банке и вряд ли папа одобрит идею сбегать туда перед отъездом. Так что оставалось уповать на украшения. Наверняка на севере, куда и драконы-то летают не каждый день, люди не избалованы хорошим золотом. Продам пару бриллиантовых колец и буду королевой.

Тигра нервно помахивал хвостом, наблюдая за моими метаниями. Его оставлять было жалко почти до слез. Как он тут без меня? Папа станет его кормить? Конечно, станет, что за глупости. Но все же вдали от хозяйки тигренку будет тоскливо.

– И я буду скучать. – Я уткнулась носом в мягкую шерсть.

Мой звереныш замурчал и прижался в порыве ласки. Мы никогда еще не расставались так надолго. Знание о том, что хоть Тигра продолжит любить меня и ждать, немного успокоило.

А ровно в шесть отец вошел в комнату со словами:

– Хейлин, ты готова? Через час твой дракон.

Я чмокнула тигренка в нос, а потом молча, всем видом демонстрируя, насколько сильно обижена, подхватила сумку и прошла к выходу. Папа пытался было помочь с багажом, но я гордо отдернула руку. Со стороны родителя раздался тяжелый укоризненный вздох.

До самого драконпорта шли в молчании.

Невысокое здание в несколько этажей было наполнено народом. За зданием виднелись взлетные площадки, где готовились к старту три дракона. Хиглейк-град был совсем небольшим, и рейсы отсюда совершались не так уж часто. До сих пор я и не подозревала, что от нас летают на север. Какому идиоту придет в голову лететь в бескрайние снега?

Вскоре я убедилась в том, что идиотов было много. Полная кабина – а она вмещала добрых два десятка мест – была заполнена людьми и... не только людьми. В самом хвосте сидел тролль! Я с облегчением выдохнула, когда оба места возле него оказались заняты. Хотя не

придется сидеть рядом с дурно пахнущей двухсоткилограммовой тушей.

Мое место оказалось у окна, соседнее пустовало. То ли пассажир задерживался, то ли мне повезло, и последний билет оказался не продан. Нельзя же, в самом деле, было надеяться, что папа выкупил для меня аж два кресла. Это не слишком вязалось с курсом, взятым на воспитание дочери.

До старта оставалось двадцать минут, и мы проводили их снаружи. Моя сумка уже покоилась под сиденьем, а теплые вещи, если верить отцу, летели в отдельной багажной кабине. Я то и дело косилась на огромного дракона и, признаться честно, не очень доверяла такому способу перемещения.

– Хейлин, это для твоего же блага, – сказал отец.

Я промолчала, отвернувшись.

– Твое право. Можешь злиться и ненавидеть меня, но поверь – работа пойдет тебе на пользу. Нужно учиться быть ответственной за свои поступки. Север воспитывает характер, закаляет волю.

– И отмораживает задницу, – не удержалась я.

Папа закатил глаза.

– Давай артефакты. И магию.

Пришлось нехотя отдать отцу кулон и золотую брошку в виде изящной кружевной камен. Вслед за этим в груди сначала разлилось тепло, а потом вдруг стало неуютно и пусто – пропала магия. Не вся, конечно, только активная ее часть. Я больше не могла взмахом руки заставлять вещи левитировать или поджигать... что-нибудь, что меня бесит.

Раздался сигнал – приглашали к посадке в кабины.

– Ты меня не обнимешь на прощание, Хейли? – спросил папа.

Но я была слишком зла, чтобы разводить трогательные церемонии. Никто не заставлял его гнать меня на север, поэтому и душевные терзания пусть оставит при себе. Проигнорировав отца, я забралась в кабину и села. Соседнее место все еще было свободно.

Наручные часы показали семь, но дракон не двинулся с места. Затем стрелка преодолела минуту, потом еще и еще. Наконец я не выдержала:

– Почему мы не взлетаем? Мне что, вечно здесь сидеть?!

– Мы не взлетаем, – раздался мужской голос, – потому что ждем меня. Что-то не нравится?

Я открыла рот и забыла его закрыть. На соседнее кресло плюхнулся мужик. Ну то есть не просто абстрактный мужик с плохими манерами. А мужик, в которого день назад я совершенно случайно запустила энергетическим шаром!

В лекарском доме его явно подлатали, но не накормили, ибо выглядел он здоровым и злым. Ну, хоть побрился, а то было невозможно смотреть. И куртку сменил – эта, коричневая, смотрелась не в пример приличнее.

– Мне не нравится, что вы всех задерживаете! – холодно ответила я.

– А мне не нравится, что ты запустила в меня энергошаром, а сейчас мне приходится подрабатывать твоей нянькой, так что заткнись и сиди. Сейчас всех задерживаешь именно ты.

Вот теперь я окончательно потеряла дар речи!

Стойте... человек, который должен сопровождать меня в Синарград – мужик, которого я чуть не убила?!

Я подорвалась с места, чтобы выскочить из кабины. Плевать на наследство! Плевать на жилье! Буду подавальщицей, но в Синарград я не поеду!

В тот момент, когда я подскочила, дракон оттолкнулся от земли и взмыл в небо. Естественно, на ногах я не удержалась, а поскольку наглый мужик не соизволил убрать ноги, рухнула прямиком к нему на колени. Кверху... кхм...

– Что, уже? – усмехнулся он. – Боюсь, придется отказаться от такого щедрого предложения.

Покраснев, я пробурчала маршрут, которым ему предлагалось пройти, и вернулась в кресло. Оставалось только молча скрежетать зубами и внутренне содрогаться от пугающих перспектив. Где были мозги отца, когда он соглашался, чтобы меня сопровождал человек, который жаждет отомстить?!

Маленький и уютный Хиглейк-град стремительно уменьшался. Я неотрывно смотрела в окно – лишь бы не встретаться взглядом с пугающим соседом. А в голове лихорадочно метались невеселые мысли. Кто этот человек и куда он меня сопровождает? А если он

втерся к отцу в доверие, пообещав меня довезти, а сам лелеет планы мести?

Покосилась на попутчика, незаметно рассматривая. Правильные черты лица, удивительно яркие зеленые глаза и настоящая мечта каждой девушки – длинные черные волосы, собранные в хвост. Поскольку хвост лежал у него на плече, я могла его рассмотреть особенно хорошо. Вот на самом деле мечта: здоровые, блестящие, густые и идеально прямые волосы. Мне оставалось только с тоской размышлять, как я буду управляться с укладкой на севере.

Мы поднялись к самым облакам, туда, где не было видно землю. Казалось, дракон завис неподвижно. Смотреть в окно было неинтересно, сосед, кажется, спал и пока не собирался меня убивать. Так что, закрыв глаза, я решила немного отдохнуть.

– У-Ы-Ы-Ы! – раздался рев тролля.

Я обернулась и возмущенно воскликнула:

– А можно потише?!

Троль оскалился и попытался подняться. Ему мешали подлокотники кресла и едва втиснувшиеся на места соседи.

Меня вдруг силой развернули обратно. Недовольный мужик смотрел, как на ненормальную.

– Ты хочешь устроить потасовку в кабине дракона на демон какой знает высоте?!

– Есть правила поведения в общественных местах!

– Вот и засунь их... в одно место. Это не светский ужин. Сиди тихо и доедешь живой.

Троль перестал рычать, мужик снова закрыл глаза. А я пожалела, что не взяла даже газетку, хоть почитать со скуки. Так и задремала, привалившись лбом к мутному поцарапанному стеклу.

По ощущениям проспала совсем немного, а из сладких объятий сна меня вырвал чей-то противный голос.

– Просыпайся! Эй! Как тебя там, Хали?

– Леди ди Амос, – буркнула я.

– Не звучит.

Наверное, в моих глазах он прочел что-то нехорошее, потому что хмыкнул и опустил мне на колени какой-то мягкий сверток.

– Что это? – Я зевнула.

– Одевайся. Скоро будет холодно.

– Кабина что, без подогрева?

Нет, немыслимо! Ладно, пусть будет работа. Хорошо, пусть будет надзор этой деревенщины. Но кабина без отопления?! Seriously?! Папа отправил меня через всю страну на драконе, который даже не отапливается? Напишу письмо и выскажу все, что думаю о его воспитании.

– Улица без подогрева! – Сосед закатил глаза. – Одевайся, я сказал, не испытывай мое терпение, один раз ты его уже испытала.

Похоже, его грызло острое чувство неполноценности. Как же, получил от девчонки, а теперь еще вынужден ее куда-то сопровождать.

– Тоже мне, – негромко фыркнула я, – хваленые северные мужчины.

Сверток оказался ничем иным как штанами, каким-то жутким бесформенным тулупом и валенками. Валенками! Серыми! Отвратительной формы! Жесткими!

– А нельзя создать морозостойкий купол?

– Можно, – хмыкнул сосед. – Я и создам. А тебе нельзя.

Очень захотелось скинуть его с дракона. Но и правда, скандал в замкнутом пространстве со злющим мужиком – последнее, чего бы мне хотелось в конце дня... а вернее, в середине ночи. Слабый свет в кабине то и дело мерцал, за окном царил непроглядная тьма. Жутко, уныло и как-то даже убого.

Не только я переодевалась: позади шебуршался тролль, натягивая меховые шорты. От его движений к стенкам то и дело прижимало ближайших пассажиров, так что я еще раз порадовалась, что хотя бы сижу не рядом с ним. Пришлось преодолевать смущение, чтобы одеваться при соседе, несмотря на то, что весь этот меховой кошмар я натягивала прямо поверх дорожного костюма. Между прочим, жутко дорогого дорожного костюма!

Спустя пару минут в кабине появился не только тролль, но и йети. Йети звали Хейлин, и он недовольно сопел. Мех с куртки лез в нос, заставляя чихать, в штанах было жарко, а ноги в валенках болтались. Да еще и скотина рядом, не скрываясь, ржала.

В очередной раз бросив на него недовольный взгляд, я не удержалась и мстительно поинтересовалась:

– А вы чем волосы выпрямляете?

– Что? – нахмурился он.

– Ну... горячими пластинками или магией? Волосы... они у вас такие прямые.

– ...

– Не секутся, – добавила я.

Сосед предпочел промолчать. Очевидно, что его грызла обида. Не на удар магией – подумаешь, головой приложили, заживет его шишка до свадьбы. Скорее на удар по мужскому самолюбию. Интересно, кто он? Судя по виду – та еще неотесанная деревенщина. Наверняка из горняков, тех самых, которые вечно грязные, небритые и со странным юмором.

Как я скучала по Ариану! И ребятам. Наверняка сейчас сидят где-нибудь на пляже, попивают мятный лимонад и не могут помыслить, в каких жутких условиях я нахожусь.

Дракон вдруг сделал резкий рывок вниз, от чего сердце ушло в пятки. Я вцепилась в поручни кресла, стараясь сделать это незаметно. Не хватало еще, чтобы сосед заметил мой страх.

Потом последовал мощный рывок. Я чуть не вписалась лбом в стенку кабины. Наконец все стихло и медленно, со скрипом, открылась дверь.

В кабину влетел рой снежинок, а еще дыхнуло холодом. Неприятным таким, от которого мгновенно зачесались щеки. Никто не торопился подниматься с места, что намекало на промежуточную остановку. Я оглянулась, чтобы посмотреть, кто выходит. Честно сказать, подозревала тролля, но по шевелению рядом начала догадываться, что выходим мы.

Сосед быстро пробрался к выходу и бросил через плечо:

– Шевелись, папуля не обрадуется, если придется тебя искать по всему северу. Горы большие, а тролли любят человеческих подружек.

Соблазн выскочить из кабины одним прыжком был велик, но я сдержалась и с достоинством, насколько позволяла неудобная одежда, вышла на мороз. От сухого и холодного воздуха захватило дух, и пока я приходила в себя, дракон взмыл в небо. Небольшая метель от крыльев улеглась, и я получила возможность осмотреть... чистое поле.

Мы стояли посреди наспех расчищенной площадки, а вокруг с трех сторон раскинулась бескрайняя снежная равнина. С четвертой стороны виднелись горы и лес, но как-то совсем вдалеке.

– И где мы? – поинтересовалась я.

Мужчина извлек из внутреннего кармана куртки флягу, сделал несколько глотков, и вокруг него появилось едва уловимое сияние – поле, защищающее от холода. Я только завистливо вздохнула. Магии почти не было, артефакты отобрали.

– И куда мы? – пробурчала я новый вопрос.

На удивление мне даже ответили:

– В салон вечернего платья. Видишь тропинку? Вот и топай по ней прямо в лес.

Тропинку я не видела, о чем честно сообщила. Пришлось соседушке идти первым. Вообще он выглядел как-то уж слишком погруженным в свои мысли и даже не представился. Ну а я и не спрашивала, ибо какое мне дело до его имени? Придем на место, и кончится общение. Надеюсь, там будет, с кем поговорить.

По ощущениям мы шли минут тридцать и только-только подошли к лесу. На небе сияла полная луна, а из-за блестящих сугробов даже в темноте все было хорошо видно, но все равно мне стало страшно. Я никогда еще не была в настоящем лесу, не считать же за таковой наш городской парк в окрестностях пляжа. А тут в самом сердце севера, да еще и в компании мужика, имеющего на меня зуб. Прикопает в сугробе да скажет, что из дракона случайно выпала.

Где-то вдалеке ухнула сова. Молча идти было страшно, так что я продолжила приставать с вопросами.

– Хорошо, а что там за город? Есть куда выбраться вечером?

Спереди раздался приглушенный смех. Хотела было обидеться, но подумала, что обижаться имеет смысл только на кого-то, чье мнение тебя волнует. А мнение этого неотесанного меня совершенно не интересовало.

– Нет, ну даже если вы никогда в жизни не бывали в заведении, приличнее пивнушки, должны же были проходить мимо. Ресторация – это такое место, где м-м-м...

– Дурочки вроде тебя обрабатывают богатых идиотов.

– Это вы в книжках прочитали?

– Сделай одолжение, помолчи. И прими к сведению на будущее не орать в лесу как оглашенная. Это не загородный элитный клуб, это крайний север. Здесь водится нечисть, которая с удовольствием тобой пообедает.

Пожалуй, это была самая длинная его речь с самого момента знакомства. И не могу сказать, что она утолила любопытство, смешанное с изрядной долей беспокойства. Неужели папа мог отправить меня в место, где даже некуда вечером выйти на ужин?

Но долго ли, коротко, а любая дорога кончается. Эта, к счастью, кончилась внезапно. Посреди леса вдруг оказался невысокий, но крепкий магический фонарь. Мягким холодным светом он озарял небольшую поляну, а впереди, меж деревьями, виднелись другие огни.

– Вперед! – хмуро кивнул мужчина. – Дальше сама. У меня дела.

Пф-ф-ф, не очень-то и хотелось. Я гордо вскинула голову и прошла вперед, держа за ориентир огни. К счастью, пункт назначения был не так уж далеко, буквально через пять минут я вышла напрямик к большому каменному дому в два этажа. В некоторых окнах горел свет, большие двери смотрелись очень необычно за счет вставок из разноцветного стекла.

Вот только помимо дома, собственно, ничего и не было. Ни города. Ни других строений. Ничего!

По мере того, как я к нему приближалась, меня все сильнее охватывало нехорошее подозрение.

Я изо всех сил постучала в двери. Мужской голос раздался откуда-то сверху:

– Уилл? Долго же ты шлялся, твой багаж давно привезли.

– Леди ди Амос. Мой отец должен был договориться о моем приезде.

Я говорила максимально холодно и уверенно. Меньше всего мне хотелось доставлять кому-то удовольствие слабостью.

– А, это вы. Заходите. Я спущусь через десять минут.

Щелкнул замок – двери открылись. Я решительно вошла в большой холл.

Глава вторая

Как-то давно, еще во времена учебы в школе, папа брал меня в Азор-град, где жил его старинный друг. И мы ездили отдыхать в загородный замок – какой-то памятник древней архитектуры. Поговаривали, тот замок когда-то строил темный бог, впрочем, вряд ли вообще существовавший, но легенда была красивая. Так вот, в этом доме, затерянном в северном лесу, обстановка была схожая.

Каменные стены, высокие потолки, покрытые коврами полы – чтобы ноги не примерзали в период особенно жестких морозов. Решетки на окнах первого этажа (при возникновении пожара – горите), массивные железные люстры и какие-то странные украшения на стенах, похожие на рога.

Впрочем, в этой старинной замковой обстановке был свой шарм. И я бы даже назвала все вокруг милым, если бы, разрази их всех светлейшая, это была не избушка посреди метровых сугробов!

Хотелось умыться, согреться и еще в туалет. Я не стала ждать, когда за мной спустятся, и уж точно не хотела унижительно спрашивать уборную. А просто начала открывать все двери по порядку в поисках искомого. Первые две комнаты оказались закрыты, за второй находился, очевидно, склад рабочей одежды. Зато за третьей – как раз уборная. Перехватив удобнее сумку, я вошла внутрь.

Сначала скинула куртку, потом, подумав, штаны. Посмотрела на свое отражение в небольшом зеркале над умывальником и чуть не расплакалась. От мороза покрасневшая кожа обещала начать шелушиться, губы обветрились. Иней, образовавшийся на волосах, подтаял, и теперь кончики висели мокрыми сосульками.

Я тяжело вздохнула и, более-менее приведя себя в порядок, сполоснула лицо. Горячей воды в резервуаре не нашлось, а магией я теперь пользоваться почти не могла. Что ж, похоже, это был максимум комфорта, который мог предложить этот дом. Я собралась было выходить, и тут мой взгляд упал на сумку.

Косметичка! С трудом сдержала возглас ликования. Если было нужно, я умела собираться в считанные минуты. Достала из дорожной сумки косметичку и принялась наводить красоту.

Несколько взмахов пудровой кистью – идеальную кожу не так-то просто испортить морозом, тени, подводка, густая черная тушь. И слипшиеся от влаги ресницы стали пушистыми и упругими. Легкий блеск на полных губах, румяна в стиле «только с мороза». И в довершение – высокий хвост иссиня черных волос.

Что ж, отражением в зеркале я осталась довольна. А потом решила – гулять так гулять! Вытащила платье, туфли и, подперев дверь сумкой, чтобы никто не ввалился, быстро переоделась. Через несколько минут вместо йети посреди уборной стояла настоящая Хейлин ди Амос – та, что по праву получила в школе корону выпускного бала.

Я улыбнулась отражению и направилась к двери, полностью готовая ко всем испытаниям, которые приготовил папочка.

Выйти в холл не успела, услышала голоса и замерла.

– Ну и где она? – спросил какой-то мужчина. – Уилл!

– Что Уилл? – с раздражением ответил мой сосед. – Я ее отправил прямо к дому. Откуда я знаю, куда она подевалась? Говоришь, открыл двери и впустил?

– Угу.

– Может, пошла погулять?

– Да кто ж ее знает. Пошли искать. Не хватало еще, чтобы нарвалась на прошлую смену. Как она хоть выглядит?

На что тот, кого называли Уиллом, хмуро ответил:

– А какая, мать твою, разница, если она тут единственная девка? С кем ты ее боишься перепутать? Как все выглядит. Маленькая, невзрачная, в мешковатом костюме. Злая, как стадо утбурдов.

Тут я уже не выдержала и с достоинством вышла в холл, цокая каблуками по полу там, докуда не доставал ковер.

– Доброй ночи, господа. Хотя, пожалуй, вернее будет сказать – утра.

Они обернулись и застыли, словно попали под заклятие. Я в это время как раз успела рассмотреть собеседника Уилла. Им оказался хмурый мужчина лет сорока. По комплекции он напоминал шкаф среднего размера – такие широкие были плечи. Образ сурового северного горняка дополняла густая борода.

Уилл, соседка ненаглядный, лишился дара речи и заодно, похоже, здравого смысла, потому что так пялиться на ноги девиц не

своего круга на моей памяти не позволял себе никто.

– А где... – как-то неуверенно протянул он, но вопрос не закончил.

Зато за него это сделала я:

– Стадо утбурдов? Боюсь, в моем окружении подобный лексикон не в чести, так что ответить на этот вопрос, увы, не смогу.

Я перестала обращать на него внимание, хотя и почти физически ощущала пристальный взгляд. Сейчас меня интересовал его собеседник – он явно был главнее. Причем что-то подсказывало, что не просто главнее, а начальником всего этого... кхм... места. Лучше будет его очаровать, и, возможно, мне и работать не придется.

Я обворожительно улыбнулась и протянула руку:

– Рада с вами познакомиться, меня зовут Хейлин. А вы?..

– Кейн, руководитель группы, – кивнул мужчина и осторожно принял рукопожатие.

Мог бы и поцеловать руку, между прочим.

– Приятно познакомиться, Кейн. Думаю, мы найдем общий язык. Я, во всяком случае, очень рада наконец-то избавить вашего коллегу от тяготящей его обязанности сопровождения. Оказаться в таком интересном месте, уверена, выпадает на долю не каждой девушки. Расскажите о доме подробнее?

– Стерва, – донеслось тихо со стороны теперь уже бывшего соседа.

Когда Кейн отвернулся, я украдкой показала Уиллу неприличный жест, а спустя секунду уже изображала кроткую приветливую девочку. Соседу только и оставалось, что злобно крошить зубы на пол.

– Ну, идемте, леди ди Амос, – хмыкнул Кейн. – Покажу вам дом, но на длинную экскурсию не рассчитывайте – времени в обрез.

Мы вышли из холла через массивные темные двери. В доме было множество перегородок, дверей и ширм – то ли для сохранения тепла, то ли таков был замысел оформителя. А еще мне не встретилось ни одной комнаты без теплых ковров на полу, а местами и на стенах. Наверное, морозы здесь стояли и впрямь суровые. Но надо отдать должное хозяину дома – все было качественное, не роскошное – но дорогое. Уж я понимала.

– Мы занимаемся в основном лунными бриллиантами. Хотя не отказываемся и от самоцветов. Дом принадлежит хозяину, он на

сегодняшний момент крупнейший разработчик в этом районе. Наша группа состоит из тридцати пяти человек – три смены и пятеро из числа обслуживающего персонала. Ты, значит, шестая.

Меня передернуло от словосочетания «обслуживающий персонал». Уилл, шедший позади нас, усмехнулся – слишком громко, на мой взгляд.

– Два этажа. Верхний – жилой, плюс библиотека. Нижний – кухня, столовая, комнаты отдыха. Живем мы, строго говоря, по двое, но вы будете жить одна.

Он как-то странно задумался и вздохнул:

– Пока, по крайней мере.

Мы прошлись по всему первому этажу. В основном через несколько комнат отдыха с диванами, столиками и скромными настольными играми. Если бы не обстоятельства, мне бы даже понравился этот своеобразный северный уют. Я могла бы вообразить отдых здесь: зимний, наполненный ароматами свежего глинтвейна. Долгие вечера у камина. Да, пожалуй, как альтернатива пляжным вечеринкам и гонкам на досках в паре сантиметров от морских волн – вполне сойдет.

Когда мы остановились перед двустворчатыми дверьми, Кейн сказал:

– А там столовая. Сейчас мы вас покормим и покажем комнату. Приведете себя в порядок и познакомитесь с рабочим местом.

Я чуть нет выругалась. В порядок?! Я, по его мнению, как-то не так выгляжу для этой избушки?

– И еще, леди ди Амос... Я, безусловно, ценю женскую молодость и красоту. Даже в какой-то мере понимаю желание прекрасного пола выглядеть... кхм, прекрасно. Но вас все же попрошу одеваться скромнее и, как бы это выразиться, менее... – Он осмотрел меня с ног до головы, особенно – голые плечи и ноги. – Скорее даже более. Одеваться, в смысле.

Я фыркнула и сложила руки на груди.

– У вас что, дресс-код?

– Нет, у нас...

Кейн толкнул дверь, пропуская меня в столовую. Я застыла на пороге – такого пристального внимания на себе я не чувствовала, пожалуй, с самого выпускного.

– У нас тридцать пять мужиков здесь живут уже два месяца. Так что все-таки рекомендую одеваться попроще.

Уилл, протискиваясь мимо нас в столовую, не преминул ляпнуть:

– Как бы она ни оделась, все равно долго не протянет.

Вспыхнув, я подняла руку, но осеклась: вспомнила, что папа забрал и магию, и артефакты.

Очевидно, это было известно Уиллу. Он усмехнулся.

– Что, папочка забрал игрушки? Без них сложно выделяться?

– Чтобы ты, хвостик, умылся, магия совсем не обязательна.

Улыбнулась и перестала обращать внимание на пышущего злостью Уилла.

Кейн прокашлялся и громко – у меня аж уши заложило – объявил:

– Парни, знакомьтесь. Это Хейлин ди Амос, наша новая коллега. Она будет работать на кухне, так что с завтрашнего дня то, что вы еще не сдохли с голода, – прямая заслуга Хейлин. Девушку не обижать и по мере сил развлекать.

И уже мне:

– Идем, сообразим завтрак, и возьмешь его с собой в комнату. Сейчас одна смена пойдет работать, вторая будет дежурить по дому, а третья отправится отсыпаться. Дежурить по дому – это значит расчистить дорожки от снега, прибраться, помочь с разгрузкой, если привезли оборудование или продукты. Каждая группа работает по двенадцать часов, после – выходной, после – дежурный день. Ты работаешь шесть дней в неделю, последний – выходной. Завтрак рано, в семь утра. Это значит, что в шесть ты должна уже быть на рабочем месте. Обед в час, перекус в пять, ужин в восемь. Отбой в одиннадцать, на ночь столовая и все примыкающие помещения запираются.

– Почему? – спросила я.

– Потому что там, где команду я, не кусочничают по ночам. Есть режим питания – и этот режим соблюдают все. Север не терпит беспечного обращения с запасами, все строго рассчитано.

Нас провожали заинтересованные взгляды, но в столовой царила тишина. Я мысленно сделала зарубку: дружить с Кейном, его уважают. Если завоюю симпатию руководителя группы, буду в шоколаде.

А он вполне ничего, подумалось мне, пока мы шли к кухне. Ну да, размером со шкаф и бородатый, но бороду сбрить, а мускулатура с

древних времен привлекает девушек. Но я не практиковала легкие романы. Семья Ариана не потерпит в качестве невестки легкомысленную девушку, так что Кейна придется очаровывать несколько в ином ключе.

– Эй, Эрл! – крикнул Кейн.

Из недр кухни вышел грузный пожилой мужчина с пышными седыми усами. Он очень напоминал старого молочника, что вот уже лет десять привозил нам свежее молоко. Папа вполне мог оформить доставку одного из молочных хозяйств, но неизменно выходил по утрам на задний двор, чтобы купить у молочника кувшин свежего молока. Не знаю зачем – говорил, надо помогать тем, кто честно работает.

– Хейлин, это Эрл, наш повар. Эрл, девушку прислали к тебе в помощь. Сегодня будет распаковывать вещи, осваиваться и отдыхать после дороги, завтра в шесть утра пришлю ее к тебе, сам уж решай, какой работой нагрузить. Собери ей по-быстрому завтрак с собой, мне надо показать смене фронт работ через полчаса.

За последовавшими действиями повара я смотрела огромными глазами. В глубокую белую тарелку Эрл щедро положил рисовой каши с кусками какого-то мяса из огромной кастрюли, что стояла на столе. Поставил эту гадость на поднос вместе с блюдцем, на котором медленно таял кусок сливочного масла. Туда же положил два куска хлеба. А в стакан плеснул мутный коричневый напиток. По запаху я опознала какао.

Нет, я не верила, что это всерьез предлагали съесть на завтрак. Я, конечно, не ждала салат с руколой и финиками, но... ну не кашу же с мясом!

– Извините, – как можно более вежливо сказала я, – но я вегетарианка. И не ем мясо.

На что Кейн пожал плечами:

– Ну, значит, выковыряешь. Все, бери поднос и пошли. Покажу тебе комнату, и позавтракаешь там, а на обед уже спустишься к остальным.

Поднос донести никто не помог, спасибо хоть двери придержали. Какао в стакане источало совершенно жуткий приторный аромат. Я так сосредоточилась на том, чтобы не уронить поднос на новое платье, что

даже не запомнила дорогу. Только перед неприметной дверкой в конце коридора очнулась и поняла: пещер. Окончательный и бесповоротный.

– Ну, вот и комната, – провозгласил Кейн.

Комната?! Да это была тюремная камера! Небольшое квадратное помещение размером с мою гардеробную неприятно поражаало убогостью и темнотой. Окна, завешенные тяжелыми шторами, выходили прямо на неприветливый лес. А обстановка производила гнетущее впечатление.

Небольшой шкаф, крохотный письменный стол с неказистым и неудобным стулом, одноместная кровать, застеленная совершенно безвкусным покрывалом. Потертый, выдавший виды, красный ковер и жуткие темно-коричневые стены.

– К обеду ждем, вещи уже привезли. Располагайся. Да... почт забирают раз в неделю, так что, если захочешь кому-то написать, – поторопись, вечером будут относить.

Кейн оставил меня наедине с шоком и недоверием. Это же шутка? Дом выглядел хоть и не образцом шика и роскоши, но все же прилично! Так почему жилые комнаты такие... убогие?!

Я поставила поднос на стол и рухнула на кровать, сдавленно застонав. Это катастрофа! Окончательная и бесповоротная.

Вещи действительно уже доставили, и я почти сразу метнулась к сумке – достать бумагу и как следует высказать отцу все, что я думаю.

Работа? Хорошо, это в его стиле.

Север? Что ж, и в нем можно найти какую-то красоту.

Но тридцать горняков? Каморка на краю мира? Отсутствие вегетарианского меню?

От обиды зашипало глаза. Неужели папа знал, в каких условиях мне придется жить? Разлучил с Тигрой, лишил магии, отправил невесту куда. Вслед за обидой стало страшно: а если что-то случится снова? Я едва не умерла при рождении, вдруг все повторится? Здесь даже не позвать на помощь.

Но что толку было плакать и сокрушаться о том, что уже случилось? Оставалось лишь попытаться извлечь из ситуации хоть какие-то плюсы. Например, попробовать, что дали на завтрак.

К каше я даже не притронулась, понадеявшись, что на обед будет какой-нибудь салатик или овощной крем-суп. А вот бутерброд сделала. Теплое масло было не самого лучшего качества, а хлеб

зачерствел и едва жевался. Меняхватило лишь на глоток какао, и я поняла, что даже если буду умирать, к этой гадости не притронусь.

Нет, логики никакой. И так с питанием беда, так они еще и меня на кухню прислали. Изощренный способ самоубийства у них, что ли, такой?

Я быстро справилась с распаковкой вещей, стараясь не смотреть на колючие свитера и меховые ботинки. Любовно расставила на столе косметику, протерла зеркало, и тут меня осенило. А где, собственно, ванная?!

Я облазила все стены в поисках двери, даже потайной (ну а вдруг?), но ванной просто не было. Даже завалящей, даже крохотной! Ох, какое меня снесло нехорошее предчувствие!

Я осторожно выглянула в коридор и осмотрелась. Моя комната находилась в конце коридора, а между ней и лестницей притаились еще две двери. Такие же неприметные и небольшие.

Стараясь не дышать и уж тем более не цокать каблуками, я заглянула в ближайшую. Обнаружила там туалет и поняла, что... все. Хуже быть не может, общий туалет – это предел моих возможностей. Уйду в лес, и пусть меня съедят утбурды. Папе будет стыдно. Тигру только жалко, он-то не виноват.

За второй дверью ожидаемо обнаружила ванную. Хотя от ванной там было только название: деревянный, покрытый водостойким лаком, пол с дырой для слива воды и душ высоко-высоко над головой. Ни регулировки температуры, ни ванны, чтобы понежиться после тяжелого дня среди пены и соли.

– Отлично, просто отлично! – вздохнула я. – Общий туалет, общий душ, каша с мясом и я. Надо будет написать письмо для Рикки, она сделает из этого сюжета юмористическую книжку.

Но как бы то ни было, устраивать скандал с требованием отдельного душа смысла не было от слова «совсем». Кейн только разозлится, а мне это не на руку. Так что я вернулась в комнату, достала полотенце и едва уместила в руках склянки и коробочки. Условия условиями, а чтобы я забыла про все свои уходовые зелья, крема и порошки? Ну уж нет!

Полотенце повесила на крючок, баночки расставила на большой деревянной скамейке, потемневшей от сырости. Заперла дверь на хлипкую защелку и с наслаждением разделась. Даже такой убогий душ

обещал смыть всю усталость с тела. Настроение немного поднялось, и, напевая незамысловатую песенку, я встала под душ и коснулась кристалла, активирующего подачу воды.

А потом...

– А-А-А! – Я завизжала так, что крохотное окошко под самым потолком задребезжало.

Визжала долго и с чувством, сорвавшись на ругательство, а оттуда, откуда должна была литься горячая вожденная вода, сыпались мелкие колющие льдинки. Сыпались и сыпались, скатывались по волосам, превращая их в некрасивые сосульки.

В дверь с другой стороны что-то ударило. А затем голосом Уилла спросило:

– Какого демона ты там орешь?!

И в доказательство серьезности своих намерений сосед снова ударил дверь. Судя по звуку – головой.

Поняв, что сейчас меня, голую, замерзшую и злую, обнаружит взрослый мужик (а то и не один), я бросилась к двери и подперла ее плечом. Она сотрясалась от ударов, и я чуть не улетала на середину ванной.

– Хватит долбиться, я голая! – рявкнула не своим голосом.

Толчки прекратились, но этот нахал совершенно серьезно сообщил:

– Ну, я вообще догадался.

На возмущения не было времени, я быстро схватила полотенце и закуталась. К счастью, полотенце было огромное, теплое и скрыло меня всю, оставив лишь щиколотки и голые ступни. Успела буквально в последнюю минуту, потому что в итоге дверь все-таки открылась, явив Кейна. Он хмуро осмотрел сначала меня, потом комнату.

– Что тут происходит? Что у тебя случилось?

– В-вода...

– Горячая вода по часам. Утром два часа и вечером час. Это же не гостинный курортный двор.

– А холодная?

Плевать уже было на температуру воды, хоть какую-то дайте!

– Холодная – пожалуйста, но зачем орать?

– Душ, похоже, сломан.

Пока мы разговаривали, Уилл прошел в центр душевой и посмотрел вверх. Видимо, хотел визуально оценить поломку. Вообще идея была так себе, и вскоре он понял почему.

– Что с душем не так, Хейлин? – спросил Кейн голосом, каким разговаривают с маленькими детьми.

– Ну-у-у...

А, гулять так гулять! Я пожала плечами и коснулась кристалла.

– А-А-А! – орал теперь уже Уилл, только вместо визга сорвался на ругань.

– Фу, как некультурно, – прокомментировала я. – Шампунь подать?

– Да... с душем что-то не то, – посмеиваясь, согласился Кейн. – Хейлин, будь добра, воспользуйся или душем на первом этаже или тем, что дальше по коридору. Только оденься, не расхаживай по дому в полотенце. Уилл... даже не знаю, что сказать.

– Иногда промолчать – решение взрослого человека, – буркнул раздраженный сосед и быстрым шагом покинул ванную.

– Зато остыл, – хихикнула я.

Как заботливый дядюшка, Кейн укоризненно покачал головой. Но жизнь у руководителя группы отныне явно началась веселая.

Хотя кое-что царапнуло, но поняла я это лишь когда оказалась в другой душевой и более-менее привыкла к холодной воде. Я много видела, как папа общается с подчиненными. И хотя не слишком-то интересовалась его делами, подмечала детали, запоминала общую атмосферу. Кейн был начальником группы, имел авторитет – это было ясно, когда мы вошли в столовую. Никто и слова не проронил, когда Кейн начал говорить.

Но вот в Уилле я совсем не чувствовала пиетета. Отношения начальника и подчиненного я просекала сразу, а здесь... Да и вопрос вопросов: кому разрешат отлучиться с вахты в самый разгар работы? А Уилл спокойно расхаживал по Хиглейк-граду. Ну, до тех пор, пока не встретился со мной. Возможно, просто по заданию Кейна. Но...

Прикидывая, как бы раздобыть о группе больше информации, я вышла из душа. Пусть и холодная, но вода придала сил и бодрости. Ближился обед, после которого я планировала устроить себе экскурсию по дому. Может, что и прояснится.

Но когда я проходила мимо одной совершенно неприметной и чуть-чуть приоткрытой двери, услышала мужские голоса. Невольно остановилась. Да, подслушивать нехорошо. Но я уже и так по уши в неприятностях, хуже быть точно не может. А разве не любопытно, о чем тут болтают, вдруг обо мне?

– Кейн сошел с ума.

– Может, работает на конкурентов?

– Да за такое нас бы всех уже посадили. Все эти сказочки выглядят странно. И я намереваюсь доложить наверх.

Так-так-так... вот и первые интересности. Не все гладко в королевстве Кейна и Уилла. Народ, как всегда, бунтует и стучит наверх. Интересно, что за сказочки и что именно выглядит странно. Впрочем, добыча камней и бриллиантов всегда сопровождалась воровством, контрабандой и прочими незаконными делишками.

Моментально созрел план! Если я раздобуду доказательства, что здесь происходит что-то незаконное с подачи руководства, папа быстро заберет меня домой. Уж в этом можно не сомневаться. Он и о составе группы-то вряд ли знал, иначе никак не отправил бы меня сюда одну. А уж если здесь контрабанда... просто прелестно!

Я так и не смогла больше услышать ничего интересного и, насвистывая веселую песенку, вернулась в свою комнату.

Мое появление за обедом привлекло куда меньше внимания. Конечно, виной тому отчасти было то, что я вышла в черном брючном костюме, решив, что платье для обеда – это уж слишком. Да и народу было поменьше. Я вспомнила объяснения Кейна: одна смена ушла на работу. Вторая, по идее, должна была отсыпаться после ночи и вряд ли пришла бы в полном составе. А третья – дежурная – как раз и находилась в столовой.

Заметив меня, Кейн кивнул на пустое место рядом с собой. От меня не укрылось, как Уилл недовольно скорчил рожу. В воздухе витали тяжелые ароматы грубой и примитивной пищи.

Я как можно приветливей улыбнулась Кейну, хотя к горлу подступала тошнота.

Для меня даже заботливо принесли поднос, правда, его содержимое совсем не радовало. Как они до сих пор живы с таким количеством мяса? Да ни один желудок не выдержит!

Салат с мясом, огурцом и яйцами, суп с плавающими кусочками курятины и – о счастье! – тушеная капуста с какой-то невзрачной котлетой. Очень хотелось зажать нос, но я сдержалась, видя, с каким аппетитом все уплетают эту гадость. Взяла вилку и лениво принялась ковыряться в капусте. Она была слишком жирная, местами подгорела, а еще вся пропахла мясом.

– Что, не королевский рацион? – не преминул поиздеваться Уилл. – Ну ничего, завтра покажешь нам меню высокой кухни.

– Для тебя оставлю самые вкусные кочерыжки.

– Я намерен провести обед спокойно, – с нажимом заметил Кейн. – И в тишине. После обеда пообщаетесь.

Пришлось умолкнуть, но все равно последнее слово осталось за мной. Напыщенному Уиллу это не понравилось. И чувствовалось мне, месть еще впереди.

Один плюс: капуста оказалась такой жирной, что я наелась половиной порции. Кейн неодобрительно покосился на мой поднос, но ничего не сказал. А дальше и вовсе случилось настоящее чудо! Эрл, утром снабдивший меня кашей, вывез из кухни огромную тележку и раздал каждому по сладкой булочке, яблоку и небольшой глиняной бутылке молока.

Это же я смогу обойтись без ужина, на котором наверняка дадут что-то жутко жирное и мясное!

Отставив тарелку, я оглянулась в поисках obsługi, которая должна была забрать поднос с посудой. Но таковой здесь оказалось не предусмотрено. Наконец первый закончивший обед поднялся и отнес поднос к самому дальнему большому столу, где и оставил. Воодушевившись, я поспешила повторить.

А когда вернулась, Кейн и Уилл о чем-то спорили. Явно профессиональном: мелькали названия камней, уровни выработки, магическое укрепление шахт. Причем Уилл что-то отчаянно пытался доказать Кейну, а тот злился. Я даже заслушалась и не заметила, как вместе с большинством перешла в комнату отдыха.

Меня живо заинтересовали ряды книжных шкафов. Ну-ка, найдется здесь хоть что-нибудь интересное или нет? Приключения, романтические истории? Не самое интересное развлечение, но почему бы и нет?

Естественно, не нашлось. Складывалось впечатление, что книги сюда несли «чтобы было». И вряд ли кто-то вообще к ним прикасался: на всех полках лежал толстый слой пыли. Я вытащила книгу с симпатичным голубым корешком, украшенным золотым тиснением, и чихнула.

– Даже ты не сможешь так просто пробиться через годморстенскую руду! – донесся возмущенный голос Кейна.

– Давай на спор? В третьей шахте как раз в нее уперлись.

Книгой, которую я взяла с полки, оказался словарь синонимов.

– Торн, да сколько можно... как бы это не при девушке сказать...

– Выпендриваться? – подсказала я.

– При чем здесь... – Уилл пытался воззвать к голосу разума друга, но я его снова перебила.

– Хорошо, не нравится слово, подберем синоним.

Открыла книгу и вчиталась.

– Выкаблучиваться?

– Нет, это скорее вредничать, – хмыкнул Кейн.

– Держать фасон?

– У тебя все мысли о нарядах, – огрызнулся Уилл.

– Щеголять? Глядеть фертом? Ломаться? Трясти... Кейн, а что такое «муди» и как ими трясти?

С каждым слово Уилл наливался краской и в скором времени явно собирался меня придушить. Но я была бы не я, если б не продолжила:

– Фасонить? Выфиничивать? Фигурять?

Все, по его лицу поняла: надо сматываться.

– Ой, что-то устала я. Ну, пойду, а вы тут обсуждайте. Расскажите потом, кто победил.

У самой лестницы не выдержала – сорвалась на бег, а когда добежала до комнаты, с грохотом захлопнула за собой дверь.

Похихикала, вспоминая недовольную морду Уилла, и даже настроение немного поднялось. Я положила яблоко, булочку и молоко на подоконник, где было холоднее всего, а потом задумалась, чем бы заняться. Прихваченный словарь ну совсем не радовал, хотя надо будет на досуге переписать парочку интересных эпитетов.

Переписать... Точно! Кейн говорил, вечером отправят почту. А я как раз собиралась написать дорогому папочке, заодно и подружку развеселю – будет ей материал для книги. Рикки давно хотела написать

что-нибудь эдакое. Чем не подойдет история про богатую наследницу на луннобриллиантовом руднике?

«Дорогой папа!» – написала я и, подумав, скомкала листок.

«Папа! Если тебе интересно, я добралась до места. Комната небольшая, довольно прохладная. Тридцать пять горняков, живущих со мной в доме, даже пользуются магией для отопления. С утра сломался душ, так что теперь приходится стоять в очереди. Будь здесь женская душевая, было бы намного проще, но, увы: нет женицин – нет отдельной ванной.

Завтра я выхожу на работу. Надеюсь, получится донести до здешних обитателей, как вредно есть столько жирной и тяжелой пищи.

Напиши, как чувствует себя Тигра. Не забудь через две недели отвести его к звериному лекарю, а еще обязательно гладь перед сном, иначе он затоскует и заболит. Раз в два-три дня выводь его в сад, пусть он играет и бегает там, а после прогулки угощай его любимым паштеймом из утиной печени.

Жду ответа. Хейлин».

Вот так! По замыслу от такого писемца папочку должен хватить удар. Он отправлял ребенка на трудотерапию, а получилось, что отдал на сожительство с тридцатью мужиками в холодной комнате, да еще и с больным желудком от тяжелой еды.

И по Тигре деточка скучает – ну точно отцовское сердце не выдержит. Тем более что в этом его даже убеждать не надо было, про мою любовь к тигренку он прекрасно знал. Я бы многое отдала, чтобы сейчас рядом был Тигра. Он бы вряд ли понял мою печаль, но совершенно точно прижался бы к боку и грел всю ночь, мурлыкая в неприветливой тишине.

Я вздохнула. Ладно, что толку страдать впустую?

«Дорогая Рикки! Надеюсь, ты обустроилась в Эрстен-граде и уже вовсю радуешь своих читателей статьями. Я же пишу тебе для того, чтобы сообщить свой новый адрес. В ближайшее время (вплоть до моих указаний) пиши мне только сюда.

И ты на самом деле не поверишь, что произошло и где я нахожусь!...»

За письмом я просидела все время до ужина, а потом смотрела в окно, на заснеженные пышные ели, грызла яблоко и даже любовалась

некоторой романтикой в этом северном суровом пейзаже. Не хватало, пожалуй, камина, вина и хорошей компании. Ездят же люди в горы, кататься на лыжах и строить снежные крепости. А у меня как всегда...

Народ загомонил в коридоре: приближались часы горячей воды. Я выглянула было в замочную скважину, но тут же отказалась от идеи просить уступить мне ванную. Как это вообще будет выглядеть? Я встану в очередь в рядок с широкоплечими нелюдимыми горняками? Попрошу всех уйти и не стоять под дверью, пока я моюсь? Нет, уж лучше холодный душ – говорят, полезен для кожи и здоровья.

Когда толпа перед ближайшей душевой рассеялась, я прошмыгнула вниз, в гостиную, чтобы бросить два письма в общую кучу. Кейн говорил, вечером соберет их все и отдаст на отправку. Оставалось надеяться, доставка будет быстрой.

По дороге обратно я остановилась у зеркала и внимательно рассмотрела новую себя. Вернее, я осталась прежней, а вот обстановка вокруг была совсем другой. Пожалуй, она требовала коррекции образа. Холодным рудникам не соответствует строгий городской вид. Прямые волосы, ровная челка, идеальные линии в одежде – все не то. Север не терпит порядка. Он хаотичен, опасен, непредсказуем. Может очаровать, а может убить.

Решено: завтра же займусь новым стилем!

Я вдруг услышала негромкие голоса и не смогла сдержать любопытства. Прошлый подслушанный разговор дал ценную информацию и возможный козырь для возвращения домой. Вдруг удастся выяснить что-то и теперь?

Голоса привели меня к дверям на кухню. Одним из говоривших был повар Эрл – он убирался после ужина, а вторым... ну да, конечно, вездесущий Уилл Торн.

– Не, эта ди Амос не лучший экземплярчик. Вот в Градде была ведьмочка... характер, сила, чувство юмора. А эта... дешевая городская выскочка.

– А по-моему, она никому из наших не по зубам. Непростая особа.

– Умело созданный образ, только и всего. Пустышка, падкая на деньги и красивые слова. Дня за два, пожалуй, справлюсь.

– Ты слышал, что сказал Кейн? – Эрл хохотнул. – Ее отец важная шишка и друг хозяина. Не подходил бы ты к ней. Проблем не оберешься.

– Да брось, у нее такая репутация, что ди Амос без проблем поверит в историю о том, что его дочурка сама полезла ко мне в постель. Дай мне неделю и убедишься: втрескается, как мартовская кошка.

– Если нет, Торн, хочу половину твоей премии. Не меньше.

– Не вопрос.

Судя по звуку – ударили по рукам. Я задохнулась от возмущения: это что, на меня сейчас поспорили? Да чтобы я хоть взгляд бросила на этого неотесанного идиота, меня надо дубиной по голове ударить!

– Ну и когда начнешь?

– А прямо завтра. Только Эрл, ты заболеешь, идет?

– В смысле, заболеешь?

– В смысле, оставь ее на кухне завтра одну. Ну, так... во благо общей цели.

– Кейн нас убьет.

– Кейн завтра на смене. А жаловаться она не побежит.

Дальше слушать я не стала: рванула обратно в свою комнату. От ярости руки дрожали, когда я причесывалась ко сну. Нет уж! Нет-нет-нет, так просто я не сдамся и не упущу случая щелкнуть Уилла по носу. Если кто и победит в этом споре – то однозначно я.

Глава третья

Всегда ненавидела просыпаться резко. Сердце стучит, голова вообще не соображает, где она, страшно хочется пить, а в условиях крайнего севера еще и сдохнуть от холода. Когда я писала отцу письмо, никак не думала, что оно вдруг окажется правдой: утром стало ТАК холодно, что на миг показалось, будто меня ночью тайком выбросили на мороз.

Это ж если в помещении такой дубак, что снаружи?!

– Хейлин, – пробился сквозь сонливость голос Кейна, – просыпайся, ты нужна мне немедленно.

Расстояние от кровати до двери я преодолела одним прыжком.

Кейн чуть не поперхнулся, увидев меня в тонкой ночной сорочке, щедро украшенной кружевом.

– Переодевайся, – буркнул он. – Эрл...

– Заболел, – хмыкнула я.

Ну, конечно, кто бы сомневался. Устроили себе развлечение.

– А ты откуда знаешь?

– А я слышала, как его тошнило ночью.

– Хм... а он сказал, простыл.

– Врет. – Я с улыбкой пожала плечами.

А что? Мстить так мстить, пусть теперь объясняется перед шефом, что у него там болит такое забористое.

– Утбурд с ним, с Эрлом, через полтора часа завтрак, ты мне нужна на кухне. К обеду пришло кого-нибудь в помощь, но с завтраком тебе придется справляться самой. Не знаю, свари там что-нибудь, наверняка же умеешь.

Я не стала разочаровывать Кейна. Зачем лишний раз волноваться перед неизбежным? Но собиралась быстро, даже приняла душ за рекордные десять минут. Хотя в местном душе дольше и не просидишь: на горячую воду я или уже не успела, или еще не успела.

Пришло время распаковать вещи, что папа без моего участия отправил сюда. Надеясь найти что-нибудь теплое, я обнаружила... ну, это вполне можно было назвать свитером. Безразмерным таким свитером, невзрачного светло-коричневого цвета.

Ладно, для начала сойдет. Если закатать рукава и надеть под него облегающие черные брючки, будет даже стильно. Одного я не учла: без магии мои волосы перестали лежать идеально ровными прядями. Я скептически осмотрела творческий беспорядок на голове и в конце концов махнула рукой.

Папа говорил, что крупные иссиня-черные кудри были мамиными. И я их старательно выпрямляла столько, сколько себя помнила.

Кейн ждал в кухне. По его виду сложно было понять, какие мысли бродят в голове. Готовится к худшему? Не выспался? Злится на не вовремя «заболевшего» повара?

При виде меня он обернулся.

– Ну вот тебе, Хейлин, рабочее место. Продукты в тех шкафах, посуда – вон в тех. Мойка там, горячие шкафы и камни – там, некоторые артефакты в ящиках. Ну и стол для готовки вот. В кладовке найдешь тележку, но вообще откроешь окно раздачи – нечего таскать тяжести, не напрягутся подойти и взять. Все поняла?

– Поняла, – кивнула я, хотя главный вопрос так и остался без ответа. А что готовить-то?

Но Кейн уже ушел.

Что ж, будем импровизировать и для начала проведем обыск кухни.

Посуда: простая, белая, из жутко толстого фарфора с неровностями и сколами. Я с тоской вспомнила два наших шикарных сервиза из тончайшей керамики, с посеребрением и личным клеймом мастера. Когда кружку из него брали в руки, ее вес почти не чувствовался. А в эти если еще и чай налить, вообще с места не сдвинешь.

Целый холодный шкаф был под завязку набит мясом! Меня чуть не стошнило, когда в одном из свертков я обнаружила огромное сердце. Дальше решила не экспериментировать и поспешно закрыла дверцы. Зато во втором раздолье! Овощи, какая-то зелень, куча капусты.

Медленно начала вырисовываться идея... Да, точно, морковки – хоть отбавляй!

На стол для приготовления я выложила морковь, муку, яйца и соль. Хорошо, что все в кухне управлялось кристаллами, ведь я

благодаря папе осталась без магии. Плохо, что артефактов для чистки морковки пока еще не придумали.

Я как раз взялась за очередную, как сзади что-то бумкнуло и покатилося по каменному полу. Я резко обернулась: дверца холодного шкафа с мясом была открыта, а сердце, беспечно оставленное мной в наполовину открытой упаковке, пропало.

– Это что еще за новость? – удивилась я вслух, но по большей части чтобы было не так страшно.

О наличии животных Кейн не предупреждал. Снова шуточки Уилла? Если он надеется сначала испугать меня, а потом спасти как храбрый рыцарь, то я ему забрало сломаю и копьё погну.

В полнейшей тишине, нарушаемой лишь моим дыханием, раздалось смачное чавканье. Звук привел к кладовке, дверь в которую оказалась чуть приоткрыта. Решительно, дабы не успеть испугаться, я сунула нос внутрь.

Шлеп! С противным звуком сердце упало на пол, а на меня уставились два светящихся синих глаза. В темноте я не смогла рассмотреть, что там такое сидит, а пока искала световой кристалл, существо опомнилось и снова вцепилось в заветное лакомство.

– Отдай! – Я потянула на себя.

Голыми руками трогать скользкое мясо было противно, но в голове что-то щелкнуло, и никак не хотелось отдавать вверенное имущество загадочной твари из кладовки. Она тянула к себе, я – в противоположную сторону. В итоге грубая женская сила победила. Правда, она же потом и села на пол, когтями вцепившись в сердце.

А из кладовки раздался жалобный голодный плач.

Свет наконец загорелся, хоть и с задержкой. Моему взору предстала до ужаса странная картина, теперь уже не пугающая, а жалостливая, что ли. В углу кладовки, съежившись, плакала маленькая черная тень. Размером не больше средней кошки. От ее поскуливания сжималось сердце. Причем и то, что в груди, и то, что я держала в руке.

– Ты кто?

Естественно, мне не ответили. Вряд ли эта тень вообще могла говорить, а вот голодать – вполне. Она почему-то вдруг напомнила Тигру. Казалось бы, ничего общего, но где-то в Хиглейк-граде точно так же без хозяйки скучал маленький тигренок.

– Ладно, держи, – сдалась я. – Ешь свое мясо.

Бросила сердце обратно и тут же быстро отошла. Просто на всякий случай.

Вообще в школе меня как-то больше занимали старшекурсники академии, тайные вечеринки и способы получить оценку, не выполняя задания. Так что о магических существах крайнего севера я была осведомлена... да никак не была осведомлена. И что такое странное трескало в кладовке сырое сердце, понятия не имела.

И ведь раз трескала сердце – могла закусить и мной. Но любопытство оказалось сильнее разумного опасения.

– Ты кто? – спросила я, без особой надежды.

Тень перестала чавкать и осторожно на меня покосилась.

– Меня зовут Хейли.

Она дочавкала лакомство и вылезла из кладовки, дав возможность себя рассмотреть. Странная, но забавная, очертаниями напоминающая какое-то привидение с когтистыми лапами. Вся была соткана из черного тумана, и только глаза горели ярким синим цветом.

– Ну привет, что ли, – немного нервно хмыкнула я.

Тень осторожно помахала лапой. Что ж, есть меня не торопятся, а с остальным разберемся позже. Совсем скоро тридцать голодных мужиков спустятся и будут требовать завтрак.

Я быстро смешала целый тазик морковного теста, нарезала тридцать яблок и отправила их в печь, а в трех огромных чайниках заварила чай. Была жутко горда собой, ибо раньше в таких объемах не готовила. Хотя нельзя сказать, что я совсем не знакома с кулинарией. Как и везде, у нас в последние годы стало модно лично готовить что-то на вечеринки. Я всегда была лучшей во всем, а потому и кое-какие полезные (а в основном красивые) блюда изучила.

Морковные котлеты с запеченными яблоками были одним из таких блюд. Вкусно, сытно и без ужасных жирных мясных составляющих. И уж конечно, я понимала, что взрослому мужчине требуется куда больше калорий, чем мне. Поэтому на каждую порцию рассчитала по три котлеты.

Получилось очень красиво. Яркий фруктово-овощной утренний позитив!

– Эй! – крикнула я тени, которая сунула нос в печь. – Ты уже поела, это не тебе! И спрячься, что ли, если не хочешь, чтобы о тебе

узнали и выгнали на мороз.

Я даже не задумалась о том, что, возможно, о присутствии тени знали все, кроме меня. Но видимо все-таки нет, потому что таинственная нечисть поспешно скрылась в кладовке. В этот же момент в кухню заглянул Кейн. Как чувствовал!

– Как у тебя тут дела?

– Все прекрасно. Могу подавать завтрак.

С каким сомнением он на меня посмотрел! На лице отразилась такая неуверенность, что мне самой стало немного неуютно.

– Ладно... подавай.

Тридцать тарелок с завтраком уже были расставлены на столе, а я чувствовала, как руки и ноги готовы отвалиться от усталости. Невыносимо! И как Эрл здесь работает каждый день?

Небольшое окошко выдачи явно использовалось крайне редко, потому что мне с трудом удалось его открыть. Кухня тут же наполнилась звуками: в основном переговаривались сонные горняки. Одна смена спешила на работу и, отдохнув, весело шутила, вторая в основном зевала и потирала глаза, а третья предвкушала дежурство по дому и особым восторгом не пылала. Вот кстати, почему я одна должна прыгать на кухне? Могли бы по очереди. Если на завтрак моих сил еще хватило, на обед – возможно, хватит, то с ужином вообще ничего не обещаю. Молочка попьют с печеньем.

Первым в очереди стоял Кейн. Похвально, похвально: если уж травиться, так начальству. Хотя я бы поставила хвостатого. Ему явно не хватает витаминов в головушке.

– Доброе утро, Хейлин.

Я едва не рассмеялась: прозвучало почти испуганно!

Протянула Кейну тарелку, кружку с чаем и несколько печенек, а затем взялась за вторую порцию. Но отходить от окошка Кейн почему-то не спешил.

– Это что? – хрипло спросил он.

– Котлетка, – невозмутимо ответила я.

– Котлетка?

– Она самая. Очень полезная морковная котлетка. Целых три! А для улучшения пищеварения – печеное яблочко. Я бы намазала медом, да не нашла.

– Медом? – Он уже почти сипел, а лицо выражало такой шок, я аж пожалела, что не знаю, где лежит аптечка.

Но Кейн вряд ли был бы руководителем, если бы не умел брать себя в руки. Пожав плечами, он хмыкнул и громко, чтобы было слышно в каждом уголке столовой, возвестил:

– Ну что, господа, в темпе завтракаем – и по местам. За все благодарим Эрла.

После этого очередь пошла живее, а вот Уилл стоял в самом конце и о чем-то весело беседовал с бородатым грузным мужчиной. Когда они подошли к окошку, мужчина получил свои законные котлетки, а затем настал черед Торна.

– Котлетка, – усмехнулся он, – может, найдешь что-нибудь *мужское* на завтрак?

– А, да без проблем.

Вот как знала!

– Держи. Настоящая мужская морковка. Грызи на здоровье.

Не стала наблюдать за тем, как лицо Уилла медленно вытягивается. Он взял толстую короткую морковку исключительно от растерянности, а вот отреагировать не успел: я захлопнула окно и скрылась в кладовке.

– Ты тут? – спросила.

Синие глазищи вылетели из-под полки.

– Тоже буду тут прятаться. Но ты лучше не вылазь, вдруг меня найдут.

В темноте и тепле я почти уснула. Все-таки для девушки, привыкшей вставать изрядно после восхода солнца, ранние северные побудки были тем еще испытанием. Оставалось только с ужасом представлять, во что спустя пару недель превратится кожа. И масла не найти, чтобы хоть как-то защититься от такого режима. Волосы уже превратились в копну соломы, скоро от толпы горняков меня можно будет отличить исключительно по размеру ноги.

Приготовив на всех завтрак, я сама поесть не успела. И теперь страдала, чувствуя, как от голода сосет под ложечкой. Но вылезать не хотелось. Мало ли кто меня там поймает, а так, может, и забудут.

Нашла в одном из мешков яблоко и принялась грызть. Прошмыгну к себе, когда все поедят. Запрусь, и пусть сами кормятся. Что-то я недооценила усталость.

В полной тишине слышались тяжелые шаги. Я шикнула на завозившуюся в глубине кладовки тень и затаилась сама.

– Хейлин, – это был Кейн, – прекрати прятаться. Все равно найду. Мне надо с тобой поговорить.

Молчу. Вдруг прокатит?

– Хейлин! Ты уже не ребенок, вылезай немедленно!

– Или что? – вырвалось у меня.

Тут же прикусила язык и обругала себя.

– Ага! Нашел!

Кейн распахнул дверь кладовки, и яркий свет хлынул в помещение. Тень, к счастью, удачно забилась куда-то за мешки с крупами.

– И что ты тут делаешь?

– Точу в ночи, – буркнула, помахав яблоком. – Что, Уиллу не понравилась морковка? В следующий раз дам ему банан.

Кейн тяжело вздохнул и сел на ближайший стул. Так мы и разговаривали: я из кладовки, он вещал со стула, а тень просто развесила призрачные уши.

– Видит Светлейшая, я не нанимался няней для взрослой девицы.

– В этой заднице мира обращаться надо исключительно к Темнейшему, даром что его не существует. Светлоликая про это место явно забыла.

– Конечно, ведь ее благословением озарены только термальные источники и шоколадное обертывание. Никак не работяги, да?

– Вот видите, и сами все понимаете. Ну, я пошла, еще дел столько...

– Сидеть! – рявкнул начальник.

Тут-то мне и стало понятно, за какие заслуги Кейна назначили главным. Вряд ли, конечно, горняки реагировали на его командный голос так же, как я, но к порядку он призывать умел, это точно.

– Хейлин, – уже прозвучало мягче, – я не против твоих вкусов. Ты можешь питаться овощами, фруктами, да хоть снегом и солнечным светом! Но у нас есть правила. И в этих правилах есть раздел про питание. Людям, которые выполняют тяжелую физическую и магическую работу, нужна энергия. Жирная пища. Мясо. Понимаешь?

– Сочувствую, но ничем помочь не могу. Если бы было известно, что вам нужен работник на кухню, который работает с мясом, меня бы

не прислали.

А вот тут я совершенно точно соврала: это не им был нужен работник, а мой папочка решил, что трудотерапия – это здорово. И Кейн об этом знал, но переспорить меня в виду малого опыта в спорах с женщинами не пытался.

– Ладно. Хорошо. – Он трагически возвел глаза к небу. – Я пришлю кого-нибудь для готовки мясных блюд на обед и ужин, а завтра вытащу Эрла за шкурку из постели. Будешь заниматься мытьем посуды и... не знаю, десертами. Булки печь твой культ морковки и яблока не запрещает?

– Булки печь запрещает талия, – пробурчала я, но под суровым взглядом Кейна поспешно кивнула.

– И да, Хейлин, мне нет никакого дела до того, что у вас с Уиллом, но, если твоя выходка повторится, – будешь наказана. Я делаю некоторую... скидку на то, что ты не приспособлена к такой жизни и на период адаптации у нас. Однако твоя адаптация не должна влиять на моих сотрудников. Все личное – за пределами кухни и рудников, понятно?

– Понятно, – буркнула я, подавив совершенно детское «Он первый начал!».

Ну да, я ударила Уилла энергошаром. Случайно! Ну да, немного поддела его в драконе. Так он тоже не образец дружелюбия, в отместку называл стервой. А вот спорил он на меня совершенно самостоятельно. И если уж быть честной, спор на девушку лично в моих глазах казался более серьезным преступлением, чем свежая, сочная, сладкая и даже мытая морковка на завтрак.

Но все это я не стала озвучивать Кейну – боялась, что он совсем выйдет из себя.

– Рад, что мы друг друга поняли, – кивнул он и поднялся. – Убери посуду и свободна, а за два часа до обеда тебя позовут.

Стоп! Что?! Посуда?!

Снедаемая нехорошими предчувствиями, я выглянула в зал, откуда уже ушли все горняки, оставив мне горы посуды. То есть реально горы. Да я дала им по одной тарелке и одному стакану! Откуда это все?! И где пресловутая дежурная группа, которая должна была приводить в порядок дом?

Я застонала и сползла на пол по стене. Тень, вылезшая из кладовки, сочувственно крутилась рядом.

– Котлету хочешь?

Вот кто по достоинству оценил настоящий витаминный завтрак. Жаль только этот «кто-то» часом ранее сожрал целое сырое сердце.

Но делать было нечего. Если я не хотела просидеть в кухне до самой старости, надо было браться за эту гору посуды. Я с отвращением поморщилась. И где артефакты для мытья? Дома все было красиво: большой просторный шкаф, кристаллы концентрированной чистоты. Расставил в шкафу посуду, раскидал голубые, пахнущие мятой гранулы, и через час посуда чистая. А здесь что? Примитивная мойка, какой даже в домах бедняков не все пользуются.

Только на то, чтобы перетаскать все тарелки, стаканы и приборы в кухню ушел добрый час. Посуда оказалась адски тяжелой, словно сделанной не из фарфора, а из камня. Я даже проверила их все на разного рода шуточные заклятия. Вдруг горняки решили мне отомстить?

Потом я чудом обнаружила кристаллы чистоты. Дешевенькие, бледно-голубые, но все же какие-никакие! Шкафа, конечно, не было, а из крана мойки текла ледяная вода. Я и забыла, что горячую здесь подают по расписанию. Хотя мне и в голову не могла прийти мысль, что на кухне тоже.

Кейн все-таки был немного оторван от реальности.

– Помой посуду и иди отдыхать, – бурчала я.

Приходилось после каждой тарелки добрую минуту отогревать руки, ибо от воды их ломило так, что я чуть не прикусила до крови язык. Неподалеку на стене висели часы, стрелки на которых неумолимо отсчитывали время до обеда. Я бы бросила это неблагоприятное занятие, но упрямство и злость на весь мир не давали расклеиться. А пусть им будет стыдно! Вот умру от переохлаждения, тогда узнают.

Я даже замечталась. Представила Кейна и остальных, столпившихся у плотенького сугроба, усыпанного кристаллами чистоты.

«Мы мало знали Хейлин, но слишком много жрали», – как-то так началась бы прощальная речь Кейна.

Потом бы приехал папа и призвал всех к ответу: что случилось с моей дочерью? Чудом выздоровевшей в детстве? Кто довел ее до безвременной кончины?

Уилл Торн сделал бы робкий шаг вперед, и его убило бы гигантской морковкой, потому что Светлейшая милостива и справедлива. И придурков не уважает.

– Хейлин? – вырвал меня из фантазий чей-то голос. – А меня прислали к тебе в помощь.

Я обернулась и увидела симпатичного светловолосого парня. То есть как парня... Он, конечно, был немногим старше меня. Лет двадцати двух, максимум – двадцати пяти. Но если все мои друзья, включая Ариана, обладали хоть и подтянутым, все же стройным телосложением, то этот парень выглядел так, словно провел все свои детство и юность на стройке. Я не хотела сказать, что он был пугающим, просто... каким-то слишком сильным, что ли.

– Ой, – он заметил мои покрасневшие руки, – а чего ты не надела перчатки?

– Перчатки? – как идиотка, переспросила я.

– Ну да, Эрл всегда моет посуду в перчатках.

– А... я не нашла.

– Сейчас поищем.

Он быстро пошурудил по шкафам и вскоре действительно извлек пару огромных перчаток, сверху обшитых непромокаемой кожей. Я не стала говорить, что вряд ли смогла бы мыть в них посуду, настолько неожиданной оказалась такая забота.

А потом он и вовсе протянул руки и накрыл ими мои!

– Ледяная! Ну-ка, садись, я сам домою. Садись, садись!

Заинтересованно рассматривая помощника, я опустилась на стул. Со спины он выглядел еще более впечатляюще. Было в мощной фигуре парня что-то такое... привлекательное, захватывающее дух. Хотя, надо признаться, физический труд приносит некоторое очарование в облик. Из всех, живущих в доме, толстым можно было назвать лишь повара Эрла. Кейн, Уилл и остальные смотрелись очень и очень неплохо. Не в моем вкусе, но надо признать: неплохо.

– Что будем готовить на обед? – меж тем спросил парень.

Я рассеянно подумала, что он даже не представился.

– Сам решай, тебя Кейн прислал на мясные блюда. Я, пожалуй, сделаю капустный салатик и тушеные... вот это что? Кабачки?

Я поморщилась, потому что в большой коробке несколько кабачков подгнили и блестели от влаги.

– Значит, будут кабачки.

– А мы думали, ты совсем не умеешь готовить.

Я закатила глаза. Думали они, конечно. В первый же день обсудили меня с ног до головы и вынесли логичный и простой вердикт: глупенькая богатая девочка. Так-то оно так, но... в общем, не важно. Я слишком долго создавала этот образ.

– Дома я была в хороших отношениях с экономкой. Видела, как она готовит.

– И что, ты вообще мясо не ешь?

Этот вопрос интересовал его явно давно. Похоже, в типично мужской голове не укладывалось то, что кто-то мог отказаться от такой жуткой еды, как мясо.

– Совсем не ем.

– А я вот люблю. – Парень мечтательно вздохнул. – А особенно на огне. Выберешь кусочки получше, чтобы с жирком, но не слишком много. И на угли. Чтобы с хрустящими краями и нежное внутри. Делаете томатный соус, холодный, макаете туда кусочек и запиваете холодным пивом. Жаль, Кейн строго запретил пить на работе, даже в выходные. Но ничего, вернемся домой, я...

Мы услышали шаги и обернулись, а весьма довольный собой Уилл застыл в дверях.

– Решил помочь новенькой определиться с обедом, – не скрывая недовольства, сообщил он.

– Спасибо, – я холодно улыбнулась, оборачиваясь, – мне уже помогли.

Внутренне я злорадствовала: Уилл оказался в совершенно идиотской ситуации. Уйти ему не давала гордость, а развернуть в кухне бурную деятельность – я. Он явно чувствовал себя ненужным и поэтому просто буравил нас взглядом. Проходя мимо него к раздаточному окну, я прошипела:

– Не надейся, дырку не прожжешь!

В ответ на это Уилл только фыркнул. На его счастье в кухню заглянул один из горняков и сообщил, что Кейн ждет всех на

совещание. А мы получили возможность спокойно разложить обед.

С помощником работать оказалось куда удобнее! Этот парень, улыбчивый и простой, был мне понятен. Он ничем, в сущности, не отличался от Ариана и остальных. Ему нравились красивые девушки, а еще он буквально жаждал побыть рыцарем для прекрасной дамы.

Как-то давно моя подруга Рикки научила меня отличному приему, как очаровать мужчину буквально одним-единственным взглядом. С тех пор для меня не существовало недостижимых целей. Достаточно было посмотреть прямо в глаза парню, а потом опустить их вниз и перевести взгляд в сторону, чтобы снова вернуться к объекту. А если добавить загадочную полуулыбку... они плыли и готовы были сделать все, что попросишь.

Я и попросила. Разложить еду, развезти ее по столам. А когда он вернулся с пустой тележкой, нарочито устало зевнула и потеряла покрасневшие от холода руки. Разумеется, сделав вид, что не заметила присутствия помощника в кухне.

– Может, пойдешь отдыхать? – предложил он. – Ты и так нам помогла.

– Боюсь, Кейн убьет меня, если я не сделаю ужин.

– Я тебя прикрою. У него нет времени контролировать тебя постоянно, а уж я пару раз совру, что ты вышла за сахаром или в уборную.

Восторг, с которым я бросилась на шею к спасителю, был вполне искренний. Отлично сработано, Хейли. Пожалуй, мне здесь может и понравиться. Ведь какая девушка не мечтает ощутить себя принцессой в окружении тридцати верных рыцарей? Ладно, двадцати девяти, Торна в расчет не берем, он конь.

– Кстати, я Серж. Живу на первом этаже, вторая дверь справа. Заходи.

– Обязательно.

Подмигнув счастливому парню, я поспешила упорхнуть к себе, не забыв прихватить пару яблок. На ужин.

Какое это блаженство, в первых лучах холодного зимнего солнца вернуться в теплую постельку! Задернуть плотные шторы, умыться, сладко потянуться и свернуться клубочком под теплым одеялом. Ничто не сравнится со здоровым дневным сном. Плавное перетекающее в вечерний.

Когда я засыпала, было еще темно и солнце только-только вставало из-за гор. Когда проснулась, обнаружила себя все в той же густой темноте. Похоже, я проспала весь день. Вот что делает недостаток солнечного света и тепла: хочется, как медведь, впасть в спячку. И там тихо умереть, потому что зачем вообще просыпаться, если нельзя ни в бар заглянуть, ни по магазинам пройтись?

Я лежала под теплым толстым одеялом и отчаянно не хотела вставать. Там, внизу, уже наверняка закончился ужин, и все разбрелись по комнатам или гостиным. Завтра снова придется показаться на кухне. Во-первых, «выздоровеет» Эрл, а во-вторых, надо будет найти еще пару жертв. Как минимум троих из разных смен, чтобы было кому прикрыть меня перед Кейном. Может, жизнь здесь и наладится.

Пока я размышляла, подниматься в холод или нет, дверь вдруг скрипнула и мягко закрылась. Я затаила дыхание. Это еще что такое?! Кейн, разгневанный тем, что я проспала весь рабочий день, пришел разбираться? Но шеф не стал бы красться.

Торн! Меня осенило так резко, что я чуть не подпрыгнула, а одновременно с этим задохнулась от ярости! Так вот, значит, как он решил выиграть спор! Подумал, что если явится ко мне ночью, легко получит свое?! А потом будет хвастаться своими победами среди этих... этих мужланов!

– Хейли-и-ин...

От вкрадчивого и почти ласкового шепота я окончательно взбесилась. Правда, еще и испугалась. Нет, парни ко мне приставали и раньше, но у меня была магия, а теперь что? Яблоком в него кинуть? Или затыкать насмерть морковкой?

– Хейлин, я соскучился.

Интересно, а если я незаметно тут полежу, он может подумать, что меня нет?

Кровать прогнулась под тяжестью мужчины, и тут уж я не выдержала!

– Знаешь, что, Торн?! Иди-ка ты...

– Торн?!

– Серж?!

Мы дружно задумались. Я о вечном, а Серж – обо мне.

– Ты что тут делаешь?

– Я подумал, тебе будет скучно.

– И решил развеселить?

– Да брось, Хейлин, – в темноте послышалась усмешка, – я тебе понравился. К тому же согласишься, приятно было ничего не делать весь день. Я прикрыл тебя за ужином, сказал, что ты порезалась и ушла бинтовать руку. Кейн поверил, а я заслужил награду.

– Возьми со стола морковку! – отрезала я. – За кого ты меня принимаешь?!

– За девушку, которой мне так не хватало...

И я бы поверила в этот нежный шепот и, может быть, даже порадовалась ласковому прикосновению к своей щеке, если бы не девяносто килограмм живого веса, вдруг вдавившие меня в кровать. Предупреждать о таком надо, я воздуха в легкие набрать не успела! А еще вдруг резко поняла, что это все не шутки и Серж действительно пришел за своей наградой. Знала б, и на ужин котлетки приготовила.

В противостоянии с мощным горняком я была... ну как щенок с волком. Пока хищник позволяет, щенок царапается и борется, но стоит только прижать его лапой... Дальше метафора заканчивалась и начиналась суровая проза жизни. А еще папа, когда учил меня самообороне, был прав: в критической ситуации кричать почему-то совсем не получается.

Вся энергия уходила на то, чтобы справиться с голосом, поэтому, когда протяжный вой наполнил комнату, я решила, что у меня все-таки получилось позвать на помощь. Не сразу дошло, что выло нечто рядом. А потом Серж скатился с кровати и с грохотом свалился на пол, не переставая... выть?

Я села в постели, пытаюсь рассмотреть хоть что-то в этой непроглядной тьме. И увидела два синих светящихся глаза, которые летали над барахтающимся в одеяле Сержем и выли.

Парень уже не пытался подняться и сбежать, он просто полз к выходу, как гусеничка, волоча теплое одеяло. Когда он выполз из комнаты, я опомнилась и рванула следом. Он же весь дом перебудит!

Народ начал выходить и на нас таращиться. На ползущего к лестнице Сержа и на меня, босую, в тонкой сорочке.

– Что здесь происходит?! – По лестнице поднимался Кейн. – Серж, что с тобой?

– Да она ведьма! – проревел парень.

– Предлагаю ее сжечь, – хохотнул кто-то.

– Заодно и мяса поедим.

– Прекратите! – рявкнул Кейн. – Серж, какого?! Хейлин, объяснитесь!

– Там тварь!

– Фу, как грубо. – Я поморщилась. – Ну да, не накрашена, но чего сразу тварь-то?

Серж сбивчиво, захлебываясь впечатлениями, описывал злоключения в моей спальне. Правда, в его версии я позвала его сама, чтобы как следует поразвлечься ночью, потом (вот тут начался откровенный бред, и я даже усомнилась, не напился ли он прежде, чем прийти ко мне) я якобы прочитала жуткое заклинание, и на него набросилась тень со светящимися красными (а он еще и дальтоник) глазами.

– Она питается душами невинных! Я слышал о таких! Умбрины!

– Умбрины – это сказки. – Кейн закатил глаза. – Светлейшая, вы же не маленькие дети в лагере! Вам пора перестать верить в страшилки.

– Да у него вообще хорошая фантазия, – подала голос я. – Никто Сержа не звал! Я его первый день знаю, какие развлечения? А запутался он в одеяле. Ну да, оно темное, но красных глаз у него нет, я бы заметила. Меньше надо по чужим спальням лазить! И не будет мерещиться.

– Она врёт! – взвыл Серж.

– Нет, это он врёт!

– Стерва!

– Я же говорил, – это подал голос Уилл.

– Ладно, давай-ка подумаем, чья версия звучит правдоподобнее. Что я прочитала жуткое темномагическое заклинание и тебя атаковал сгусток зла, или что ты приперся к девушке ночью, рассчитывая поразвлечься, получил отворот и теперь пытаешься не казаться полным придурком? Что, аргументов мало? Ладно. Тогда каждый желающий может написать моему отцу и удостовериться, что у меня нет ни магии, ни артефактов. Только учитывайте, что, получив письмо с фразой: «Знаете, мы тут пытались вашу дочку оприходовать, но не можем понять, есть у нее магия, или нет», папа придет в ярость. А папа в ярости – страшное зрелище. Спокойной ночи, господа.

Желающих лично убедиться в отсутствии в моей комнате умбрин попрошу выстроиться в очередь и входить по одному.

С этими словами я развернулась и гордо прошествовала до самой двери в комнату, хотя ноги и руки при этом жутко тряслись! Я никогда еще не представала в таком виде перед таким количеством мужчин. Даже для Ариана выбирала наряды скромнее.

А тут еще и чуть не попалась. Не хочу думать, что сделает Кейн, узнав, что в моей комнате и впрямь живет какая-то нечисть. Но на добро она ответила добром, так что защищаться будем вместе и до последнего. Пусть хоть такой друг, чем никакого. А еще она напоминала о Тигре. Как он там, мой котеныч?

Когда я вошла и крепко заперла дверь, из-под кровати показались испуганные синие глазищи.

– Никого, – шепотом сказала я. – Можешь вылезать.

Мы снова залезли под одеяло. Оно заглушало мой голос.

– Значит, ты называешься умбриной, да?

Тень моргнула дважды, что, по-видимому, означало «да».

– Но ты ведь не сгусток темной энергии?

Снова два раза. Это да или нет?

– Ну ладно, но ты никого не хочешь убивать?

Один. Не хочет. Уже хорошо.

– Надо хранить тебя в секрете.

Мырг-мырг.

– Не волнуйся. Я буду тебе помогать. Спасибо, что отвела этого Сержа. Надо менять тактику, пользоваться красотой слишком опасно. В следующий раз могу и не выкрутиться. Что бы такого придумать...

Глава четвертая

Тень, которую Серж назвал умбриной, работала неплохой грелкой. Темная она энергия или не темная, а утром мы спали практически в обнимку, греясь под одеялом. От мороза стекла трещали самым натуральным образом.

– Кошмар, – вздохнула я.

Настроения не было от слова «совсем», ведь впереди меня ждали ледяной душ, завтрак под чутким руководством Эрла и встреча со свидетелями ночной сцены.

Народу еще не было, горячую воду не дали, но и ждать ее я тоже не видела смысла. Ледяной душ уже представлялся не пыткой, а чем-то привычным. Самое сложное – потерпеть первые минуты. Чувствовать веяние холода от слабой струйки воды с потолка и заставить себя зажмуриться, шагнуть вперед и не отпрыгнуть с визгом. А потом, через некоторое время, станет полегче.

На этот раз умбина полетела со мной и все время, что я готовилась, нетерпеливо крутилась в комнате.

– А если снаружи кто-нибудь будет, когда я закончу, как ты собираешься прятаться?

Мырг-мырг. Тень проворно исчезла в вентиляции, просочившись через мелкую решетку.

– Круто, – хмыкнула я. – Ну... пошли!

Набрала в легкие воздуха, закрыла глаза, сжала кулаки и ступила... под горячую воду.

От удивления открыла и глаза, и рот, нахлебалась воды и закашлялась. Умбина суетливо замелькала под ногами, как будто беспокоясь. Хорошо, что она беззвучная, чувствую, характер у нее круче, чем у Тигры.

– Это ты сделала? – спросила я. – Воду нагрела?

Мырг-мырг.

– Здорово! – Я буквально задохнулась от счастья. – Спасибо! Найдем тебе на кухне что-нибудь вкусненькое.

Донельзя счастливая тень унеслась под потолок, а я... о, я познала истинное блаженство. После холодной комнаты, ледяного воздуха в

коридоре и мучительного ожидания такой же воды, я нежилась под горячими струйками, разминала мышцы и чувствовала себя самой счастливой девушкой на свете.

А счастливые, как всем известно, часов не наблюдают, поэтому, открыв дверь душевой, я нос к носу столкнулась с компанией злющих сонных горняков. Их предводителем сегодня был Уилл. Это его очередь пахать в рудниках или нет?

– Доброе утро. – Я лучезарно улыбнулась. – А там горячая вода заканчивается...

Хихикнула, глядя, как сразу двое мужиков внушительной комплекции застряли в дверях, вернулась к себе, быстро оделась и поспешила вниз. Умбрина куда-то пропала, но в том, что тень объявится на кухне, я не сомневалась. Оставалось лишь придумать, как в обход Эрла стащить для нее что-нибудь вкусненькое.

Когда я спустилась вниз, повар уже суетился на кухне. Он вообще двигался с удивительной для грузного человека сноровкой. Мне подумалось, что здоровье у Эрла неважное, с таким-то лишним весом, да еще и на тяжелом калорийном питании. В отличие от горняков, повар не вкалывал на морозе, поэтому лишнюю энергию не тратил, а откладывал в бока и другие стратегически неважные места.

– Завтрак вот, – буркнул он, едва на меня взглянув.

На столе лежали два бутерброда с сыром и бужениной, стояла кружка с чаем и тарелка с овсяной кашей на молоке. Что ж, в этот раз хотя бы без мяса, если не считать буженину, которую я украдкой выковыряла из бутербродов и завернула в заготовленный платок. Для Умбри.

Несмотря на то что я видела только внушительную спину Эрла, все равно чувствовала неприязнь, исходящую от повара. Хм... появилась крайне интересная идея.

– Знаешь, Эрл, мне не помешал бы друг в таком холодном и неприветливом месте.

– Мне за тебя не доплачивают, а я не нянькой устраивался работать. Доедай и берись за дело, скоро завтрак.

Я тяжело вздохнула, вложив в этот трагичный вздох максимум актерского таланта.

– Жа-а-аль. Кейн наверняка огорчится, узнав, что двое его подчиненных поспорили на новенькую сотрудницу.

Повар замер, так и не отрезав несчастной морковке пимпочку. Я с довольным видом жевала бутерброд.

– Ты ничего не докажешь.

– Если повторишь это еще раз сто, согласишься. Сам ведь знаешь, что мне и доказывать ничего не придется.

– Чего ты хочешь?

– Пока не знаю. Но обязательно придумаю. Что у нас по плану на завтрак?

Эрл пыхтел и сопел от возмущения, но понимал, что теперь со мной придется быть ласковым и чутким, прямо любящим дядюшкой. Из чего я сделала вывод, что за азартные игры, споры и другое неспортивное поведение Кейн своих ребят как следует гоняет. Даже настроение поднялось.

– Можешь заварить чай, – наконец милостиво разрешил «дядюшка».

Видимо, не придумал для меня задания, которое не нарушило бы его покой. Поэтому я решила вложить, так сказать, всю душу в утренний напиток. В кухне стояла какая-то открытая банка с чаем, но, будем откровенны, пах и выглядел он преотвратно.

Эрл нехотя сказал, что внизу, в хранилище, есть еще несколько видов, и я могу выбрать тот, который мне понравится.

В хранилище вела узкая и темная каменная лестница. Едва спустившись, я озябла. Магия не держала здесь тепло, в основном хранили замороженные продукты и всякие разные долгосрочные запасы, которые не требовались ежедневно. Я с интересом изучала свертки, ящики, банки и мешки, бродила вдоль массивных грубовато сделанных полок, отмахивала от свисающей с потолка колбасы. Ровно до тех пор, пока не нашла с десятков банок с надписью «чай».

– Умбрия! – прошептала я, зная, что тень наверняка улучит момент и появится. – Я тебе буженины стащила.

Так и есть: два синих глаза тут же показались из-за мешка с картошкой. С довольным чавканьем тень проглотила кусочки мяса и в благодарность обвила мои плечи, чтобы стало тепло. Вместе мы копались среди чаев, отбрасывая один за другим.

– Светлейшая, ну и жуткий запах, как будто кто-то хранит тут носки! Неудивительно, что они кладут в чай так много сахара. О, а вот этот пахнет мятой... неплохо. Так, а тут у нас что?

В глубине полки я разглядела какую-то банку, но не смогла прочитать этикетку. Просунула руку, чтобы ее схватить, и, когда вытащила, увидела... глаза. Но не такие, как у Умбри, а натуральные выпученные глаза со зрачками и даже ресницами. Глаза смотрели на меня, а потом побежали. С негромким топотом они скрылись в темноте между полок.

Я снова понюхала ближайший чай. Может, это не чай? А что, с Эрла станется подрабатывать, продавая какие-нибудь запрещенные табачки с эффектами. Делать здесь нечего. Другого объяснения бегающим глазам я найти не смогла.

– Кофе! – воскликнула, увидев этикетку.

Запах тоже радовал. Не годморстенский, конечно, средней прожарки, но вполне неплохой. Думаю, смогу сварить некрепкий черный кофе на завтрак и хоть пару минут провести в наслаждении.

Тень снова скрылась за мешками. Эрл заканчивал с омлетом.

– А... – Я замялась, ибо ну как вообще принято говорить человеку, что у него на кухне глаза бегают?

Может, не говорить? Может, я того... переволновалась?

Но затем над головой Эрла я заметила движение и снова встретила взглядом с неизвестным глюком. Он задорно помахал ресницами и потопал к вентиляции.

– Эрл, а м-м-м... ты когда-нибудь видел глаза отдельно от... остального?

Повар замер над огромной кастрюлей с омлетом.

– Какие глаза?

– Зеленые, – совершенно честно призналась я.

В глубине души (а может, и не в глубине, а где-то на поверхности) я ждала, что Эрл сейчас рассмеется или посоветует обратиться к лекарю. Да я и сама уже была готова бежать с просьбами о помощи, потому что... ну глаза ведь! Такого даже с перепоя не выдумаешь. Но повар, к моему удивлению, вместо того чтобы поднять меня на смех, уточнил:

– Где?

– Там. – Я ткнула пальцем на потолок.

Но прежде, чем Эрл задрал голову, в кастрюлю с омлетом, подняв тучу брызг, плюхнулись глаза. А затем еще и еще. Я могла поклясться,

что во время полета они задорно моргали и помахивали длиннющими ресницами!

Эрл молча и очень мрачно наблюдал, как с потолка в только что приготовленный омлет дождем падают большие зеленые глазищи.

А я... а что взять с девчонки? Сначала думала завизжать, а потом решила не тратить силы и залезла на стол. Предварительно убедившись, что НАД столом нет никаких глаз.

– А... м-м-м... здесь только глаза водятся? Никакие другие части тела не бегают? – на всякий случай решила уточнить.

Эрл побагровел. Дверь в кухню открылась, и заглянул Кейн:

– Ребята, скоро завтрак?! Мы опаздываем!

– У нас карантин! – рявкнул Эрл, захлопывая дверь прямо перед носом начальника. – Так, Хейлин, беги в хранилище, достань там какие-нибудь консервы и выдай всем!

– Я туда не пойду, там эта гадость!

– Не пойду?! – взвыл Эрл. – А есть они что будут?!

– Омлет!

– Он испорчен!

– Они хотели мяса? Чистый белок!

– Это просто насекомые! Местные... не знаю, что у вас там в Хиглейк-граде есть? Кузнечики? Вот, это северные кузнечики.

– У кузнечиков уши на ногах, а не глаза! Я туда не пойду, там темно и разные части тела бегают!

– Да миграция у них, сезонная! – взорвался повар. – Каждый сезон так! Валят, куда похолоднее.

– Вот дураки, – хмыкнула я.

Собиралась было слезть со стола и все-таки сходить в хранилище. Нет, не потому, что трем десяткам горняков хотелось есть, а потому, что внизу осталась Умбрия, и, положив руку на сердце, в противостоянии тени и мигрирующих глазищ не факт еще, что тень выиграет. Вон их сколько.

Пока мы с Эрлом препирались, из всех щелей на стены повывлазили новые насекомые. Моргали, моргали, будто внимательно нас разглядывали.

Хотя почему «будто»? Они и разглядывали. Когда открылась дверь и вошел Уилл, все как один глаза повернулись к нему. Мужчина даже замер.

– Ой, – сказал он. – А у вас карантин, да?

– У нас миграция, – пробурчала я, раздосадованная, что меня застали на столе.

– И куда мигрируешь?

На это я предпочла не отвечать, но господин Торн пребывал в удивительно бодром расположении духа. Он с усмешкой посмотрел, как я неловко слезаю со стола, смахнул пару глаз, которые упали ему на плечо, и заглянул в кастрюлю с омлетом.

– Если долго всматриваться в яйца, однажды они начнут всматриваться в тебя, – пробурчала я ему на ухо.

Словно соглашаясь, глаза в омлете несколько раз моргнули.

– Торн, помоги Хейлин вытащить консервы из хранилища, пока я тут все обрабатываю.

– Консервы? – скривился Уилл. – А посвежее ничего нет?

– Есть! – рявкнул повар. – Омлет глазастый!

– Так это уже не омлет, это глазунья.

– Вот и жри! – бросила я из темноты.

Рванула вниз, чтобы предупредить Умбрю, ибо эта сволочь все равно потащится следом. Наверняка в надежде, что я от страха еще куда-нибудь залезу.

– Умбря! – Мой шепот всколыхнул темноту и тишину хранилища. – Прячься хорошо, сейчас сюда один дурак спустится!

– С кем ты тут разговариваешь?

Вместе с Уиллом в хранилище пришел свет. В отличие от меня, Торна не наказывали отсутствием магии, так что в добавление к тусклой лампе, едва-едва освещавшей полки, появился световой шар под самым потолком.

– Уговариваю себя быть терпеливой и понимающей. Где тут консервы? Я не хочу, чтобы на меня свалились ваши излишне глазастые кузнечики.

– Там. – Торн ткнул пальцем в дальний угол, где действительно высились ящики с незнакомыми символами, наверняка обозначающими неприкосновенные запасы долгохранящихся продуктов.

Полная размышлений, смогу ли найти там что-то вегетарианское, я попыталась открыть крышку верхнего ящика, но потерпела сокрушительную неудачу: сломала оставшиеся ногти. Придется делать

модный нынче маникюр «под корень». Отвратительное место с отвратительными условиями для жизни. И не надо мне говорить, что благодаря горнякам такие, как я, имеют возможность хорошо жить и бурно развлекаться! Если бы они хотели улучшить свои условия, ни один делец бы не смог отвертеться. А раз все послушно продолжают мыться по часам, значит, всех все устраивает. Ужас!

Я так увлеклась, что не услышала осторожные шаги Торна. Проклятая крышка никак не поддавалась.

– Может, поможешь уже?! – обернулась и как-то совершенно внезапно оказалась в ловушке между стеллажом и ящиками.

А Уилл своей не самой худощавой... как бы так сказать тактичнее... тушей загораживал проход! И глаза у него хищно блестели, прям как будто только что из омета.

– Нам надо подружиться, Хейлин. Здесь довольно скучно, а мы можем скрасить друг другу холодные одинокие ночи. Ты же любишь богатых мальчиков. А я очень богат.

– И все еще мальчик? – Я с сочувствием покачала головой.

– Пойдем со мной, проверишь.

– Ты что, эксгибиционист?

– Чего? – Уилл опешил и даже очарование подрастерял.

– Ну не знаю, а чего тебе пришла в голову такая светлая мысль, когда по всему дому, – я красноречиво обвела взглядом помещение, – глаза бегают.

– Я могу, – Уилл наклонился ближе, моих губ коснулось обжигающее дыхание, – избавиться от всего, что нам мешает.

– Тогда избавься от себя!

Я сделала над собой усилие и отпихнула нахала, хотя на несколько мгновений почти поддалась его необъяснимой магии. Ничего, кроме глухого раздражения, этот человек не вызывал. Благодаря ему я вызвала гнев отца, благодаря ему осталась без магии, он постоянно доводит меня издевками и комментариями. Но злодеи часто притягательны, а мерзавцы умеют казаться милыми.

– Эти консервы?

– Вон те, – злобно буркнул он, – нижние. Давай, я достану.

Что ж, мне хотя бы не пришлось таскать тяжелые ящики. Удивительно, что Уилл вообще согласился мне помочь, но если он

запомнит и сохранит этот спокойно-отстраненный тон, то мы вполне сможем существовать в одном доме.

Так думала я, пока мы выносили два ящика с консервами в кухню. Вот только — трижды «ха-ха» — я плохо знала Уилла Торна. Он перестал бы быть самим собой, если бы не отомстил.

* * *

— Вандалка! — выл Эрл. — Идиотка! Канарейка! Да кто тебя читать учил?! Послала же Светлейшая наказание, разрази меня гром!

На крики, естественно, сбежались все, кто еще оставался в столовой, а их было ни много ни мало — человек десять. Среди зевак был и Кейн. А еще был Уилл, и от того, чтобы ткнуть в него пальцем и свалить всю вину, меня удерживало лишь то, что не поверят. Готова была поклясться всем гардеробом, у Торна был отвратительно самодовольный вид!

— Что здесь опять случилось? — хмуро спросил Кейн, отчетливо сделав ударение на слове «опять».

— Она диверсантка! Кейн, я Светлейшей клянусь, ее прислали, чтобы мы все с голоду тут умерли!

Шеф лишь вопросительно приподнял бровь, ибо ровным счетом ничего не понял. Как, в общем-то, и я.

Когда Уилл помог вытащить две коробки с консервами на кухню, Эрл был занят травлей глазастых насекомых, так что на меня не обратил никакого внимания. Я не горела желанием быть приобщенной к охоте на незваных гостей и занялась непосредственными обязанностями. Каждый горняк на долгожданный завтрак получил по одной консерве из лосося, стакану чая (я тщательно проверила, чтобы ни один глаз не упал в огромный чайник) и сдобную булочку. Как по мне, вполне неплохой завтрак, и я с удовольствием присоединилась ко всем.

А потом Эрл выскочил из кухни, обвел безумным взглядом довольных коллег и разорался. Может, у нас на кухне завелись галлюциногенные глаза?

— Лосось! — наконец простонал бедняга. — Лосось! Годовой запас лосося!

– Чего? – не поняла я.

– Тебе кто разрешал консервы эти раздавать?!

– Ты и разрешал! Сам сказал идти за ними!

– Не за лососем же! О, Светлейшая!

– Эрл, я, честно сказать, тоже не слишком понимаю, – сказал Кейн. – Будь добр, поясни, почему то, что Хейлин принесла лосося, – ужасно?

– Ты его цену видел? Я делаю лососевый суп один раз в месяц! И кладу три – три!!! – банки в суп. А не тридцать раздаю просто так! Это был годовой запас деликатесов!

– Ой, ну надо же, – скривилась я. – Кто бы мог подумать, что вы тут приличную еду раз в месяц видите. Я-то думала, нашла наконец лучик света в этой жопе зебры.

– Куда уж нам до королевских банкетов, – язвительно ответил Эрл.

На что я не преминула напомнить:

– Зато я в азартных играх не участвую!

Кейн был бы отвратительным руководителем, если бы не насторожился:

– О чем это она?

– Понятия не имею, – буркнул Эрл.

Но кричать перестал и старательно отводил от меня взгляд. То-то же! Возомнил себя начальником, спорщик недоделанный. Они оба получают сполна за спор на меня. А Торн еще за подставу с лососем. А ведь он специально указал мне на два нижних ящика! И достать помог, явно зная, какотреагирует Эрл, если мы сожрем всю рыбу.

– Кейн, – взмолился повар, – убери ее на денек, а? Я тут глаза травлю, мне некогда учить принцессу житейской мудрости. Дай ей выходной, например.

Некоторое время Кейн думал, почесывая бороду.

– Ладно. Так даже лучше. Хейлин, ты наверняка видела библиотеку. Там нужно разобрать последние поступления и, по возможности, навести порядок на стеллажах. Займись, будь добра, пока в кухне карантин.

Я кивнула, даже несколько обрадовавшись. Библиотека – это же намного лучше, чем глазастый омлет!

– Чего уставились?! – вдруг гаркнул шеф на любопытствующих подчиненных. – Расходитесь, у вас что, работы нет?! Сейчас обеспечу!

Он наклонился к Эрлу и тихо-тихо, практически на ухо (но я все равно услышала), сказал:

– А суп у тебя на редкость отвратный. Не переводи рыбу, она, оказывается, вкусная.

Я фыркнула, Эрл покраснел до кончиков ушей, а Кейн усмехнулся в усы и оставил нас. Начальник явно пребывал в удивительно приподнятом настроении. Мне даже не влетело, хотя еще пару дней назад за такое бы точно отругали как следует. Видать, и правда лосось попался вкусный.

– Все, иди уже! Ты ведь этого добивалась. – Эрл едва ли не подтолкнул меня в спину.

Я обернулась на столовую, где большая часть горняков уже закончила завтракать. Торн сегодня никуда не торопился, поэтому неспешно доедал и, естественно, смотрел в мою сторону. Я, ничуть не скрываясь, показала ему кулак.

А этот дурак отсалютовал вилкой с нанизанным кусочком аппетитной красной рыбки. Ну ничего... я ему еще устрою. Хейлин обязательно нанесет ответный удар, и он будет смертельным!

Глава пятая

В библиотеке мы с Умбрей одновременно перебирали книжки и держали военный совет.

– Надо мстить, – решила я.

Умбрия согласно закивала.

– Но как?

Тень пожала плечами и печально сползла по стеллажу на пол.

– Нужно что-то масштабное. Чтобы на всю жизнь запомнил. Но при этом чтобы не убил. В голову какие-то глупости лезут. То пастой измазать, то чесотку напустить. Надо что-нибудь...

Мой взгляд упал на толстую и изрядно потрепанную книгу. «Сто рецептов на все случаи жизни: от похорон до инаугурации».

– Название странное, но, кажется, книжка что надо!

Ее давно не открывали. Обложка запылилась, листы склеились, кое-где виднелись пятна, словно давным-давно эта книга была настольной у какого-нибудь кулинара и частенько лежала прямо на столе, среди ингредиентов для очередного вкусного шедевра.

Иллюстрации внутри, скажем прямо, не впечатляли. Художник явно без вдохновения калякал черной тушью по страницам, и получившиеся кляксы лишь отдаленно напоминали кексы, тортики и запеченных уток.

Я пролистала первую половину книги и уж было отложила ее, как Умбрия полезла под руку.

– Что?

Синие глаза быстро-быстро заморгали, а сама тень от возбуждения аж дрожала.

– Думаешь, это поможет отомстить Уиллу?

Тень активно закивала.

– Но как?

Я вчиталась в первый попавшийся рецепт, и по мере того, как я осознавала написанное, челюсть падала ниже и ниже.

– «Жаркое проклятия икоты»? «Драники бестактности»? «Сырники разврата»? А вот это, посмотри, «Суфле из несбывшихся

надежд»! Или вот – «Борщ безумия!». Умбрия, это же кулинарная книга ведьмы!

Я закусила губу. Соблазн попробовать хоть один из рецептов на заносчивом и самодовольном Торне был велик. Но ведьмы... Для ведьмовских зелий не требовалась магия, но ведовство покорялось далеко не всем. А с теми, кому не удавалось овладеть древним знанием, играло жестко и требовало особую плату.

– Не знаю. – Я засомневалась. – Это как-то слишком. То есть Торт, конечно, дурак...

«Мырг-мырг».

– Но я бы не стала кормить его «Заливным импотенции».

Умбрия сделала молниеносный круг по библиотеке и остановилась у окна. На покрытом инеем стекле медленно проявились буквы.

– «А вот он бы тебя сырниками разврата точно накормил», – прочитала я. – Твоя правда. Но как-то это неправильно, что ли. Я совершила столько ошибок, что делать еще одну, открывая ведьмовскую книгу...

Умбрия печально поникла.

– Если только что-нибудь нейтральное... неопасное...

«Мырг-мырг».

Я пролистала самый конец книги, где шли рецепты сладкого.

– Вот! Смотри, как тебе? «Торт любви к ближнему»! Сделаем из Торта душку?

Если бы Умбрия умела улыбаться, на ее лице совершенно точно появилась бы коварно-злорадная улыбка. Но так как моя новая подруга и защитница не то что улыбок, даже лица не имела, я усмехнулась за нас обеих.

Книгу пришлось спрятать, ведь Кейн, если такое увидит, убьет не раздумывая. Если уж во вверенном ему доме не приветствуются споры, то темная магия и подавно под запретом. Ночью, когда все лягут спать и можно будет не опасаться незваных гостей, обязательно прочитаю всю книгу. Даже если и не использовать ведьминские рецепты, уже одно понимание принципов такого колдовства сыграет мне на руку.

– Фишка в том, – объясняла я Умбрии, раскладывая книги, – что для ведьминских зелий не нужна магия. Сила появляется из ингредиентов,

зелья подпитывает природа. Вот только где мы найдем нужные ингредиенты?

На это тень махнула лапой, мол, не забивай себе голову, прорвемся. Но, надо думать, здесь есть кабинет с настойками и лекарствами, а у Эрла найдется сундучок с приправами. Лунного света – мощного катализатора всех магических процессов – на севере в избытке.

– А знаешь, – задумчиво произнесла я, – здесь не так уж плохо. По крайней мере, есть чем заняться, кого покорить. И папа не смотрит своим взглядом. Не ищет маму в каждом движении. Вот бы Тигра еще был здесь. Тебе бы он понравился. Слушай, а ты можешь поехать со мной, когда наказание кончится? Папа долго не выдержит. Получит мое письмо, и мигом отзовет! А ты можешь полететь со мной? Я спрячу тебя в сумке, а дом у нас большой. Вы с Тигрой подружитесь.

Умбрия так активно закивала головой, что, не будь она у нее призрачной, отвалилась бы как пить дать.

За дверью послышались шаги. Тень стремительно юркнула в темноту между стеллажами, а я убедилась, что ценную книгу не видно. Ее надежно скрывал свитер, который я сняла.

– Хейлин, – в библиотеку заглянул один из парней, – привезли почту, для тебя письмо.

«Папа!» – пронеслось в голове.

Я мигом схватила плотный пергаментный конверт и, когда парень ушел, уселась обратно на пол, в кучу книг и журналов. Любопытная Умбрия подлезла под руку.

– Рикки Карамель, – с разочарованием произнесла я.

Нет, не то чтобы я была не рада письму хорошей подруги, но... почему она нашла время ответить мне, а родной отец проигнорировал все, что я написала?!

«Дорогая Хейлин!

Спасибо за твое письмо, оно изрядно подняло мое настроение. Я действительно вовсю обустроиваюсь в Эрстен-граде. Работа сложная: событий мало, приходится оживлять газету всеми силами. Но я стараюсь, и, кажется, людям мои статьи нравятся. Во всяком случае, тиражи считают в один миг! Хотя в скором времени мы явно столкнемся с кризисом идей.

Знаешь, читать о твоих приключениях очень интересно! Непременно пиши мне обо всех событиях, рассказывай, как тебе живется на севере и что интересного там у вас происходит. Если будет что-то нужно, дай знать.

Целую. Твоя Рикки».

Помимо письма в конверте были вырезки из газет со статьями Рикки, и некоторое время мы с Умбрей читали светскую хронику небольшого южного городка.

– Сы-ы-ыра хочется, – вздохнула я. – Там такой сыр вку-у-усный.

Потом писали ответ, и я постаралась как можно эмоциональнее изобразить заполонившие кухню глаза, реакцию на них Эрла, подставу с лососем. Лишь о найденной книге умолчала, справедливо опасаясь, что кто-то может вскрыть письмо.

Потом, когда подошло время обеда, я вернулась в комнату. Эрл снова раздал консервы, правда совсем не лососевые, а какие-то просто рыбные, совершенно безвкусные и слишком жирные. Вдобавок я получила целое яблоко, сверток с печеньем и кувшин чистой прохладной воды. Сойдет, куда деваться. Главное, чтобы глаза не поселились и в спальнях.

Запершись, уверенные, что все горняки сейчас обедают, мы с Умбрей снова открыли ведьмовскую книгу.

– Гримуар принадлежит леди Алессии Торвилд, – прочитала я. – Ведьме и советнице Темнейшего.

Помимо напечатанных рецептов в конце книги оставались чистые листы для записи, где таинственная ведьма Алессия делала свои пометки и записывала явно придуманные рецепты. Одному из них была отдана вся последняя страница. Щедро сдобренный иллюстрациями, рецепт подробно описывал крайне сытное и столь же варварское блюдо: кусок жареного мяса.

– «Стейк для темного бога», – прочитала я. – Фу, Умбрия, какой ужас!

Вплоть до конца обеда мы листали колдовскую книгу. Кроме рецептов ведьма Алессия делала в книге заметки. Гримуар стал не просто книгой ведьмовских рецептов, а настоящим дневником. Удивительно: в прошлом я не любила читать подобные книги, но наблюдать за становлением Алессии оказалось дико интересно.

Она получила эту книгу от матери, в день своего восемнадцатилетия – об этом свидетельствовала дарственная надпись. Первым ее рецептом было, как и положено юной девушке, приворотное зелье. Правда, рядом с рецептом, на полях, красовалась красная пометка «не работает!».

Постепенно Алессия набиралась силы, рецепты становились сложнее, а иллюстрации и оформление – замысловатее. Примерно на середине книги я вдруг наткнулась на нечто необычное. Не заметку, не рецепт и не заклинание, а на рисунок мужчины. Алессия изобразила его со спины, но с такой скрупулезностью отрисовала детали, что сомнений не оставалось: это был реальный человек, очень важный для ведьмы.

– Советница Темнейшего, – вновь прочитала я надпись. – Интересно, кто он? Маг?

Умбрия махнула лапой и унеслась куда-то через вентиляцию. Читать старую книжку ей явно было скучно, а вот я занялась рецептом торта. Вставала одна проблема: как накормить Торна этим десертом так, чтобы не досталось другим. Впрочем, проблема быстро решилась: весь секрет оказался в пропитке для коржей. Сироп с особым магическим эффектом служил лишь дополнением к тортику, а значит, ничто не мешает мне приготовить его отдельно и пропитать нужный кусок. Я ведь все равно разношу всем еду.

Я быстро переписала рецепт в блокнот.

Паприка годморстенская, чайная ложка, – наверняка найдется на кухне. Розмарин обычный – тоже. Морозостойкий крестоцвет – растение северное, прогуляюсь за оградку. Настоянная на лунном свете вода вообще не проблема. Лекарственный корень голда есть в каждой аптечке, а слезы девственности... Попрошу Умбрию укусить меня за нос, порыдаю ради такого дела.

Пока Эрл был занят глазами, я раздобыла первые два ингредиента, которые заботливо сложила в шкатулку в комнате. С лекарственным корнем возникла небольшая проблема: когда я кралась к лекарской комнате, меня поймал Кейн.

– Ты что тут делаешь?

– Меня Эрл на кухню не пускает, а книги я уже разобрала! – нашла я.

Но Кейн был бы отвратным руководителем, если бы не заподозрил неладное:

– И что? Зачем тебе в эту часть дома? Здесь мой кабинет, лекарский этаж. Что ты здесь забыла?

– Я... м-м-м... у меня заболела голова! И я решила поискать зелье! Сами знаете, когда сидишь взаперти, так не хватает солнышка, свежего воздуха и прогулок. Вот я и чахну.

В доказательство я тяжело и грустно вздохнула. Очень натурально получилось, разжалобило бы даже каменное сердце.

Вот и Кейн дрогнул:

– Ладно, иди, возьми зелье, оно на первой полке. А насчет свежего воздуха... вечером устроим ужин на улице, раз уж всю кухню оккупировали глаза.

На такую удачу я и не рассчитывала! Я-то думала, придется настаивать воду на лунном свете, открыв окно и сжавшись с Умбрей под одеялом. Но под предлогом прогулки удастся и воду настоять, и крестоцвет собрать. Светлейшая явно благоволила мне сегодня. Еще бы, месть такому придурку, как Уилл Торн – явно богинеугодное дело. Это же надо быть таким несносным, что даже божеству мешать!

– Хейлин... – окликнул меня шеф, когда я уже почти скрылась за поворотом, на пути к зелью от головы и необходимому ингредиенту страшной мести. – Я рад, что ты осваиваешься. Продолжай в том же духе.

И вот тут мне мгновенно стало стыдно. Я поклялась всеми сумочками мира, что сделаю совсем чуть-чуть этого ведьмовского зелья. Лишь капельку, чтобы Торн как следует опозорился, и ни капель больше. Потому что, если Кейн узнает... он убьет сначала меня, а потом найдет Умбрю и ее заодно порешит.

Нет, никаких пакостей, только ка-а-апелька зелья.

* * *

К вечеру глаза разбежались по всему дому. Конечно, большую часть Эрл все-таки потравил, но, спасаясь от жесточайшего уничтожения, мигрирующие насекомые мигрировали все активнее и активнее.

К чести повара, их было не так много. Мы, может, и не узнали бы, если б в самый разгар дня не раздался богатырский вопль Кейна.

– Эрл, мать твою! Неужели сложно справиться с выводком глазастых тараканов?!

Оставалось только гадать, в каком месте Кейн встретился с глазами, что так разъярился. Но заставил Эрла, несмотря на протесты последнего, обработать все жилые помещения. Нас согнали в комнаты отдыха, чаевничать в ожидании ужина. Я даже сочувствовала повару: столько обязанностей сразу. Но сочувствовала исключительно про себя. А то еще приставят помогать.

Я совсем не вписывалась в быт горняков. Несколько человек играли в шахматы, несколько вели тихую беседу, но в основном крепкие парни, проводящие треть жизни на лютom морозе, под тоннами холодного камня, каждую удобную минуту использовали, чтобы поспать. Я бы с куда большим удовольствием полистала книгу Алессии вместе с Умбрей, но их пришлось спрятать. И тень, и книгу.

Торна не было, и, пожалуй, в этом заключался единственный положительный момент. Может, его потравили вместе с глазами?..

Я успела прихватить из комнаты мешочек для крестоцвета, а из лекарской стащила бутылек и, сделав вид, что хочу налить еще чаю, украдкой налила туда воды. Пока все складывалось как нельзя лучше, и надежда, что пакость Торну удастся, расцветала с каждой минутой.

Наконец Кейн и Эрл позвали всех во внутренний двор. Народ вокруг зашуршал куртками. Все до единого, горняки надевали валенки. Мне же пришлось прошмыгнуть в комнату, потому что я совершенно не догадалась взять теплую одежду с собой.

В зеркало старалась не смотреть. Ужасная бесформенная одежда превратила меня в какое-то лесное чудовище. Мигom стало жарко, и я поспешила выскочить на мороз. Он тут же обжег щеки и губы, я пожалела, что не нанесла защитный бальзам.

Но все же вокруг было очень красиво. Белоснежные искрящиеся сугробы, нетронутые человеком (для ужина Кейн расчистил двор, но там, где начинался лес, можно было в прямом смысле этого слова утонуть в снегу), темное небо, усыпанное звездами. В городе таких звезд не увидишь. Пышные голубые елочки. Мягкий теплый свет от окон дома и костер, где Эрл жарил сразу с десятков прутиков с мясом.

– Хейлин! – позвал Кейн. – Иди сюда.

Когда я подошла, он вручил мне тарелку с несколькими кругляшами чего-то очень аппетитного.

– Я тебе кабачок пожарил, – хмыкнул он.

Такая забота на самом деле тронула, я уж думала, придется снова объяснять, что я не ем мясо, и довольствоваться созерцанием природы. Но надо же – запомнил и даже потратил время.

Но прежде, чем запустить зубы в лакомство, я хитро поинтересовалась:

– Кейн... а ты женат?

Начальник поперхнулся, а вокруг раздались одобрителльные возгласы, смех и язвительные комментарии.

– Для тебя – да. – Шеф наконец справился с кашлем.

– Зря. Я богатая наследница.

– Ты не наследница, а заноза. А потому что богатая, я с тобой и вожусь. Считай это королевским кабачком и великой привилегией.

За нашим разговором с интересом наблюдали все, кто его слышал. На самом деле, каким бы сильным ни был мой шок от севера, неприятливых горняков и всеобщего запустения, не сказать, чтобы я ощущала от них какую-то неприязнь. Поначалу – возможно, но сейчас за мной наблюдали скорее с любопытством. Тем самым, с которым наблюдают за милой и шkodной зверушкой. Даже когда я с аппетитом уплетала кабачок (кстати, очень вкусный и нежный), на меня уставился добрый десяток глаз. Нормальных в смысле глаз, а не мигрирующих.

В соревновании с мясом я все еще проигрывала: только-только Кейн снял с огня первую партию, горняки мигот потеряли интерес ко мне и столпились в ожидании ужина. Я же сидела себе спокойненько на скамеечке и наслаждалась лакомством на свежем воздухе. Отныне все внимание ко мне ограничивалось заинтересованными взглядами.

Правда, в один момент группа из нескольких парней совершенно точно начала меня обсуждать. Они то и дело поглядывали в мою сторону, бурно жестикулировали и о чем-то спорили. Беззлобно, к счастью, поэтому я осталась всецело поглощена кабачком. Вернее, будет сказать, кабачок стремительно и всецело поглощался мной вплоть до того момента, когда один из парней не выдержал и, поддерживаемый товарищами, сел рядом.

– Привет, – глубокомысленно изрек он.

– Привет.

– Слушай, мы тут с ребятами обсуждали... вот скажи, только честно.

Я немного напряглась, обычно ничем хорошим такие разговоры не заканчивались.

– Кабачок реально вкусный?

Он спрашивал с таким интересом, словно ни разу не пробовал самый обычный кабачок на гриле. Аппетитные кругляши с темными полосками пахли костром и чем-то незнакомым, на вкус были чуть солоноватые и почти таяли во рту. Мне так захотелось вдруг посидеть в компании, что я пододвинула в сторону парня несколько кусочков, которые тот подхватил вилкой. Сунул в рот, быстро задышал, пытаюсь остудить, и долго задумчиво жевал.

– Вкусно, – наконец изрек он. – Пойдем к нам, там Цвейг рассказывает, как он путешествовал по Годморстену, оборжаться!

Я с удовольствием присоединилась к компании парней, несколько минут назад споривших о том, вкусный ли у меня кабачок. Хотя, возможно, они просто хотели познакомиться и пообщаться, а вопрос служил предлогом. Так или иначе, это оказалось лучше, чем есть в одиночестве. Я каждому отрезала по кусочку кабачка, мне предложили мясо (вежливо отказалась), и мы погрузились в очень занимательный рассказ о вулканическом острове Годморстен.

– А народ там... ну как народ, демоны, конечно. Темнокожие, рогатые, страшненькие с виду. Что самое забавное, у них совершенно другие традиции. Вот возьмем семьи. Казалось бы, муж и жена – что тут можно придумать нового? Но нет! У годморстенских демониц мужей традиционно два. У них так редко рождаются девушки, что их просто не хватает. Я был, конечно, в шоке, когда это увидел.

Я мучительно покраснела и сделала вид, что целиком и полностью занята разрезанием кабачка. Неподалеку Кейн, как заправская воспитательница в детсаду, контролировал сразу все и всех. Эрла, который готовил новые порции шашлыка, горняков, что разбрелись по территории. И особенно меня. Меня он не просто контролировал, меня он самым натуральным образом прожигал взглядом. Я задумчиво размышляла: в какой момент он не выдержит и подойдет послушать, что мы тут обсуждаем?

Так и случилось. Не дождавшись своей порции, шеф направился к нам.

– Чем занимаетесь? – поинтересовался он.

– Так, – ответила я, – болтаем. – И раз уж так удачно совпал момент, добавила: – Кейн, а можно я... м-м-м... в какой-нибудь из вечеров, когда дотравят глаза, займу кухню? Хочу приготовить торт.

Если бы я заявила, что планирую организовать танцы голышом на морозе, начальник бы удивился меньше.

– Торт? – уточнил он.

Если бы я могла читать мысли, я бы наверняка услышала что-то вроде: «Светлейшая, сделай так, чтобы я ослышался! Пусть это будет не торт! Пусть маска для волос... крем для кутикулы или молочко для нижних век, но только не то, что мы будем есть на завтрак!»

Но к счастью, я не могла слышать мысли Кейна, а еще он если и знал слово «кутикула», то наверняка думал, что это какая-то морская тварь. Поэтому мне досталось короткое:

– Как хочешь.

И в душе всколыхнулся чистый, наивный и даже какой-то детский восторг.

Одно хорошо: я примелькалась народу, поэтому улучшить момент и юркнуть в ближайшие кусты, чтобы забрать настоявшуюся склянку с водой, было так же просто, как ее туда поставить. Я надежно спрятала ингредиент холодной мести под шубку и собралась было вылезать, чтобы стробовать себе еще горячего чая, но тут заметила вдалеке темный силуэт, в котором сразу же узнала Торна. Ничего особенного он не делал, смотрел себе вдаль, думал о чем-то. Но я была бы не я, если б не подкралась к нему со спины, просто из вредности и не прошепелявила тоненьким старческим голосом:

– А чойта ты тут де-е-е-лаешь?!

Сказать, что Торт испугался, значило соврать, конечно, но все же я застала его врасплох. А еще у лососевого друга было крайне скверное настроение, потому что он не преминул предупредить:

– Котлетка, не беси меня.

– Еще раз назовешь меня Котлеткой, до конца контракта будешь есть пересоленное, – надулась я.

– Тебя отстранили от готовки.

– А от вредительства не отстраняли.

– И за что на меня свалилась ты? – Торн возвел глаза к небу.

Но Светлейшей на мольбы этого нахала было плевать: я не растворилась в морозном ночном воздухе, не провалилась сквозь сугроб и даже божественная молния не поразила меня в наказание за издевательства. В общем, уверенность в собственных силах укрепилась, и я даже плечи расправила.

– Видишь линию? – вдруг спросил Торн.

Дом и несколько десятков метров вокруг действительно окружала какая-то хитрая магия. Вспоминалась дорога сюда, когда Торн пугал всякой нечистью. Едва заметный купол над домом, очевидно, ее отпугивал, и хоть магическую преграду не было видно, снег по «нашу» сторону был чуть светлее.

– Ну вижу, и что?

В следующий момент с ехидным хмыком меня вытолкнули за эту линию.

– Торн! – Я возмущенно топнула ногой.

Наверное, это был лишь психологический эффект, но мне показалось, будто лес уставился на меня своими темными глазами. Что-то в лесу словно ждало, когда глупые человечки пересекут запретную черту. Я быстро вспомнила, что магии у меня нет, артефактов тоже, и вообще я как-то в валенках бегать не приучена, и все внутри пробрала ледяная дрожь.

Но взглянув на крайне довольное лицо Торна, я сделала над собой нечеловеческое усилие и приняла скучающий вид.

– Шутки как у первоклассника. Еще бы кнопку мне на стул подложил. И что тут особенного? Стою, ничего не ощущаю.

Это явно была борьба характеров, потому что мы смотрели друг на друга с упорством, не желая уступать. Мне было до дрожи страшно стоять спиной к неприветливому темному лесу, но и показывать этот страх перед Уиллом не хотелось.

А он... Он явно надеялся, что я сдамся, и сейчас не собирался отступать. Думал, я не выдержу первой. Ха-ха! Чтобы женщина да отступила? Меня скорее вурдалак сожрет прежде, чем я попрошу помощи у этого дурака.

Сзади хрустнула ветка. Я чудом удержалась, чтобы не вздрогнуть. С лица Торна сошла довольная усмешка, в один момент он начал смотреть на что-то над моим плечом. Снова хруст, уже ближе – и я не

выдержала. Обернулась, ожидая встретиться с горящими кроваво-красными глазами какого-нибудь оборотня, и... увидела только задорно прыгающую по полянке северную птичку.

Торн сложился пополам от хохота.

– Видела бы ты свое лицо, Котлетка!

У меня только пар из ушей валил от злости. Задрав нос, я прошла мимо Уилла в дом. Душу грела только одна мысль: скоро, скоро я отомщу тебе так, что все горняки будут вспоминать это в мемуарах на пенсии!

* * *

Готовить торт решила в следующую ночь, сделав вид, что проглотила идиотскую шутку Торна. Если бы я преподнесла ему кусочек вкуснейшего тортика с волшебным сиропом сразу после, он бы что-то заподозрил. А так я весь день демонстративно его игнорировала, закончила разбор поступлений в библиотеку (и даже протерла полки), дождалась, пока Эрл дотравит глаза, и спокойно пришла на кухню в одиннадцать, когда уставшие работяги разбрелись по комнатам. Кстати, удалось заглянуть в одну из спален, когда я проходила мимо. С ужасом выяснила, что только мне досталась индивидуальная комната. Горняки спали по двое, причем на двухъярусной кровати! Помнится, в детстве я произносила это слово как «двухярусостная», и сейчас подумалось, что определение отлично подходило тому, что я увидела здесь. Жизнь на втором этаже в небольшой комнате вместе с другим мужиком – поистине повод для двойной ярости.

Но как бы то ни было, дверь в кухню была надежно заперта, все ингредиенты лежали передо мной на столе, а в ногах крутилась возбужденная Умбрия.

– Значит так! – Я вчиталась в рецепт ведьмы Алессии и еще раз повторила, чтобы ничего не напутать. – Сначала делаем коржи. Пока они выпекаются – крем. А пока коржи пропитываются кремом, делаем колдовской сироп и второй сироп, обычный. Колдовским поливаем кусок Торна, а обычным – все остальные. Чтобы не заметили разницы.

Умбрия явно волновалась: тень махала призрачными лапами и носилась по кухне.

– Чего ты? Опасаешься, что не получится вручить нужный кусок Торну? Да брось, я все рассчитала! Торт выдается в конце завтрака, так? Пока они поглощают свою жуткую мясную кашу, я гляну, где сидит Торн, и расставлю на тележке кусочки так, чтобы дать ему в порядке общей очереди. Или вовсе сделаю так, что ему останется последний кусок, он любит сидеть за дальним столиком. И все! Никаких проблем.

Умбрия с сомнением покачала головой.

– Все будет нормально! Никто не запретит мне собственноручно раздавать приготовленный торт.

На столе, усыпанном мукой, проявился вопрос, мучивший Умбрию: а если он не будет есть?

– Будет, – отмахнулась я. – Для Торна, кажется, пожрать – святое, вон как на морковку обиделся. А если он что-то заподозрит или вообще обнаружит зелье, то меня, быть может, отошлют обратно в Хиглейк-град.

Не знаю, убедили мои аргументы Умбрию или нет, но тень перестала нервировать меня сомнениями.

На таком ответственном блюде, как торт, я по-настоящему расстаралась. Что ж, этот завтрак станет праздником для всех, кроме Уилла. Того, что он сдаст меня Кейну, я не боялась. Во-первых, пусть докажет: торт-то уже съел, образцов взять негде, а во-вторых, у всех остальных все нормально, все ели и никто не отравился! Так какие претензии к приветливой и старательной Хейли? Ровным счетом никаких.

Вскоре по кухне поплыл умопомрачительный запах шоколадных коржей. Я даже не знала, что умею готовить такие вкусные бисквиты. Но ведьма Алессия знала свое дело: она не оставляла жертве, вкушившей торт любви к ближнему, ни единого шанса. Этот торт действительно хотелось сожрать прямо на месте! Эдак сюда на запах сбежится половина дома.

Пока в духовке медленно доходили до готовности коржи, я быстро взбила крем, отставила его в сторону и занялась самым интересным.

В ступке смешала чайную ложку годморстенской паприки с розмарином, затем мелко покрошила морозостойкий крестоцвет и

задумчиво посмотрела на получившееся месиво.

Умбрия тоже с интересом заглянула в глиняную миску.

– Н-да, не слишком-то похоже на вкусенький сироп, – с сомнением протянула я.

Но куда отступать, если позади коржи и крем?

В кастрюлю я вылила настоявшуюся на чистейшем лунном свете воду, которая тут же закипела. Я настолько не ожидала этого проявления простой природной магии, что вздрогнула и поежилась. Так странно... Когда я колдовала сама или через артефакты, я чувствовала приток сил. Кончики пальцев покалывало от рвущейся наружу энергии, душа ощущала подъем и легкость. Когда папа магию забрал, я чувствовала внутри лишь тоскливую прохладу. Мне не хватало моих сил, а еще, конечно, Тигры.

Природная магия была иного толка, я не ощущала ее, потому что не была ведьмой, но могла использовать лишь потому, что рецепт оказался выверен до грамма. Если все с тортом пройдет удачно, обязательно попробую другие рецепты. Там, вон, какой-то стейк темного бога интересный...

Когда вода прокипела несколько минут, я бросила в нее лекарственный корень голда, проварила еще пять и соединила со смесью трав. На наших с Умбреей глазах травы растворялись в воде, а само варево густело, становясь похожим на сироп.

Мы с Умбреей переглянулись. Тень, довольная, что все идет по плану, полетела проверять коржи, а я задумалась, как получить последний ингредиент.

– Слушай, а ты меня за нос можешь укусить? – спросила я Умбрию.

Та быстро замотала головой, съежилась и захныкала.

– Эх ты, я ж для общего дела.

В одном из ящиков я откопала лук и щедро отхватила ножом аж половину. Наверняка в такую глушь, да еще для мужиков, привозят самый зверский лук. Может, Кейн или Торн и могли съесть такую луковицу не поморщившись, но у меня мгновенно потекли слезы. Несколько капель упало прямо в кастрюлю, и зелье вдруг заискрило, вспыхнуло золотистым сиянием, а потом продолжило спокойно и размеренно кипеть, загустевая до нужной консистенции. Чуть брови мне не сожгло.

– Довольно просто, да? – усмехнулась я.

Незаметно стрелки часов подходили к пяти, до пробуждения мужчин оставалось всего ничего. За интересным занятием (а что может быть интереснее приготовления колдовского торта?) я утратила чувство времени, и даже не поняла, что провозилась с тортом почти шесть часов. Сначала выпекая коржи на медленном огне, затем пропитывая их сладким сливочным кремом.

Что ни говори, а тортик получился просто загляденье. Папа бы умилился, увидев такое творение своей дочурки.

— Ну да, немного неказистый, — вздохнула я, когда мы с Умбрей со стороны оценивали получившуюся пакость. — Зато наверняка вкусный. Шоколадный, со сливочным кремом!

Двери кухни открылись, впуская сонного повара. Умбрия черной молнией метнулась в подвал, и как только успевала реагировать. У стола с тортом Эрл замер, словно принял его, а вместе с ним и меня, за утренний глюк от недосыпа.

— Торт?! — наконец выдавил он.

— Торт, — подтвердила я.

— Но зачем?!

Вот что он хотел услышать в ответ? Да я тут просто решила отравить приятеля, который на меня поспорил. Кстати, с тобой поспорил-то, хочешь тортика?

Но вслух я сказала:

— Вдохновение. Накатило.

— Понятно. — Судя по голосу, Эрл ничего не понял, но решил гордо не подавать виду. — А вдохновение на завтрак у тебя есть? Сделай одолжение, там привезли провизию, найди мне мешочек со специями и принеси. Мне совершенно нечего добавить в омлет!

— А как же глаза? — фыркнула я.

Но с утра над Эрлом шутить — рисковать головой. Так что я убрала торт на полку подальше от плиты, туда же поставила оба сиропа. Эрл уже всю гремел склянками, когда я выходила.

— Принеси то, принеси это, — ворчала я по дороге. — А потом — «вандалка, хулиганка!». Вот сейчас принесу ему дорожных специй, кто будет виноват? В прошлый раз лосося лишились, теперь решил рискнуть куркумой?

Войдя в холл, я присвистнула. Действительно привезли провизию: несколько десятков ящиков, столько же огромных мешков и несчетное

количество мешочков поменьше. В ближайшем ко мне ящике обнаружили мелкие зеленые яблоки, даже при взгляде на которые во рту сделалось кисло.

– Хейлин, – мимо проходил Кейн, – ты что тут делаешь в такую рань?

Он, похоже, надеялся, что я приживусь в библиотеке. Буду эдаким книжным духом северного рудника. Ну, во всяком случае, перестану вредить на кухне и начну вредить там. В библиотеку все равно, судя по всему, никто не заходит.

– Ищу мешок со специями и молюсь, чтобы он весил хотя бы не больше, чем я, – ответила я.

– На верхнем ящике есть накладная, – подсказал Кейн. – Все позиции промаркированы. Специи, по-моему, 13А, но я не уверен, проверь.

И впрямь, я действительно обнаружила несколько скрепленных проволокой листов пергамента с полным перечнем всего, что нам прислали.

– Ну вот! – возмутилась. – Еще лосось. А крику-то сколько было! Слушайте, может, Эрл у вас того... ну, жрет тайком припасы? Потому что на дефицит это как-то не похоже.

Кейн укоризненно покачал головой, но я-то видела, что шефа развеселило мое предположение. И почему все повара такие упитанные? Нет, точно, Эрл таскает припасы. Потому и лосось – деликатес. И морковные котлетки кажутся невкусными.

Я быстро откопала мешок с приправами и потопала обратно к кухне. В пустом коридоре, между жилой частью дома и служебными помещениями, ко мне присоединилась Умбрия. Тень была в удивительно нервном настроении. И все-таки ее сомнения передались и мне.

– Думаешь, не стоит использовать рецепт Алессии? – Я закусила губу.

Умбрия активно закивала.

– Но я уже торт приготовила. Чего доброго решат, что они мне нравятся. Нет уж, Хейлин ди Амос не сдастся! Я обещала месть Торну, я доведу ее до конца! Сейчас мы разрежем торт, и...

Я толкнула двери в кухню и замерла с открытым ртом. Умбрия, понятное дело, улетела прочь, чтобы не показываться Эрлу, но, если

бы тень была рядом, она бы тоже застыла! А если б умела говорить, еще и выматерилась.

– А где торт?! – ахнула я.

Вместо моего идеального, вкуснейшего торта на столешнице красовалось пустое блюдо с одним-единственным кусочком.

– Раздал торт, – буркнул Эрл. – Ты еще дольше копать не могла? Пришлось одному завтрак развозить. Ты что, не знаешь, что сегодня Кейн проводит инструктажи и всем надо позавтракать быстрее?

– А омлет?

– А омлет – на обед, – срифмовал повар, забирая у меня мешок.

Я почувствовала, как с ног до головы заливаюсь краской. Естественно, ни о каком инструктаже я не знала. И уж точно не была готова к тому, что Эрл сам разрежет и раздаст торт. В душе разлилось горькое разочарование.

Аккуратно выглянув из раздаточного стола в зал, я увидела, что большинство горняков практически расправились со своими порциями. Я рассчитывала на тридцать с лишним человек, торт был максимально возможного размера – чтобы влезть в печь. И этот размер оказался не таким уж огромным, так что каждому досталось по небольшому кусочку торта.

– Знаешь, я вообще-то хотела раздать его сама, – с обидой проговорила я.

Что ж, теперь целая кастрюля сиропа на выброс. Магического сиропа!

А может, оно и к лучшему? Может, это знак судьбы или воля Светлейшей? Мне не стоит играть с неизвестной магией, я и так наделала много ошибок. Что это, если не знак свыше?

– Да ладно, какая разница, кто раздал, – отмахнулся Эрл.

– Я всю ночь его готовила! Я устала! А ты... Чурбан бесчувственный.

Повар явно не ожидал классической женской обиды. Для полного комплекта не хватало только слез, но все запасы ушли в ставший ненужным сироп любви к ближнему, который я тут же вылила.

– Ладно тебе, – как-то смущенно пробормотал повар, – я тебе даже кусочек оставил.

Молчу. Мою под ледяной водой чашку из-под сиропа и молчу. Мою без перчаток, назло врагам.

– Эй, Хейлин... ты это... можешь идти отдыхать, раз всю ночь готовила. Я сделаю. Приходи к обеду, в смысле... ну, поесть. А за ужином сделаешь нам салатик...

Я с трудом подавила улыбку. Да, угостить Торна магическим тортиком не получилось, зато вызвать в поваре чувство вины и получить кучу плюшек – легко. Я не стала дальше выпендриваться, чтобы не отобрали то, что опрометчиво пообещали. Резво скинула фартук и подхватило блюдо с куском торта.

– Ладно! Счастливо оставаться!

Гордо и неспешно я продефилировала к двери, а уже в коридоре со всех ног понеслась в комнату.

– Умбрия, ты не представляешь, что он сделал!

Тень взволнованно выбралась из-под одеяла. Растерянн мигая голубыми глазами, она ласково прижалась ко мне, едва я села на постель. Или просто подползла поближе к тарту?

– Он раздал весь торт, пока я ходила, представляешь? Сам разрезал и раздал, я не успела полить кусок Торна зельем.

Умбрия покачала головой, а потом махнула лапой, что я расценила примерно как «печально, но, может, и к лучшему».

– Обидно. Столько времени возились. Но знаешь, мне понравилось готовить по рецептам этой ведьмы. Давай как-нибудь попробуем еще рецепт? Просто так, никому не будем давать. Но вот месть Торну надо все равно обдумать.

Тут я заметила, что Умбрия меня не слушает. Тень вожденно смотрела на кусок торта, и то и дело переводила на меня жалобный взгляд. Бедная, я же совсем забыла покормить ее с утра.

– Кушай на здоровье.

В мгновение ока от торта не осталось и следа. Довольная тень юркнула обратно под одеяло, а я невольно вспомнила, как хорошо спится, когда тебя греет такая теплая и добрая тенька. Перевела взгляд на окно, поежилась: было холодно и темно.

– Уговорила! – Я быстро переделалась обратно в пижаму и улеглась в постель.

Раз Эрл провинился, я имею право на предобеденный сон. Вспомню славные денечки, когда можно было спать до обеда, а проснувшись, медленно брести к морю и наслаждаться полуденным солнцем. Шум прибоя я почти слышала наяву.

— Однажды, — засыпая, пробормотала Умбре, — я свожу тебя на море. Там очень красиво и тепло.

Глава шестая

Я так хорошо никогда еще не высыпалась. Ну, может, высыпалась сто лет назад, когда еще нигде не училась и в основном занималась тем, что тратила отцовские деньги. Но это было так давно, что я уже и не помню.

В честь такого отличного пробуждения я даже простила Эрла, раздавшего мой торт. Ну да, не дал насладиться преклонением перед моим кулинарным талантом. Спас Торна от черномагической мести (но не спас от мести в принципе). Подумаешь? Будем считать, его вина полностью искуплена.

Умбри, когда я проснулась, не было. А еще время подбиралось к четырем часам, и на улице снова стемнело. Бессонная ночь оказалась такой выматывающей, что я проспала обед! Ужас, надо спуститься на кухню и что-нибудь перекусить. А потом, может быть, я даже сделаю обещанный салатик.

В честь хорошего настроения я надела хорошее платье. Черное, короткое, плотное – в легком пляжном я бы здесь примерзла к табуретке. Вкупе с сапожками и небрежными непослушными кудрями платье заиграло новыми красками, и я очень себе нравилась, рассматривая образ в зеркале. Не хватало украшений, но шкатулка с ними завалилась куда-то на дно чемодана в шкафу, а искать было лень.

В доме было удивительно тихо. Обычно в это время дежурная группа горняков как раз устраивала генеральную уборку, но сегодня, похоже, Кейн выдал всем другие задания. Я неспешно брела по коридору, зевая и потягиваясь, когда вдруг боковым зрением заметила нечто очень-очень странное.

Медленно я повернулась к открытым дверям, ведущим в одну из комнат отдыха. Там, у камина, сидел Серж. Казалось бы, чего тут особенного? Ну, сидит и сидит гад, который влез ко мне ночью без спроса. Зачем я вошла? Зачем подошла ближе?

А все потому, что горняк ласково, с трепетным придыханием приговаривал:

– Кушай-кушай, моя хорошая, кушай-кушай, заечка. Вот так, растите, глазоньки, большими, смотрите, глазоньки, далеко.

Сюсюкающийся парень не самой хилой комплекции настолько не вписывался в мой привычный мир, что я так и застыла, открыв рот. А Серж продолжал методично и заботливо скармливать огромным жирным глазам куски не менее жирного лосося.

– Серж, – осторожно позвала я, – что ты делаешь?

– Тш-ш-ш! – тут же зашипели на меня. – Ты их напугаешь! Мы кушаем!

– Мы?! – окончательно обалдела я.

– Хейлин, уйди, ты пугаешь глазоньки! У нас скоро десерт!

– Та-а-ак, – протянула я, спешно сматываясь из опасной зоны. – Что-то тут нечисто.

Теперь, вместо кухни, я держала путь в еще одну комнату отдыха, в которой горняки заседали чаще. Играли в настольные игры, обсуждали новости. В большой и любимой всеми комнате наверняка будет целая толпа народу, которая и объяснит мне, в какие дали уехала крыша Сержа и почему ее никто не успел поймать.

– Ребята, я только что видела...

– Гла-а-азоньки!

– Ути маленькие, как вку-у-уснечко!

Сразу пятеро здоровых мужиков устроили настоящий балаган, разбив посередине комнаты глазастую ферму (иначе эту конструкцию из старых коробок было не назвать) и заботливо оборудовали там лунапарк.

– Это что, моя туфля?! – ахнула я, увидев в углу знакомую красную шпильку.

– Это домик глазонек! – злобно сообщили мне. – Ты слишком громко кричишь! Глазоньки устали!

– Глазоньки-то да, а вот вы, похоже, еще и двинулись, – мрачно сказала я. – Где Кейн? Тоже над глазом чахнет?

– Понятия не имею, не мешай.

Итого шестеро психов в обозримом пространстве. Ну, или псих всего один, и это – я. Привидится же такое.

Короткими перебежками, ибо с новыми глазоньками и их покровителями встречаться не хотелось, я добежала до кухни.

– Эрл!

Я открыла было двери и тут же закрыла, потому что такого количества зеленых, бегающих по стенам, глаз, не видела даже в

момент их первого нашествия.

– Хейлин! – Из-за поворота вывернул повар.

– Ты же их вытравил!

Эрл самым натуральным образом ужаснулся:

– Травить?! Глазоньки?!

– О не-е-ет. – Я без сил сползла по стене на пол. – И ты тоже. Эрл, миленький, скажи, где Кейн?

– На заднем дворе, они с Торном придумывают, как поставить на крышу молниевые уловители для разработки.

Эрл даже не стал слушать мои слова благодарности. Я неслась, чтобы переодеться, а краем уха слышала:

– Глазоньки мои, папочка принес вашего любимого лосо-о-ося!

И Умбрия куда-то подевалась. Не дом, а дурдом!

Я еще никогда так быстро не одевалась на улицу, но в этот раз от волнения даже не обращала внимания на то, что и как надеваю. Через минуту уже неслась по коридору к выходу во внутренний двор. Где, к счастью, Торн и Кейн склонились над какой-то замысловатой посеребренной конструкцией, внешне напоминающей... даже не знаю, удочку какую-то, что ли.

– Кейн! – запыхавшись, позвала я.

– Хейлин? – Он нахмурился. – Ты что тут делаешь?

– Ты тоже теперь обожаешь глазоньки? – с опаской вопросом на вопрос ответила я.

– Чего?

– Уф, слава богу. Там народ сходит с ума! Они все вдруг решили, что глаза – их питомцы. Одни скормливают им остатки лосося, вторые строят лунапарк из моих туфель, а третий вообще их разводит! Глазоньки, в смысле, а не туфли.

Кейн с Уиллом переглянулись. Они явно ничего толком не поняли, но даже из обрывков, которые удалось уловить, услышанное им не понравилось.

– погоди, Хейлин, еще раз объясни, что случилось.

Я добросовестно рассказала, как пошла спать – и видит Светлейшая, все были абсолютно нормальными! Как потом проснулась, увидела Сержа с глазами, потом парней в комнате отдыха и, наконец, поехавшего Эрла, устроившего в кухне террариум.

– Там происходит что-то странное! – подытожила я.

– Пошли, – коротко приказал Кейн.

Мы с Торном бросились вслед за ним в дом. Может, глаза ядовиты? А если они выделяют какой-то газ или больно кусают? Как в ужастиках, которые я как-то читала! Иначе как объяснить вдруг проснувшуюся в суровых горняках любовь к глазам...

Стоп! Стоп! Ой, мамочки! Папочки, Тигрушки, Умбрюшки и даже Уиллушки!

Мне конец, и пойду-ка я лучше утоплюсь в сугробе.

– Хейлин?

– Я... слушайте... тут такое дело... Уилл, ты торт ел?

– Я торты не ем, – отчего-то зло буркнул он. – Меня шоколадная ведьма в свое время бросила.

– А ты, Кейн?

– Не успел. Планерку готовил, оставил на вечер, а что?

– Надо выяснить, был ли на кусках сироп! Ты куда положил торт?

– К себе на подоконник, – все еще не понимая, куда я клоню, сказал Кейн.

– Веди!

Почему-то ему не пришло в голову спорить, такой у меня был уверенный вид. Только проходя мимо комнаты с глазастым лунапарком, Кейн немного отвлекся. Так сказать, оценил масштабы трагедии.

А в комнате я схватила тарелку с тортом, понюхала и застонала.

– Не-е-ет! Эрл! Ну почему, почему у этого повара руки вечно не успевают за головой?!

– Эрл всех отравил? – хмыкнул Торн. – Я знал, что это случится. Неспроста он торт вдруг решил приготовить.

Я на пару мгновений даже забыла о собственной беде.

– Он?!

– А я думал, это Хейлин приготовила, – вставил Кейн.

– Да нет, Эрл сказал, что опробовал новый рецепт и раздал утром торт.

Даже не знаю, за что я разозлилась на этого наглого свинтуса. Он не просто раздал мой торт, но и присвоил его себе?! А еще, дурак, сиропом полил, магическим. Радует, что хотя бы вылил немного, а не всю миску. Хотя почему радует? Если бы он вылил всю, я бы поняла,

что случилось, и как-то этот беспредел предотвратила бы. А так спала себе в неведении, уверенная, что колдовской сироп давно вылила.

– Хейлин, – Кейн сурово на меня посмотрел, – по глазам вижу: ты знаешь, что происходит. Говори же!

– Я приготовила торт...

– Так.

– И сироп.

– Так.

– Но сироп непростой. То есть нет! Я приготовила торт.

– К делу!

– И сироп.

– Непростой?

– Тьфу! Сбили!

– Хейлин, – Кейн потерял терпение, – ты приготовила торт. И сироп.

– Два сиропа!

– Уже интереснее.

– Да хватит меня перебивать!

Торн за спиной Кейна фыркнул в кулак.

– В общем, один сироп был самый обычный, вишневый, сверху тортик полить. А со вторым я немного поэкспериментировала и сделала... магический сироп. Потом Эрл отправил меня за специями. Я ходила, искала... пока донесла, Эрл раздал всем торт. Я расстроилась и с ним поругалась, а сиропы вылила. Я же не знала, что он полил торт!

Чтобы не перебили, я тараторила очень быстро, а Кейн мрачнел с каждым словом. И так же стремительно веселился Уилл.

– Ты приготовила зелье? Хейлин, о чем ты думала?! Мне сказали, у тебя нет магии! Как тебе удалось это сделать?

Кейн был так зол, что я на минуту растерялась и, сама того не желая, выпалила правду:

– Книга...

– Что «книга»?!

– В библиотеке я нашла книгу с колдовскими рецептами какой-то ведьмы. Мне стало интересно, и я решила попробовать какое-нибудь безобидное. И там был этот сироп...

– Какой у него эффект? – усталым голосом спросил Кейн.

– Вызывает любовь к ближнему. Эрл, видимо, не дотравил глаза, и они оказались ближе всех во время завтрака.

Я зажмурилась в ожидании неминуемой кары. В том, что Кейн при желании мог сравнять с землей весь дом вместе с глазами и обожающими их горняками, я не сомневалась.

– Откуда вообще взялась эта книга? Такие вещи разве не под строгим учетом? Уилл, – Кейн повернулся к гаду, – тебе об этом что-нибудь известно?

По лицу гада я сразу поняла: известно, причем куда больше, чем мне. Он закатил глаза и, всем своим видом показывая, как на меня зол, сообщил:

– Я принес. Это м-м-м... моя книга. Честно говоря, я даже забыл, что оставил ее в библиотеке, напрочь вылетело из головы!

– Ты принес сюда колдовскую книгу?! У меня два вопроса: откуда она у тебя и чем ты думал?

– Да бабка коллекционировала всякое такое, потом померла, ну я и ездил в Хиглейк-град разбирать наследство. Все продал, хотел и книгу загнать, и тут эта...

На меня мрачно кивнули, а я поразилась, какими путями порой неприятности меня находят. Извилистыми, полными приключений.

– Где книга сейчас?

– У меня в комнате.

– Значит, так, – Кейн тяжело вздохнул. – Мне за такое не платят, ясно? Поэтому разбирайтесь сами, но чтобы к утру и следа от этого всеобщего помешательства не было! Делайте что хотите: анτισелье, волшебный дрын, карамельки разумности, но исправьте то, что натворили! Я должен доделать уловитель. И книгу твою, Хейлин, я забираю, понятно?

С этими словами он развернулся и ушел, оставив нас с Торном в своей комнате. Воцарилась неловкая тишина, которую первым нарушил Уилл, нехорошо так протянув:

– Знаешь, Котлетка, а ведь это карт-бланш.

– На что?

– Ну как... – Уилл сделал шаг в моем направлении. – Думаешь, я поверю в эту захватывающую историю, где ты в порыве жажды экспериментов засунула свой очаровательный носик в колдовскую

книгу? Ты сама развязала эту войну, Котлетка, теперь держись, потому что у меня-то магия есть, а вот у тебя книгу сейчас заберут.

Я не то чтобы испугалась – гордость не позволила впасть в панику. Скорее, начала разумно опасаться этого психа, потому как кто ж его знает, что он сотворит. Если книгу заберут, я останусь совсем беззащитна. Или не совсем, если Умбрия снова меня защитит. Но от зелья или заклятия тень не поможет, а значит, придется снова продумывать оборону.

Отступая, я врезалась в тумбочку и чуть не упала. В последний момент Торн удержал меня.

– Идем, – хмыкнул он, – варить противоядие.

– Там Эрл глазоньки ублажает. Думаешь, он даст нам что-то сварить?

– Думаю, у него не будет выбора.

Тут меня посетила еще одна мысль, озвучивать которую ну очень не хотелось. Однако пришлось. Меньше всего я хотела, чтобы из-за злополучного сиропа кто-то пострадал.

– А что с теми, кто ел торт и ушел на работу?

Уилл так резко остановился, что я не успела среагировать и врезалась ему в спину.

– Вот... Котлетка! Иди и собирай ингредиенты. Я в рудники.

– А какие ингредиенты-то? – крикнула ему вслед.

– Те же самые!

Ну да, наверное, логично: если уж отменять колдовство, то теми же средствами, что и сотворила. Так, специи на кухне и в аптечке – без проблем, лунная вода... ну да, почти стемнело, еще полчаса – и тоже все получится.

Потом меня осенило: надо порыдать прежде, чем Торн вернется! Не переживу, если он начнет смеяться над последним ингредиентом. К слову, в этот раз выдавить слезу оказалось проще. Так жалко вдруг себя стало... Одна, без друзей, только Умбрия и любит, папа вообще забыл, магии нет, в кои-то веки приготовила вкусный торт, но и его присвоил себе гадский повар! А теперь еще и от Кейна перепало, и добавка обязательно последует.

Не мой день. Права была Умбрия, не стоило вообще все это начинать. Докатилась Хейлин, какая-то подозрительная тень умнее

тебя. Не так уж и неправ Торн, называющий меня Котлеткой. Мозгов явно как у мяска.

В кухне Эрл ворковал с глазками. Картина была бы презабавнейшей, если бы не напоминала о провале. Хотя вот кого-кого, а Эрла мне жалко не было. Так ему и надо, пусть воркует. Надеюсь, он не забудет, каким выглядел идиотом, когда зелье перестанет действовать.

Повар сидел за столом, на котором ровными рядами рассадил глаза. В сторонке валялись пустые банки из-под лосося.

– Кушайте, мои дорогие! – сюсюкал он. – Кушайте, глазоньки.

– По-моему, в них уже не лезет, – не удержалась я.

– Брысь! Ты их пугаешь!

Тут я совсем разозлилась. Он спер мой торт, присвоил себе мою славу, потравил всех колдовским сиропом и еще смеет меня выгонять, как кошку какую-то?!

– Ну уж нет!

Я схватила веник и замахнулась над столом. Глаза кинулись врассыпную.

– Пошли вон, это моя кухня! Кыш, сказала!

Насекомые прыгали по всем поверхностям, я гонялась за ними с веником, а Эрл гонялся за мной. Пробегая мимо шкафа, я успела цапнуть брызгалку с отравой для глаз, и из истеричной девушки с веником превратилась в грозное оружие.

– Вот вам, вот! – злобно приговаривала, щедро опрыскивая глаза средством.

– Не-е-ет! – Эрл судорожно пытался спасти остатки.

Хорошо, что наколдованная любовь к ближнему в нем победила искреннюю агрессию ко мне. А то, пожалуй, на повара бы отравы не хватило. Мне даже стало его жалко: Эрл совершенно искренне расстраивался, когда с негромкими хлопками глаза исчезали в воздухе.

– Что за шум...

В кухню вернулся Торн.

– Котлетка, что ты тут устроила?!

Я сдула с лица непослушную кудряшку.

– Освобождаю нам кухню.

– А почему Эрл выглядит так, словно его сейчас хватит удар?

Я пожала плечами. В присутствии Уилла Эрл стал вести себя скромнее, и я даже не стала обращать внимания на то, что он спас добрый десяток глаз. Повар несколько раз злобно на меня зыркнул и обиженно удалился из помещения.

– Злая ты, Котлетка, – усмехнулся Уилл.

Его, похоже, только забавляло происходящее. Наверное, со стороны я смотрелась и впрямь комично.

– Ты можешь очистить кухню? Здесь везде бегали эти... глаза. – Я поморщилась.

Хорошо иметь магию: несколько щелчков пальцами – и кухня сияет первозданной чистотой. Ну или не первозданной, но хотя бы можно готовить и не опасаться отравить горняков еще разок.

– Что делать? Снова сварить такой же сироп?

– Нет, теперь в обратном порядке, и еще добавить вот это.

Уилл достал из кармана крошечную колбу, заткнутую пробкой. Внутри лежали черные кристаллики, они красиво искрились на свету.

– Что это такое? – спросила я.

– Много будешь знать – скоро состаришься и умрешь, потому что сердце не выдержит жизни без тусовок и накладных ресниц.

– Пф-ф-ф, я и в старости буду маникюр делать, а вот ты, если не перестанешь меня доставать, до старости не доживешь!

На это Торн почему-то расхохотался, словно я сказала очень смешную шутку. Иногда он был очень странным. А ведь мог бы быть мечтой всех девушек. Что ни говори, но Уилла с легкостью можно было назвать красивым. Чего стоили иссиня-черные длинные волосы, по обыкновению собранные в хвост. А правильные черты лица? Эх, такую внешность поганым характером испортил.

Я поставила кастрюлю греться и начала закидывать ингредиенты в обратном порядке.

– Слезы девственницы где нашла? – спросил Торн с ехидцей.

На это я промолчала.

– Да ладно?! Серьезно?! Это как так?

– Леди высокого происхождения разборчивы в связях. Любых. Если бы ты это знал, не стал бы спорить с Эрлом. Такая, как я, никогда и не посмотрит на тебя.

– И слава всем богам!

– У нас одна Светлейшая богиня, – напомнила я.

Нет, об отступниках-староверах я слышала, но никогда не думала, что увижу одного из них на расстоянии вытянутой руки. Эти странные дядечки верили в то, что богов было несколько, собирались пару раз в год на масштабные сходки, которые кончались погромами и мордобоем, и в целом чаще становились героями криминальных хроник, нежели инициаторами каких-то изменений в обществе.

Или Уилл просто оговорился, а я успела обвинить его во всех грехах?

– Значит, Котлетка, ты хотела разбудить во мне любовь к ближнему. Интересно, а если бы в этот момент рядом оказалась ты? Может, я тебе нравлюсь, но ты стесняешься сказать?

Уилл продолжал издеваться, наблюдая, как я замешиваю зелье.

– Размечтался. Я скорее Эрла приглашу на свидание, чем подумаю о тебе, как о мужчине.

– Конечно. Ты ведь и мужчин толком не видела, похоже.

Я стиснула зубы так сильно, что они едва не заскрежетали. Кажется, Торн задался целью довести меня до белого каления. Нельзя позволять ему делать это! Если снова все сорвется, если я еще раз наделаю глупостей, Кейн...

А что Кейн?

Меня не накажут физически – даже несмотря на то, что папа на меня злится, он вряд ли позволит, чтобы мне причинили вред. Ну и сам Кейн вряд ли решится.

Меня не вышлют домой, а если вышлют, то мне же лучше.

Так что сделает Кейн? Запрет в комнате? Заставит работать? Напишет гневное письмо отцу? Нашли чем пугать.

При мысли об отце настроение стало еще поганее. Ни строчки, ни слова. Как будто он совсем не волновался о том, как у его дочери вообще дела. Нет, разве можно отправить единственную дочурку, родную кровиночку, в лапы трех десятков горняков и после этого делать вид, что ничего не произошло?

И Тигра мой скучает. Как бы ему понравилось играть с Умбрей! Они с тенью явно нашли бы общий язык, у них было что-то похожее, какое-то озорство, которого не всегда хватало мне. Они умели и веселиться, и поддерживать, и даже давать разумные советы, даром что животные.

– Когда мне тебя навязали, я подумал: да неужели какая-то уличная драка может стать поводом для ссылки избалованной дочурки на север? Нет, ни один родитель не рискнет здоровьем дочери ради воспитательного процесса. А вот теперь я, кажется, понимаю, как сильно ты достала отца.

Торн, похоже, сидел тут исключительно для того, чтобы меня бесить. Хотел он того или нет, но слова достигли цели, и я была вынуждена признать, что отец действительно крепко на меня разозлился. Раз до сих пор не прислал ни единой весточки.

– Я бы свою дочь не отправил туда, где живут и работают тридцать взрослых мужиков. А то вернется еще не одна, и...

Он со смехом увернулся от стеклянной миски, а та с грохотом разбилась о каменную стену.

– Ладно-ладно, не буянь, я просто так сказал. Долго тебе еще? Мне кажется, скоро эта секта свидетелей глазастых пойдет войной на иноверцев. То есть на нас. Не хочу выковыривать из волос склизкую гадость.

Сироп уже загустевал, но доставлять Уиллу удовольствие и сообщать о ходе готовки я не собиралась. Вообще следовало научиться его игнорировать, так ведь в самом деле проще: я делаю вид, что Уилла и его идиотских подколов не существует, а он тихо бесится в уголочке.

– И как ты планируешь дать им всем сиропа?

– А, – отмахнулся он, – сейчас они всецело поглощены своими глазами. Им плевать, кто и что от них хочет. Для нейтрализации хватит и чайной ложки.

– Я смотрю, ты неплохо разбираешься в ведьмовском деле, – не удержалась и подколола. – Даже слишком хорошо для горняка.

– А я и не горняк, – огорошили меня.

От неожиданности я даже ложку в сироп уронила. А ведь и правда, Торн жил совсем не по графику остальных. Три группы горняков неукоснительно соблюдали расписание, а вот Уилл появлялся в поле моей видимости когда хотел, бессистемно.

– И чем ты занимаешься здесь?

– Много будешь знать – скоро состаришься. Я же говорил.

– Готово, – сообщила я.

Торн заглянул в кастрюлю.

– Ложку кидать было необязательно.

– Правда? Значит, и доставай сам, а я пошла!

Увы, но попытка сачкануть от самой неприятной части работы, не прошла.

– А кто будет поить всех зельем? Котлетка, ты заварила эту кашу, в смысле, испекла этот торт, тебе и расхлебывать. Я не собираюсь в одиночестве работать тут добрым лекарем. Пойду в рудники и напою всех там, а ты разберись с теми, кто спит и кто... э-э-э... более активно проявляет свою любовь к ближнему.

С этими словами он отлил половину сиропа и был таков, а я вздохнула и поплелась всех спасать.

Первой жертвой в моем списке стал Эрл. Повар и спасенные глазешки нашлись в одной из ванных комнат. Похоже, глазам нравились водные процедуры.

– Отлично, ты что, тратишь на них горячую воду?! – возмутилась я.

При виде нас с кастрюлей, Эрл недовольно отвернулся.

– Дурдом! – Я прикрыла на миг глаза. – Слушай, Эрл, ты же классный повар, попробуй мой новый сироп, а? Как тебе?

Повару было не до всяких там мелочей типа Хейлин и сиропа. Но что радовало, это зелье, похоже, превращало людей в идиотов. Ну или работало как алкоголь, потому что ничего, кроме объекта воздыхания, повар не видел. Он послушно проглотил чайную ложку противоядия и продолжил заботливо купать глаза.

– Интересно, когда проявится эффект?

Сразу после завтрака я легла спать, и...

– Ой блин, Умбрия!

Я чуть не выронила кастрюлю, вспомнив, что Умбрия тоже ела торт с сиропом, и сейчас... ох, тенька, ну почему мы такие невезучие?!

Забыв и об Эрле, и об остальных, я кинулась в подвал, где тень обычно пряталась.

– Умбрия! – позвала я. – Умбречка! Иди ко мне, я тебе вкусенького сиропа дам!

Несколько минут ничего не происходило, но потом, к собственному облегчению, я все же увидела, как из-за корзины на меня смотрят два синих глаза.

– Умбречка моя, прости пожалуйста, торт был полит нашим сиропом! Я тебе противоядие принесла, тоже вку-у-усное...

Я осмотрелась в поисках того, что можно было бы полить сиропом. Нашла булку и решила, что сойдет.

– Смотри, какая вкусная булочка, съешь, а?

«Чавк, чавк, чавк», – раздалось за ящиками.

– Что ты там ешь?!

Умбрия не выказывала ко мне агрессии, так что я рискнула заглянуть в узкую темную щель и ахнула. Тень совершенно невозмутимо ела глаза. Щелкала как семечки, довольно чавкая и блаженно моргая.

– Да... очень интересная форма любви к ближнему.

С другой стороны, тоже хорошо: дом нам очистит, никакой отравы не надо. Но я все же отдала теньке булку, на всякий случай.

Никогда еще у меня не было такой сумасшедшей ночи. С Эрлом и Умбрей все прошло довольно быстро и легко, а вот остальные горняки то ли оказались сильнее магии сиропа, то ли просто мерзкие характеры добавили острых ощущений, но девять человек задали мне жару на несколько часов.

Сначала я прокралась в спальни тех, кто завтракал после ночной смены. Они оказались самыми счастливыми: ничего толком и не почувствовали. Съели торт и сразу отрубались. В общем-то, и противоядием их напоить оказалось проще простого.

А вот с теми, кто бодрствовал...

За Сержем пришлось в прямом смысле побегать. То ли сладкое не любил, то ли просто из вредности, но он никак не желал выздоравливать. А учитывая его явление в девичьей спальне, я вообще не понимала, с какого перепугу должна его спасать.

В общем, когда Торн вернулся, я едва ли не на коленях уговаривала последнего вверенного мне заколдованного горняка съесть ложечку сиропа.

– Развлекаешься? – усмехнулся Уилл.

Он вообще выглядел совершенно расслабленным, словно не выполнял тяжелую работу, а ходил на прогулку!

– Все! – Я поднялась с пола и с грохотом поставила кастрюлю на стол. – Я больше не могу! Он отказывается это пить! Корми сам или

пусть ходит в обнимку с глазами, когда-то же это зелье прекратит свое действие.

Никогда еще я не чувствовала себя так паршиво. Болела голова, так сильно, словно я всю ночь провела на каком-нибудь органном концерте. Ноги гудели (я даже сомневалась, что смогу заснуть с такой болью), а в глаза словно засыпали песка. До комнаты я брела минут десять, чего до сих пор ни разу не случалось.

Никогда в жизни больше не буду такое вытворять! Никогда даже не подумаю о том, чтобы сварить какое-то зелье! Отпаивания суровых мужиков сладеньким противоядием будет сниться мне в кошмарах!

Умбрия, когда я вошла, стремительно вылетела из-под кровати.

– Наелась? – улыбнулась я. – Давай спать. Сможешь погреть мне ножки? Так болят...

В доказательство я жалобно вздохнула, и тень тут же закивала. Пока я переодевалась и обтиралась влажным холодным полотенцем, Умбрия копошилась под кроватью, а когда я закончила с вечерним (ночным скорее, или даже утренним) туалетом, еще раз смачно зевнула и уже было приготовилась с наслаждением растянуться на постели, вдруг увидела то, что заставило охнуть.

– Умбрия! Ты что, стащила у Кейна книгу?!

Тень виновато опустила призрачную голову.

Из-под кровати выглядывал корешок гримуара Алессии. Вот же... Кейн книгу забрал, а добрая Умбрия выкрала обратно! И что теперь делать? Снова отнести Кейну или сказать, что понятия не имею, о чем он, когда спросит?

Но увы, никто не дал мне над этим как следует поразмыслить: раздался стук в дверь.

В такое время ничего хорошего этот стук не сулил. За окном всюду сияла луна, даже не думая уступать место утреннему неласковому солнцу. Мы с Умбреей переглянулись, и тень поспешно скрылась под кроватью. А я, чуть подумав, ногой запихнула книгу как можно глубже. Не знаю я, как объяснить ее появление здесь.

Но за дверью оказался совсем не взбешенный Кейн. Признаться честно, я даже не поверила своим глазам, такой странной и в то же время очень впечатляющей оказалась картина.

Во-первых, Уилл избавился от своего хвоста: его иссиня черные волосы рассыпались по плечам, так и маня хоть немного пощупать.

Идеальные волосы! Я более чем уверена, что он наносит всякие питательные маски, ведь не может судьба быть такой жестокой и дать мужчине такие шикарные волосы от природы.

Во-вторых, он был без рубашки, во всей красе демонстрируя накачанный рельефный торс с крошечными капельками влаги – полотенце на плече намекало на недавнее посещение душа.

Так что я едва справилась с дыханием, которое вдруг отказалось снабжать мой мозг кислородом, и он выдал какие-то непристойные мысли.

– Ты что тут делаешь? – как-то сипло поинтересовалась я.

Уилл сделал шаг вперед, заставляя меня впустить его. Он захлопнул за собой дверь и остановился. Я словно зачарованная смотрела в колдовские зеленые глаза.

– Я подумал, что пока что ты ведешь, а это не слишком справедливо. Мне нужен реванш.

– А мне – поспать. Не напомнить, что случилось с Сержем? Выйди вон из моей комнаты!

Он только поднял руку и коснулся холодными пальцами моей щеки. Прикосновение обожгло нежную кожу, я против собственной воли отшатнулась.

– Мой реванш, – повторил Уилл.

Его глаза вдруг потемнели, а затем – мне почудилось, иного объяснения нет! – из зеленых стали синими, холодными. Мужчина раскрыл ладонь, на которой поблескивал уже знакомый черный кристалл, а затем с силой сжал кулак, растирая его в пыль.

Словно кто-то размыл окружающую обстановку. Я перестала видеть что-либо, кроме Уилла. Черная блестящая пыль поднялась в воздух, я глубоко ее вдохнула, не отрывая взгляда.

Краски смешались еще сильнее, сознание медленно уплывало куда-то вдаль. Я успела лишь на пару секунд почувствовать тошноту, а потом закрыла глаза и уже не отличала реальность от сна. Нырнула в темный водоворот, позволила темноте унести меня вслед за собой. И уплывала, уплывала прочь от реального мира.

Глава седьмая

Светлейшая снова озарила меня своим благословением. Хотя сначала я считала совершенно наоборот. Но если вдуматься...

Да, я потравила всех колдовским сиропом (хотя не я, а Эрл, но почему-то это никто не запомнил). Да, после приема противоядия воспоминания о совершенных глупостях никуда не делись. Да, все тридцать горняков были злы, как годморстенские льяводы.

Но, во-первых, меня никто не стал ругать, поскольку Торн переполюшил весь дом с моим обмороком. А во-вторых, когда болеешь, внимание перепуганных растерянных мужчин – это очень и очень приятно, как оказалось.

Папа-то давно привык к моим болезням и не слишком переживал, когда я падала с простудой. А здесь, в краю бескрайних снегов, я была единственной девушкой. Может, и не любимой и дорогой Хейлин, но совершенно точно той Хейлин, которую нельзя угробить.

Я и сама не могла объяснить, что случилось ночью, почему я упала в обморок. То есть это наверняка стало реакцией на магию Уилла, но почему-то я не стала говорить, что именно он делал в моей комнате. Сама не знаю почему. Черные кристаллы были мне не знакомы, и очень хотелось узнать о них поподробнее. Я бы полистала гримуар Алессии, но в моей комнате постоянно кто-то дежурил!

А Эрл мне все-таки отомстил. Гордо притащил какой-то мелок, сказал, что это современное средство от глаз, и он назвал его «Хейлин».

То и дело по дому разносился здоровый мужской бас:

– Никто не видел Хейлин?! Надо глаза потравить.

Уилл при этом начинал неприлично ржать, согнувшись в три погибели. К слову, Торн явно чувствовал вину за мой обморок, поэтому развлекал меня чаще всех. Мне так и не удалось выяснить, чем же он здесь занимается. Да и вообще рудник предстал странной организацией. Вспомнить только разговор, подслушанный в самом начале.

Еще меня осмотрел лекарь (эту должность совмещал один из горняков) и озвучил вердикт:

– Переутомление. Постельный режим и усиленное питание.

– Да что она делала-то?! – поразился Торн.

– Тебя терпела, – пробурчала я и заползла под одеяло.

Утомление, так утомление, буду изображать из себя страдающую невинность.

– Что ж, отдыхай, Хейлин. Стандартный больничный у нас три дня, по истечении посмотрим, как ты себя чувствуешь, и решим, как избежать такого впредь, – сказал Кейн.

Потом почти все разбрелись по своим местам, и мне стало дико скучно. Оказалось, праздное безделье – не так уж и круто, когда тебе не разрешают вставать и заниматься тем, чего душа изволит. Сначала я подробно описала все свои злоключения Рикки, потом подумала, не написать ли отцу. Но от этой идеи в итоге отказалась: раз папа проигнорировал мое первое письмо, унижаться и снова просить обратить на меня внимание я не стану. Пусть первый идет на мировую.

– Принеси хоть книжек каких-нибудь, – попросила у Уилла.

И он принес. Хоть какое-то развлечение: скоротала десять минут, кидаясь в Торна увесистыми томами.

– Советы идеальной жены?! Энциклопедия послушания?! Похождения годморстенской куртизанки?! Ну и библиотека у вас!

Видимо, не издеваться надо мной было выше сил Уилла. Раз почитать тоже не получилось, я просто валялась. В редкие минуты, когда меня оставляли одну, прилетала Умбрия, и мы более-менее весело проводили время. А еще теньке оставалась целая куча еды, потому что усиленное питание у горняков значило гору еды и еще полдник.

К концу первого дня больничного, когда Кейн пришел справиться о моих делах, я взмолилась:

– Пожалуйста, можно мне выйти?! Я посижу в гостиной, почитаю книгу, поболтаю с кем-нибудь. Это же не комната, это клетка! У меня тут второй обморок случится, но на этот раз от скуки!

То ли аргумент был убедительный, то ли не хотелось связываться, но Кейн все же разрешил мне спуститься в гостиную. Там я взяла чашку горячего мятного чая и устроилась у окна, глядя на морозный лес, где снег валил пушистыми белыми хлопьями. Красиво...

Уилл неподалеку рубился с Цвейгом в шахматы, прихлебывая чай и таская из большой вазы сдобные пышки, Кейн заполнял какие-то

журналы и готовил письма для вечерней отправки. Еще пяток горняков просто сидели и о чем-то негромко спорили.

К собственному стыду, я до сих пор знала не все имена. Тех, с кем изредка перекидывалась парой слов, узнавала и приветствовала, а остальных... Надо будет выделить время и как следует познакомиться. Так-то, в сущности, они были неплохими ребятами. И не их вина, что они оказались на линии огня между мной и отцом.

– Хейлин, у тебя будет одно письмо? – спросил Кейн, и я кивнула, ощутив укол совести.

Но тут вернулись со смены ребята, и гостиная наполнилась их немного усталыми, но громкими голосами. Один из парней поставил на стол перед нами какой-то кусок камня, в котором отчетливо угадывались мужские черты.

– Смотрите, чего мы откопали!

– И кто это? – спросила я.

– Ну, судя по архивам – бюст темного бога, – ответил он.

Уилл, прежде с аппетитом поглощавший булку, поперхнулся и закашлялся.

– На том месте, где мы копаем, раньше был древний храм. Неудивительно, что встречаются такие находки, – кивнул Кейн.

– А я думала, темный бог – это сказки.

– Он, может, и сказки, а вот храмы – вполне себе реальность.

– Страшный он какой-то. – Я оглядела кусок статуи и на всякий случай решила его не трогать.

– Да нормальный, – сипло отозвался Уилл. – Просто долго валялся под землей и в холоде.

– Ну, раз так, вот тебе и подарим, – решил парень, поставил перед Уиллом глыбу и отправился восвояси – переодеваться, ужинать и отдыхать.

Кейн усмехнулся:

– Ты же говорил, что скучаешь по древним культам, вот и воссоздавай.

Они начали препираться, а я снова обратила взор к окну. Удивительно, но мне начинала нравиться северная природа. Я смотрела на заснеженные деревья, луну, ласково касающуюся каждой снежинки, темное-темное небо с россыпью сверкающих звезд. Такого не было в Хиглейк-граде. Нет, там тоже были свои красоты, особенно

если вдоль пляжа уйти подальше от города. И звезды, и шум моря, бьющегося о камни, и даже морские ежи, что в изобилии водились на диких пляжах – все это было очень красиво и уютно. Но не так. Пожалуй, север даже мог бы стать моим любимым курортом.

Ведь если вообразить, что сидишь у камина в шикарной гостинице, с бокалом красного сухого вина, а наутро не нужно вставать ни свет ни заря, чтобы успеть к завтраку, то можно даже найти в таком отдыхе свое очарование и уют.

Что-то вдруг хлопнуло по стеклу, вырвав меня из мечты об уюте. Я вздрогнула, но никто из присутствующих ничего не заметил. Парни развлекались, рассматривая кусок статуи. Сердце забилося чаще, но я себя успокоила. Что такого может быть снаружи? Тем более мы под надежной охраной не только замков, но и магического купола над домом.

Еще хлопок, и еще. А потом на козырек окна уселась красивая белая сова, и я с облегчением выдохнула. Всего лишь птица, северная, красивая, гордая. Она внимательно посмотрела на меня пронзительными желтыми глазами, а потом взмахнула крыльями и упорхнула в морозную даль.

– Хейлин, – позвал Кейн, – пора спать.

Я надулась, ощутив себя маленьким ребенком, которого выгоняют в постель, в то время как взрослые собираются весело проводить время. Но Кейн был неумолим, и я в очередной раз поняла, почему именно он получил кресло начальника:

– Так сказал лекарь. Быстро в комнату! Ужинать и спать.

Я скорчила рожу, несколько парней рассмеялись.

– А почитать перед сном можно?

– А ты что, умеешь? – фыркнул Уилл.

– Тебе еще тортину приготовить? – огрызнулась я, и Кейн, закатив глаза, буквально утащил меня наверх.

Вот это уже больше походило на шикарную гостиницу: ужин в постель принесли (опустим тот факт, что из всего меню я смогла съесть только картошку, горняки снова ели какое-то жутко жирное и жареное мясо), подушечку поправили и оставили в одиночестве, наедине с какой-то книжкой. На этот раз нормальной. Кейну были чужды дурацкие шутки, в отличие от Торна.

Верхний свет погасили, оставив мне небольшую переносную лампу с тремя магическими огоньками внутри. Лампа красиво мерцала, и хоть читать при таком освещении было неудобно, я все равно наслаждалась покоем.

Книжка оказалась не слишком интересной, мерцание огоньков убаюкивало. Я не заметила, как задремала полулежа, закутавшись в теплое мягкое одеяло.

«Хейли-и-и», – сквозь сон до меня донесся женский голос.

Я резко открыла глаза и прислушалась. Показалось? Приснилось? В комнате было тихо, только слышалось, как на улице завывает ветер.

«Хейли-и-и».

А вот теперь не показалось! Женский мелодичный голос звал меня откуда-то из темноты и холода. Луна вышла из-за облаков, и на окне я увидела отпечаток женской руки.

«Хейли-и-и».

Это было похоже на наваждение. Я словно во сне поднялась с постели. Босым ногам сразу стало холодно, но я все равно упрямо сделала несколько шагов к окну. Было страшно, очень! Подсознательно я ждала, что сейчас какой-нибудь жуткий монстр выпрыгнет перед окном. Но вместо монстра я увидела женщину.

Она стояла чуть вдалеке, у самой кромки леса. Несвойственное северным широтам легкое белое платье развевалось на ветру. Ее длинные темные волосы были усыпаны снежинками, которые падали, но почему-то не таяли. С такого расстояния я не могла рассмотреть лицо женщины, но безошибочно ее узнала.

– Мама... – Губы плохо слушались.

«Хейли-и-и-и», – снова позвала она и медленно протянула руку, словно приглашая.

Пальцы немного дрожали, но я, не сводя с мамы глаз, взялась за защелку окна и смело распахнула створки. В лицо тут же ударил морозный воздух, дыхание перехватило от порыва ветра, принесшего целый рой снежинок.

Я отвела взгляд, чтобы сообразить, как спуститься вниз. Впрочем, в этом не было ничего сложного: до пожарной лестницы оказалось подать рукой. Все старые дома имели такую, ибо самое страшное, что может случиться с людьми в уединенном месте, – оказаться заблокированными в горящем доме.

Мама ждала, опустив руку. Ветер уносил мое имя, сказанное нежным женским голосом. Содрогаясь от порывов пронизывающего насквозь ветра, я спустилась на землю. Как же больно оказалось ступать по снегу! Он резал ступни, словно разбитое стекло, от чего я оступалась. Кромка леса казалась бесконечно далекой, а мама — недостижимой.

Но все же ее голос становился ближе. По мере того, как я приближалась к ней, сердце стучало все сильнее и сильнее.

— Мама! — позвала я.

Она снова подняла руку, подбадривая. Между нами оставалось несколько метров, когда вдруг кто-то перехватил меня за талию и дернул в сторону.

Я упала. Удар выбил остатки дыхания, и в глазах потемнело, а вокруг раздался пронзительный хриплый вой. Я открыла глаза, но увидела лишь черные тени. Они метались, окружили меня плотным коконом и отрезали от внешнего мира, в котором что-то выло и билось, кричало и хрипело так страшно, что я даже рада была тому, что не вижу ничего.

— Хейлин! — Кто-то потрянул меня за плечи. — Очнись! Проснись!

Я растерянно огляделась. Лес был темен и тих, метель все так же завывала вокруг. Стало так холодно, что я перестала чувствовать собственное тело.

— Сумасшедшая!

Меня укутали во что-то теплое, от чего все тело начала бить крупная дрожь.

— Ты что, без обуви?

Я наконец сфокусировала взгляд на человеке, который стоял рядом. Им оказался Уилл, непривычно растрепанный. Синие глаза смотрели внимательно и немного настороженно. Никаких теней не было и в помине.

— А где мама? — шепотом спросила я.

— Мама? Хейлин, что случилось?

— Мама... там... я увидела ее в окно, она меня позвала...

— Мама позвала тебя снаружи?

Тут до меня дошло, как это звучит. Я снова вспомнила женщину возле деревьев и всхлипнула, неожиданно для самой себя прижавшись к груди мужчины.

– Котлетка, что с тобой случилось? Тебе приснилась мама? Ты скучаешь по ней?

– Мама умерла, – с трудом нашла в себе силы сказать. – Очень давно.

Уилл выругался и быстро поднял меня на руки.

– Пойдем домой. Холодно.

Его самого, казалось, совсем не волновал мороз, царивший на улице. У меня зуб на зуб не попадал, а Уилл шел в тонкой хлопковой рубашке – и хоть бы хны. На его лице не дрогнул ни один мускул.

Я повернула голову, чтобы посмотреть поверх его плеча на лес, и чуть не вскрикнула, когда снова увидела там маму. Дернулась.

– Не смотри туда. Это призрак.

– К-к-какой призрак? – с трудом спросила я.

– Утбурд. Северная нечисть. Обычно приходит в образе ребенка, но в этот раз отличился оригинальностью, похоже. Мерзкая тварь, опасная. Они вообще редко к нам забредают. Сову белую видела?

– Видела, – призналась я. – За окном, в гостиной.

– Ну вот. Выбирал жертву, предупреждал. Выманил тебя на самое личное и хотел полакомиться.

– Фу-у-у... – Меня передернуло от мысли, во что мог превратиться мамин образ, когда я подошла бы совсем близко.

Уилл усадил меня в гостиной, придвинув кресло как можно ближе к камину. Дома я бы после такого холода приняла горячую ванну, но здесь до горячей воды можно было ждать и ждать, так что у камина согреться намного проще.

– Сиди здесь, ничего не делай, никуда не ходи, закрой глаза. Я сделаю чай. – Тут Уилл обернулся и обрадованно крикнул: – Цвейг! Иди-ка сюда!

Заспанный парень выглядел недоуменным, когда увидел меня в кресле, закутанную в зимний плащ.

– Сходи на кухню, сделай чай. Покидай туда всяких трав типа мяты, розмарина и так далее.

– А что у вас тут случилось...

– Котлетка словила утбурда. Когда я ее поймал, она как раз отважно топала через лес, чтобы ему напирать. Еле уговорил пощадить.

Я не удержалась и хихикнула. В такой интерпретации звучало гордо. Хотелось бы мне в это поверить.

Осторожными движениями Уилл растирал мне ноги, к которым медленно, но очень болезненно возвращалась чувствительность. А ко мне, вдобавок ко всему, возвращалась способность краснеть. Потому что я тут сижу в ночной сорочке, вымокшая и замерзшая, а ступней касаются горячие пальцы, и вообще... как-то все неправильно и непривычно.

– А как утбурд понял, на что меня можно выманить?

– Он хорошо улавливает тревоги и страхи. Использует то, что гнетет жертву. Изначально утбурды – это преданные дети, оставленные умирать матерями. Они мстили древним племенам, которые таким образом – оставляя ребенка в снежном лесу – избавлялись от больных детей.

– Как я, – тихо добавила.

– Нет, по-настоящему больных, а не самовлюбленных поклонниц массажа для мизинчиков.

– Мама умерла, потому что я родилась больной. Она отдала мне всю магию и поэтому умерла.

Я не планировала этого говорить, слова вырвались сами по себе, как будто открылась давно затянувшаяся рана. Я так замерзла, что даже слезы, пролившиеся на щеки, показались горячими.

Уилл тяжело вздохнул.

– Ты путаешь, Котлетка, причину со следствием.

– Не путаю. Если бы у нас было правило оставлять больных детей в лесу, мама бы осталась жива, и они с папой родили бы нового ребенка. Здорового.

– Никакая мать не поступит так.

– А почему поступали на севере?

– У них не было выбора. А у твоей – был. Ты ведь не силой забрала ее магию, она отдала тебе сама.

– Она наверняка пожалела об этом.

– Она точно пожалеет, если ты угробишь собственную жизнь из-за чувства вины. Такая жертва – и напрасно? Я думаю, она мечтала, что ты будешь счастливо строить свою жизнь. А не идти наперекор всему и создавать себе трудности.

– Ты не знаешь, каково это. Когда на тебя все смотрят и вспоминают маму. Какой классной она была. Какой красивой. Когда папа на тебя смотрит и думает, как здорово было бы, если бы тебя не было.

– Да ну, твой отец не способен такое подумать.

– Тогда почему он мне не пишет? – Я шмыгнула носом, а потом сорвалась в натуральный и совсем не достойный леди из высшего общества рев.

Торн словно впервые оказался наедине с плачущей девушкой.

– Котлетка, существует миллион причин, по которым он тебе не пишет.

– Например? – всхлипнула я.

– Например, он улетел куда-то по делам и еще не видел твоего письма. Или отправил ответ, а почта его потеряла. К нам сюда сложно добраться, а уж письма... Если северные города в курсе существования рудников, то в южных такое письмо вообще могут счесть шуткой. Поэтому причин действительно много. А нечисть на то и нечисть, чтобы давить на больные мозоли. Но тебе следует запомнить, что ее уловки не имеют ничего общего с реальностью. Созданий тьмы можно победить, только если верить в то, что они бессильны против тебя.

– Откуда ты столько знаешь про тьму?

– Ну-у-у... в некотором роде я специалист по ней.

– Так ты этим занимаешься здесь? Охраняешь рудники от нечисти?

– Да, типа того.

Мы услышали тактичное покашливание. Цвейг вернулся с огромной кружкой дымящегося чая. Уж не знаю, что он там подумал, но на всякий случай снова покраснела и поспешила сунуть нос в ароматную горячую жидкость.

– Идите спать, – вздохнула я. – Вам же завтра на работу.

– А я уже проснулся, – хмыкнул Цвейг, усаживаясь в соседнее кресло.

– А я и не ложился и пока не буду.

Тут гостиная наполнилась голосами: спустились сразу пять крепких парней. Один из них присвистнул.

– Ух ты, а вы чего тут делаете, ребята?

– Чай пьем, – пискнула я.

– Вот гады, и не позвали. А если мы с кухни что-нибудь стащим, Эрл нас на завтрак не приготовит?

Вскоре мы уже сидели все вместе в гостиной. Низенький столик придвинули к самому камину, на него водрузили миску с печеньем, конфетами и шоколадом, а еще кто-то притащил кусочки хлеба и тоненькие железные шпажки. Мы знатно развлеклись, поджаривая на открытом огне кусочки хлеба. Ни Уилл, ни Цвейг ничего не сказали про утбурда, за что я даже испытала благодарность. Теперь вспоминать о том, что я совершенно по-идиотски повелась на уловку нечисти, вылезла из окна и чуть не сгинула в лесу, было стыдно.

– Так, ребят, скоро горячую воду дадут! – вдруг очнулся Цвейг. – Я первый!

– С чего это? Ты был первый три дня назад, дай другим возможность погреться!

– Да если бы я не напомнил, ты бы так и мылся под холодной!

– Спокойно! – одернул всех Уилл. – Первая идет Котлетка. Она замерзла.

«Да нет, ну что вы», «Не стоит», «Я уже согрелась» и «Вам нужнее» – вот неполный перечень всех фраз, которые должна была сказать приличная девушка после того, как ее половину ночи развлекали, отвлекали и вообще всячески увлекали интересными разговорами.

Но девушка оказалась малодушна, склонна к жалению себя, поэтому я только и смогла что благодарно согласиться. В свое оправдание пообещала, что постараюсь принять душ очень быстро. Правда, никто из горняков не расстроился. Похоже, им было без разницы, кто первый пойдет в душ, главное, чтобы не Цвейг.

– Ты что, заделался моей нянькой? – Из вредности я все-таки буркнула на Уилла, когда он проводил меня до душевой и остался снаружи, чтобы подождать.

– Ты, Котлетка, любое благое намерение сведешь к желанию тебя придушить, – беззлобно ответил он.

– А по-моему, ты чувствуешь себя виноватым за то, что сделал. Кстати, что это было?

– Ничего. Чихательный порошок. Хотел, чтобы ты, как идиотка, весь день слушала «расти большая» и бесилась от перспектив не

влезть в платье.

Я только и смогла что фыркнуть, тряхнуть копной спутанных волос и пробурчать что-то невнятное.

Ну, а дальше я растворилась под горячей, умопомрачительной водой. Она смывала остатки жуткой ночи, и хотя воспоминание о темноволосой женщине в лесу будет преследовать меня еще очень долго, я все равно запомню не только пробирающий до костей мороз, но и уютную гостиную с пожаренным хлебом и надеждой, что отец еще напишет и все будет если не как раньше, то хотя бы просто хорошо.

К концу помывки у меня слипались глаза, словно вся усталость, которая накопилась за несколько дней, вдруг обрушилась мертвым грузом. Зевая, я плелась по коридору вслед за Торном, а с кончиков волос капала вода, потому что даже высушить толком длинные космы не хватило сил.

— Значит, так.

По-хозяйски Торн зашел в комнату и все внимательно осмотрел. Потом задернул шторы и закрепил их какой-то булавкой.

— Утбурд не должен больше появиться, я его как следует напугал, но если вдруг такая радость приключится, сразу зови кого-нибудь, поняла? Выходи из комнаты, не слушай его, вообще забудь о том, что окно существует и открывается. Хотя теперь не открывается, я его заколотил. Но все же будь осторожна и держи в уме, что вокруг дома ходит много разной нечисти. Предложил бы тебе поспать у меня вместо соседа, но боюсь, твой отец такой жест не поймет. Еще заставит жениться... а я так сильно, между прочим, не грешил.

Для проформы очень хотелось Уилла ударить, но вместо этого я зевнула и полезла под одеяло. Сейчас меня не разбудит никакой утбурд. Заговори он хоть голосом самой Светлейшей, я вряд ли открою глаза.

— Спасибо, — нехотя сказала я. — За то, что меня спас.

— Должна будешь. Завтра приготовишь всем котлеты. Нормальные, мясные. Будем в расчете.

— Почему именно котлеты?

— Ну ты же Котлетка. Что тебе еще готовить? — совершенно логично отозвался этот гад. — Все. Спать, я сказал, и ни слова Кейну!

— А не то тебя уволят?

– Мечтай-мечтай, – рассмеялся он.

Огоньки в настольной лампе мягко потухли, погрузив меня во мрак северного утра. «А вот глаза у Уилла снова стали зелеными», – сонно подумала напоследок.

* * *

– Котлеты... котлеты...

Папа говорил так: долг платежом красен. Старая-старая поговорка, наверное, из его детства. Я такой, во всяком случае, не знала. Но последний долг пришлось отдавать. И не потому, что Торн спас мне жизнь, не дав пасть в радушные объятия утбурда. И даже не потому, что я вдруг вспылала любовью к готовке. А просто потому, что мне было скучно.

Если раньше можно было хотя бы смотреть в окно, то теперь одна мысль о том, чтобы раздвинуть шторы и лицом к лицу встретиться с неприветливым лесом, ввергала меня в печаль. Я пролежала еще день и после обеда отправилась на кухню, чтобы приготовить всем ужин.

– Котлеты? – с подозрением посмотрел на меня Эрл. Видимо, вспоминал торт. – Почему именно котлеты?

Ну что я могла ответить? Сказала правду. Или полуправду...

– Просторила Уиллу. Теперь должна приготовить всем котлеты на ужин.

– Пойду, – вздохнул повар, – посмотрю, есть ли у нас еще консервы.

Я даже обиделась на такое явное пренебрежение моими кулинарными талантами. Между прочим, за мной не водилось ни одного косяка. Морковные котлетки получились чудные, салатики и булочки я делала отлично, а торт? Разве какой-то другой торт может конкурировать с тем шоколадным шедевром, которого мне даже не досталось? Слава Светлейшей, правда, что не досталось, но тем не менее он был вкусный!

Так что Эрл переживал совершенно напрасно. Но жуть как любил ничего не делать, поэтому, убедившись, что в случае кулинарного апокалипсиса горняков будет чем накормить, ушел к себе. Оставил меня в компании кастрюль, продуктов и Умбри.

– На самом деле, – призналась я тени и самой себе заодно, – понятия не имею, как делать мясные котлеты. То есть, наверное, процесс очень похож на обычные, но что делать, понятия не имею! Надо было полистать книгу Алессии, вдруг там нашелся бы рецепт.

Умбрия сделала жест лапой, который я расценила как «Спокойно! Все под контролем!».

– Ты умеешь делать котлеты? – с сомнением спросила я.

Тень утвердительно кивнула.

– Ладно, командуй.

Умбрия подлетела к одному из шкафов. Тень умудрялась даже открывать не слишком тяжелые двери и перемещать небольшие предметы. Я невольно в очередной раз задумалась, кто она такая. На ум пришли слова Уилла о том, что на севере водится много нечисти. Но даже если и так, Умбрия не злая. Она не выманивает меня в лес и не принимает обличье мамы, она помогает, греет и заменяет Тигру, по которому я ужасно скучаю.

Мне пришлось достать огромный мешок с фаршем. Действительно огромный, ведь надо было сделать минимум семьдесят котлет. Я с трудом дотащила его до большой кастрюли и вывалила туда.

– Слушай, – повернулась к Умбрии, – до ужина ведь много времени, да? Давай потренируемся в маленькой плошке. Пожарим пару штук и посмотрим, как получится. А то снова Эрл будет кричать, что я вандалка и испортила кучу продуктов.

Подумав, тень согласилась с логичным доводом, и совместными усилиями мы отложили в небольшую миску немного фарша.

– Что дальше? – спросила я.

Умбрия кивнула на ящик с овощами. Там я нашла лук и чеснок.

– А сколько бросать?

Тут тень оказалась бессильна, и я прикинула пропорции исходя из логики. Наверное, одна луковица и одна головка чеснока шли на одну котлету, потому что этого лука в ящике была целая гора. Значит, если я буду готовить две котлеты, то нужно порезать две головки лука и две – чеснока.

Звучало логично, так что я приступила к делу.

Нет, а все-таки мне нравилось! Не сказать, чтобы я предпочла готовку лежанию на пляже или катанию на водных досках, но все же

что-то в этом было: интерес при смешивании ингредиентов, ожидание похвалы. Мне даже захотелось порадовать парней вкусным ужином. Так сказать, в оправдание за торт.

– Дальше что?

Умбрия кивнула на буханку белого хлеба, чем меня дико озадачила.

– Что, просто хлеб?

Тень активно закивала.

– Уверена?

Она была уверена, я – не очень, и этот союз можно было по праву назвать смертельным. Вопрос только для кого: для нас или для тех, кто эти котлеты попробует?

– А специи нужны?

В поисках нужных я перерыла все ящички, но хоть бы кто подписал мешочки и склянки! Красные порошочки, зеленые порошочки, оранжевые порошочки... так, вроде нашла черный – должно быть, это перец. Но перед тем, как насыпать перца в замешенное тесто для котлет, я засомневалась.

– Уверена, что это нужно? – с сомнением спросила я.

Тень активно закивала головой, подталкивая ко мне баночку. Ну, я и сыпанула от души. Над кастрюлей поднялось облако перца, и я чихнула. Умбрия удовлетворенно закивала.

– Это все? Точно? Точно-точно?

К счастью, дальше процедура оказалась знакомой. Нужно было обвалять котлеты в муке и пожарить на небольшом количестве масла.

Я не могла определиться, какие чувства вызывает у меня сырой фарш. Совершенно точно я не понимала, как это может быть аппетитным и вкусным, но кто ж этих мужиков разберет? Папа тоже всегда заказывал себе мясные блюда в ресторациях по всему миру, когда мы с ним летали. Надо будет обязательно рассказать ему, что я готовила котлеты. Ну... если он вообще захочет со мной разговаривать.

Масло зашипело, когда я опустила на сковороду первую котлетку, и забрызгало. Умбрия тотчас скрылась под столом.

– Ой-ой-ой! – пропищала я, обиженно потирая ладошку. – Какие ж они... пакостные!

Пришлось накрыть их крышкой, и дело пошло повеселее. Две котлетки получились немного несуразные, но очень упитанные, так что каждую я жарила минут по двадцать в общей сложности.

Как раз заканчивала и придумывала, как бы мне перенести их на тарелку, когда двери кухни открылись и заглянул Уилл.

– Котлетка, ты делаешь котлетки? – усмехнулся он.

Я закатила глаза.

– Я сделала пробную версию, и ты очень вовремя зашел.

– Почему это?

– А тебя не жалко.

Уилл уселся за стол, подпер рукой подбородок и принялся за мной наблюдать, как добрый хозяин наблюдает за играющей кошкой. Казалось, что вот-вот он протянет руку и почешет меня за ухом. Судя по всему, сегодня господин Торн был на редкость в хорошем настроении. Ну ничего, сейчас котлетки попробует.

Хотя кого я обманываю? Втайне я надеялась, что ему очень понравится, и буквально дрожала от волнения. К счастью, внутренне. Не хватало еще трястись на глазах у Торна.

Я торжественно вручила ему вилку и поставила блюдо с двумя слегка развалившимися котлетами.

Уилл скептически оглядел ужин и замялся прежде, чем спросить:

– Котлетка, а почему в них столько лука?

– А... – растерялась я. – Ну... авторский рецепт.

– Противопростудный? Мне кажется, у меня начнется изжога, когда я это съем, а если запью молоком, то вообще сильно пожалею.

– Ешь давай! – Я топнула ножкой.

Он взял на вилку кусочек котлеты, сунул в рот и медленно прожевал.

– Ну-у-у?

– Водички не подашь? – почему-то сипло поинтересовался Уилл.

Пока я отходила за графином, услышала очень тихое:

– Не был бы бессмертным, сдох бы к демонам.

Впрочем, мне могло слышаться. Наверняка слышалось, потому что вряд ли Уилл считал себя бессмертным. Как показала практика, к энергошарам он очень даже уязвим.

– Невкусно?

– Котлетка, ты по какому рецепту делала? – тактично, даже слишком тактично для себя, спросил он.

– Ну-у-у... – Я впала в раздумья, потому что подставлять Умбрю не вариант. – Экспромт.

– Понятно, – вздохнул он. – Фарш еще остался?

– Целая кастрюля! – с гордостью продемонстрировала я.

Котлеты не получились, так хоть фарш не испортила, хоть какой-то мне плюсик в личное дело.

– И почему я сейчас собираюсь готовить благодарность самому себе?

Пока Уилл мыл руки, я с сомнением примерилась к котлете. Ну не может же быть она такой невкусной! Я тут вспомнила, что совсем не посолила фарш и, наверное, это не добавило ему вкусовых качеств, но не настолько же...

Прожевав первый кусок, я поняла, зачем Уиллу понадобилась вода, и мигом осушила целый стакан. Лук, чеснок и перец – вот из чего состоял фарш. Периодически где-то мелькали куски сухого хлеба, ну и на периферии мясо, которое совсем не чувствовалось, потому что лук в середине не пропекся, а по краям подгорел и задорно хрустел на зубах.

Уилл наблюдал за мной с ехидной усмешкой.

– Я так понимаю, сегодня не целуемся, да? Ты что, бросила туда все запасы чеснока?

«Убью Умбрю!» – пронеслось в голове.

– Вообще, Котлетка, я привык обучать девушек искусству любви, а не котлет. Все свидания я стараюсь проводить в спальне с огромной кроватью, чтобы девушка была в черных кружевах, а повсюду горели свечи.

– Ага, так собьешь пяткой свечу, и «а-а-а, пожар!», а девушка в черных кружевах истерично бежит по кругу в поисках того, чем можно потушить горящие чулки.

– Да хотя бы так. Не на кухне же, в окружении кастрюлек, с неповторимым ощущением обожженного луком и перцем горла.

Тут я хотела пошутить уж очень зло, но в последний момент промолчала. Зачем бесить человека, который вызвался мне помочь? И так уже проанонсировала котлеты на ужин, там наверняка ставки делаются, выживет ли кто-то после очередного кулинарного эксперимента.

– Запоминай, Котлетка. Берешь фарш. Солишь его и перчишь. Немного! На такую кастрюлю нужно пусть пять ложек соли и пять – перца. Перемешиваешь.

Это я могла, взяла длинную лопатку и послушно перемешала фарш.

– Потом режешь лук. Как ты вообще считала количество?

– По луковице на котлетку.

– По луковице на котлетку, – передразнил меня Уилл. – Пять луковиц на всю кастрюлю! Ну максимум семь-восемь, если любишь сочнее.

– Я вообще никак не люблю, я мясо не ем.

Меня смерили недовольным взглядом, пришлось умолкнуть.

– Добавляешь яиц. Без скорлупы, желательно. Потом берешь хлеб.

– Ага, это я тоже делала!

– Я заметил. Хлеб вымачиваешь в молоке.

– Этого я не делала...

– И это я заметил.

– Хватит издеваться!

– Потом все смешиваешь до однородной массы. Видишь, как получилось?

Я заглянула в кастрюлю и честно постаралась запомнить вид получившегося теста.

– Вижу.

– Вот это котлеты. А это, – Уилл кивнул на результаты моих потуг, – оружие массового поражения. Ну или оберег от вампиров. Но когда я говорил, что тут много нечисти, я не их имел в виду. Теперь достань вон в том ящике панировочные сухари, обваляй в них котлеты. И жарь. А я пока тут приберусь.

Он взял тарелку с двумя неудавшимися котлетами и понес было к мусорке, как из-под стола раздался трагический жалобный вздох.

Я замерла над сковородкой, все внутри сжалось. Умбрия, ну почему она не могла сидеть тихо?! Почему не улучила момент и не юркнула в подвал, пока Торн не видел? Он же выгонит ее! Если Уилл здесь, чтобы справляться с нечистью, он выгонит тень, и я не смогу его отговорить!

Вдруг стало очень страшно. Умбрия была единственным моим другом здесь. И еще она грела воду в душе в любое время.

Но Торн, к моему удивлению, постоял несколько секунд и обреченно вздохнул:

– Понятно. Вот чьи уши из котлет растут. Ладно, вылезай и ешь, вредительница.

Счастливая до ужаса Умбрия тотчас вылетела из-под стола и ухватила обе котлеты. Настал мой черед удивляться:

– Ты... ты знаешь Умбрию?

– Ты назвала умбрия Умбрей?! – поразился он. – Это же воплощение чистой тьмы!

– Это?! – не сдержалась я.

Тень, кажется, обиделась: фыркнула на меня, отвернулась и принялась еще активнее точить котлету.

– Ну да... немного не получившееся воплощение, но что уж теперь. Значит, вот где она прячется. А я-то думал, и куда пропала.

– Откуда ты ее знаешь?

– Откуда? – хохотнул Уилл. – Да я ее сюда и привез! Это моя умбрия.

– В смысле... как питомец?

– Ну, типа того. Мелкая и трусливая тварюшка, впрочем, довольно безвредная. К сожалению.

Он о чем-то задумался, глядя вдаль, а я вообще перестала чему-либо удивляться и что-либо понимать. Все мое существо поглотил процесс жарки котлет, я следила, чтобы ничего не подгорело и не развалилось. Но надо признать, что котлеты Уилла на вид были куда приятнее моих. Признавать это было непросто, но пока я жарила семьдесят штук, успела обо всем как следует подумать.

– А почему разработки ведутся там, где раньше был древний храм? И почему здесь еще нет толпы археологов и историков?

– Потому что земля выкуплена в собственность, – ответил Уилл. – Никто не имеет права принудить владельца пускать сюда археологов или кого-то еще.

– А храм, который здесь был, очень ценный?

– Зависит от того, что в нем искать.

– Он принадлежал отступникам? Я не знаю эту ветвь истории. Они поклонялись лжебогу, так?

– Они считали, что помимо Светлейшей богини есть Темнейший бог, ее брат. Они создавали этот мир вместе, а потом Светлейшая поняла, что не хочет делить власть, и темного бога изгнали. Он, в

общем-то, был и не против, но кто знает, может, когда-нибудь вернется?

– У тебя выходит, что Светлейшая – прямо тиран и злодей.

– Не бывает, Котлетка, ничего совершенного. Ни абсолютного добра, ни абсолютного зла, ни чистейшего света, ни грязнейшей тьмы.

– И ты в это веришь? – Я с сомнением покачала головой. – Нам такого в школе не рассказывали.

– Я просто отвечаю на твой вопрос. – Уилл пожал плечами. – Темнейший менее популярен, чем светлоликая Азара, но его храмы до сих пор находят по всему миру. Иногда там удается найти очень ценные артефакты или украшения.

– Но ведь здесь вы ищете самоцветы, да? В рудниках?

Я вспомнила разговор, подслушанный в самом начале пребывания здесь. Двое горняков разговаривали о Кейне и о том, что начальник что-то скрывает от тех, кто на него работает. Не ценности ли, найденные в старом, заброшенном храме древнего несуществующего бога? Очень интересно, но кого бы расспросить? Разве что Цвейга, он веселый парень, кажется.

Спустя полтора часа я наконец добила последнюю котлету, семьдесят первую. Точнее, как добила...

– Котлетка, почему она такая огромная?! – ужаснулся Уилл.

И действительно, на больших блюдах лежали маленькие котлетки, ровно семьдесят штук – по две на каждого. А рядом, на тарелку чуть поменьше, я водрузила царь-котлету. Фарш все не заканчивался, ноги гудели, а норма уже была выполнена, ну, я и выложила весь остаток на сковородку. Чего мучиться-то?

Из столовой послышались голоса: народ прибывал на ужин. Я с волнением ждала, когда Уилл попробует новые котлеты. Переделывать все еще раз не очень-то и хотелось.

– Вот, другое дело! – воскликнул он. – Это я понимаю, ужин.

– А что на гарнир?! – спохватилась я.

Пришлось поступить по-модному. На каждую тарелку мы разрезали по помидору и полили сверху душистым оливковым маслом. Туда же пошла и картошка, оставшаяся с обеда. Вареные клубни мы порезали и обжарили, чтобы получилась хрустящая корочка. Даже за вычетом котлеты ужин мне понравился, легкий и сытный. На десерт

еще полагалась небольшая шоколадка, и я с нетерпением ждала момента, когда съем ее перед камином, сидя с горячим чаем.

Уилл, словно был создан для работы на кухне, проворно составлял порции на тележку.

– Народ, ну где еда?! – донеслось из столовой.

– Жрать охота, э, Хейлин!

Торн высунулся в окно раздачи и вдруг рявкнул дурным голосом:

– Подождете, не принцессы!

От такого воспитательного тона даже мне стало не по себе.

Мы одновременно потянулись за последней тарелкой, и наши руки соприкоснулись. Мне показалось, что от этого прикосновения меня ударило током. Уилл заинтересованно меня рассматривал.

– Зачем же ты здесь появилась, Котлетка? – задумчиво спросил он, медленно протянул руку и заправил мне за ухо непослушный локон.

Я снова (и когда это кончится?) покраснела. На мое счастье, тележка требовала внимания, так что я целиком и полностью сосредоточилась на том, чтобы ее везти. Можно было раздавать еду и не думать, что кожа там, где касались пальцы мужчины, будто пылала.

Закончив с раздачей горячего и поставив чайники на полку для выдачи, чтобы все желающие могли налить себе попить, я села рядом с Цвейгом, чувствуя, что больше не смогу и с места двинуться. Как бы упротить кого-нибудь вымыть посуду?

На мое счастье, Кейн пришел в столовую позже всех, взял свою порцию сам и опустился на стул напротив меня.

– Может, не стоит так напрягаться? Твой больничный еще не окончен, ты можешь отдыхать.

– Это было весело. – Я пожала плечами. – Хоть я и устала.

Цвейг меж тем справлялся с котлетой так активно, что за ушами трещало. Несколько секунд Кейн смотрел на него с нескрываемым любопытством. Я даже хотела обидеться, ведь это любопытство явилось результатом сомнений в моих кулинарных способностях. Но вечер, убитый на готовку, дал о себе знать: я тоже дико захотела есть. Поэтому вместо того, чтобы страдать от несправедливости мира, принялась поедать картошку.

Кейн тоже попробовал котлеты, пожевал, задумался.

– А ты умеешь удивлять, – наконец изрек он.

«Уилл, скорее», – подумалось мне.

– Нет, я серьезно, очень вкусно. Даже у Эрла хуже.

Я робко огляделась. Народ с удовольствием уминал котлеты и никто, кажется, не жаждал меня убить, никто не падал замертво, схватившись за горло. Как все-таки хорошо, что первый вариант котлет не дошел до тарелок парней.

А еще мне было дико интересно сравнить вкус собственных котлет и тех, что получились у Уилла. Я дождалась, когда один из горняков, что-то рассказывая, перетянет все внимание на себя, и наклонилась к Кейну.

– Кейн, – шепотом позвала я.

Тот удивленно на меня посмотрел, но тоже придвинул голову, чтобы Цвейг не слышал. Отчаянно краснея, я попросила:

– А дай кусочек котлеты попробовать?

А шеф, похоже, начал привыкать к моей сумасбродности. Он только усмехнулся в усы и отломил вилкой кусочек еще нетронутой второй котлеты. Пока Цвейг посмеивался над шуткой коллеги, я быстро сунула кусочек в рот и пожевала.

Ну что ж, лука там было не в пример меньше, чеснока тоже, так что после такой котлетки даже можно было с кем-нибудь целоваться. Не то чтобы я собиралась это делать, но теоретически смогла бы. Сам вкус мяса, которого я не ела с самого детства, оказался солоноватый, очень специфический, не похожий ни на что.

Ладно, признаю, у Торна есть кулинарный талант. Пожалуй, если бы я ела мясо, это было бы даже вкусно, в отличие от той каши, что приготовили мы с Умбрей.

Цвейг разом проглотил оставшуюся половину котлеты и поднялся. А потом сделал нечто такое неожиданное, что я поперхнулась помидоркой.

Он наклонился, чмокнул меня в щеку и громко сказал:

– Спасибо, Хейлин!

«Блин!» – пронеслось в голове.

Я поспешно занялась едой, но едва снова примерилась к бедной помидорине, все повторилось, только на этот раз с другим горняком. Потом со вторым, третьим. Каждый, заканчивая ужин, по примеру Цвейга, подходил и чмокал меня, пресекая попытки сожрать

вожделенный ужин, утечь под стол, покраснеть до критической температуры и просто провалиться сквозь землю.

Все это продолжалось бы бесконечно, если бы Кейн, наконец, не взбунтовался:

– Вы мне дадите пожрать или нет?! – рявкнул он.

К счастью, меня оставили в покое, хотя аппетит все равно куда-то испарился.

– Может, все-таки в библиотеку? – усмехнулся шеф.

Глава восьмая

Весь вечер прошел за попытками заставить себя написать отцу еще одно письмо. Вот только я совершенно не знала, что писать. Привет папа, не знаю, получил ли ты мое прошлое письмо? Как-то унизительно, словно я бьюсь за внимание родителя, которому совершенно плевать на ребенка. Или, может, написать, словно ничего и не было? Если он не получил первое письмо, то ничего и не заметит, а если получил... то станет стыдно, а я буду выглядеть довольной жизнью и несгибаемой наследницей ди Амос.

Да, точно, напишу так, словно ничего не писала раньше!

«Дорогой папа!»

Нет, зачеркиваем.

«Отец! Надеюсь, ты в добром здравии и не забываешь заботиться о Тигре».

Едва я написала первую строчку, через щель между дверью и полом в комнату юркнула Умбрия. Тень возбужденно начала носиться по кругу.

– Что такое? Что-то случилось?

Та покачала головой. Мне еще показалось, что как-то неуверенно, но кто же знал! В этот момент я думала только об отце и письме ему, а никак не о тени, которая снова где-то накуролесила. И пожалеть о том, что я не расспросила Умбрию подробнее, мне пришлось немного позже.

– Послушай письмо, нормально начинается?

Тень подлетела ближе, и я вдруг чихнула, потому что от нее жутко разило чесноком. Конечно, она ведь слопала обе мои неудачные котлеты.

– Ты что, любишь лук? – скривилась я.

Умбрия виновато закивала головой.

– Ладно, я стащу тебе завтра целую луковицу, но давай ты полетаешь и проветришься? А то я скоро превращусь в талисман против вампиров.

Умбрия послушно улетела, но мне вновь не дали заняться письмом. На это раз мой посетитель был из плоти и крови, а еще – из целой горы сомнений.

– Привет, – просиял Уилл.

– Ты вампир?

– Что? – Он удивленно моргнул.

– Спрашиваю, не вампир ли ты. Прилетала Умбрия, она сожрала кучу чеснока и лука из котлет. Если ты вампир, то лучше иди подбру-поздорову, труп в собственной спальне мне будет очень сложно объяснить.

– Смешно. Котлетка, ты мне все еще должна.

Он нахально отеснил меня в сторону и плюхнулся прямо на кровать.

– Вот только я не могу придумать, что именно.

– С чего это я тебе что-то должна? Ты просил котлеты, ты их получил.

– Я их сделал!

– Это частности!

– Все благодарности тебе!

– Ладно, завтра попрошу всех поцеловать и тебя.

Уилл скривился – видимо, представил.

– Чего пишешь? Письмо отцу?

– Ага. – Я вздохнула. – Как думаешь, нормальное начало?

Торн внимательно прочитал первое предложение и почему-то фыркнул.

– Не умеешь ты, Котлетка, письма писать. Дай сюда, я напишу сам.

– Так у тебя почерк не похож!

– Вот потому и дай.

Он взял в руки карандаш и сделал вид, что задумался.

– Дорогой папа!

– Я не хотела его ласково называть, потому что обижена.

– Котлетка, хватит меня перебивать!

– «Дорогой папа, пишет вам Уилл».

Я моргнула, а затем рассмеялась и чуть не свалилась под стол. Представляю, как папа откроет письмо и увидит такое.

– «Вы же не против, если я буду называть вас папой? К сожалению, Хейлин немного занята сейчас, поэтому от ее имени буду писать вам я. У нас все хорошо. Хейлин практически стопроцентно – мой идеал. Еще отец говорил, что настоящая женщина должна быть

беременная, босая и на кухне. Хейлин пока соответствует двум пунктам из трех, но полы у нас теплые, так что и с обувью мы договоримся».

– Хва-а-атит, – простонала я. – Он получит сердечный приступ.

– Нет, ну когда он отправлял тебя работать в коллективе из тридцати мужиков, он же приступ не получил? Неужели ничто не предвещало?

– Я серьезно. Мне надо написать ему письмо, утром заберут почту.

– Ладно, не хочешь, как хочешь, я честно пытался тебе помочь. Давай думать, как ты отдашь мне основной долг.

Я только закатила глаза, продолжая ломать голову над тем, что бы такого написать в письме. Но присутствие Торна как-то сбивало с нужной мысли. Зачем он пришел? Не просто же поболтать? Как-то не верилось в то, что он перестал злиться за ту историю с шаром и вдруг вспылал ко мне симпатией. Что-то тут нечисто.

– О, Котлетка, я придумал! Хочу праздник.

Мне показалось, Уилл или сошел с ума, или начал издеваться. Какой еще праздник? Это я и спросила, немного не справившись с голосом, так что получилось как-то слишком шокированно.

– Обычный. Кейн иногда разрешает устраивать праздники, по поводу дней рождения или чего-то такого. Не чаще раза в месяц. Со всеми атрибутами: пьянкой, гулянкой и сломанными елками.

Мои представления о празднике в корне отличались от того, что он описал, но для разнообразия я решила промолчать и немного подумать об открывшейся перспективе. Праздник... хм. Музыка, танцы, вкусная еда, выпивка и развлечения? И все мужское внимание одной красивой и грациозной Хейлин?

– Ну ладно. – Я сделала вид, что с трудом заставила себя согласиться. – Попробую, но Кейн не разрешит.

– Разрешит, оставь это мне. Думай над меню и развлечениями, – усмехнулся Уилл.

Возникла неловкая пауза. Я молчала и смотрела в окно через щелочку в шторах. Смотреть было страшно, но ощущение, что я не одна, немного успокаивало. В случае чего быстро и позорно сбегу под бок к Торну.

– Гулять хочу, – вдруг вырвалось у меня.

– Гулять?

– Ага. Давно на улице не была, так хочется на свежий воздух.

Он пожал плечами.

– Одевайся, пошли.

– А...

– Я же специалист по нечисти. Она меня боится.

Идея гулять с Уиллом, который совсем недавно ласковее, чем «стерва», мне прозвищ не давал, казалась немного бредовой, но желание подышать немного морозом и посмотреть на кружащиеся в небе снежинки, пересилило все остальное. Я мигом натянула теплый свитер, шубу, опостылевшие валенки и была готова.

Свежий снег хрустел под ногами. Я шла в полуметре от черты, где заканчивался освещенный участок. Несмотря на то что до купола был добрый десяток метров, я не решалась отходить далеко от дома.

Просто так болтаться по улице было скучно. Я немного помялась, но больше для приличия, а потом пристала с вопросами:

– И почему ты вдруг стал меня выгуливать?

Торн удивленно на меня посмотрел. Ему, в легкой дубленой куртке, казалось, было совсем не холодно. Я вспомнила, как он отдал мне свой плащ, когда нес из леса, и снова задумалась, какой же силой обладает Уилл. Наверное, огромной. Даже удивительно, что он так легко попался моему шару. Наверняка задумался о чем-то очень важном и интересном.

– Кого хочу, того выгуливаю, – пожал он плечами. – Ты забавная.

– Забавна-а-ая, – протянула я, не зная, как на это реагировать: то ли обижаться, то ли принять как комплимент.

– А раз уж тебе нравится меня выгуливать и я забавная, покажешь ваш рудник? Я уже давно здесь работаю, а еще не видела, что происходит.

– Покажу, – согласился Уилл. – Но днем. Сейчас туда спускаться опасно. Давай еще круг, и пойдем в дом, сегодня мороз какой-то особенно зверский.

Мне хотелось еще немного погулять, но я не стала спорить, подумав, что Уилл замерз. Мы в последний раз обогнули дом и по обледеневшим ступенькам поднялись к двери. Уилл толкнул дверь, и... ничего не случилось.

– Не понял, – хмыкнул он.

Толкнул сильнее. Потом снова и снова, а потом черная тень отделилась от стены и пихнула его в грудь с такой силой, что Торн упал навзничь и поморщился.

– Уилл! – Я подбежала к нему. – Ты как?

Он выдал такую тираду, что я невольно покраснела.

– Что это было?

Пока мы говорили внизу, дом вдруг... заржал. Низкий гулкий бас, издававшийся откуда-то снизу, до жути напоминал гогот. Я почувствовала, как по спине бегут мурашки.

– Та-а-ак, – с каким-то нехорошим предчувствием проговорил Уилл. – Котлетка, нам надо прорваться в дом.

– Ну-у-у... и как ты планируешь это сделать? Кейн поставил серьезную защиту, чтобы мы не гуляли ночью? Он знает, что я вышла к утбурду?

– Нет, но мне это не нравится. Значит, так. Я буду отвлекать его с парадного входа, а ты лезь по пожарной лестнице в свое окно.

– Отвлекать кого?

– Котлетка, просто сделай, что я прошу, ладно?!

Я тоже пожала плечами и зашла за угол дома. Ишь, какой важный. Ничего не объясню, но сделай, как я велел. Трон по нему плачет, похоже, раз с важным видом приказывает.

Остановившись, я попыталась сообразить, какая из лестниц моя. Всего восемь рядов окон, возле каждого по лестнице, и ни одна не подписана. Потом я хлопнула себя по лбу: я же живу в последней комнате по коридору! И когда вылезала к утбурду, по левую руку не было других лестниц.

В общем, я смело пошла на штурм дома, который продолжал смеяться. Что-то в этом смехе было неестественное. Может, дом заколдовали? Но кто и зачем?

На свою беду вместо изящных перчаток я надела варежки, а в них оказалось жуть как неудобно хвататься на ступеньки. Но в памяти еще были свежи покрасневшие и болезненные ладони, после того, как я по морозу спустилась, хватаясь голыми руками за железо. Ладно хоть лизнуть не догадалась, а то процесс моего спасения выглядел бы более комично.

Эта лестница показалась бесконечной, но в итоге я все-таки добралась до второго этажа и задумалась, как мне вообще открыть

снаружи окно, если я изнутри все заперла. Вот блин, магии-то у меня нет, и Уилл наверняка об этом забыл. Придется вернуться и поменяться с ним местами.

Но прежде, чем я начала спускаться обратно, за окном вспыхнул свет.

Честно говоря, я чуть не свалилась в сугроб от неожиданности. Ну кто мог включить в моей комнате свет? Умбрия? А уж когда шторы распахнулись и мне явилось заспанное лицо Цвейга, я вообще перестала понимать, что происходит. Он тоже в благодарность за котлеты решил порадовать меня ночным визитом?

Увидев меня, Цвейг изменился в лице, и по губам я отчетливо прочитала удивленное «Хейлин?»). Ага, то есть он еще и не ожидал увидеть меня в моей же спальне. Совсем интересно...

Я сделала страшные глаза и жестом, опасно отцепившись от лестницы, велела открыть окно. Мне помогли залезть в комнату, и я с удивлением уперлась взглядом в большую двухъярусную кровать, на втором этаже которой спал сосед Цвейга.

– Хейлин, что ты здесь делаешь? – спросил он.

– Я... э-э-э... А почему это твоя комната?

Да уж, вряд ли такие вопросы Цвейгу вообще задавали посреди ночи. Я и сама осознавала, насколько бредово звучит фраза, но как по-другому сформулировать то, что лезла я к себе, а попала совсем не к себе?

Эх, гулять так гулять. Расскажет всем поутру, что Хейлин тронулась умом.

– Мне надо впустить Уилла, – сообщила я ошалевшему парню и вылетела из комнаты.

Да... действительно не моя спальня, а совсем другое крыло. Я перепутала лево и право? Стороны света? Как вообще можно было залезть в чужое окно в обычном двухэтажном доме?

– Хейлин! – Цвейг догнал меня у лестницы. – Что происходит?

– Не знаю, – ответила я. – Что-то странное.

Мы спустились по лестнице и оказались... в кухне. Даже Цвейг удивленно заморгал. Я обернулась было снова к лестнице, но увидела только привычные двери, ведущие в холл.

– Согласен, странно.

Мы осторожно, почти не дыша, приоткрыли двери, которые в теории должны были вести из кухни в холл, и увидели...

– Библиотека?! – ахнула я.

– Хейлин, я сплю? Мне такой бред только во сне снится, и то с похмелья.

– Нам надо дойти до центрального входа, там Уилл не может войти в дом. А еще он ржет.

– Уилл?

– Дом.

– И почему я даже не удивлен? Ну давай открывать все двери подряд. Рано или поздно выйдем в холл.

Библиотека – душевая, душевая – спальня Кейна (тут мы знатно перепугались и, как мышки, юркнули в подвал). После подвала была снова кухня, там мы попробовали спуститься в кухонный подвал и вышли уже в мою спальню. Из нее в гостиную, из гостиной – прямо на середину лестницы, а потом наконец-то все же оказались в холле. Вымотанные и слегка напуганные.

Я быстро подскочила к дверям, молясь про себя Светлейшей, чтобы за ними был Уилл, а не, скажем, склад зимней одежды.

Но Уилл-то там был, а вот остальное... на площадке перед домом раскинулось жаркое, душистое лето. Полевые цветочки как раз налились соками и красками. Они радовали бы взгляд даже самого черствого горняка, если бы не смотрелись так странно.

– Котлетка, тебя только за смертью посылать! – пробурчал Уилл, входя в дом и стряхивая с плеча надоедливую пчелу.

– Не поверишь, но мы не могли найти холл.

– Охотно поверю, – хмыкнул Уилл.

Он повернулся к Цвейгу:

– Буди Кейна, там появилась расщелина. Надо, чтобы наши проверили хотя бы поверхностно. А потом подумаем, как очистить все здесь.

– Ладно, попробую найти Кейна, – хмыкнул парень. – Как думаете, идти к его обычной спальне или попробовать через туалет?

– Я бы попробовала через туалет, – призналась я. – Уилл, что происходит? Что за расщелина?

– Тебе говорили, что мы копаем на месте древних храмов?

– Ну да.

– Что в этих храмах только не делали! И жертвы приносили, и демонов вызывали, и заклинания испытывали. Бывало такое, что храм рушился и уходил под землю, оказывался погребен породой. А магическая энергия в нем сохранялась и при каком-нибудь землетрясении могла вырваться наружу, понимаешь? Мы, похоже, высвободили ее, и она вошла в реакцию с магическим полем Кейна. Дом и все, что было защищено, сошли с ума.

– И что нам теперь делать?

О таком я никогда не слышала, но, в конце концов, я не слышала о многих магических вещах, почему бы и этой не существовать в природе.

– Кейн отправит пару ребят оценить потенциал расщелины, подумаем, как откачать оттуда остаточную магию. Больше мы ничего не сделаем.

– А как вы дойдете до расщелины? Если дом сошел с ума.

– Не волнуйся. – Уилл усмехнулся. – Такая магия только с виду страшная, а на деле – ничего особенного. С ней справится любой маг чуть сильнее твоей Умбри. Кстати, где эта умбрина? Надо спросить ее, не видела ли она что-то подозрительное. Я не понимаю, почему появился разлом, мы не проводили никаких взрывных работ.

– А что такое умбрина? Я знаю, что это какой-то дух тьмы или типа того, но она ведь разумная и зачем-то нужна.

– Конкретно твоя – трусливая, это ее и спасло. Умбрины – это сгустки темной энергии. Обычно подчиняются хозяину, исполняют его мелкие приказы. Но твоя, видимо, чудом выжила. Уж очень маленькая и слабая.

– Не похожа она на воплощенную тьму, – улыбнулась я, вспомнив, как Умбрия обожает поесть.

– В семье не без урода, – философски заметил Уилл. – Идем, Котлетка, провожу тебя в комнату. Сиди там и не высовывайся, потому что, когда мы все стабилизируем, могут возникнуть разные сюрпризы.

– Какие?

– Ну... чья-то кровать, прилетевшая на кухню, или...

Он осекся, посмотрев куда-то вверх. Я проследила за направлением его взгляда и вскрикнула: по стенам стекала черная жидкость, отдаленно напоминающая кровь.

– Что это? – едва дыша, спросила я.

– Темная энергия. Идем быстрее, без меня они не обойдутся.

Удивительно, но Уилл словно чувствовал (а может, знал?), куда нужно идти. Он с непринужденной легкостью открывал одни двери, закрывал другие и вел меня через эту мешанину из комнат, стекающей по стенам тьмы и полнейшего бардака.

Наконец мы и впрямь оказались в моей комнате, да так неожиданно, что я моргнула и, не поверив собственным глазам, огляделась.

– Вау. Ты действительно в этом разбираешься.

– А то, – усмехнулся он. – Давай, прыгай под одеяло, Котлетка, я должен удостовериться, что ты не найдешь себе новых приключений.

– Хватит называть меня Котлеткой, – буркнула я.

Он даже отвернулся, чтобы я переоделась в ночную сорочку, но вот ждать, пока я спрячусь под одеялом, не стал.

– Готова?

Я пискнула, инстинктивно закрыв кружево на груди руками. Дома, в Хиглейк-граде, я носила и более откровенные костюмы, но в этот раз почему-то жутко засмущалась. Может, потому, что вокруг бушевала зима и неизвестная магия. Может, потому, что еще пару дней назад мы с Торном были готовы друг друга убить. А может, потому, что его глаза как-то странно блеснули, едва он повернулся. На меня так никогда не смотрели.

– Ладно, развлекайся, – выдавила я и обнаружила, что голос вдруг почти исчез.

– Спокойной ночи, – медленно произнес он, бесстыдно рассматривая меня с ног до головы. – Хейлин.

Мое имя у него получилось особенно проникновенно: чуть хриловато, тягуче. Я никак не могла оторвать взгляд от его губ, а в голове вертелась назойливая и жутко странная мысль: какие они на вкус? Сладкие? Твердые? Горячие?

Не знаю, какие мысли в свою очередь одолевали Уилла и что он собирался делать, шагнув мне навстречу, но едва мое дыхание остановилось в ожидании волнующего мига, шкаф вдруг затрясся.

– Это что, тоже прорыв магии? Я отказываюсь здесь спать! Возьмите меня с собой, а? Я не буду мешать. Я... я попробую найти кухню и сделаю вам бутербродов.

– Спокойно, Котлетка. Это всего лишь...

Когда Уилл распахнул двери шкафа, я никак не ожидала увидеть там Умбрю, хотя, пожалуй, эта мысль была бы первой у нормального человека. Я уже успела выдохнуть и передумать идти с утра пораньше к таинственному разлому, но вот Торн что-то не спешил расслабляться.

– Выходи, – приказал он.

Синие глаза заметались из стороны в сторону. Умбрия категорически отказывалась покидать шкаф. Чего это с ней?

– Я сказал, выходи. Не зли меня.

Поникшая, грустная и виноватая Умбрия вылетела из темных недр моего гардероба и зависла посередине комнаты, а Уилл сунул руку к полке и вытащил горсть черных кристаллов. Похожих на те, что я у него уже видела, но гораздо больших по размеру.

– Это что? – ледяным голосом спросил он. – Я тебе что сказал? Я тебе велел держаться подальше от рудника. Ты что сделала? Куда ты полезла? Что ты там натворила?!

– Уилл... – робко позвала я. – А что она сделала?

– Влезла куда не просят и... Стой! Куда полетела?!

Умбрия вдруг сорвалась с места, юркнула в щель между полом и дверью, и была такова! Уилл среагировал мгновенно: он бросился за ней. С разницей буквально в секунду с места подорвалась и я, не желая отдавать любимую и родную тень на растерзание разъяренному Уиллу.

Я знала одно: нельзя терять их из виду! Едва закроется дверь, только-только я останусь одна, как уже не найду ни Умбри, ни Уилла. Поэтому со всех ног я бежала спасать любимую нечисть, забыв и о том, что на мне лишь кружевная ночная сорочка, и о том, что еще недавно я думала о каких-то глупостях, стоя очень близко к Уиллу.

Пробежав коридор, мы оказались в библиотеке, а оттуда вылетели в холл. Краем глаза я заметила в этом самом холле чье-то присутствие, но почти не обратила внимания. Ровно до тех пор, пока не раздалось:

– Хейлин ди Амос!

Ой... папа.

Но на папу сейчас не было времени. Мимо ошеломленного родителя промчалась Умбрия, за ней неся Уилл, а в хвосте процессии – я.

– Что тут про...

Умбрия спряталась за отцовскую спину справедливо решив, что гостя убивать не станут, а значит, и до нее не доберутся.

– Вылезай! – прорычал Уилл.

Я загородила тень с отцом.

– Не дам!

– Котлетка, не беси меня! Я сделаю из нее тучку!

Из-за отца выглядывали два честных-пречестных светящихся глаза.

– Уилл, что бы она ни сделала, она не специально!

– Конечно, не специально! Она просто тупая! И ее надо развеять.

– Нельзя развеивать Умбрю! – Мои глаза наполнились слезами. – Она хорошая. Она мой единственный друг.

– Котлетка, я буду с тобой дружить, даже больше, чем дружить, если будешь так одеваться, отойди, я сказал!

– Молодой человек, я вам не мешаю?

О, это был папин командный голос. Это был папин недовольный тон. В воздухе отчетливо запахло неприятностями, причем не только для Умбри. Сейчас мне попадет за фривольный внешний вид, Уиллу – за похабную шуточку в мой адрес, Умбре просто за компанию, а потом еще достанется Кейну.

Но пока Уилл не знал, что к нам пожаловал папа, он его и не видел, наверное. А я не успела подать сигнал, так что Торн недовольно поинтересовался:

– Вы кто? И что вы тут делаете?

– Я – отец этой юной леди, а вот кто вы, мне неизвестно.

– Котлетка? – Ярость на лице Уилла сменилась изумлением.

– Ну... укс, – промямлила я. – Привет, папа.

– Хейлин, почему ты в таком виде? И что здесь происходит, я полчаса не мог войти в дом? Что это за тень, кто этот человек и главный вопрос: как ты вообще здесь оказалась?!

Тут-то мы дружно и удивились.

– Ладно, – медленно произнес Уилл, – экзекуция умбрины откладывается. Ведем папу пить чай и обсуждать светские сплетни.

Тут папа поставил на пол большой саквояж, чтобы снять дубленку, и оттуда показалась светлая тигриная морда. Я завизжала так громко, что наверняка перебудила половину дома.

– Тигра! Тигра! Тигра!

Услышав мой голос, тигренок лапой открыл замки и прыгнул в мои объятия, поскуливая от счастья и удовольствия. О, как

потрясающе пахла его шерстка! Домом и специальным шампунем для кошачьих, который я покупала! Какой он был теплый, ласковый, родной!

– Тигра мой! Приехал!

– Хейлин, да накинь хоть что-нибудь!

Нас прямо с Тигрой закутали в теплую дубленку. Какое блаженство!

– Маленький мой, хороший! Устал лететь, да? Драконов боишься? Сейчас тебя накормим, потом уложим спать, будем с тобой греться.

Я посмотрела поверх Тигры и хихикнула, увидев ошеломленные глаза отца, усталые – Уилла. И еще одни... жалобные, несчастные – Умбри.

– Ты что?! – ахнула я. – И тебя я никому не дам! Ты тоже мой друг, Умбрия! Чего ты расстраиваешься? Иди сюда, мы будем спать сегодня вдвоем, места хватит!

– Это какой-то дурдом, – пробормотал папа.

Умбрия, немного успокоившись, подлетела ближе, и тут-то Тигра ее заметил.

Не видевший никогда других животных, тигренок взвыл дурным голосом, расцарапал мне всю ключицу и вывернулся из рук, чтобы в следующий миг проскользнуть через наполовину открытую дверь дома.

– Тигра! – закричала я и рванула следом.

– Котлетка! – рявкнул Уилл. – Ты же босиком! Немедленно обуваться!

– И одеваться, – добавил отец.

– Да, папочки! – Я скорчила рожу, но понеслась в комнату.

Естественно, снова добиралась через демоны знают какие места: пару спален, в которых уже проснулись и одевались горняки, кухню, душевую (к счастью, свободную) и лекарскую комнату.

У себя я быстро оделась для улицы и минут через пятнадцать уже стояла вместе со всеми под шикарным ветвистым деревом, на которое забрался Тигра.

Уилл и папа разрабатывали план спасения питомца, Умбрия виновато летала вниз, а я прыгала и умоляла Тигру спуститься.

– Не бойся, малыш, она хорошая! Она мой друг! Тигра, ну, спускайся! Я не дам тебя в обиду! Умбрия тебе ничего не сделает, она

очень добрая и... и теплая! Ну Ти-и-игра-а-а!

До чего упрямое животное мне досталось, просто слов нет! Упрямое и трусливое: какой-то тени испугался! Она его даже не пугала, а выглядела вполне мило и жалостливо.

– Котлетка, можно я его магией сниму?

– Нельзя, Тигра боится магии.

– А чего Тигра не боится?

– Как видишь, деревьев! – огрызнулась я. – Тигреныш, ну, слезай! Я замерзла! Я дам тебе вкусностей! Хочешь котлетку?

Единственная идея по спасению питомца казалась безумной. Да почему казалась? Она такой и была, но ведь попробовать-то стоило!

– Уилл, – заканючила я, – достань кису, а?

– Котлетка, ты психованная? Как я ее достану? Это саблезубый тигр!

– Ма-а-аленький.

– Он – маленький?! А я тогда какой? Чуть-чуть побольше? Твой тигр мне по колено!

Я грустно вздохнула. На дереве наверняка было холодно, страшно и одиноко, а бедный Тигра сидел там и думал, что хозяйка его бросила.

– Ну, как хотите.

Прежде, чем папа и Уилл среагировали, я полезла на дерево сама, благо ветки под тяжестью снега чуть опустились, и я сумела подтянуться.

– Хейлин!

– Котлетка!

«А они явно друг друга понимают, и очень хорошо», – подумала я, карабкаясь наверх.

До Тигры оставалась пара веток, но я сильно недооценила мороз. Ползти наверх, цепляясь за скользкие, покрытые льдом и инеем ветки, было сложновато. Тигра от такой картины даже забыл, что испугался, и удивленно смотрел вниз, на хозяйку. В синих глазах светился интерес.

И почему синие глаза меня преследуют?

Наконец я поравнялась с питомцем и прочно села на толстую ветку.

– Тигра, – ласково позвала тигренка, – не бойся, Умбрия хорошая. Она меня защищала. Мы будем дружить все вместе. Ты же знаешь, что

я тебя не бросила, папа отправил меня работать. Я постоянно о тебе думала и так рада, что ты приехал! Иди ко мне! Дома тепло, много вкусной еды, мы поиграем все вместе!

Тигра тяжело вздохнул и осторожно прижал мордочку к моей протянутой ладони. Маленький мой, замечательный, единственный настоящий друг. Ну, еще, может, Умбрия теперь добавилась. Если Уилл ее сейчас не развеет.

– Кстати, что ты думаешь об Уилле?

Мы дружно посмотрели вниз, где папа и Торн хранили мрачное молчание, полное самых неприятных перспектив для меня.

– Он симпатичный? Или дурак? Или симпатичный дурак?

Тигра вдруг замер и дернул ушами, к чему-то прислушиваясь. Сначала я ничего не поняла, но вскоре тоже услышала низкий гул, доносящийся из гор. Пики были скрыты морозным туманом, так что ничего особенного я там не увидела, а гул все нарастал и нарастал, до тех пор, пока мы не почувствовали, как все вокруг трясется.

– Ой, блин, землетрясение! – пискнула я.

Прижала к себе Тигру и замерла. В академии говорили, при землетрясении нужно встать в дверной проем или укрыться под чем-то, что не может на тебя рухнуть. Если землетрясение застало на улице, нужно отойти подальше от хрупких конструкций и укрыться в складках местности. Ну а если землетрясение произошло, когда ты сидишь на дереве, то ты идиот и так тебе и надо.

Трясло все сильнее, я чувствовала себя все большей дурочкой, а Тигра мелко дрожал, вжавшись в меня. Раздавшийся снизу хруст даже не удивил. Я только успела пропицать «бли-и-ин», как ветка обломилась, и мы полетели вниз.

– Мя-а-а-ау! – прокомментировал ситуацию Тигра.

Я не удержалась и высказалась менее цензурно.

Но столкновения с землей не произошло. Мы грохнулись прямо в руки Уилла, который, казалось, вообще не напрягся, нас поймав. Только смотрел очень мрачно. Мрачнее даже, чем папа.

– Пойдемте пить чай? – робко предложила я.

Вот уж приехали гости так приехали.

Чайник буркнул и отказался греть воду. Честно говоря, это уже начало утомлять. И вот что с ним делать? Уговаривать? Угрожать? Бить, может? Скорее бы Кейн и остальные привели в порядок местную магическую энергию, пока дом вообще не решил нас угробить.

Кое-как мы разместились на кухне. Уилл ушел спасать мир, Умбрия жевала найденную в шкафу луковицу, Тигра лакомился сметаной. Обычно я не позволяла ему есть такое, но в этот раз случай был особенный. Во-первых, папа забыл корм для Тигры, а во-вторых, тот настрадался.

Они с Умбрией держались на почтительном расстоянии, опасливо друг на друга поглядывая.

Папа с удовольствием ел котлеты, и меня терзало желание похвастаться, что их приготовила я. Хотя то и была заслуга Уилла.

– Ну, я тебя внимательно слушаю, Хейли, – наконец произнес он. – Как ты здесь оказалась?

Я думала, что ослышалась в первый раз. Что значит, как оказалась?

– Ты же сам отправил меня работать на север. Уилл меня проводил, и вот я здесь. Даже вроде как работаю.

Папа скептически осмотрел кухню.

– Здесь? – уточнил.

– Ну да.

– Хейлин, я отправлял тебя не сюда.

Мы дружно открыли рты. Умбрия перестала чавкать луком, Тигра – вылизывать миску со сметаной.

– А куда? – зачем-то спросила я.

– Хейлин, на луннобриллиантовые рудники. Там небольшой поселок, есть школа, сад, несколько домов и в том числе столовая, где работает куча народу. Мой друг пообещал, что тебя приставят к какой-нибудь поварихе, и ты будешь работать. А это что? Какие еще тридцать мужиков? Чем они тут занимаются?

– Ну... копают.

– Что копают, Хейлин?!

– Да что ты на меня кричишь?! – взорвалась я. – Ты меня посадил в дракона? Посадил. Рядом должен был сидеть сопровождающий? Должен был! Сидел? Сидел! Мы вышли, пришли сюда, и мне показали рабочее место. Кейн был в курсе моего приезда, значит, все верно!

Твой друг тебе наврал, здесь нет ни школы, ни садика, а в столовой не повариха, а повар. Так что я здесь совершенно ни при чем!

Папа молча обдумывал услышанное. Ну да, логично, я уж точно не виновата в их накладке, как и Уилл – куда сказали, туда сопровождал. Значит, наврал друг, к которому отец обратился за помощью.

– В следующий раз покупай личный воспитательный рудник, – из чувства вредности посоветовала я.

Но внутренне ликовала: он не обиделся! И не отвечал на мое письмо лишь потому, что искал, куда я пропала, а как нашел, тут же прилетел.

– Хорошо. С этим я разберусь дома. Собирайся, мы летим в Хиглейк-град.

Сколько раз я мечтала об этом моменте! Сколько раз мысленно представляла, как на глазах горняков ухожу в закат, к счастливой жизни у моря и пляжа. И вот теперь, когда мечта была так близка, я вдруг поняла, что не могу однозначно ответить на вопрос, хочется ли мне домой.

Папа это сомнение заметил.

– Ну что еще?

– Для начала, мы не можем улететь из-за землетрясения или как тут это называется. Ну и потом, я не готова собирать вещи в доме, который восстал против хозяев.

Все-таки я двинула как следует чайнику, и тот послушно начал нагреваться. Папа явно пребывал в некотором шоке. И попробуй объясни, что в мирное время у нас тут вполне весело, а то, что происходит, – это так. Временные трудности.

– Ох, Хейлин... – Он вдруг так тяжело и виновато вздохнул, что я, как в детстве, села рядом и ткнула носом в его плечо.

Так мы и сидели, пока я все-таки не выдержала:

– Котлетки я готовила.

– Вкусно. Молодец. А разве ты прикасаешься к мясу?

– А куда деваться?

– Тебя здесь не обижали?

– Нет. – Я тактично умолчала про наши свары с Уиллом и мою неудавшуюся месть. Ведь и правда не обидели.

Но затем папа задал вопрос, возмущивший меня до глубины души:

– А ты их?

Чайник издал угрожающий свист и подлетел так высоко, что я вскрикнула. Умбрия и Тигра, не сговариваясь, рванули в подвал, а мы, словно время замедлилось, смотрели, как кипяток выплескивается из горлышка и грозит вот-вот обрушиться мне на голову.

Папа успел. Развезял и кипяток, и чайник, и крышку, чуть не разбившую люстру. Я почти не успела испугаться. Запоздало забилося сердце, но быстро успокоилось.

— Это правда в первый раз такое, — почему-то виновато оправдалась я.

— Что-то я сомневаюсь, что у них есть разрешение на разработку, — мрачно ответил отец. — В местах скопления темной магии обычно не копают.

— Но...

В голове как-то резко не осталось ни одной мысли. Еще секунду назад я хотела что-то сказать, очень важное и любопытное, а теперь стояла, пытаюсь сообразить, что вообще происходит. Очертания кухни плыли. Перед глазами появились три крошечных светлых огонька, лихорадочно метавшихся. От их метаний подташнивало. Я закрыла глаза, чтобы успокоиться, но голова закружилась сильнее.

— Пап, мне нехорошо, — хныкнула я, оседая на пол.

Он успел меня подхватить, но сознание будто мерцало. На несколько секунд я выбиралась из темноты, и каждый раз не понимала, где нахожусь. Потом снова погружалась обратно.

Глава девятая

Оп – включили свет. Хотя, скорее, мое сознание. Я открыла глаза и осмотрелась. Что ж, я лежала в своей комнате, за окном простирался снежный лес (и снова бушевала метель), а в кресле у постели сидел папа.

Папа был одет в другую рубашку, из чего я сделала вывод, что валяюсь тут довольно давно.

– Привет, – вздохнула я.

Он вздрогнул и поднялся.

– Хейли, ты проснулась. Хочешь воды?

– Да, спасибо.

Я жадно выхлебала целый стакан. Сколько я проспала? Похоже, что долго.

– Как ты себя чувствуешь? Сильная слабость?

– Не очень. Что сказал лекарь? Снова переутомление?

– Ничего страшного. Но нам нужно лететь домой. Тебе показан морской воздух и покой.

Я хорошо знала отца. Лучше всех людей на белом свете. Я могла понять, когда он злился. Могла понять, когда он устал. Могла понять, когда беспокоился.

А сейчас он врал. Причем это вранье ему самому не нравилось, а значит, он врал ради моего блага. И либо вердикт лекаря оказался хуже, чем он хотел представить, либо?..

Я не успела расспросить его об этом, нас прервал громкий стук в дверь.

– Войдите! – крикнула я.

– Котлетка, ты проснулась? Твоя тень мне все доложила. Я хочу поговорить...

Он осекся, увидев отца.

– Наедине.

– Подожди пару минут, я оденусь, – попросила я.

Удивительно для Торна, но он послушно вышел, даже дверь за собой прикрыл. И все-таки, почему он так резко изменил ко мне

отношение? Вот хотел убить и закопать в сугробике, а вот почти лучшим другом заделался.

– Хейли, а что у вас с этим мужчиной? – настороженно спросил папа.

– Ничего. – Я пожала плечами. – Просто... ну, общаемся. Даже дружим, наверное. Иногда.

Он помог мне встать. Тело слушалось слабо, я пошатнулась, но удержалась на ногах и облизнула губы. Что-то было не так, что-то мешало. Я потеряла шею, и наткнулась рукой на цепочку.

– Мой амулет! Ты его привез!

– Не пользуйся пока слишком часто, такой приток магии – не лучшее лекарство для ослабленного организма. Хейлин, ты ведь понимаешь, что этот Уилл старше тебя на много лет и вообще не слишком подходящая пара для наследницы ди Амосов?

– Луннобриллиантовые рудники тоже не слишком подходящее место для наследницы ди Амосов, однако я здесь.

– Хейли, детка, ты будешь злиться на меня за эту ссылку вечно?

Никогда еще папа не говорил со мной таким просящим тоном. По идее, я должна была растрогаться или даже обрадоваться – он ведь осознал ошибку, он любит меня и не будет больше так наказывать. Но я еще больше встревожилась. Если папа так сильно расстроился из-за месячной разлуки... В общем, нужно окрепнуть и прижать его к стенке. Что происходит?

– Оставишь нас с Уиллом? Я спущусь к ужину... или завтраку... что тут сейчас.

– Хейлин, не стоит...

– Мне нужно немного погулять. Я буду спокойна и осторожна.

– А...

– А с Уиллом все равно хочу поговорить. Пожалуйста, пап.

Вздохнув, он ушел, но подарил мне такой взгляд, что сразу стало понятно: просто не будет. Отец планирует всеми силами участвовать в формировании ближнего круга моих друзей. Вот его не поймешь. Ариан, мальчик из хорошей семьи, ему не нравился. Уилл – его полная противоположность. И тоже никак. Тогда с кем мне надо дружить, чтобы папа был доволен?!

– Заходи, – позвала я Торна, плотнее запахнув вязаную кофту, а сама повернулась к зеркалу, чтобы причесаться.

– Как ты себя чувствуешь?

– Жить буду. Правда, если мне никто не расскажет, что происходит, то недолго.

– Об этом я и пришел поговорить. Я знаю, что с тобой происходит, и... почему.

«Мяа-а-а-ау!», – раздался возмущенный рев Тигры, на которого Уилл случайно сел.

– Тьфу ты.

Снова сделал попытку, но теперь уже завывала Умбрия и вслед за тигренком сползла на пол.

– Котлетка, там есть кто-нибудь еще? – не выдержал Уилл.

– Очень надеюсь, что нет, но давай я первая сяду.

На моей груди снова сияла любимая кружевная камешка, так что я чувствовала себя почти прекрасно. Слабость, легкая разбитость – подумаешь, невелика болезнь. А вот подозрения насчет отца лежали на душе тяжелым грузом. Я ненавидела это состояние тревоги.

– Котлетка, можно я кое-что проверю? – спросил Уилл, когда я села на кровать и зевнула.

– Проверяй, – пожала плечами.

Он вдруг наклонился и прижался губами к моим. Я так опешила и растерялась, что просто замерла, осмысливая прикосновение. Сравнивая... да, невольно сравнивая поцелуй Уилла с поцелуем Ариана.

Ариан целовался... красиво. Да, именно красиво: на нас засматривались все, проходившие мимо. Мы были идеальной парой, и это знание, чувство превосходства, пьянило сильнее вина.

Поцелуй с Уиллом оказался другим, и я такого не ожидала. Не знала, что вообще так бывает, что можно лишиться дыхания и сосредоточиться только на горячих твердых губах, которые мучительно нежно впиваются в мои.

Несколько секунд поцелуя разогнали кровь до предела, жар бросился в лицо, и я растеряла всю уверенность и браваду.

– И что ты проверил?

Уилл вздохнул и устало потер глаза. А затем произнес нечто необычное, я даже не уверена, что он сказал именно это. Скорее, пробурчал себе под нос и снова вздохнул:

– Сестра.

– Чья сестра? Я? Твоя? Ты мой потерянный брат? Это многое объясняет. Кроме того, что ты меня поцеловал. Не очень похоже на братскую любовь.

– Котлетка, дело в том, что я кое-чего о тебе не знал, и... когда я пришел к тебе вечером, перед первым обмороком, решил... м-м-м... выиграть спор с Эрлом любой ценой. Я применил к тебе свою магию, которая должна была... ну, скажем, подтолкнуть тебя ко мне.

– Что?! – ахнула я. – Ты пытался меня приворожить?

– Это не совсем приворот. Просто что-то среднее между родовой магией и мужским обаянием.

– По большей части явно магия.

– Хватит тыкать в мою мужскую состоятельность! Я, между прочим, не привык вести такие разговоры. Я не знал, что вмешательство моей магии может тебе навредить.

Та-а-ак, а вот это уже интереснее.

– Навредило?

– Когда ты сказала, что теряла в детстве магию, я все понял. Нельзя воздействовать так на существо, которое теряет магию, да еще и на человека. Ты не приняла мои силы и... они снова запустили процесс, который твоему отцу удалось остановить давным-давно.

Мне показалось, я ослышалась. Очень хотелось ослышаться, проснуться или... не знаю, пусть Уилл рассмеется и скажет, что это глупая шутка!

– Котлетка...

– Прекрати называть меня так!

– Хейлин! Я не знал, что ты была так серьезно больна!

– Да нет, я понимаю, всякое бывает. Рано или поздно это должно было случиться. Даже странно, что так поздно. Надо будет в завещании попросить написать на могилке «Здесь лежит Хейлин. А все потому, что кто-то очень хотел затащить ее в постель, чтобы выиграть пари».

– Хейли...

– Что? – устало спросила я. – Что ты сейчас проверял? Подействовал ли приворот?

– Нет, я просто... не знаю. Ты не случайно здесь оказалась, ты...

– Конечно, нет. Я должна тут сдохнуть. Ну ладно, сколько там у взрослого человека пропадает магия? Месяц? Два? Успеешь. Сейчас я

схожу в душик, погреюсь, уложу волосы, часиков в двенадцать приходи. И Эрла с собой обязательно приведи, а то вдруг он не поверит, что ты выиграл спор, а второй раз можем не успеть.

– Хейлин!

Уилл вскочил, крепко сжал мои плечи и как следует меня встряхнул.

– Успокойся! Да, я виноват, я не знал... то есть нет, я не должен был вообще применять к тебе магию. Я разозлился. Ты повстречалась мне не в самый простой жизненный период и на самом деле еще сильнее его усложнила...

– Ну, извините! Зато у меня все зашибись! Самый простой период в жизни: сейчас замотаюсь в простыню и поползу на кладбище!

– Котлетка, я что-нибудь придумаю.

Я устало отмахнулась.

– Напиши мой портрет и повесь в столовой. Чтобы портил всем аппетит.

– Хейли...

– Уилл, я устала, я хочу спать. Иди... я не знаю, куда-нибудь подальше отсюда. Оставь меня в покое. Мы квиты. Я двинула тебе энергетическим шаром, а ты очень хорошо отомстил.

– Хейлин, – он говорил очень медленно, словно уговаривая не только меня, но и себя, – я не ожидал, что ты появишься в моей жизни. И поверь, я впервые не знаю, что делать. Совсем.

Я смотрела в окно, на кружащиеся в воздухе снежинки, и думала, что тот день, когда я села в дракона, определенно был проклятым. Едва я улетела из родного дома, все пошло наперекосяк.

До этого я знала, кто я, знала, что собой представляю. Избалованная, яркая, красивая и богатая Хейлин ди Амос. Не глупая, скорее ограниченная. Статусная невеста, скандально известная в определенных кругах. Золотая молодежь южного побережья. Я поддерживала этот образ, я им наслаждалась.

Что от той Хейлин осталось теперь? Избалованность? Да, возможно, хотя сложно говорить об избалованности, когда принимаешь душ по расписанию и ешь в компании трех десятков рабочих. Яркость? Серые валенки и теплый тулуп как ничто другое стирают индивидуальность. Красота? Возможно, хотя та девушка с волнистыми волосами совсем не походила на холодную и

неприступную Хейлин. Богатство. Что от него толку, если оно не может спасти жизнь?

Я вытерла слезы тыльной стороной ладони. Нет уж, плакать из-за одного придурка я точно не буду. Я очень долго старалась создать образ холодной стервы, чтобы ни у кого и мысли не возникло жалеть бедную сиротку Хейли, убившую мать. И уж точно не хочу, чтобы жалели бедную больную Хейли, которая рыдает из-за глупой мимолетной влюбленности.

Я решительно направилась вниз, даже не отметив, что дом перестал сходиться с ума и лестница в холл вела именно туда, а двери в кухню – на кухню.

И все-таки это оказалась ночь, потому что на кухне никого не было. Я взглянула на стену – три часа. Самое время, чтобы что-нибудь съесть, верно?

Пока разогревалась печь, я задумчиво рылась в запасах.

– Кабачок не хочу. Морковку не хочу. Капусту не хочу. Огурец не хочу. Хм-м-м... а что у нас тут?

Открыв очередной ящик, я поняла, что Эрл переложил туда запасы мяса, очевидно, чтобы не добралось нашествие глазонек. Я собиралась было закрыть ящик, как вдруг задумалась. А собственно говоря, что я теперь теряю? Какой толк соблюдать полезную диету, если скоро магия меня покинет и останется только проводить последние часы в изматывающем ожидании?

В корзине с приборами я нашла решетку, на которой Кейн жарил мясо, когда мы устроили ужин на улице. Решетка прекрасно входила в печь, а еще удобно закрывалась так, чтобы мясо было зажато между прутьями.

Я, конечно, пожадничала, разморозив все мясо, но подумала, что горняки наоборот обрадуются, получив такой сытный завтрак. И я заодно поем.

Такой меня и застал папа: сидящей над тарелкой с чуть обуглившимися по краям мясными кусочками. Жирными, мягкими, пахнущими специями и травами.

– Хейлин... – Он лишился дара речи.

– Фто? – поинтересовалась я с набитым ртом. – Хофефь ешь?

– Хейлин, ты что, ешь мясо?

– Полфилофь офень недуюно.

– Что?!

– Говорю, – я сделала над собой усилие и проглотила кусок, – получилось очень недурно. Возьми из во-о-он того тазика. Там много.

– Хейли, детка, что с тобой? Ты не ела мясо с тех пор, как научилась внятно формулировать свои мысли. Он тебя обидел? Этот Уилл Торн?

– Обидела меня Светлейшая. Знаешь, пап, даже молния не бьет дважды в одно место. А вот светлоликая, как оказалось, вполне. Она что, не могла выбрать другую кандидатку на роль трагически умершей красавицы?

По лицу отца пробежала тень, и мне стало стыдно. Он-то уж точно не заслужил моего гнева. Я злилась на судьбу, на богиню, забывшую о моем существовании, но никак не на отца, которому снова пришлось столкнуться с самым страшным испытанием.

– Извини, – тихо сказала я. – Просто накипело.

– Он тебе рассказал?

– Нетрудно догадаться. Я почти не помню детство, время, когда болела, но примерно так все и представляла. Магия постепенно уходит и будет уходить, пока не иссякнет окончательно.

Папа сел рядом, с жутким скрежетом отодвинув стул.

– Детка, – начал он таким тоном, словно я получила в академии двойку и сейчас меня начнут воспитывать на предмет важности учебы, – для начала я хочу тебе сказать, чтобы ты ничего не боялась. Однажды я уже нашел способ справиться с этой напастью. С тех пор прошло почти двадцать лет. Магия шагнула вперед, и исчезновение сил – не приговор. Существуют лекарства, способные тебя спасти. А еще существуют артефакты, способные вернуть все до последней капли. Я неспроста храню куклу, которая спасла тебя. Артефактор, сделавший ее, Виртон Бол, до сих пор живет в Эрстен-граде. И, насколько мне известно, не прекращает разработки. Мы полетим к нему сразу, как вернемся, а вернемся, едва закончатся метели. Поэтому... да, ты больна. Да, серьезно. Но подожди собираться к Светлейшей. Еще не все модные дома дрогнули после твоих визитов.

– Ты серьезно? Это лечат? Но мама...

– Мама, Хейлин, умерла очень давно. Мы не знали, с чем столкнулись, не знали, как тебя лечить. Сейчас ситуация в корне

поменялась, и очень сложно представить себе человека, умершего от потери магии.

Я потупила взгляд. Стало очень стыдно за позорную истерику. О том, что за двадцать лет проблему как-то могли решить, я даже не подумала.

– Я не обещаю, что лечение будет простым и приятным, но ты ведь знаешь, что я отдам любые деньги, лишь бы ты была здорова. Хейлин, детка, прости меня за то, что так сорвался.

– Па-а-ап...

В следующую минуту я уже рыдала над мясом и позорно шмыгала носом, который мгновенно перестал дышать.

– Детка, не плачь. Все обязательно будет хорошо. Уедем с тобой отсюда, повалеемся под солнышком. Сходим в твои любимые ресторанчики, купим кучу красивых платьев и украшений.

– А можно забрать с собой Умбрю?

– Тень? Ты уверена? Это же темная энергия!

– Она мой друг, она меня грела и развлекала. Умбрия очень хорошая и добрая!

– Хорошо, мы возьмем ее, только придется прятать такое опасное существо. Власти не одобряют, если по улицам будет носиться тьма во плоти.

Я быстро закивала. Умбрия поймет, она умная и хорошая. Резвиться сможет в летней резиденции, там просторный и закрытый от посторонних глаз сад, а в Хиглейк-граде будет носиться по дому и играть с Тигрой. Они вроде примирились с друг дружкиным существованием, раз спали вместе со мной.

И раз уж мы вышли на откровенный разговор, я решилась спросить:

– Пап, а ты любил маму?

– Конечно. Разве я стал бы хранить ей верность всю жизнь, если бы не любил? Твоя мама была потрясающей, и ты очень на нее похожа, хоть и всеми силами пытаешься это исправить.

А я думала, отец не понимал, почему я постоянно выпрямляла волосы и всячески подчеркивала внешность: очень ярко красила и без того полные губы, наращивала ресницы и покрывала ногти всеми возможными цветами. Мама обладала изящной и аристократичной

красотой, мне не хотелось служить лишним напоминанием об ее смерти.

– А когда ты в нее влюбился? Сколько прошло от вашей встречи до того, как ты понял, что любишь ее?

– Я влюбился сразу, Хейли. А вот она очень долго считала меня заносчивым и слишком циничным. Мы учились вместе в академии и как-то пошли в поход. Она отделилась от группы, я решил пригласить ее погулять, и тут она упала в какое-то ущелье, скрытое от посторонних глаз. Ох и ругалась, что я за ней следил! Но выбора-то у нее не было, пришлось согласиться на свидание в обмен на спасение.

– Что?! – Я рассмеялась. – Ты шантажом заставил маму пойти с тобой на свидание?

– Она недолго жалела. Но влюбился я сразу, как только ее увидел.

– А если бы мама предала тебя? Ну... сделала что-то такое, что тебе бы сильно навредило? И сделала потому что... не знаю, из эгоистичных соображений. Ты бы ее простил?

Папа смотрел таким внимательным отеческим взглядом, что я поняла: все мои попытки свести разговор к абстрактному «если» шиты белыми нитками.

– Хейли, что у тебя происходит? Ты в кого-то влюбилась, а он тебя обидел?

Пришлось отвечать честно. Папа был добрый, папа был хороший, но терпением особым не обладал.

– Я не уверена, что влюбилась. Невозможно влюбиться за месяц, но... мне очень нравилось с ним общаться, и я не знаю, простить ли его ошибку.

– Какую? Что он сделал?

– Пospорил на меня.

Надо отдать папе должное: он даже не побагровел. Конечно, в его глазах промелькнуло типично родительское «убью!», но и оно было усмирено. Про приговор, пожалуй, говорить не буду. А то и правда убьет, а где тут тело закопать? По весне оттаяет, будет неловко.

– Давай проясним... м-м-м... ситуацию. Кто он? Этот Уилл?

От необходимости отвечать меня спас – спасибо Светлейшей! – Цвейг, вошедший в кухню. Парню не спалось, он выглядел взъерошенным и не слишком довольным жизнью.

– О, Котлетка, привет.

Я закатила глаза. В школе у меня прозвища не было – не решались. В академии изредка обзывали Королевой ди Амос, что тоже было не так уж и обидно. А здесь приклеилась Котлетка!

– А ты чего тут делаешь, Котлетка?

– Мяса хочешь? – буркнула я.

Цвейг принялся к моей тарелке и согласно кивнул.

– Ну так возьми в кастрюле, а это мое.

С вегетарианкой, которая наложила себе целую тарелку шашлыка, спорить было попросту опасно. Разумеется, обсуждение моих отношений в этом горнодобывающем мужском гареме утихо. И мы просто ели в ожидании завтрака.

На который никто не пришел.

Я сидела в совершенном шоке. Цвейг, в общем-то, тоже. Мы вместе разнесли завтрак, разложили мясо по тарелкам, а папа, умилившись работящей кровиночке, даже помог с магией и подогрел каждую порцию лично. Такой заботы горняки еще не видели.

Но время шло, а никто, включая Эрла, не спешил идти на кухню.

– Может, дом снова взбунтовался и никого не пускает? – предположил Цвейг.

– Пойдемте, поищем всех? А если что-то случилось?

А даже если не случилось, меня оскорбляло явное пренебрежение к моим кулинарным способностям! Я тут старалась, готовила, не спала почти, пострадать успела, и то не забыла о завтраке! А они решили проспать? Нет уж. Найду и силой заставлю все сожрать.

В холле никого не было, только кто-то забыл закрыть на замок двери, и на пол намело снега. Цвейгу пришлось в домашних ботинках идти по ледяному полу, чтобы задвинуть засов, отчего парень жутко ругался.

Вместе мы пресекли холл и дошли до самой большой гостиной, где все обычно собирались.

– Тс-с! – Цвейг приложил палец к губам. – Слышите?

Я действительно услышала приглушенные голоса за массивными дверями гостиной. Голосов было много, и звучали они как-то... угрожающе, тревожно. Что же случилось?

Решительно, не сомневаясь ни секунды, я распахнула двери и вошла в комнату.

На меня тотчас обратились три десятка взглядов.

– Доброе утро, – поздоровалась я.

Кейн, стоявший у окна, как-то устало вздохнул.

– Хейлин, доброе утро. Пожалуйста, подожди нас в столовой...

– Нет уж, пусть тоже поприсутствует! – выкрикнул один из парней, Хайрен.

– Хейлин тоже часть нашей команды, она имеет право все знать.

– И она о нас заботится, в отличие от тебя, Кейн. Хейлин никогда не врала, она всегда честно себя вела, в отличие от тебя.

Так-так-так, а вот это уже интересно. Похоже, Кейн крупно накосячил, раз его прижали к стенке всем коллективом. Я только Уилла не нашла, ну и Цвейг был с нами. Все остальные в бурном обсуждении активно участвовали.

– Проходи, Хейли. – Хайрен уступил мне место.

В другой раз я бы отказалась, но после обморока сил оставалось не так уж много.

– Мы хотим знать, Кейн, что здесь ищем.

– Я вам миллион раз отвечал на этот вопрос! – рыкнул Кейн. – Наша цель – разработка луннобриллиантовых и самоцветных рудников...

– Тогда почему ты отказался копать в восточном направлении? Там жила может обеспечить пару государств!

– Там опасность обрушения! Я в ответе за ваши жизни!

– А Найдес говорит, опасности нет.

– Вот когда Найдес будет здесь главным, тогда он будет решать, где есть опасность, а где нет!

– Хорошо, – Хайрен не сдавался, очевидно, он был у этого бунта заводилой, – пусть будет по-твоему. Пусть есть опасность разрушения, мы не против. Тогда как ты, Кейн, проморгал прорыв темной магии? Мы чуть не остались в этом доме навечно! А если бы все замерзли здесь? Это твоя ответственность!

Кейн не стал скрывать:

– Это мой прокол, Хайрен. Я не уделил достаточно внимания прогнозам. Мы копаем там, где был древний храм отступников, и я полагал, спустя столько времени никакой магии там уже не осталось. Выговор мне уже вынесли, если вас это интересует.

– Вынес кто? – спросил Цвейг, нахмурившись. – Мы даже не знаем, на кого работаем.

– На меня, – вдруг раздалось из-за моей спины.

Я узнала бы этот голос даже не оборачиваясь, но все равно подскочила на месте, повернувшись к Уиллу, который мрачно взирал на стихийное безобразие.

– Вы работаете на меня, господа, и пока не выполните часть своей работы, не покинете это место.

Повисла такая тишина, что я даже дышать старалась потише. Все присутствующие испепеляли друг друга взглядами. В основном смотрели на мрачного и серьезного Уилла, но кое-кто явно ждал объяснений все еще от Кейна. Цвейг нет-нет да и поглядывал на меня, а папа просто внимательно следил за присутствующими. Ему-то что, подумаешь.

– Я – владелец этих рудников, – произнес Уилл. – Если у вас есть ко мне конкретные вопросы, я попробую на них ответить.

Его голос звучал так холодно и отстраненно, что я не могла соотнести в голове два образа: Уилла, который весело смеялся со мной, делая на кухне котлеты, и этого Уилла, циничного владельца луннобриллиантового рудника. Зачем он ему? Почему скрывался и притворялся обычным горняком? Хотя нет, обычным он никогда и не был, слишком уж дерзко и независимо держался.

– Что мы ищем? – спросил кто-то.

– Это не ваше дело.

– Значит, мы уходим, Торн. Я не собираюсь работать вслепую.

Народ одобрительно загудел.

– Без проблем. Платите неустойку – и вы все свободны.

Лица горняков изменились. Они или не знали о неустойке, или не рассчитывали ее платить. Вообще, подобный пункт в контрактах – обычное явление, папа подтвердит. Если рабочий нанимается на определенный срок или до определенного результата, за хорошую плату, он обязан отработать все положенное. Если, конечно, позволяет здоровье, условия и так далее. Просто так уйти с рудника, не отдав значительную часть заработанного, нельзя.

– В каждом из договоров, что вы подписали, есть пункт о сроках. Вы работаете до конца года, до первого дня зимы. Напомнить, какое время года сейчас? Лето, господа. До конца ваших контрактов полгода, и я рассчитываю, что работы продолжатся. Все, кто работать не

желает, могут написать соответствующее заявление. Я подпишу и буду ждать от вас денег.

Он прошел к окну, где стоял Кейн, и народ расступился.

— На будущее для тех, кто решит остаться. Читайте свои контракты внимательнее, господа. Если бы хоть кто-нибудь из вас прочел не только пункт о заработной плате, он бы увидел, что подобные вопросы, касающиеся особо важных частей разработки, задавать запрещено. Но в качестве исключения я вам отвечу. Мы ищем древний храм Темнейшего бога. Зачем? Я думаю, всякий, кто хотя бы закончил школу, понимает, какую ценность представляет подобное сооружение. Я рассчитываю выгодно продать находки. Что касается рудников и самоцветов, то наша задача — провести разведку и, опять же, продать право разработки как можно выгоднее. Я удовлетворил ваше любопытство?

— Темная магия... — начал было Найтес.

— Ликвидирована, — закончил Уилл. — Она больше никому здесь не угрожает. И риск, которому каждый из вас подвергся, добираясь в душевую через библиотеку и раздевалку, соответствующим образом отразится на премиальной части оплаты. В свою очередь я надеюсь, что данный инцидент станет последним подобным происшествием на этом руднике. Вы делаете опасную работу. И если кто-то не намерен честно работать, я прошу его уйти сразу. Не подвергайте лишней опасности своих товарищей.

Он замолчал, и я быстренько закрыла рот. На миг наши взгляды встретились. Я быстро отвернулась, но перед этим мне показалось, его глаза снова изменили цвет. Может, такие глюки — проявление потери магии?

— А теперь, раз вопросов, как и желающих нас покинуть, нет, прошу на завтрак. Хейлин очень старалась сегодня. Нужно оценить ее заботу.

Народ медленно потянулся к выходу. Кажется, все были в шоке, да я и сама слабо понимала, что сейчас произошло. Уилл, которого мы все знали как довольно простого и юморного парня (пусть иногда он и бесил меня до зубовного скрежета), изменился. Я не могла себе представить, чтобы этот холодный и рассудительный предприниматель называл меня Котлеткой. Скорее, Уилла можно было бы увидеть в

компании отца на деловом обеде. Но никак не на моей постели, сочиняющим дурацкое письмо.

Я оцепенела, не зная: то ли вместе со всеми идти в столовую, то ли попытаться поговорить с Уиллом. До того, как он выступил со своей речью, я хотела немного сгладить прощание и рассказать о том, что папа мне поможет и его спор меня не убьет. Но теперь...

Демон раздери, я впервые в жизни не чувствовала себя ровней мужчине!

Я была на королевском приеме и заигрывала с принцем Берноном, а сейчас робела перед владельцем пары тоннелей, продолбленных в горе?!

– Котлетка! – окликнул меня Уилл, когда я все-таки решилась позорно сбежать.

Пришлось обернуться.

– Хейлин... мне стоило сказать тебе раньше, но я и так слишком много врал, что еще одна ложь сильно облегчила жизнь.

– Это не мое дело, Уилл. Ты можешь делать то, что тебе заблагорассудится. Но если хочешь знать, я поговорила с отцом, и он сказал, что болезнь не такая уж страшная. Сейчас исчезновение магии могут лечить. Я смогу жить, возможно, без способностей, но и это неплохо. Так что твой спор не натворил ничего непоправимого.

– Но я тебе больше не нравлюсь? – последовал совершенно неожиданный вопрос.

– Я не знаю. Мне нужно немного времени и... слишком много всего случилось. Я уже не уверена, кто я такая и чего хочу. Этот месяц здесь слишком многое перевернул. Мне нужно вернуться с папой домой, чтобы начать лечение. Если будешь в Хиглейк-граде, то заезжай.

Он долго молчал. И, в общем-то, слова уже не были нужны.

– Я не приеду в Хиглейк-град, Котлетка. Больше не приеду.

– Ну, меня тоже вряд ли занесет судьба на крайний север. Хотя кто знает, какие бутики у вас тут откроются через пару лет.

– Ты злишься на меня?

– Уилл, я не знаю. Я больше не та Хейлин, которая сюда приехала. И я не готова к тому, что на эту новую Хейлин свалилось. Может, и хорошо, что все закончится вот так быстро.

– Да, наверное.

От спазма заболело горло, но каким-то чудом слезы не пролились на щеки, не оставили влажные дорожки на тронутой морозной сухостью коже.

– Умбрю заберешь с собой?

– Да.

– Хорошо. Она милая тварюшка, одна не выживет. Ладно, Хейли, собирайся. Метель скоро утихнет, за вами прилетит дракон. Выздоровливай. Новая Хейлин намного лучше прежней.

Он наклонился и осторожно коснулся губами моих. Замешкавшись на пару секунд и не закрыв глаза, я увидела, как его стали зелеными. Не чудится...

Последний поцелуй. Невинный, простой, как молодое вино. Другой. Тот, который я запомню.

– Что ты скрываешь, Уилл? Какой ты на самом деле? Сколько еще у тебя тайн? – спросила я.

– Всего одна, Хейли. Но тебе ее знать не следует.

* * *

К вечеру метель действительно утихла. Я собирала вещи, поражаясь, как в такой маленькой комнате можно хранить так много всякого хлама. Тигра валялся на кровати, свесив пушистый хвост к полу, где с ним игралась Умбря. Они перестали друг друга бояться. Все же мне удалось донести мысль, что теперь мы будем жить все вместе.

Папа сидел в кресле, наблюдая за моими сборами.

– А вот это все, – он обвел рукой раскиданные вещи, – обязательно тащить с собой?

– Да! – Я категорически отказывалась что-то оставлять. – Обязательно!

Дело в том, что горняки весть о моем отъезде восприняли с сожалением. Не все, конечно. В глазах Сержа я буквально прочитала облегчение. Он что, в постоянном страхе жил и десятой дорогой обходил мою комнату? Крепко его напугала Умбря, моя умница и защитница.

Но остальные, особенно Цвейг (который чуть ли не на крови поклялся, что едва закончит с контрактом, найдет меня в Хиглейк-

граде и проведет по лучшим барам), страшно расстроились. Еще с десяток человек, к моему удивлению, принесли мне подарки. От этого я впала в настоящий ступор и половину ужина хлюпала носом.

Среди подарков был мой портрет, написанный углем. Папе он очень понравился. Пожалуй, это была единственная вещь, взять которую он не возражал. Как по мне, на портрете я получилась слишком красивой. В реальности в зеркале отражалась взъерошенная и уставшая Хейлин, не имеющая ничего общего с роскошной красоткой при деньгах. Ох и времени уйдет на то, чтобы восстановить стиль и лоск!

Еще мне принесли блокнот ручной работы, украшенный самоцветами. Топорно сделанный кулон с лунным бриллиантом (но эта нарочитая кустарность только придала ему шарма), книгу, резную шкатулку.

За неимением развлечений, многие делали что-то руками из негодной породы или дерева. Порой оставалось только поражаться тем, какие изящные вещицы могли создавать суровые с виду работяги. А уж из-за того, что эти вещицы делались специально для меня (ну зачем кто-то бы стал в уединенном северном доме без женщин делать кулон?), и вовсе приходилось сдерживать трогательно-слезные порывы.

Надо признаться, возвращения я даже немного боялась. Что скажу Ариану и его друзьям, родителям? Простите, не хочу вас больше знать? Или, может, стоит попробовать вернуть дружбу? Но если я не хочу?

– Не руби сплеча, – посоветовал папа, когда я обратилась к нему с этим вопросом. – Твой Ариан мне тоже не слишком-то нравится, но ты любила проводить с ним время. Возможно, полюбишь снова. Не отталкивай от себя всех прежних друзей. Нам предстоит долгая дорога к здоровью.

Оно, к слову, напоминало о себе. К счастью, не затяжными обмороками, хотя это был вопрос времени. Но периодически я чувствовала приливы слабости и чудом держалась, стараясь не пугать окружающих резкими переменами в самочувствии.

– Все собрала? – Папа поднялся. – Сумку для зверей оставила?

– Даже две!

Я показала две сумки, одну из которых одолжил Цвейг. В ту, что привез папа, снова залезет Тигра, а в маленькой повезу Умбрю. Она умудрялась помещаться даже в небольших объемах. На то и тень.

– Тогда постарайся пару часиков поспать. Дракон рано утром, выйдем за час до взлета.

Он погасил свет, оставив меня наедине с ночью и мыслями. Но если бы уснуть было так просто! Я сидела у окна, глядя на заснеженный лес, и почему-то совсем не чувствовала страха. Сначала в памяти привычно всплыла картина со стоящей у деревьев мамой, но ее быстро вытеснило другое воспоминание. О том, как сильные руки сжимают меня, как вокруг пляшут черные тени и зло уходит, отступает. Как горячие пальцы растирают ноги, как впервые хочется выплакаться и поделиться.

Ну почему, почему он так повел себя? Хотя что значит – почему. Почему – понятно. Уилл понял, что наделал своей магией, и пытался хоть как-то загладить вину. Но я-то? Я же ненавидела его! Я думала, никогда больше не встречу человека, который вызывает во мне такое обжигающее раздражение! А он был все время рядом, все время на шаг впереди.

Воображение дорисовало Уилла, бредущего по тропинке к лесу. Почему-то в фантазии он был без рубашки, и это заставило покраснеть. Я с удовольствием представила мощные плечи, идеально натренированные мышцы спины. Он медленно шел к куполу.

Я несколько раз моргнула. Нет! Это была не фантазия, он действительно находился там, на морозе, практически обнаженный.

«Уилл!» – хотелось закричать мне.

Он должен одуматься! Сумасшедший, там же ужасно холодно!

Я взялась за щеколду на окне, но тут же отдернула руку, словно обжегшись.

– Не учишься ты на своих ошибках, Хейлин. Один раз тебя выманили на такой же трюк, так ты и второй чуть не попалась.

Уилл обернулся, словно почувствовал мой взгляд, но я решительно задернула шторы. Нет уж, больше никакой северной нечисти. Скоро я буду дома, под родными пальмами, на золотистом песочке частного пляжа.

– Всем спать! – громко объявила я.

Тигра и Умбрю синхронно открыли по левому глазу – они-то давно спокойно себе дрыхли. Я влезла между теплыми питомцами и закрыла глаза. Не получится уснуть, хотя бы согреюсь.

Но уснула довольно быстро, а наутро все сборы прошли в какой-то сумасшедшей спешке. Цвейг как мог помогал мне вытаскивать сумки, но даже с его помощью мы не могли справиться с балаганом, имя которому было...

– Тигрюмбрю. Я буду называть твою нечисть Тигрюмбрю, – заключил отец, наблюдая, как Тигра носится по комнате с тенью на спине.

– А это тоже твой питомец? – спросил Цвейг, рассматривая Умбрю.

– Ну да, – с самым невинным видом соврала я. – Папа привез.

– Нашла на кого свалить, – буркнул папа. – Все. Выдвигаемся.

Я почувствовала, как сердце сжимается. Неужели я больше не увижу этот дом? Не войду в эти двери? Не буду готовить на кухне. Неужели все вот так и закончится? Дракон увезет меня к морю, а северные приключения я буду вспоминать, как далекий, наполовину забытый, сон?

– Пиши нам, Котлетка, – попросил Цвейг.

Меня вышло провожать так много людей, что я совершенно недостойно леди хлюпала носом. А папа был удивлен. Он явно думал, от меня тут все на стенку лезут, а оно вон как оказалось.

Если бы мы не спешили на дракона, прощание превратилось бы в длинную церемонию.

Но вот двери открылись, мороз ударил в лицо, тут же подрумянил щеки. Тигра завозился в сумке: ему не нравился холод. Я вспомнила, как мы с Уиллом шли через темный лес, и поняла, что сейчас путь предстоит повторить. Рядом был папа, но все равно стало немного жутко. Что там, в этом лесу, водится?

А еще меня снедало разочарование, что Уилл так и не вышел попрощаться.

– Ладно, Хейли, удачи тебе, – кивнул Кейн. – Спасибо, что так разнообразила наши будни. Заезжай, если будет желание. Хотя после этого контракта я полечу на Годморстенские острова. Вулканы – отличная замена северным горам.

Даже Эрл вышел скупно попрощаться:

– Надеюсь, ты больше не будешь экспериментировать с сомнительными рецептами.

Я многозначительно скорчила рожу. Книга Алессии была надежно спрятана в моей сумке, завернута в три слоя упаковочной бумаги. Нет уж, такое сокровище я не отдам. Из каждой поездки я привозила какие-нибудь сувениры. Здесь не продавали рамочки для фото, так что я сперла из библиотеки книгу. Ну и что? Им она все равно не понадобится, а даже если и понадобилась бы, хорошо, что я ее стащила. Глазёнки не переживут, если в них снова начнут пихать лосося, они лопнут.

Папа уверенно шел по тропе через лес, а вот я нервно озиралась. Но при свете дня ничто устрашающим не казалось.

Как и в случае с Уиллом, перед папой словно расступался лес. Его духи и обитатели чувствовали силу мага. А во мне, видимо, не чувствовали ничего.

– Тихо, тихо, Тигра. – Я успокаивающе погладила сумку со зверенышем. – Скоро прилетим домой. Пойдем с тобой на пляж, побегаем.

Тот заурчал и завозился. Умбрия тоже высунула призрачную морду.

– И с тобой побегаем.

Тропа вывела нас напрямик к дракону. Частному, между прочим, так что никаких троллей в меховых трусах можно было не опасаться. Нет, каков папа наглец, а? Меня отправил на рейсовом, а сам прилетел с комфортом.

– Дракон не может сесть рядом с домом из-за защитного купола, да?

– И леса, – кивнул папа. – Здесь специально все вычистили.

В кабине оказалось немного тесно, но очень уютно. Все, к чему я привыкла: мягкие сидения, шторы, посеребренные состаренные подлокотники. Я тут же разделась, достала книгу Алессии и налила чай из большого кувшина с подогревом.

– Жаль, нет шампанского, да? – усмехнулся отец. – Скоро взлетаем, постарайся не облиться кипятком.

Пока он выпускал Тигру и Умбriu, я быстро погрузилась в книгу. Нет, мне было не слишком интересно ее читать, я просто не хотела думать о том, от чего (и кого) я улетаю. Домой и домой, месяца

недостаточно, чтобы полюбить это место. Недостаточно, чтобы завести друзей, и уж тем более недостаточно, чтобы влюбиться.

Но и чтение не очень-то шло. Я просто листала гримуар, рассматривая картинки, в очередной раз задавая себе вопрос, кто же изображен на большом рисунке и вообще, кем была эта Алессия. Дойдя до форзаца, я вдруг заметила потайной кармашек. Бумага прилегалa так плотно, что тонкий листочек я вытащила не сразу. Стараясь не порвать драгоценное издание, я кончиком ногтя подцепила листочек и развернула еще один рисунок Алессии.

Тук-тук. Сердце дважды толкнулось в грудную клетку и замерло на долгий пугающий миг. Рисунок, похожий на тот, что я уже видела, изображал мужчину в анфас.

– Не может быть, – прошептала я. – Не может... Остановитесь! Не взлетайте!

– Что за... Хейлин!

– Папа, отойди, мне нужно выйти!

– Хейлин! – крикнул он мне вслед. – Хейлин ди Амос!

Но я уже неслась через лес, забыв и о его обитателях, и о собственных страхах. Неслась туда, где еще ни разу не бывала: к рудникам.

Глава десятая

Дорога к руднику разделилась. Широкая вела туда, откуда слышались голоса и грохот, там велись работы. Вторая, узкая и едва заметная, выглядела так, словно ее совсем недавно протоптали. Не знаю, какая сила толкала меня, указывала путь, но я чувствовала, что должна узнать все наверняка. В руке я сжимала старый рисунок.

Дорога не заняла много времени, Я даже не успела замерзнуть. В конце концов я оказалась перед ничем не примечательным входом в темный тоннель. По бокам от него поставили импровизированный забор из воткнутых в снег столбиков и веревок. Немного поколебавшись, я вошла внутрь.

Тьма сомкнулась за моей спиной. Из рта вырывался пар, но я бы не сказала, что в тоннеле было холодно. Где-то вдалеке журчала вода, а совсем рядом слышалось, как капли падают на водную гладь. Тепло здесь поддерживали явно искусственно, так что или это таяли сосульки, или где-то рядом было подземное озеро.

Теплые зимние сапожки (хотя бы не валенки, и то хлеб!) оказались неподходящей обувью для спуска, пусть и пологого. Я держалась за стену одной рукой, но понимала, что если поскользнусь, то поеду вниз на пятой точке, снесу Уилла и потеряю шанс выяснить, что же все-таки здесь происходит.

И зачем мне это надо? Я шла, задавая себе этот вопрос бесчисленное количество раз, но если бы у меня был ответ... Уилл перевернул мой привычный мир. Я впервые в жизни рядом с ним возненавидела кого-то сильнее всего на свете, а потом так же стремительно и сильно влюбилась. Я впервые ощутила себя не красивой студенткой престижной академии, не богатой наследницей и не завидной невестой, а девушкой, с которой интересно провести время. Поболтать у камина, приготовить вместе ужин, спасти дом от нашествия темных сил, расколдовать несчастных горняков, полюбивших глаза на ножках.

Огорошив меня известием о своем положении и неудавшемся споре, Уилл перевернул мой мир второй раз. Я впервые попробовала мясо, я впервые поняла, что значит выражение «разбитое сердце».

Да, пожалуй, я шла за Уиллом, чтобы раз и навсегда покончить с глупой, наивной надеждой. Я должна была увидеть то, чего он так жаждал, чтобы сказать себе: все, Хейли, больше ты не принадлежишь к его миру. Или чтобы получить подтверждение, что ведьма Алессия была просто глупой фантазеркой. Должна ею быть, иначе никак.

А я... или снова буду вынуждена искать артефактора, который поможет мне с магией, либо медленно угасну, как должна была угаснуть еще при рождении, не забрав у мамы последние крохи жизненной энергии.

Я шла довольно долго. Старалась ступать бесшумно, хоть и плохо получалось. В один момент впереди показалось движение. Я затихла и съежилась у стены, осторожно выглядывая.

Уилл. Он неспешно брел куда-то, попутно внимательно рассматривая стены. Наверняка при желании Уилл без проблем бы понял, что за ним кто-то следит. Вот только ему и в голову не пришло, что глупая девчонка не улетит. Он оказался целиком и полностью поглощен своей дорогой. Шел навстречу цели.

По мере того, как мы спускались, тоннель менялся. Постепенно лаз сужался, ступеньки и вовсе исчезли, а дышать стало тяжелее, словно воздух сгустился. Я несколько раз ловила себя на панике, но Уилл шел дальше, а значит, и я могла. Это давало силы двигаться дальше. Да и, честно признаться, идея повернуть обратно казалась мне куда страшнее. Так создавалась хоть какая-то иллюзия присутствия кого-то рядом.

Неожиданно мы вышли в огромный зал. Уилл смело пошел вперед, а я села в тоннеле, откуда оказалось очень удобно наблюдать. Здесь меня не было видно, а вот я видела все помещение, как на ладони.

Когда-то зал наверняка был прекрасен. Я живо могла себе представить, как высоко сверху, через огромные окна сюда проникал солнечный свет. Как он освещал величественные колонны, падал на огромный роскошный алтарь, касался позолоченных узоров на стенах. Теперь от всего великолепия ничего не осталось.

Алтарь представлял собой огромную каменную глыбу, исписанную древними символами, значения которых я не знала. Рядом с ним покосился сундук на подставке, из-под приоткрытой крышки

виднелось какое-то сияние. Уилл смело его открыл, и клочок зала осветился сине-зеленым цветом.

Он извлек из сундука нечто среднее между кристаллом и камнем. Сам он был черный, а сверху его словно опутывали сияющие синие и зеленые нити.

«Прямо как его глаза», – подумалось мне.

И такая тоска вдруг накатила... Это был не тот Уилл, которого я знала. Не тот, в которого влюбилась буквально за несколько дней. Пожалуй, мужчина передо мной действительно мог быть тем, о ком писала Алессия. Все в нем – от осанки до взгляда – говорило о колоссальной силе, скрытой внутри.

Я словно потеряла друга. Или возлюбленного. А может, и того, и другого, потому что так весело мне еще ни с кем не было.

Он вдруг замер, поставил кристалл на подставку и медленно обернулся. Мое сердце словно замерло на пару секунд, а затем особенно сильно толкнулось в груди, от чего внутри разлилась неприятная тревога.

– Хейлин? – спросил он.

И голос не принадлежал моему Уиллу.

– Что ты здесь делаешь?

– Я... извини. Мне было любопытно, что там, в этой расщелине. Я шла за тобой.

Пришлось выйти из темноты на освещенную площадку.

– Значит, это правда? – спросила я. – Темный бог существует? То есть существовал...

Он нехотя кивнул.

– И ты ищешь этот храм, потому что...

– Мы с сестрой всегда поддерживали баланс темной и светлой магии в мире. Но я знал, насколько хрупким было это равновесие. Моя сестра считала себя старшей, умной, ответственной. Она думала, будто лучше меня знает, как нужно распорядиться данной мирозданием силой. Я предполагал, что однажды между нами случится размолвка. Так оно и вышло. Мне пришлось уйти, оставить этот мир и Светлейшую, единолично властвующую над ним. Но я знал, что однажды вернусь. И запечатал часть своей силы в нескольких храмах темного бога по всему миру. Спустя сотни лет от них ничего не осталось. Некоторые затонули, а некоторые ушли под землю.

– И теперь ты хочешь вернуть себе силу.

– Ну да. Нагулялся. Это и мой мир, Котлетка, я был в нем богом и хочу вернуть свой трон. Как ты узнала?

Вместо ответа я показала рисунок Алессии.

– Понятно. – Уилл усмехнулся. – Моя сентиментальность вышла мне боком. Я прихватил книгу в память о Лесс.

– И забыл ее в библиотеке.

– Не забыл, а спрятал. В твои загребущие ручки она попала не слишком-то случайно, Хейли.

– Что ты хочешь этим сказать? – напряглась я.

– С самого начала твоя судьба подчинялась воле одного-единственного существа: моей сестры Азары. Это она подстроила все так, чтобы ты оказалась на моем руднике. Она подтолкнула к тебе Умбрю, а Умбре дала эту книгу. И она же привела тебя сюда.

Я невольно открыла рот в изумлении.

– Аз... то есть Светлейшая вмешивалась в мою судьбу?

– Она посчитала, что ты заставишь меня отказаться от планов.

– Какая наивная! – вырвалось у меня.

Я тут же хлопнула себя по губам, испугавшись. Разве можно так отзываться о богине?!

– Да, сестра – идеалистка.

Почему-то от констатации этого факта стало неприятно, словно я съела горькую и терпкую ягоду.

– А кто такая Алессия? В смысле... кем она была?

– Помощницей. Училась у меня магии, ну и работала на подхвате.

Он сказал об этом нехотя, впервые отведя глаза. И снова, будто получив подсказку, я ляпнула:

– Ты ее любил?

– Возможно. Она умерла очень давно. Я не помню, Хейли. Ты ведь понимаешь, сколько мне лет.

Поняла, но испугаться еще не успела.

– И после того, как она умерла, ты бросил все. Ушел, потому что в мощнейшей магии не было смысла без любимой женщины, да?

– Нет, – отрезал он. – Мощнейшая магия и есть смысл. Женщины здесь ни при чем.

– Ну да. – Я грустно улыбнулась. – Наверное, ты прав.

Удивительно, но вся моя бравада, все язвительные шуточки куда-то исчезли, и я не сразу поняла почему.

Это было его место. Его храм. Его обитель. Уилл был здесь хозяином, богом, а вот я – его созданием, которому не положено видеть собственное божество. Я не смогла бы объяснить, какие перемены произошли в облике мужчины, но чувствовала, что они отдалили его.

– Я должна уйти.

Он молчал. На секунду мне показалось, что сейчас Уилл что-то произнесет, снова станет тем, к кому я привыкла, но он молчал, и мое горло словно сжала невидимая рука. Смогу ли я вернуться домой, к Ариану, после того, как почувствовала настоящую жизнь? Как задышала полной грудью?

– Я должна тебя поздравить, – сказала я, слыша свой голос будто со стороны. – Раз ты искал этот храм, чтобы вернуть себе силу, то скоро мир узнает о том, что Темнейший бог вернулся, да?

Я закусила губу, чтобы сдержать всхлип.

– Можно тебя кое о чем попросить? Когда... если ты будешь отвоевывать наш мир с боем, не трогай моего папу, Тигру и Умбрю. Я знаю, что я последняя стерва, что рядом со мной невозможно находиться, но я так их люблю! Одна мысль о том, что, если вдруг моя магия кончится, они останутся одни, пугает меня до полусмерти. Присмотри за ними, Уилл! Хотя бы чуть-чуть.

– Котлетка...

– Удачи. Когда всем станет известно, кто ты, я буду хвастаться, что тебя знаю.

Сил смотреть в его глаза больше не было. Правду я узнала и со всей обреченностью поняла, что если за Уилла владельца рудника и просто циничного типа еще можно бороться, то за Уилла темного бога сражаться бессмысленно.

Первая любовь, не успев возникнуть, разбилась вдребезги, причем целых два раза.

За спиной я слышала шаги, а потом меня вдруг развернули и прижали к широкой груди. Руки с такой силой обхватили мою талию, что дышать стало ну очень затруднительно.

– Место помощницы свободно, Хейли. Я не хочу втягивать тебя в войну с сестрой, но если ты не хочешь уходить, то останься.

– А если хочу? – выдохнула ему в губы.

– Ты ведь веришь в Светлейшую, так? Она подарила тебя мне. У тебя нет выбора, Хейли. Ты моя.

– Я же не вещь, чтобы меня дарить!

Конец фразы вышел смазанным из-за поцелуя.

У Уилла вырвался короткий хриплый стон. Он еще сильнее сжал меня в объятиях, словно я делала попытки вырваться или вообще хотя бы теоретически могла это сделать. Куда там! Он был нечеловечески силен, а еще нечеловечески умопомрачительно целовался. И даже будь я полна решимости сейчас сбежать, все равно не смогла бы даже пошевелиться из-за накатившей вдруг слабости.

Для меня, девушки, которую ни разу не целовали так страстно и откровенно, ощущение горячего языка, исследующего чувствительную шею, оказалось мучительным, отзывающимся сладкой болью.

– Так нельзя! – удалось произнести мне между поцелуями.

Но Уиллу было все равно. И я с обреченным облегчением вдруг поняла, что действительно не смогу уйти. И не хочу, и не смогу, и не позволят. Я стала пешкой в игре двух сильнейших магов, двух богов. Сдалась слишком быстро, но разве могло быть иначе?

Уилл подхватил меня на руки. Каждое касание было таким горячим, что я невольно вздрагивала. Ох, что будет, если сейчас заявится папа! Он не посмотрит на то, кто есть Уилл, сначала убьет, а потом будет разбираться! Чтобы его дочь так вела себя с тем, кого знает чуть больше месяца?

– Светлейшая, Уилл, это же алтарь! – в ужасе выдохнула я, сообразив, куда меня уложили.

– Не поминай при мне эту стерву. И это мой алтарь! Хочу – ем за ним, хочу – баб вожу, хочу – вообще дома на кухне поставлю!

Мысль о стоящем на кухне алтаре изрядно развеселила и немного оттенила болезненное возбуждение. Я фыркнула и потом рассмеялась.

– Что ты смеешься?

На несколько секунд Уилл снова превратился в того парня, который пробовал мои котлеты и изо всех сил старался показать, каким чудом он при этом выжил.

– Просто представила, как за алтарем сидит Эрл и кормит глазонек.

– Теперь ты понимаешь масштабы коварства моей сестры? Она выдала мне наказание, которое пыталось меня отравить!

– Я – наказание?!

– Еще не решил. Местами ты, – он склонился, чтобы поцеловать меня в лоб, – наказание. Местами... – А следующий поцелуй вышел куда откровеннее первого. – Награда.

– Вот и храни по частям.

– Котлетка, – Уилл очень серьезно на меня посмотрел, – я не мужчина твоей мечты. Совершенно.

– Да и я не образец идеальной подруги.

– Вот это мы сейчас проверим.

Перед ним я оказалась совершенно беззащитной. Раньше панцирь холодности и надменности как-то спасал. Даже выходя в свет в качестве девушки Ариана, я держалась отстраненно, закрывалась в раковине и только улыбалась всем, кто делал нашей паре комплименты.

Оказалось, что быть собой наедине с мужчиной не так-то просто. Когда тело тебя не слушается, когда человек, который в миллион раз опытнее и искушеннее тебя, одним прикосновением заставляет тело сладко выгибаться в поисках новых касаний, сложно сохранить холодный разум. Гораздо проще отдаться ощущениям, забыть обо всем и хотя бы один раз побыть в волнующей, притягательной и опасной роли.

Любовницы темного бога.

* * *

Будь проклята Азара! Тысячи проклятий он посылал сестре в этот миг, когда Хейлин дрожала в его руках, когда ее стоны врывались в сознание, переворачивали там все, оставляя пугающую пустоту.

Сколько у него было таких человечек? Тысячи, наверное. И все красивые, яркие, страстные. Уиллторн менял их так часто, что перестал запоминать имена – он попросту их не знал. Для него они были чередой необременительных развлечений. Пожалуй, он мог вспомнить только двух девиц, запавших в память и душу. Алессия – ведьма, не раз доказывавшая свою верность и любовь. И шоколадная ведьма, которую он пожалел, настолько милой и непосредственной она ему показалась.

Впервые он встретил девушку, имя которой не выходило из мыслей. Впервые он дал кому-то прозвище. Впервые почувствовал себя скотиной, чуть не убив из-за глупого спора. Что в ней особенного?

Ровным счетом ничего. Хейлин ди Амос обладала стандартным набором качеств: красивая, в меру сообразительная, бойкая, дерзкая. Только такой и могла вырасти богатая наследница-сиротка. Так почему, демоны ее раздери, почему так безумно не хочется выпускать ее из объятий?

В ней нет ничего особенного, ровным счетом ничего. Но если бы все влюблялись за что-то, жить было бы проще. Влюбился за красивое личико, а едва оно покрылось морщинами – любовь исчезла без следа. Если бы все было так просто, демон! Как оказалось, кто-то просто врывается в привычный мир, рушит все планы, и это чувство не имеет ничего общего со страстью к красивым личикам и фигуркам.

Азара... Уиллторн готов был растерзать светлую богиню, собственную сестру, за то, что она загнала его в эту ловушку.

Но вот только ли ее была в том вина? Похоже, что он и сам не хотел выбираться из угла, в котором оказался.

Ее тело восхитительно реагировало на его ласки. Нежная, неопытная, немного уставшая, но очень привлекательная Хейли. Припухшие от поцелуев губы шептали его имя. В глазах он читал только безграничное доверие, которое вообще может испытывать девушка в такой момент. Беззащитная, зависимая.

Когда он понял, что взгляд Хейли затухает, прерывисто выдохнул. Слишком сильно для нее, слишком ново и немного больно – этого хватило, чтобы еще одна частичка магии растворилась в воздухе. Он видел ее, видел едва заметный сияющий огонек, сорвавшийся с губ Хейли.

Сам Уиллторн сейчас больше всего на свете хотел сжать ее в объятиях и на пару часов отключиться, не думать ни о чем, просто отдохнуть и насладиться близостью. Но он успел взять ее руку в свою и сжать кристалл. Хейлин всхлипнула, когда магия медленным потоком потекла в нее.

– Давай, детка, не упрямясь, – прошептал он, успокаивающе поглаживая свободной рукой шею девушки. – Это тебе поможет.

Вот так все и происходит. Ты думаешь, у тебя есть выбор. Думаешь, что можешь распоряжаться своей судьбой, силой и даже целым миром. А потом приходит девчонка, и магия, которую ты так долго искал, становится лишь средством ее спасения.

Будь проклята Светлейшая богиня Азара. Будь проклят Темнейший бог Уиллторн.

А Хейлин должна жить.

* * *

Просыпаться в комнате, когда за окном бушует метель, стало уже традицией. Как и то, что просыпаться мне совершенно не хотелось. Так себе традиция, если честно.

Как же болела спина! Нет, не болела... ныла скорее. И переворачиваться было больно. Я завернулась рогаликом, чтобы нащупать, что там такое на моей спине. Нащупала, зашипела сквозь зубы от боли, аж слезы на глазах выступили.

– Не трогай, Котлетка, это ссадина.

Так. Котлетка. Ссадина на спине. Ой.

Это мне не приснилось?

Ну да, не приснилось. Дракона нет, мы никуда не летим, надо мной вместо потолка – второй этаж кровати, с которого по одну сторону свисает светлый тигрячий хвост, а по другую – темная лапа тени. В кресле у окна сидит Уилл.

Я покраснела и отвернулась. Понимаю, жест довольно детский, но неужели мне не положена ма-а-аленькая слабость? Каждая девушка имеет право смутиться после своей первой ночи с мужчиной.

А уж если она прошла в старом храме, на старом алтаре и закончилась обмороком, то мне можно даже умереть со стыда.

– Я видел, что ты проснулась. Вставай и поешь. Цвейг приготовил тебе мясо. Только ешь осторожно, – Уилл фыркнул, – я уже попробовал.

– Мяско... – Я принялась.

Потом присмотрелась. Нет, побуду еще немного вегетарианкой, пожалуй. Наверное, под черной горелой корочкой и скрывается

нежнейшая мякоть... э-э-э... что он тут приготовил, коровы? Но я проверять точно не буду.

– Как себя чувствуешь?

Прислушалась к ощущениям.

– Нормально. Лучше, чем в прошлый раз.

– Хорошо.

– Папа начал лечение? Я чувствую себя способной отправить в полет пару яблок с этого подноса.

– Не совсем. – Уилл как-то замялся. – Когда ты... м-м-м... уснула, я кое-что сделал. Перелил в тебя силу из кристалла.

Яблоко чуть не вывалилось у меня из руки.

– Что ты сделал? – сильным голосом спросила. – Но... как...

– Да очень просто. Ты теряла собственную магию, и я запихал в тебя свою. Конечно, она не вечная, рано или поздно тоже кончится, но к тому времени я или восстановлю силу окончательно, либо... Есть много способов, в общем.

– Ты потратил на меня свою магию? Но зачем?

Неужели он действительно отказался от цели, к которой так целеустремленно шел, чтобы мне помочь? Надежда распустила в душе лепестки. Робко и несмело, но все же.

– Что ты хочешь от меня услышать, Котлетка? – с тяжелым вздохом спросил Уилл. – Оставить тебя болеть и уйти спокойно отвоевывать мир?

– Не знаю. Просто думала, нет ничего важнее твоей цели.

– Ну, как видишь, есть. Не думай ни о чем, просто наслаждайся здоровой жизнью.

– Теперь тебе все нужно начинать сначала?

Он сел рядом на постель, чуть не стукнувшись лбом о второй этаж. Отмахнулся от хвоста Тигры, которым тот туда-сюда мотылял.

– Ну уж нет. Я по второму кругу ходить не люблю. Будем разрабатывать новый план. Годморстен знаешь?

– Ну да, там вулканы, жарко и живут демоны. Икают, наверное, мы их тут частенько поминаем.

– Там еще один храм. Прямо рядом с вулканом. Попробуем добыть еще один кристалл. Половину силы я использую, чтобы нарастить свою, а еще половину где-нибудь спрячем на случай, если твоя магия все-таки кончится снова.

– Ты же не можешь таскаться за мной в ожидании этого.

– Будем таскаться вместе. Неужели тебе не интересно путешествовать с богом, пусть и бывшим?

– Не знаю, – честно призналась я. – Пока не осознала. И вообще, я на тебя зла, как чугунный утюг! Ты мне врал, ты пытался меня приворожить, ты на меня спорил, издевался, спину мне поцарапал.

– Нет, ну спину-то царапать было приятно! – слегка обиженно протянул он.

– Не помню, – фыркнула я, – в обморок упала.

– Котлетка, ты не просто котлетка, ты перцовая котлетка! И что тебе сделал чугунный утюг?

– Мне ничего, а вот если ты еще раз попробуешь меня заколдовать, я в тебя им кину!

Мне подарили быстрый, больше шуточный, поцелуй в шею.

– Ты мне нравишься.

– Правда?

– Ага.

– Это приятно.

– У меня в жизни, Хейли, было много разного. И я не уверен, что могу легко сказать, что влюблен или люблю. Поэтому пока что ты мне нравишься. И я не хочу, чтобы ты болела. Давай попутешествуем вместе, посмотрим, как нам это удастся, и решим, что делать дальше?

Путешествия... разве что-то могло звучать лучше? Я обожала новые места, а Уилл мог показать мне самые укромные уголки мира. Он ведь его создавал.

Пришедшая мысль – о том, что все вокруг появилось с подачи Торна – меня пробрала дрожь. Что я делаю? Всерьез собираюсь бросить все и путешествовать с человеком... нет, не человеком даже, которого знаю месяц?!

«Тебя к нему толкнула сама Светлейшая. Она знает, что делает. Она тебе задолжала», – подумала я.

– Но ведь это не то, чего ты хочешь. Я думала, тебе нужна своя власть.

– Ты плохо знаешь мою сестру и свою богиню, Котлетка, – усмехнулся Уилл. – Она вернет мне власть. Сама и с огромным удовольствием. Только дождется, когда я снова привяжусь к этому миру так, что не смогу его уничтожить. Она стерва продуманная. Вся в

меня. Не злись на меня. Хочешь... Демоны, Котлетка, я ведь бог, я не умею извиняться. О! Слушай, хочешь, я тебе гирию подарю?

– Какую еще гирию?! – обалдела я, такого поворота точно не ожидавшая.

– Хорошую... Мне Цвейг рассказывал, до того, как приехать сюда, он работал в торгово-морской компании. Они как-то поднимали со дна моря королевскую статую, и их шеф отпилил от нее голову. Потом приварил к ней цепь и объявил, что это гирия – девчонке своей подарит. Говорил, она от них тащится. Хочешь тоже гирию? Хорошую. Головы короля у меня нет, зато...

Он кивнул на угол, где, накрытый газетами, стоял бюст... э-э-э... темного бога.

– Себя пожертвую.

Заманчивое предложение, ничего не скажешь. Я даже честно пыталась вообразить, куда я эту гирию применю, но кроме как придавливать ею бумаги отца, ничего в голову не пришло. Или вон, мясо мариновать. Говорят, под гнетом оно становится сочнее и вкуснее.

– Не хочешь гирию – ешь яблоко. – Уилл сделал вид, будто обиделся. – Котлетка, ты не против, если я посплю? Сидел возле тебя всю ночь, потом еще и с отцом твоим объяснялся.

– Ты ему рассказал?! – ахнула я.

Яблоко попало не в то горло, я закашлялась, и взволнованная Умбрия тут же слетела с верхней полки.

– Умолчал, что в храме мы не только разговаривали. Но кое о чем пришлось, – хлопая меня по спине, сказал Уилл. – Он, кстати, отреагировал сдержаннее. А знаешь почему? А потому что новости читает. Год с лишним назад я навел немного шороху в столице.

Кровать вмещала только одного человека, но я уже и без того как следует выпалась. На самом деле мне хотелось обсудить планы и выпытать, куда и когда мы поедем, но Уилл казался таким уставшим, что внутри шевельнулась жалость.

– Ты же бог!

– Во-первых, мои силы еще не все со мной. Во-вторых, я не умру, если не посплю, но буду злым, как... как ты там сказала? Как чугунный утюг. В-третьих, я просто люблю спать.

Что-то не дало мне выйти и тихонько закрыть за собой дверь, как я первоначально хотела. Уилл закрыл глаза и вскоре отрубился, дыхание стало ровнее. Я невольно залюбовалась его тонкими чертами лица, тренированным телом и удивительно густыми для мужчины ресницами. Мелькнула даже мысль подойти и тихонько поцеловать, просто от накативших вдруг эмоций.

Но прежде, чем мой порыв обрел физическое воплощение, с верхней полки слетела Умбрия. Тень устроилась под боком у Уилла, тоже закрыла глаза и засопела. Не прошло и минуты, как с грохотом на пол приземлился Тигра. Он, в отличие от умбрины, не был невесом, так что всеми тридцатью килограммами улегся прямо на живот Уилла.

Тот аж задохнулся и проснулся.

– Вы что, совсем оба обалдели? Я – темный бог! Я воплощение тьмы и ужаса! Брысь!

Тигра замурчал и завозился, пару раз двинув Уиллу хвостом, мол, не шевелись, мешаешь. Разве можно потревожить такого спящего котика? Вот и я не смогла. А уж как Уилл распорядится это неожиданной звериной любовью – пусть сам решает.

Я застала на кухне отца, Кейна и Цвейга. Вырисовывалась интересная компашка, на самом деле.

– Вы что, выгнали Эрла и теперь пьете? – Я с удивлением увидела в их руках стаканы с янтарным напитком. И вряд ли это был яблочный сок. – А еда у вас есть?

– Я там мясо приготовил, – робко напомнил Цвейг.

– Сделай, пожалуйста, – Кейн поморщился, – котлетки. Иначе я сопьюсь без закуски. Цвейг, прости, но твоим мясом можно только хрустеть.

– Идите в гостиную, не мешайтесь. Сейчас сообразим что-нибудь вкусное.

Изрядно обрадованные папа с Кейном и немного поникший Цвейг послушно покинули кухню. Нет, мне определенно нравится эта типично женская власть. И впрямь, когда умеешь вкусно готовить, все мужчины у твоих ног. А еще мне выдался отличный шанс повторить рецепт Уилловых котлет самостоятельно. Не упасть бы в грязь лицом.

Дверь скрипнула, впуслав Умбрию. Сначала я не обратила внимания на тень, пока не заметила в ее руках книгу Алессии.

– Нет-нет-нет! – Я прижала к себе миску с почти готовым фаршем. – Никаких рецептов!

Тень сделала жалобные глаза.

– Умбрия, вспомни, что случилось, когда я сделала торт! Если сейчас что-то произойдет... папа меня выпорет. А Уилл не возьмет с собой путешествовать.

Поникнув, она положила книгу на стол и ласково потерлась о мое плечо. Тяжело быть разумной рядом с таким вредным существом, как Умбрия. Нужно обязательно спросить у Уилла, откуда она вообще взялась.

– Хейли... детка, ты занята? – Папа заглянул в кухню. – Как ты себя чувствуешь?

– Самый популярный вопрос этого вечера. Хорошо. Уилл рассказал, что сделал?

– Рассказал, – хмыкнул отец. – Потому я и пришел с тобой поговорить. Он сказал, ты согласилась с ним путешествовать.

– Ты меняпустишь?

– Ты же не ребенок. Что мне, запереть тебя в башне и посадить дракона охранять?

– Ну... если ты будешь против, я не поеду.

Папа посмотрел на меня своим фирменным отеческим взглядом.

– Я не буду тебе ничего запрещать. Прошу лишь как следует подумать, хочешь ли ты этого. Путешествовать с таким, как он... это серьезный шаг. Ты учишься в академии.

– Закончу заочно, буду прилетать сдавать экзамены. Уилл меня всему научит, он наверняка умный...

– Он намного старше.

– После двухсот лет граница, по-моему, стирается.

– Сильнее.

– Да, и эта сила спасла мое здоровье.

– Если ты ему наскучишь, он разобьет тебе сердце.

Я отставила в сторону миску и села на стул.

– Мне не хочется сейчас говорить о любви, если честно. Хотя, наверное, так выглядит влюбленность. Но я пожалею, если не попробую что-то поменять, понимаешь? Ведь ты, отправляя меня сюда, хотел именно этого.

– Я же не знал, что перемены окажутся такими радикальными, – улыбнулся папа. – Но на самом деле я рад видеть тебя такой. Доброй, веселой. Я рад, что у тебя появились настоящие друзья, которым безразличны твои деньги и статус. Я рад, что ты думаешь о будущем. Даже тому, что ты теперь ешь мясо, я тоже рад. Поэтому я солгу, если скажу, что совсем не волнуюсь. Но при этом не стану тебе препятствовать. Меняйся дальше, Хейли, становись собой, только будь осторожна.

Я шмыгнула носом и, чтобы не разреветься в очередной раз на плече у родителя, побежала жарить котлеты.

Как хорошо иметь магию! Одно движение рукой – и вместо котлет три обугленных кусочка. Так... магия Уилла оказалась намного сильнее моей.

Еще одно движение, и вот на тарелке уже лежит горка сочных, вкусных и ароматных котлет.

– Закусочка! – Папа с предвкушением потер руки. – Светлейшая, наконец-то я дожился до этого счастливого момента! Можно не вставать с дивана, а отправить дочь готовить закуску к виски!

Я едва успела схватить одну котлетку для Умбри, как папа буквально унесся вместе с тарелкой. И что будут есть остальные? Оставлю это Эрлу, он, в конце концов, зарплату получает.

Я покосилась на книгу. Просто чтобы удовлетворить любопытство: что там за рецепт?

– Стейк для темного бога, – не удержалась и прочитала вслух.

Умбрия встрепелась.

– Для темного бо-о-ога... для Уилла, да?

Активно закивала.

– Он нас убьет?

Замотала головой.

– Ладно, – сдалась я. – Давай приготовим стейк для темного бога. Что там по рецепту?..

* * *

– Котлетка, я волнуюсь. – Уилл явно придурился. – Ты приготовила мне ужин?

– Благодарственный ужин! – с важным видом сообщила я.

– Вот поэтому и волнуюсь.

– Будешь ерничать, пожарю тебе фирменную яичницу. Она у меня получается противного, мерзкого серого цвета, вся такая склизкая и несоленая. А это специальное блюдо, сделанное для тебя! Мы с Умбрей вложили в него свою любовь.

– Мне конец, – обреченно вздохнул Уилл. – Мне будет так же плохо, как плохо после твоих котлет стало Кейну.

– Ну да, конечно. Кейн выпил целую бутылку! А потом свалил все на котлету, которой закусывал.

– Ладно, – наконец сдался он, – не злись, я шучу. И я действительно до ужаса голоден, так что давай свою вкуснотищу.

Ради такого дела я даже откопала в недрах посудного шкафа крышку для блюда. Ее вообще никогда не использовали, судя по блеску. Зато сервировка получилась как в лучшей ресторане столицы.

А какой вышел стейк! Я бы с удовольствием откусила кусочек, если бы не боялась эффекта. Мало ли что в рецепт заложила ведьма.

Светлейшая, хоть бы Уилл не помер! Мне уже не нравилась эта идея.

– О, стейк, шикарно! – прокомментировал он подачу и приступил к ужину.

Уилл с довольным видом точил мясо, а мы с Умбрей неотступно за ним следили и ждали проявления какого-то жутко магического эффекта. Так и следили вплоть до середины куска.

– Ну-у-у?! – разочарованно протянула я.

– Что ну? – удивился он.

– Какой эффект?

– Эм... я наелся?

– Уилл! Я ломала над этим голову с тех пор, как увидела рецепт в гримуаре Алессии. Что делает этот стейк?

– Да ничего! Я же говорил, Алессия была моей помощницей. Это ее гримуар. В ее обязанности входило делать пару моих любимых блюд, вот она все в одно место и записала. Тут даже название есть, вот: стейк для темного бога. Что тебе не нравится?

Мне не нравилось то, что я вдруг почувствовала себя идиоткой.

– Хочешь?

Он был изрядно обескуражен моей реакцией и не придумал ничего лучше, как отрезать половину от оставшегося куска.

– Хочу, – вздохнула я.

Схватила косточку и начала с наслаждением ее глотать. Вкусная, солененькая, мягкая!

– Очень эротично, – прокомментировал Торн. – А знаешь, Котлетка, ты со своей плодово-овощной страстью столько пропустила... Пожалуй, прежде, чем искать храм, поедem в гастрономический тур. Мясо, приготовленное на открытом огне. Мясо, тушенное в керамических горшочках. Выпечка с мясом. Мясные рагу. Я накормлю тебя вкуснейшими медальонами из кролика на вершине одного из годморстенских вулканов, свожу в один из ресторанов, где подают вкуснейшего цыпленка тапака. Куплю гору сыровяленого мяса и одно из лучших вин Граддерфела.

– И фоколадку, – прошепелявила я, под шумок утачив остатки стейка.

А что? Темному богу положено, а подруге темного бога – нет?

Эпилог

Кто-то явно влил в меня пару литров зелья неудержимой энергии, а я и не заметила. Накануне мы снова устроили шашлыки, причем такие веселые, что не расходились почти до рассвета. Умбрия опять достала Тигру, и тот загнал ее на дерево. Когда Уилл возмутился, что мой питомец обижает его тень, и попытался ее достать, они внезапно образовали коалицию и войной пошли на Уилла. За противостоянием наблюдали все.

Потом, когда разошлись (меня даже освободили от почетной обязанности наводить порядок после посиделок), Уилла вдруг потянуло на эротические подвиги, и еще несколько часов мы занимались исключительно друг другом, не обращая внимания на такие мелочи, как сон и дела.

После всего я думала, что просплю до самого обеда, но... открыла глаза чуть ли не раньше всех. Только Эрл гремел кастрюлями на кухне, соображал завтрак. Все остальные еще спали, это я поняла по отсутствию очереди в душ.

Уилл тоже спал, причем во сне он как-то исхитрился снова взять мою руку в свою и сжать кристалл, что стоял на тумбочке, опять вливая в меня магию. Вставая, я уложила его в удобную позу и с трудом удержалась от того, чтобы разбудить. Есть и пить хотелось больше, чем развлекаться в постели с будущим мужем.

В общем, лениво зевая, потягиваясь, разминая затекшую спину и всячески демонстрируя свое отношение к раннему утру, я пересекла холл, чтобы выйти к кухне и требовать себе что-то съестное.

Как вдруг остановилась и медленно обернулась.

Интуиция уже работала безо всяких сбоев. Что-то было не так. Я внимательно осмотрела холл. Двери – заперты, значит, никто не выходил и не заходил. Окна закрыты, никакая нечисть не проберется. Все целое, ничего не сгорело, потолка не было. Что не так?

Потом я поняла: принесли почту! Именно почтовые конверты и свертки так привлекли мое внимание. Обычно горнякам приходили только письма. Отправка в такие края посылок стоила баснословных

денег, и ничего тяжелее открытки никому не приходило. Но в этот раз на полу лежали три внушительного размера посылки.

Нехорошо читать чужую почту... нехорошо интересоваться чужими посылками. Но разве можно удержаться? Я не могла не выяснить, кому это у нас такое счастье принесли с первым утренним драконом.

И каково же было мое удивление, когда я прочитала на обертке собственное имя!

«Для леди Хейлин ди Амос от Рикки Карамель».

– Рикки? – вслух удивилась я. – Что она могла мне прислать?

Из ниоткуда вылезла Умбрия, и я вздрогнула.

– Хоть свисти, когда появляешься. Смотри, как думаешь, что там?

Тень пожала плечами и нагнула вокруг коробок пару кругов, всем своим видом демонстрируя: ну открывай уже скорее, открывай!

Что я и сделала после недолгих колебаний. Раз посылки для меня, имею право. Вот все-таки кто мой настоящий друг: Рикки. Наверняка прислала мне кучу приятных...

– Книг?! – ахнула я.

Во всех коробках обнаружили книги, причем совершенно одинаковые. Я насчитала ровно тридцать один экземпляр, ряды ядовито-розовых корешков смотрелись неуместно и странно.

– Ничего не понимаю.

Умбрия не выдержала и достала из коробки одну. С обложки на нас смотрела... я.

Мой портрет, если уж быть занудой. Художник рисовал меня с другого портрета, который папа заказал на восемнадцатилетие. Но зачем-то на книге Рикки мне пририсовали меховое манто.

– Кулинарная книга стервы?! – ахнула я в следующий момент. – Правдивая история о том, как городская красotka покоряла неприветливый север?! О, Светлейшая... или Темнейший... блин, только бы Уилл не узнал!

Я листала книгу, и чем дольше это делала, тем сильнее накрывало паникой.

– Умбрия, она все мои письма оформила в книгу! Все, до единого! Здесь есть, как меня наказали, как я приехала сюда, как мы воевали с Уиллом, травили глаза! Только про бога нет, потому что дальше мне

уже некогда было писать, но... но Рикки сделала из моей истории книгу!

Вдобавок к посылке шла открытка.

«Дорогая Хейлин!

Прежде всего выражаю сожаление, что давно не получала от тебя новых писем. Надеюсь, у тебя все хорошо, скоро снимут наказание, и мы сможем увидеться. Ну а если нет, то мой сюрприз наверняка придется тебе по вкусу. Я написала книгу, Хейлин! О тебе и твоих приключениях. Поверь, эта история достойна того, чтобы ее увековечили!

Конечно, тебя ждут проценты с продаж, и будь уверена, они впечатляют! Ты сможешь начать собственную, не зависящую от отца жизнь. Я уверена, у тебя будет миллион предложений об интервью и куча приглашений на светские тусовки, потому что «Кулинарная книга стервы» расходуется очень хорошо! Кстати, с твоего позволения, я включила в книгу парочку рецептов от спонсоров. Твои роялти, разумеется, ждут тебя в целости и сохранности.

Я прислала тебе тридцать экземпляров, чтобы каждый герой моего романа получил возможность поставить томик на полочку. Твоему отцу выслала на домашний адрес. С нетерпением жду твоего отзыва, но нескромно замечу, что получилось просто отпадно!

Целую, твоя Рикки».

– Катастрофа! Если папа это увидит... он в любом случае это увидит, или здесь, или когда приедет домой... но в этот момент я хочу быть как можно дальше!

Но я подозревала, что не только папа от такого народного творчества придет в ярость. Некоторым горнякам, может, и придется по вкусу быть героями Карамелькиного опуса, но Кейн совершенно точно покрошит меня в салат, а Эрл живьем сожрет и гарниром не заморочится.

– Еще и стервой назвала... стерва! – в сердцах буркнула я.

Потом пришлось взять себя в руки, с минуты на минуту должны были проснуться остальные. Нельзя было дать им увидеть это.

– В подвал! – решила я.

В доме было два подвала. Один, под кухней, использовался как хранилище, туда Эрл спускался регулярно. А вот вход во второй вел из холла, и там Кейн хранил в основном всякие полезные мелочи, кристаллы, моющие средства, а еще несколько бутылок с алкоголем на случай больших праздников. В подвал редко заходил народ, а уж порядок там наводили чуть чаще, чем никогда. Если замаскировать книги, никто и не найдет... до поры до времени.

Но когда эта пора наступит, я уже буду далеко, в безопасности и недосягаемости.

Кряхтя и ругаясь, мы с Умбрей с трудом стащили три коробки вниз по лестнице.

– Да что тут можно было написать на четыреста страниц?! – возмущалась я. – Рикки! Убью!

В подвале вдруг стало понятно, что книги спрятать некуда: все шкафы оказались закрыты, а помимо них были только голые стены. В отличие от разгильдяя Эрла, Кейн не терпел беспорядка.

– Хейлин! – раздалось откуда-то издалека. – Хейлин, Котлетка, мы опаздываем! Я хотел открыть портал пораньше, чтобы успеть на завтрак в годморстенской смотровой башне, там просто нереальные виды!

Хейли!

– Блин, это Уилл. И сейчас он перебудит весь дом.

Я в отчаянии посмотрела на розовые стопки книг, но в итоге махнула рукой.

– Пусть лежат. Сегодня сюда вряд ли кто-то сунется, а потом мы будем далеко. Идем, пока нас не спалили.

Мы успели буквально в последнюю минуту. Я только-только села в кресло в ближайшей гостиной, как в нее вошел заспанный Уилл.

– Ты чего раньше всех? – спросил он.

– Да так, не спалось.

Обмануть темного бога, пусть и не проснувшегося – дело весьма сложное. По моему виноватому виду Уилл совершенно точно определил, что я что-то натворила. Оглядел комнату, смерил суровым взглядом Умбрю. Но тень давно научилась делать честные-пречестные глаза и, надеюсь, скоро научит тому же меня.

– Все в порядке? – наконец с сомнением спросил Уилл, не найдя видимых подтверждений катастрофы.

– Ага, – поспешила его заверить. – Хочешь улететь перед завтраком? Мои сумки собраны, переоденусь и буду готова.

Бежать! Спешить переодеваться и вперед, к новым местам и новым приключениям. Годморстенский храм Уилла должен был оказаться местом удивительной красоты. А еще там есть кристаллы, которые помогут мне оставаться рядом с Уиллом, пока мы сами не решим расстаться (если вообще решим), а детям – на случай, если моя болезнь передастся и им.

– Хейлин, – настиг меня его голос у самых дверей, – я чувствую подвох, но не вижу. Точно все в порядке?

– В полном! – улыбнулась я.

И даже не соврала: подумаешь, какая-то книга. Мне-то что?

Спустя час мы были готовы. Немного странно было стоять в коротком легком платьице и плетенках посреди гостиной, когда за окном бушевала метель, а все провожающие кутались в теплые свитера. На островах сейчас жарко, а на одном вообще проснулся вулкан и затопил все раскаленной лавой. Морская экскурсия к лавовому острову стоила баснословных денег, но папа пообещал мне ее подарить.

Вообще, стоит все-таки забрать у Рикки свои отчисления. И заодно отчихвостить пронырливую писательницу, чтобы впредь неповадно было использовать личную переписку для выгоды! Я и не вспомнила, что в один момент, в самом начале, сама думала о том, что Рикки может написать книгу.

Папа мрачно смотрел то на меня, то на Уилла, ему не нравилась идея путешествовать по миру в поисках древних храмов, да еще и в компании темного бога. Наверное, знает он, что в итоге будет с любимой дочуркой, никогда в жизни не отправил бы меня в наказание. Хоть он и делал вид, что рад и вообще негоже вмешиваться в судьбу повзрослевшей дочери...

Хотя кто знает, если мою судьбу вела сама Светлейшая, то какой у папы был выбор?

– Заезжайте хоть, – буркнул он. – По праздникам.

«Конечно, папа. Только после того, как ты вернешься, увидишь книгу, пообещаешь меня убить и отойдешь немного. Через годик заглянем», – подумала я.

А вслух сказала:

– Ладно, нам пора. Я голодная, и вообще, как-то мне... м-м-м... нехорошо.

– Хейлин, ты здорова? – спросил отец с подозрением.

– Да, да, поехали уже, быстрее!

– Котлетка, что с тобой? Ты же еще вчера грустила, что уезжаешь, – шепотом спросил Уилл.

– Потом расскажу, надо сматываться!

– Опять что-то натворила? – усмехнулся он.

Но, к счастью, подхватил сумку с Тигрой, рюкзак с Умбрей и пожал на прощание руку всем присутствующим. Папа хмуро взирал на нас, не то не одобряя всю эту затею с путешествием, не то скрывая скупые отеческие слезы.

– Все будет нормально. – Я погладила его по руке. – Уилл хороший, он мне помогает. И любит.

– Он не человек, Хейли...

– Вот именно! Я еду путешествовать с богом!

– С темным, – напомнил папа.

– Так и я не святая.

– Это да. Будь осторожна, и, если что, я всегда тебя жду, а господин Бол снова сделает для нас лекарство.

– Хорошо. – Я улыбнулась.

Папа все-таки смахнул набежавшие слезы и, чтобы скрыть неловкий момент, к моему ужасу произнес:

– А не выпить ли нам напоследок? Я видел в подвале отличный образец годморстенского бренди, и...

– Ой, папа, мы опаздываем! Я м-м-м... хочу успеть на показ мод одного известного дизайнера.

Но папа, когда чего-то хотел, пер вперед как дракон и не обращал внимания на то, что там пищат над ухом жалкие комарики.

– Папа, я серьезно, мы уезжаем! – И уже Уиллу: – Открывай портал, быстро!

Паника в моем голосе заставила его поторопиться. Прямо в холле возникла сияющая расщелина, такая яркая, что хотелось зажмуриться.

– Всем пока! – Я послала ребятам воздушный поцелуй.

Взявшись за руки, мы шагнули в портал и, уже когда он практически закрылся, услышали:

– ХЕЙЛИН ДИ АМОС!

Хорошо, что через секунду мы были уже за тысячи километров от папы. Правда. Очень-очень хорошо. А еще просто замечательно то, что второй раз меня не накажут.

Повзрослевших дочерей ведь не наказывают, да?

Несколько лет спустя

Какой-то умник написал о том, что Градд неумолимо превращается в тропики, и, словно по заказу, весь день ливень сменяло солнце. Десять минут стены дождя, полчаса ласкового летнего солнышка. И так с самого утра. Если сначала народ еще хоть как-то надеялся на то, что распогодится, то к обеду оставил всякие чаяния и засел по домам.

Владелица шоколадной лавки, ведьма Дейзи Фолкрит, уныло мешала зелье в огромном, выдавшем виды котелке. И зачем она его столько наварила?

Нет, назавтра зелье станет только вкуснее, но эти три часа, раз уж никому из жителей не нужен сегодня шоколад, можно было потратить на что-нибудь более полезное. Перешить на шляпе брошку – старая надоела, закончить аппликацию в садик для дочери или просто подумать о новом меню. Народ давно просил что-то прохладительное, и, если такая погода будет стоять и дальше, им определенно понадобится расширенное летнее меню.

Холодный шоколад? Нет, мороженое уже придумали. Холодный кофе? Как-то они с мужем летали в отпуск и там пробовали этот хваленый освещающий кофейный напиток. Большой гадости Дейзи в жизни не пила.

Шляпа, сгучавшая рядом с котелком, допрыгалась и свалилась на пол. Вздохнув, Дейзи полезла под стол, и в этот же момент звякнул колокольчик. Отлично, просто отлично! Как только она залезает на стремянку, чтобы протереть верхние полки, прыгает под стол, чтобы достать вредную шляпу или вся измазалась в шоколаде, приходят посетители. А потом по городу идет слава о сумасбродной темной ведьме.

Хотя Дейзи уже давно перестала пакостить направо и налево. Теперь пакостит исключительно прямо.

– Если в этом городе и есть гастрономическое извращение, то только здесь, Котлетка, – услышала ведьма мужской голос.

– Пахнет вкусно, – вслед за ним женский.

Пришлось вылезать из-под стола, оставив несчастную шляпу в темном углу. Жарко ей было, бедной.

– Доброго дня! – Дейзи выскочила и широко улыбнулась.

Мужчина подскочил и выругался, а симпатичная девушка с огромным беременным животом лишь рассеянно кивнула, рассматривая витрину. О, Дейзи отлично понимала это состояние «чего бы такого съесть, но не этого».

– Давайте я помогу с выбором, у нас есть...

Она осеклась, встретившись взглядом с женщиной.

– Э-э-э! – Тот поднял руки. – Кексы не надо! Я просто зашел поесть!

– А стражу?!

– А стражу, – передразнил ее Уилл. – Я смоюсь раньше, чем они сюда прибегут. А так мы поедем и пойдем дальше, у нас еще по плану какой-то там музей. – Затем он добавил еще более миролюбиво: – Да я серьезно, Хейли хочет есть, но есть что-то необычное. И только у тебя тут всякое... странное.

– И почему я должна верить человеку... то есть даже не человеку, – Дейзи скрестила руки на груди, – который меня обманывал, который меня запер вместе с умбринами в доме, который пытался убить наследника престола...

– Что ты пытался сделать?! – Та, которую он назвал Хейли, отвлеклась от витрины.

Уиллторн с раздражением пробурчал:

– Блин, ведьма, если из-за тебя меня жена бросит, я буду бомжевать у твоих дверей и распугивать посетителей!

Они упрямо смотрели друг на друга, никто не хотел сдаваться первым. Но чутье Дейзи еще не подводило, а в этот раз оно спало. Хотя какое чутье? В прошлый раз оно совершенно спокойно отнеслось к Уиллторну и позволило трижды себя обмануть.

Но в этот раз с ним была беременная девушка... уловка? Или действительно за прошедшие годы многое изменилось?

– Ой, хочу молочный коктейль! – вдруг выдала Хейлин. – Или корзинку с беконом...

Все же любовь к работе была в Дейзи сильнее всего. Она мгновенно поняла, что порадует Хейли, и едва на месте не подскочила от гордости за собственную идею.

– Я знаю, что вам нужно! Садитесь за столик, сейчас принесу.

В меню было всего несколько молочных коктейлей, их подавали в обычных стеклянных бокалах. Но Дейзи давно хотела попробовать что-то новенькое и даже испекла для этих нужд новые песочные формы.

Густой прохладный молочный коктейль идеально заполнил до краев стакан из песочного хрустящего теста. Сверху отлично лег ореховый крамбл, затем Дейзи щедро выложила розочку из густых сливок. Обмазала краешки стакана соленой карамелью и выложила замысловатый узор из жевательных фруктовых конфет.

Это определенно нужно ввести в меню, дети за такой коктейль будут готовы сделать все что угодно! Родителям совершенно точно придется раскошелиться.

– Ух ты-ы-ы, – протянула Хейли, когда Дейзи принесла ей произведение сладкого искусства.

Украдкой ведьма рассматривала избранницу Уиллторна. Красивая, молодая, не старше ее самой, темноволосая, с полными яркими губами и очень пушистыми ресницами. Ей шла беременность, она словно сияла изнутри. Невольно Дейзи подумалось, что наверняка девушка влюблена, но есть ли там ответные чувства? Или темный бог использует ее для реализации нового плана?

– Ай! – вдруг возмутился Уилл. – Меня шляпа укусила!

Пока все были заняты заказом, возмущенная шляпа тихонько подползла к незваному гостю и цапнула его за лодыжку.

– Молодец, маленькая моя защитница. – Дейзи ласково потрепала шляпу по полям.

– Не признала, зараза.

– Сам ты зараза, – огрызнулась ведьма. – Я до сих пор тебе не верю.

– Вы знакомы? – Хейли оторвалась от коктейля.

– Да, – нехотя признался Уиллторн. – Я тебе как-то говорил, что пару лет назад навел шороха в столице.

– Он пытался убить наследника престола! Едва родившегося! – Дейзи вновь окунулась в воспоминания и разозлилась.

– Ну боролся за власть, подумаешь. Котлетка, ты знаешь, я ни-ни. Меня интересуешь только ты и... э-э-э... возрождение древнего культа темного бога. Хочу, чтобы мне поклонялись не только психи.

– Хорошо.

Дейзи сложила руки на груди. Сдаваться она не собиралась. Всегда ведь можно вызвать стражу, в случае чего. Если Уиллторн действительно не занимался развитием своей мощи, то как-то они с ним справятся.

– Допустим, ты изменился, во что лично я не верю. Тогда принеси извинения королевской семье.

– А иначе что? Испачкаешь меня сырным кремом? – Уилл взял с подоконника рекламу сырной лавки, с которой Дейзи недавно заключила договор о поставках, и помахал перед ее носом.

– Натравлю на тебя всю стражу Градда. А еще ходят слухи, что принц Бернон изрядно прибавил в могуществе и сейчас вернулся в столицу.

– Ай! Ведьма, твоя шляпа снова меня укусила!

– По-моему, она тебя скорее поцеловала.

– Котлетка, ты поняла? Это не от любовницы засос, это все шляпа!

– Самая тупая отмазка, которую я в своей жизни слышала, – мрачно прокомментировала Хейлин.

Потом вдруг схватила за живот, вздрогнула и отставила стаканчик с коктейлем.

– Ой! Ой-ой-ой!

– Мне не нравится это «ой», – прокомментировал Уилл. – Котлетка, что с тобой?

Котлетка? Он и вправду называл жену Котлеткой? Дейзи разрывало от желания узнать историю этого прозвища, но не будешь же спрашивать, когда девушке плохо.

– Позвать врача?

Срок, судя по животу, был уже большой. Не хватало еще, если она родит прямо в лавке! Хотя с другой стороны, рождение детей темного бога – неплохая реклама для семейного бизнеса.

– Больно, – поморщилась девушка. – Схватки, кажется.

– Надо в лекарский дом, – заключил Уилл.

Дейзи внимательно всматривалась в лицо бывшего врага. Нет, не лжет. Невозможно так играть на публику, невозможно убедительно имитировать беспокойство. Он любил эту Хейли и ее ребенка, а сейчас боялся за них так же, как Дрэв боялся за нее, когда она рожала Элизу.

– Ладно, сейчас пошлю им сообщение, и отправимся.

– Открою портал рядом с ним, – кивнул Уилл.

Дейзи отошла к кристаллу, чтобы направить сообщение, и Уиллторн, улучив момент, подошел к ней.

– Ведьма, у тебя есть котелки удачи?

– Ну да, вон, целый котелище стоит, можно все лотереи выиграть. А тебе зачем?

– Дам Хейлин на всякий случай. Никто еще не рожал ребенка от бога. Я не знаю, как она справится и что будут делать лекари.

Дейзи тяжело вздохнула.

– Ты не можешь жить, не создавая проблем влюбленным в тебя девушкам, да?

Он даже виновато вздохнул, честное слово!

Сияющая расщелина в пространстве появилась прямо посреди лавки. Дейзи едва успела запереть засов изнутри, как обнаружила себя шагающей в этот свет, недоумевая: и зачем она тащится за ними? Дрэвис, когда придет, знатно обалдеет от того, что дверь закрыта изнутри...

– Вот сырнй бли-и-ин, – протянула она, едва оказавшись во дворе лекарского дома.

– Что такое? – слабым голосом спросила Хейлин.

– Дверь в лавку изнутри заперла. А ключи в лавке и оставила.

Что-то не меняется, и в данном случае не менялась способность Дейзи влипать в неприятности.

А Хейлин оказалась богатой девицей: для нее в лучшем столичном родильно-лекарском доме уже давно была приготовлена отдельная палата. Дейзи тоже здесь рожала, только не в пентхаусе с личным зимним садом. Они с Дрэвом решили, что тратить такие деньги на бессмысленную роскошь не стоит. А вот леди ди Амос – так ее назвал дежурный лекарь – такие мелочи не интересовали.

А еще Уиллторна не пустили в палату, и пришлось Дейзи отправляться следом за Хейли, чтобы помочь ей расшнуровать ботинки и переодеться в легкую сорочку.

– Больно?

– Пока нет. Но страшно, – призналась она.

– О, это нормально. У меня есть дочка. Когда я рожала, я кричала, что передумала и хочу домой. Насилу убедили дожждаться все-таки.

Хейлин слабо улыбнулась.

– Не сдавай Уилла никому. Он хороший.

– Не буду, – вздохнула Дейзи. – Не зверь же я, лишать детей отца. Правда, интуиция говорит, я еще пожалею.

– Их там двое, – поделилась Хейли. – Близнецы. Я до сих пор не могу придумать созвучные имена, представляешь?

– Ой, это тоже не ко мне. Дочь называл муж, если родим еще, пусть тоже он мучается.

Хейлин снова поморщилась и прижала руки к животу.

– Добро пожаловать в удивительный мир материнства. Только когда твой ребенок со вкусом облизывает дверную ручку твоего магазина, начинаешь понимать, как тебе повезло.

– Хейлин... – В апартаменты (у Дейзи язык бы не повернулся назвать это место палатой) вошла лекарка удивительной красоты и грации.

На самом деле момент, когда рядом с тобой кто-то рождает, не самый подходящий для того, чтобы восхищаться красотой какой-то женщины, но Дейзи в прямом смысле не могла отвести от нее глаз. Золотистые кудри, рассыпавшиеся по плечам, даже поблескивали от солнечных лучей.

– Все будет хорошо, – улыбнулась она. – Дейзи, ступай, спасибо тебе за поддержку. Дальше я сама. Хейлин нужна особая помощь.

– А откуда вы...

«Знаете мое имя», – хотелось спросить Дейзи. Но вместо этого она почему-то кивнула, улыбнулась на прощание Хейли и вышла, мягко притворив за собой дверь.

Дейзи Фолкрит видела много интересного, странного и волшебного с тех пор, как стала ведьмой. Но сейчас ей не хотелось думать ни о чем, кроме того, как же все-таки попасть обратно в лавку, не прося помощи у мужа, который потребует объяснений. А что она скажет в ответ?

А еще ей совершенно точно показалось, что на бейдже лекарки было написано «Азара». И это уже совсем-совсем не ведьмино дело.